Лоис Макмастер

Буджолд

Криоожог

перевод Жоржетты

Криоожог

Лоис МакМастер Буджолд

Аннотация
Лоис МакМастер Буджолд. Криоожог
ГЛАВА ПЕРВАЯ
ГЛАВА ВТОРАЯ
ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ГЛАВА ПЯТАЯ
ГЛАВА ШЕСТАЯ
ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ИТОГИ. Авторское послесловие. (Пять людей и пять драбблов — зарисовок по сто слов каждая)

Аннотация

Кибо-Дайни — планета, одержимая идеей обмануть смерть. Барраярский имперский Аудитор Майлз Форкосиган с этим не спорит: он пытался обмануть смерть всю свою жизнь, руководствуясь правилом, что повернуть доску на 180 градусов — это тоже честная игра. Но когда Криокорпорация Кибо-Дайни (бессмертная организация, призванная вести своих чересчур смертных замороженных держателей акций в неизвестное будущее) пытается открыть свой филиал в Барраярской империи, император Грегор отправляет своего лучшего специалиста по кризисным ситуациям положить этому конец. На Кибо-Дайни тем временем все жарче разгорается тянущаяся поколениями борьба за деньги и ресурсы (несмотря на то, что замороженные граждане разрушили само значение слова «поколение»). Здесь Майлзу предстоит обнаружить маленького мальчика, который обожает животных и опасные тайны, Спящую Красавицу, запертую в ледяном гробу и мечтающую переписать свою

сказку, и загадочную старуху — живое предупреждение «Не связывайся с секретаршами!» Взятки, коррупция, заговоры, похищения — подгнило что-то на Кибо-Дайни, и не только из-за неполадок с поставками энергии в Криомавзолеи. И Майлз, как всегда, в самом сердце неприятностей…

Лоис МакМастер Буджолд
Криоожог

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вокруг дождем сыпались ангелы.

Майлз поморгал в надежде, что мелькающие перед глазами золотистые росчерки не более чем отблески на сетчатке. Но они упрямо оставались крошечными, отчетливыми фигурками с разинутыми в крике ртами и перекошенными от ужаса лицами. Он слышал их вопли, делавшиеся то громче, то тише, точно свист и треск отдаленного фейерверка, эхом гуляющий меж горных склонов.

«Ужас какой. Еще и слуховые галлюцинации впридачу».

Вообще-то для одурманенного Майлза зрительные иллюзии гораздо опаснее. Если он видит то, чего нет, то, вполне вероятно, может не заметить того, что существует на самом деле: лестничный колодец или какой-нибудь провал в полу коридора. Или балконные перила, но их то он обнаружит, просто натолкнувшись грудью, так? Хотя в этой чернильной темноте он все равно ничего не видит — даже собственных рук, неуверенно выставленных перед собою. Пульс сильно частил,

отдаваясь в ушах глухим прибоем; Майлз хватал воздух пересохшим ртом. Надо притормозить. Он с раздражением уставился на кувыркающихся ангелов. Раз уж они сверкают так ярко, могли бы хоть путь ему озарить, как маленькие божественные фонарики на грави-тяге, так нет же. Никакой помощи от них не дождешься.

Он споткнулся, шарахнулся об стену, та отозвалась гулким звуком — неужели эта часть *сдвинулась* у него под ладонью? Майлз обхватил себя руками, мелко дрожа. «Ага, я просто замерз, вот что». Должно быть, сила внушения — на самом деле он весь вспотел.

Неуверенно вытянув руку, он двинулся по коридору уже медленнее: на ощупь, вдоль стены, водя кончиками пальцев по тонким контурам и изгибам криоячеек, нащупывая ручки запорных механизмов. Ряд за рядом криокамеры уходили куда-то в недосягаемую высь. В каждой — замороженное тело: оцепеневшее, безмолвное, ожидающее в безумной надежде. Где-то по сотне тел на каждые тридцать шагов. Тысячи за каждым поворотом. Сотни тысяч в этом затерянном лабиринте. *Нет — миллионы.*

К сожалению, это галлюцинацией не было.

По слухам, Криокатакомбы — так называлось

это место — простирались под городом на многие километры. Аккуратные кварталы новых мавзолеев на западной окраине города, Криополис, совсем не походили на криохранилища постарше, рассыпанные по всему городу и под ним. Этим было по сто пятьдесят-двести лет. Некоторые действовали до сих пор, другие стояли пустые и заброшенные. А, может, заброшенные вместе со всем своим содержимым? Майлз напряг слух, стараясь сквозь стук крови в ушах и ангельские завывания различить обнадеживающий гул холодильных механизмов. Вот был бы кошмар, если криокамеры, которых он касается, таили внутри не замороженные надежды, а теплую гниющую смерть.

«Бежать — полная глупость».

Ангелы повалили гуще. Майлз, оберегая остатки своего разума, отказался от попытки их пересчитать. Даже статистически достоверным методом: возьми выборку и умножь. Подобные грубые подсчеты он делал в первый день прилета на Кибо-Дайни. Неужели всего пять дней назад? *А кажется, так давно.* Если криотрупы сложены здесь в среднем с плотностью сотня тел на десять метров, это означает десять тысяч на каждый километр коридоров. Сотня километров

— миллион замороженных мертвецов. А вокруг этого города накручено полторы — две сотни километров таких коридоров.

«И я в них окончательно потерялся».

Сбитые руки саднило, брюки были разодраны на коленях и промокли. От крови? Значит, за спиной у него остались какие-то технические шахты, лазы и трубопроводы, так? Точно, и похоже, не один километр. А еще обычные служебные туннели, со светящимися трубками под потолком и не расчерченные рядами столетних мертвецов. Измученные ноги Майлза заплетались, и он замер — да нет, *остановился* — чтобы удержать равновесие. Ох, как бы ему пригодилась трость, которая пропала в потасовке, случившейся бог знает сколько часов назад. С ее помощью Майлз, как некогда слепцы на Старой Земле или Барраяре времен Изоляции, мог бы простукивать дорогу перед собой, нащупывая столь зримо представляющиеся ему сейчас провалы в полу.

Ему не слишком досталось от несостоявшихся похитителей: чтобы держать пленников под контролем, незадачливые налетчики полагались не на побои, а на пневмошприц с транквилизатором. Увы, как раз на эту на эту группу препаратов у Майлза была дичайшая аллергия — а если су-

дить по симптомам, то, возможно, конкретно на данное снадобье. Они рассчитывали получить бесчувственное тело, а вместо этого столкнулись с бешено отбивающимся и вопящим коротышкой. Следовательно, похитителям не известно о нем все и досконально. Утешительное соображение.

Да знают ли они о нем хоть что-нибудь? «Ну, ублюдки, теперь вы на первом месте в личном черном списке Лорда Имперского Аудитора Майлза Форкосигана». Только под каким именем? «Я пробыл на этой захолустной планете всего пять дней, и меня уже пытаются убить те, кто про меня знать не знает». Увы, даже на рекорд не тянет. Хотелось бы знать, кто они. Хотелось бы вернуться в Барраярскую Империю, где грозный титул Имперского Аудитора для окружающих — не пустой звук. «И еще хотелось бы, чтобы эти паршивые ангелы перестали вопить».

— «Я сплю / Спокойным сном под ангельское пенье», — для пробы пробормотал он на манер заклинания.

Однако ангелы не пожелали собираться в клубок наподобие блуждающего огонька, чтобы проводить его к выходу. А он-то смутно надеялся, что подсознательно отслеживал направление, пока был не в себе, и теперь на него снизойдет

озарение, пусть и в такой драматической форме. Двигаемся дальше. Шаг за шагом, разве не так взрослые люди решают свои проблемы? В его-то годы пора и повзрослеть.

Интересно, а что, если он ходит кругами?

В полной тьме он нащупал узкий боковой проход — похоже, ведущий к управлению машинерией этого хранилища. Майлз его проигнорировал. Как и следующий такой же. В своих блужданиях он не раз сворачивал в эти коридорчики, и, возможно, поэтому окончательно заблудился. Вводим новое правило: идти прямо, а попадая в тупик — поворачивать направо, если получится.

Тут Майлз стукнулся пальцами обо что-то, не похожее на стенку криоячейки, и замер на месте. Он ощупал все вокруг, стараясь не разворачиваться; на собственном опыте он уже успел выяснить, что, повернувшись на месте, абсолютно теряет и без того не слишком уверенное чувство направления. Да, это дверь! Дай бог, не очередная подсобка. Только бы она не была заперта, для разнообразия.

Да, не заперта! Майлз втянул воздух сквозь зубы и толкнул дверь. Заскрипели ржавые петли. Казалось, чертова створка весит целую тонну, но все-таки она поддалась! Майлз сунул ногу в двер-

ной проем и нашарил пол. Ни дыры, ни обрыва вниз — если чувства его снова не обманывают. Подпереть дверь в открытом положении ему было нечем; оставалось надеяться, что он сможет ее отыскать, если путь окончится очередным тупиком. Он осторожно опустился на четвереньки и пополз вперед, ощупывая путь перед собою.

Нет, это не подсобка. Здесь лестница, пожарная лестница! Похоже, прямо перед дверью лестничная площадка. Прохладные шероховатые ступени под его израненными руками справа вели вверх, слева — вниз. Куда идти? Разумеется, путь наверх закончится скорей. Майлзу казалось, что спускаться здесь можно бесконечно — должно быть, самообман, но уж очень убедительный. Хотя вряд ли лабиринт доходит до самого слоя магмы — жара разморозит мертвецов.

Несмотря на то, что у лестницы были перила, и даже довольно прочные, наверх Майлз продолжал ползти на четвереньках, охлопывая каждую ступеньку и проверяя, целая ли она, прежде чем перенести на нее свой вес. Поворот, еще немного мучительного карабканья. Снова поворот — и лестничная площадка с дверью. Майлз толкнул дверь — та тоже оказалась не заперта — но внутрь не пошел. Пока лестница не кончится, никакая

сила не заставит его вернуться к бесконечным штабелям мертвецов. Он пытался считать пролеты, но после нескольких поворотов сбился со счета. В какой-то момент он понял, что тихонько скулит в такт ангельским завываниям, и заставил себя заткнуться. О боже, что там над головой? Слабый проблеск серого свечения. Неужели настоящий свет или снова очередной мираж?

Майлз понял, что свет настоящий, лишь когда смог различить свои бледные ладони, окруженные призрачно-белыми манжетами рубашки. Значит, он не растворился в этой тьме. Ха!

На очередной лестничной площадке обнаружилась дверь с настоящим окошком в ней: пыльным квадратом стекла шириной в пару растопыренных ладоней. Майлз, вытянув шею и моргая, всматривался в серый дневной свет, ослепительный как пламя, высекающий слезы из глаз. «О боги большие и малые, лишь бы она не оказалась заперта…»

Он толкнул дверь и облегченно выдохнул, когда она поддалась. И скрипела она совсем не так громко, как та, внизу. «Осторожней. Вдруг она ведет на крышу?» На четвереньках Майлз наконец-то выполз на свежий воздух.

Это не оказалась крыша, а широкий переулок

на уровне городской улицы. Цепляясь за грубую оштукатуренную стену, Майлз с трудом поднялся на ноги и, щурясь, вгляделся в асфальтово-серые тучи, дождевую морось и сгущающиеся сумерки. Какой ослепительный пейзаж.

Строение, из которого он только что выбрался, было двухэтажным. Напротив него стояло здание побольше. Первый его этаж был глухой стеной, без окон и дверей, только выше в рассеянном свете серебрились неосвещенные окна. Среди них не было ни одного разбитого, но смотрелись они пустыми и заброшенными, точно глаза покинутой женщины. Похоже на промзону — ни магазинов, ни жилых домов. А также ни освещения, ни охраны. Склады или заброшенные заводы? Ледяной ветер волочил по щербатой мостовой и трепал какой-то листок — этот яркий хлам был реальнее, чем все вопящие ангелы на свете. Или только в его голове. Впрочем, неважно, где.

Майлз подсчитал, что, скорее всего, до сих пор находится в столице префектуры, Норбридже, он же Китахаси: каждое место на этой планете носило сразу два взаимозаменяемых названия, явно с целью запутать туристов. Чтобы попасть в другой крупный город, ему нужно было бы пройти под землей сотню километров по прямой. И

хотя мысль насчет сотни километров может быть недалека от истины, если судить по его бедным ногам, то «по прямой» явно исключается. Он даже мог запросто находиться совсем недалеко от того места, откуда попал в подземные лабиринты — какая ирония! Хотя маловероятно.

Ощупывая одной рукой шершавую стену: отчасти чтобы удержаться на ногах, а отчасти потому, что уже успел обзавестись зловещей и суеверной привычкой, Майлз повернул — направо! — и поковылял по переулку, к первому пересечению кори… тьфу, к перекрестку. Мостовая была ледяной. Обувь похитители у него отобрали сразу, носки были разодраны в клочья, как, вероятно, и сами ступни, но ноги настолько онемели, что боли он не чувствовал.

Пальцы скользнули по блеклому, наполовину стертому граффити — красная надпись гласила «Сожжем мертвецов!». На Кибо-Дайни этот лозунг попадался Майлзу не раз: сперва в подземном переходе по дороге из космопорта он видел, как ее смывает бригада уборщиков, а потом встречал в служебных туннелях, где туристам делать нечего. На Барраяре для мертвых сжигали поминальные приношения, но Майлз подозревал, что здесь имеется в виду нечто другое. Таинственная фраза

была одной из первых в его списке для расследования. Пока все не пошло наперекосяк… вчера? Или сегодня утром?

Повернув на очередную неосвещенную улицу — или подъездную дорогу — перегороженную вдали обветшалым забором из сетки, Майлз остановился в нерешительности. Из сумрака и ангельского мельтешения соткались две идущие рядом фигуры. Майлз заморгал, пытаясь их разглядеть, и тут же об этом пожалел.

Справа шла таукитянская бусинная ящерица, ростом не ниже — или не выше, как сказать — самого Майлза. Выглядела она как и полагалось: шкура в разноцветной ряби пурпурного, желтого и черного, кремово-белая полоса воротником охватывает горло и спускается по животу. Однако вместо того, чтобы двигаться положенными ей жабьими прыжками, рептилия шла на двух ногах — и это был слишком прозрачный намек. Размеры для зверюги были типичными: обычная бусинная ящерица с Тау Кита, сидя, доставала Майлзу до пояса. Правда, она несла в лапах сумки, а вот это уже абсолютно не типично для ящериц.

Ее высокий спутник… о, да. Шестифутовый масляный жук мог быть продуктом только его кошмаров, никому другому такое бы в голо-

ву не пришло. Гигантский таракан с бледным пульсирующим брюшком, сложенными бурыми надкрыльями и головой, покачивающейся в такт шагам, шел как ни в чем не бывало на двух тонких, как палочки, ножках, а в передних нес в когтях пару холщовых мешков. Средняя пара ног то пропадала, то появлялись, словно мозг Майлза не мог решить, как именно должна выглядеть эта отвратительная тварь.

Парочка приблизилась к нему и замедлила шаг. Майлз покрепче ухватился за ближайшую спасительную стену и осторожно окликнул их:

— Привет?

Масляный жук повернул свою хитиновую голову и смерил Майлза ответным взглядом.

— Не подходи, Джин, — посоветовал таракан своему низенькому спутнику. — Это нарик какой-то, шатается тут. Только глянь, какие у него глаза. — Жвала и щупальца шевелились в такт словам, но голос был обычный — мужской, стариковский, ворчливый.

Майлз хотел было объяснить, что он и вправду одурманен наркотиками, но не наркоман, однако на то чтобы озвучить разницу, сил не хватало. Вместо этого он постарался дружелюбно улыбнуться. Обе галлюцинации попятились.

— Эй! — возмутился Майлз. — Не может быть, чтобы я казался вам таким же страшилищем, как вы мне. Имейте в виду. — А вдруг он попал в сказку про говорящих животных, какие во множестве читал в детской Саше и малышке Хелли? Хотя звери в этих сказках обычно пушистые. Ну почему его отравленные химией нейроны не породили на свет парочку здоровенных котят?

Он прибег к своему самому отточенному дипломатическому тону:

— Прошу прощения, но я, кажется, потерялся.

«А заодно потерял бумажник, наручный комм, половину одежды, телохранителя и рассудок». И вдобавок — он провел рукой по шее — Аудиторское кольцо-печатку на цепи. Предоставляемые печаткой возможности доступа в комм-сеть здесь не работали, зато оруженосец Роик мог бы по крайней мере отследить ее сигнал. Конечно, если Роик еще жив. Когда Майлз последний раз видел его, тот был на ногах, но их разделила охваченная паникой толпа.

Осколок камня впился Майлзу в ступню. Он переступил с ноги на ногу. Если он способен отличать камни от стекла и пластика мостовой, то почему путает людей с гигантскими насекомыми?

— В прошлый раз, когда мне было так же плохо от лекарств, мне мерещились огромные кузнечики, — объяснил он жуку. — А гигантский масляный жук — это даже обнадеживает. Такое никому на этой планете не пришло бы в голову, разве что Роику, так что теперь я точно знаю, откуда вы взялись. Судя по здешнему декору, местным привиделся бы кто-нибудь с шакальей головой. Или ястребиной. И в белом докторском халате. — Майлз сообразил, что говорит вслух, лишь когда парочка попятилась еще на шаг. Интересно с чего бы это? Неужели в его глазах сияет небесный свет? Или они горят демоническим красным?

— Просто уходи, Джин, — посоветовал масляный жук ящерице, подхватив ее под руку. — Не разговаривай с ним. Отходи медленно.

— А почему бы нам не помочь ему? — Этот голос был намного моложе, Майлз только не мог понять, кому он принадлежит мальчику или девочке.

— Да-да, помогите мне! — обрадовался Майлз. — У меня перед глазами сплошные ангелы, я даже не вижу, куда ступаю. И я потерял ботинки. У меня их забрали нехорошие парни.

— Пойдем, Джин! — приказал жук. — Сумки

с находками надо отдать секретарям, пока не стемнело, а то они рассердятся.

Майлз попытался прикинуть, понял бы что-нибудь из последней фразы человек с нормальными мозгами. Вероятно, нет.

— А куда тебе нужно? — детским голосом поинтересовалась ящерица. Приятель тянул ее прочь, но она упиралась.

— Я… — «Я не знаю», понял Майлз. Обратно — не лучший выбор: пока у него из крови не вымыло наркотик, он ничего не узнает о своих врагах, и, вернувшись на криоконференцию — если та вообще продолжается после всех беспорядков — может снова попасть к ним в руки. Домой — определенно один из вариантов, и до вчерашнего дня первый в списке, но с тех пор все завертелось… таким интересным образом. К тому же, если бы враги просто хотели его убить, возможностей у них была масса. А это дает определенную надежду… — Я пока не знаю, — признался он.

Старый жук произнес с отвращением:

— Как мы можем тебя отвести, если ты сам не знаешь, куда тебе надо? Пошли, Джин!

Майлз облизал пересохшие губы, точнее, попытался это сделать. «Нет, не бросайте меня!» Слабеющим голосом он добавил:

— Я очень хочу пить. Пожалуйста, скажите хотя бы, где мне здесь найти питьевую воду?

Как долго он пробыл под землей? Водяным часам мочевого пузыря верить нельзя: кто знает, может он уже отлил где-нибудь в углу во время своих беспорядочных блужданий. Но если судить по жажде, он бродил там от десяти до двадцати часов. Лучше бы двадцать: тогда наркотик уже совсем скоро должен выветрится.

Ящерица-Джин медленно проговорила:

— Я могу тебе принести немножко.

— Нельзя, Джин!

Ящерица оттолкнула тараканью лапку:

— Не учи меня, что мне делать, Йани! Ты мне не папа с мамой! — На последних словах ее голос дрогнул.

— Пойдем же. Смотритель вот-вот закроет, ждет только нас.

Неохотно оглядываясь через раскрашенное во все цвета радуги плечо, ящерица позволила себя утащить прочь по темнеющей улице.

Майлз осел на землю, привалился спиной к стене и испустил безнадежный измученный вздох. Он открыл рот и высунул язык, ловя капли влаги от сгущающегося тумана, но жажды это не утоляло. Ледяной холод мостовой и ка-

менной стены жалил сквозь тонкую одежду: рубашку и серые брюки. Карманы пусты, ремень, и тот забрали. Ночью станет еще холодней. Это подъездная дорога, фонарей здесь нет. Но все же городское небо, подсвеченное ровным нежно-оранжевым сиянием, лучше бесконечной темноты под землей. Интересно, как сильно должно похолодать, чтобы холод загнал его обратно, за ту дверь? «Очень и очень сильно». Хотя он ненавидел холод.

Майлз долго сидел, дрожа и вслушиваясь в отдаленные городские шумы и слабые крики у себя в голове. Кажется, ангельское нашествие потихоньку отступает, и перед глазами мелькают уже бесформенные полосы. Будем надеяться. «Не стоило мне садиться». Напряженные мышцы ног свело судорогой, и Майлз не знал, в силах ли будет подняться снова.

Он был уверен, что в таком некомфортном положении ему не задремать, но внезапно и резко проснулся, когда его робко потрясли за плечо. Непонятно, сколько прошло времени. Рядом с ним на коленях стоял Джин, чуть меньше походящий на рептилию, чем прежде.

— Если хотите, мистер, — прошептал Джин, — можем пойти в мое тайное убежище. У меня там

есть вода в бутылках. А Йани вас не увидит, он спать пошел.

— Это, — прохрипел Майлз, — звучит здорово. — С неимоверным трудом он поднялся на ноги, пошатнулся и упал бы, не поддержи его крепкая юная рука.

Окруженный завывающим хороводом огней, Майлз двинулся вслед за дружелюбной ящерицей.

* * *

Джин оглянулся через плечо, проверяя, не делся ли куда забавный человечек, ростом не выше его самого. Даже в сумерках было видно, что этот нарик — взрослый, а не ребенок, на что в первую минуту понадеялся Джин. Голос у него был взрослый, и говорил он точными и сложными словами, хотя устало, неразборчиво и со странным рокочущим выговором. Двигался он так же неуклюже и медленно, как старый Йани. Но мимолетная улыбка прогнала с его лица напряжение, и он выглядел до странности располагающим к себе. Наверное, он часто улыбается, не то, что ворчун Йани.

Джин недоумевал: кто же избил этого человечка и за что? Штаны у него порваны на коленях

и перепачканы кровью, белая рубашка — в бурых пятнах. ЧуднАя рубашка: хоть ее сейчас изваляли непонятно в чем, но до этого она была белоснежной, тонкой, отглаженной. Джин даже не представлял, что такие бывают. Но это не важно. Просто, считай, у него завелся еще один новый питомец.

Когда они добрались до металлической лестницы на стене теплообменника, Джин подумал про пятна крови, про то, как едва ковыляет его новый знакомец, и решился спросить:

— Вы лезть сможете?

Человечек посмотрел наверх.

— Не то, чтобы это было моим любимейшим занятием… И как высоко вздымается этот замок?

— Ну… до самого верха.

— Это значит, гм, два этажа? Или двадцать? — добавил он себе под нос.

— Только три, — обнадежил его Джин. — Мое убежище на крыше.

— Что касается убежища, звучит прекрасно. — Человечек облизал потрескавшиеся губы сухим языком. Ему и правда нужно попить, подумал Джин. — Наверное, будет лучше, если ты полезешь первым. На тот случай, если я сорвусь.

— Нет, последний поднимает лестницу.

— А-а. Хорошо. — Маленькая квадратная ладонь ухватилась за перекладину. — Вверх. Вверх — это верное направление, не так ли? — Он помедлил, глубоко вздохнул и принялся карабкаться.

Джин лазил легко, как ящерица. Забравшись на три метра, он притормозил, повернул «барашек», чтобы поднять лестницу от незваных гостей, и подвинул защелку. Еще через три метра перекладины сменились широкими стальными скобами, привернутыми к стене. Их человечек преодолел, зато застыл у края крыши.

— Где я сейчас? — напряженно спросил он у Джина. — Я нащупал там обрыв, но не знаю, насколько он глубок.

Разве сейчас так темно, что совсем не видно?

— Не можете подтянуться — просто перевалитесь через край и падайте. Бортик вокруг крыши всего в полметра высотой.

— А-а. — Ступни в драных носках мелькнули над краем стены и исчезли. Джин услышал глухой удар и пыхтение. Он перелез через парапет и увидел, что человечек сидит на плоской шероховатой крыше, царапая ее скрюченными пальцами, словно ищет, за что бы ухватиться.

— Ой, вы что, высоты боитесь? — удивился Джин, чувствуя себя идиотом, что не спросил об

этом раньше.

— Обычно нет. Сейчас голова кружится. Извини.

Джин помог ему подняться. Гость не выпускал его руки, и Джин повел его вокруг парных, похожих на здоровенные колонны башен теплообменника. Заслышав знакомые шаги, Галли, Твиг и миссис Спек со своими шестью оставшимися цыплятами выскочили приветствовать Джина, радостно кудахча.

— О боже. А теперь я вижу кур, — сдавленным голосом произнес человечек и замер. — Что ж, у ангелов и кур определенно есть что-то общее — крылья.

— А ну хватит, Твиг, — прикрикнул Джин на бурую несушку, вознамерившуюся поклевать штанину гостя. Джин отодвинул ее ногой. — Корма я вам пока не принес. Позже.

— Ты тоже видишь этих кур? — осторожно уточнил мужчина.

— Ага, это же мои. Белая — Галли, бурая — Твиг, а черная с белым пеструшка — миссис Спек. А это ее детки, хотя, наверное, они уже не дети больше. — Подросшие линяющие цыплята выглядели не слишком симпатично, так что Джину даже захотелось за них извиниться, пока гость тара-

щился на выскочившую из тени стайку. — Галли я ее зову потому, что курица по ученому Gallus gallus, ну, вы знаете. — Это резвое, жизнерадостное название, звучащее вроде галопа, всегда вызывало у Джина улыбку.

— Э… логично, — выдавил тот и позволил Джину тащить себя дальше.

Когда они завернули за угол, Джин машинально проверил, крепко ли держится навес из кусков брезента и старых тряпок, который он натянул на столбах между башнями теплообменника. Вся его живность пряталась под этим навесом. Это было уютное место, размером больше, чем его спальня, в той прошлой жизни, пока… Джин заставил себя не думать об этом. Отпустив руку незнакомца, он быстренько вскарабкался на стул и зажег ручной фонарик, подвешенный к растяжке на обрезке скрученной проволоки. Круг яркого света от него был не хуже, чем от люстры. Гость быстро прикрыл ладонью красные, воспаленные глаза, и Джин убавил свет.

Едва Джин слез, Лаки поднялась со спального мешка, лежащего на матрасе из обрезков писчего пластика, потянулась и с мявом попрыгала к нему. Поднявшись на задние лапы, единственную переднюю она просящим жестом положила

Джину на колено и принялась выпускать и убирать коготки. Джин нагнулся почесать ее за пушистыми серыми ушами:

— Нет, Лаки, ужина пока нету.

— А у этой кошки три ноги, так? — переспросил мужчина. Похоже, он нервничал. Оставалось надеяться, что аллергии на кошек у него нет.

— Ага. Ей прищемили лапку дверью, еще когда она была котенком. Это не я ее так назвал. Она мамина кошка. — Джин стиснул зубы. Не надо было этого говорить. — А вообще она обычная Felis domesticus.

Сокол Вихрь на своем насесте издал резкий крик, черные с белым крысы завозились в клетках. Джин поздоровался со всеми. Поняв, что кормежки прямо сейчас ждать не стоит, недовольная живность разбрелась по местам.

— А крысы вам нравятся? — с надеждой поинтересовался Джин. — Я дам вам подержать Джинни, если хотите. Она совсем ручная.

— Может, позже, — негромко отозвался гость. Но, заметив обиженный взгляд Джина, окинул сощуренными глазами полку с клетками и пояснил: — Крысы мне нравятся. Я просто боюсь ее уронить. Меня еще немного трясет. Я сегодня потерялся в Криокатакомбах и долго бродил

там. — Он подумал и прибавил: — Один мой знакомый космонавт держал хомяков.

Обнадеженный Джин просветлел. — Ой, ваша вода!

— Да, будь добр, — попросил мужчина. — Это ведь стул, да? — Он ухватился за спинку стула, который Джин только что использовал вместо стремянки, и оперся на него. Еще у Джина был исцарапанный круглый столик, выброшенный из какого-то кафе и ставший желанной добычей во время рейда по помойкам. Сперва он слегка шатался, но смотритель Тенбери показал Джину, как с помощью нескольких шурупов и шайб его починить.

— Ага, садитесь. Извините, он у меня один, обычно кроме меня тут никого не бывает. Берите, вы гость. — Гость рухнул на старый пластиковый стул. Джин порылся на заваленных всяким хламом полках, нашел литровую бутыль с водой, откупорил и протянул. — А вот чашки у меня нет, извините. Я пью из горлышка. Вы не против пить после меня?

— Нет, конечно. — Мужчина поднял бутылку и принялся жадно пить. Когда там оставалась едва четверть, он вдруг резко остановился: — Погоди, это что, вся твоя вода?

— Нет, нет! На всех старых башнях теплообменника снаружи есть кран. Один сломан, а второй мне смотритель подключил, когда я перевез сюда моих зверей. И еще он помог мне натянуть навес. Секретари больше не разрешали мне держать животных в здании, от них запах и шум, не все довольны. Да все равно: и им здесь лучше, и мне нравится. Допивайте, если хотите. Я могу пойти еще набрать.

Человечек допил, и поймав Джина на слове, протянул ему бутылку:

— А можно еще, пожалуйста?

Джин сбегал к крану и налил бутылку, заодно вымыв и наполнив куриную поилку. Выхлебав очередные пол-литра в один глоток, гость расслабился, полуприкрыв глаза.

Интересно, сколько ему лет? Физиономия бледная, кожа неровная, в уголках глаз лучатся тонкие морщины, на подбородок легла тенью суточная щетина. Но, может, он просто вымотался, пока блуждал там внизу, в подземельях: это кого хочешь выбьет из колеи. Темные волосы аккуратно подстрижены, при свете в них видны ниточки седины. Тело скорее небольшое, чем неправильное, как у карликов, сложение крепкое, хотя голова на короткой шее для такого тела великовата.

Джин решил, что утолять свое любопытство надо потихоньку — иначе будет невежливо.

— А как вас зовут, мистер?

Гость открыл глаза — серые и, наверное, ясные, только сейчас налитые кровью. Будь этот тип покрупнее, его оборванный вид заставил бы Джина встревожиться.

— Майлз. Майлз Фор… нет, остальное на этой планете никто правильно выговорить не может. Можешь звать меня просто Майлзом. А тебя как зовут, юное… создание?

— Джин Сато.

— Ты живешь на крыше?

Джин пожал плечами:

— Почти все время. Сюда никто не лезет и не мешает мне. А лифты внутри не работают. Мне почти двенадцать, — добавил он и, решив, что вежливость соблюдена, полюбопытствовал: — А вам сколько?

— Тридцать восемь. Недавно исполнилось.

— А-а. — Джин переваривал новость. Жаль, что он такой старый: значит, скорее всего ограниченный зануда, хотя, конечно, помоложе Йани. Правда, неизвестно, сколько лет Йани. — У вас забавный выговор. Вы здешний?

— Ни в коем случае. Я с Барраяра.

Джин наморщил лоб. — Это что? Город такой? — Если и город, то не в столичной префектуре: тех было двенадцать, и Джин мог назвать их все. — Никогда о нем не слышал.

— Это не город, а планета. Точнее, империя из трех планет.

— Инопланетник! — Джин в полном восторге уставился на него. — Я никогда раньше не видел инопланетников! — Сегодняшний улов оказался неожиданно богатым. Хотя если он турист, то, наверное, уйдет, как только сможет дозвониться в отель или своим друзьям. Эта мысль сильно расстроила Джина. — Вас что, избили грабители? — Джин слышал, что грабители охотятся на наркоманов, пьяных и туристов. Должно быть, это самая легкая добыча.

— Нечто вроде этого. — Майлз прищурился, глядя на Джина. — Ты в последние дни не слышал новостей?

Джин покачал головой. — Здесь комм-пульт только один — у секретаря Сюзи.

— Здесь — это где?

— Ну, в этом месте. Раньше тут был криоцентр, но его закрыли, еще когда я не родился. Здесь собираются те, кому некуда идти. Я думаю, это вроде как наше тайное убежище, одно на всех.

Ну, те, кто живет рядом, про нас знают, но Сюзи-сан говорит, что если мы будем осторожны и не никого не побеспокоим, нас не тронут.

— А что за человек был с тобою тогда? Йани. Он твой родственник?

Джин энергично потряс головой.

— Он просто однажды пришел сюда, как и все мы. Он отмороженный. — Джин постарался выговорить это слово правильно.

— Ты хочешь сказать, криоразмороженный?

— Ага. Хотя он сам от этого не восторге. Контракт с корпорацией у него был только на сто лет; наверное, давным-давно он за него уйму денег отдал. Только забыл сказать, чтобы его не размораживали, пока не найдут лекарства от старости. А его взяли и подняли по контракту. Наверняка корпорация жалеет, что потеряла его голос. Я думаю, будущее вышло совсем не таким, как он ждал, а он растерялся и оказался слишком старым, чтобы заработать еще денег и заморозиться снова. И теперь он об этом вечно ноет.

— Я… понимаю. Кажется. — Коротышка снова зажмурился, открыл глаза и потер бровь, будто у него там сильно болело. — Боже, и когда у меня в голове прояснится?

— Вы можете лечь в мой спальный мешок,

если хотите, — робко предложил Джин. — Если вам плохо.

— Да, юный Джин, мне плохо. Верно подмечено. — Майлз поднял бутылку и допил до конца. — Чем больше я пью, тем лучше — чертова отрава быстрее вымоется у меня из крови. А как ты здесь поступаешь, когда тебе надо в отхожее место? — Джин непонимающе посмотрел на него. — Туалет, ватерклозет, сортир? Есть такое в этом здании?

— А! Извините, это далеко. Обычно когда я тут долго, то потихоньку, ну… в водосточный желоб в углу, а потом смываю ведром воды. Только женщинам об этом ни-ни. Они будут недовольны. Хотя вот куры по всей крыше гадят, и ничего. Зато внизу трава растет такая зеленая!

— Ага, — улыбнулся Майлз. — Поздравляю, мой чешуйчатый землевладелец: ты только что изобрел уборную. Для замка — в самый раз.

Джин понятия не имел, что это за уборная и кого туда убирают, но нарики вечно лопочут бессмыслицу, так что он решил не задумываться.

— Вы ложитесь, а я пока пойду добуду какой-нибудь еды, — предложил он.

— Если я лягу, возможно, мой желудок успокоится настолько, чтобы хоть что-нибудь принять.

Давай.

Джин улыбнулся и вскочил на ноги:

— Еще воды хотите?

— Будь добр.

Когда Джин сходил к крану и вернулся, человечек уже устраивался в спальном мешке, привалившись к стене теплообменника. Лаки ему всячески помогала. Он протянул руку, рассеянно почесал ее за ушками, потом умело пробежался пальцами вдоль хребта, так что кошка довольно выгнула спинку под его рукой. Она даже мурлыкнула — весьма редкий у нее знак одобрения. Майлз фыркнул и улегся навзничь, поставив бутылку с водой поближе. — Бог мой. Как хорошо. — Лаки запрыгнула ему на грудь и потерлась о колючий подбородок; Майлз радушно на нее глядел.

Вдруг Джину пришла в голову жуткая мысль.

— Если у вас от высоты голова кружится, то как же насчет водостока? — Жуткая картинка: его гость идет пописать в темноте и летит с бортика вниз головой. Его инопланетный гость. — Знаете, куры ведь не очень хорошо летают, а цыплята не летают совсем. Я вот так потерял двоих деток миссис Спек: они свалились с крыши. Уже достаточно выросли, чтобы забраться на бортик, но

слишком маленькие, чтобы безвредно спланировать вниз, если свалятся. Так что пока они растут, я привязываю их за лапку длинной бечевкой, чтобы они далеко не ушли. Может и вас так же… привязать веревкой за ногу, ну или что-то вроде?

Майлз изумленно на него уставился, склонив голову, и на мгновение Джин ужасно испугался, что до смерти обидел коротышку. Наконец в ответ прозвучал хриплый голос:

— Знаешь… при нынешних обстоятельствах идея очень даже неплохая, малыш.

Джин с облегчением расплылся в улыбке и поспешно откопал в своих запасах веревку. Один конец он крепко привязал к металлическим поручням у люка в теплообменник, удостоверился, что длины хватает до углового желоба, потом вернулся закрепить второй конец на лодыжке гостя. Тот уже почти спал; одной рукой он подгреб кошку, другой прихватил бутылку с водой. Джин намотал ему на ногу два витка и завязал надежный узел. Потом снова забрался на стул и притушил свет до мягкого свечения ночника. О маме он изо всех сил старался не вспоминать.

«… Засыпай. А то придет серенький волчок и укусит за бочок».

«Если волчок придет, я его поймаю и посажу в клетку. А какой он?»

«Понятия не имею. Это просто такой глупый стишок на ночь глядя. Иди спать, Джин!»

Когда-то эти слова уютно согревали, но теперь он чувствовал только холод. «Терпеть не могу холод».

Довольный тем как он все безопасно устроил, — теперь таинственный инопланетник никуда от него не денется! — Джин перелез через бортик и начал спускаться по скобам. Если он поспешит, то успеет к черному ходу кафе Аяко до закрытия, пока хорошие объедки еще не выкинули на помойку.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда оруженосец Роик очнулся во второй — или это был третий? — раз, густая каша дурмана у него в голове истончилась до пульсирующей болью полупрозрачной мути. Он попытался нащупать наручный комм и не удивился, обнаружив, что тот исчез. Простонав, Роик перекатился на бок на своем заплесневелом, брошенном прямо на пол матрасе, открыл глаза и первый раз при свете дня оглядел свою тюрьму.

Голые стены, мебели никакой. Если судить по планировке, пятнах на стенах, розеткам, ржавой форсунке системы пожаротушения на потолке и дешевому светильнику над единственной дверью, похоже на бывший, заброшенный гостиничный номер. Место, куда бросили матрас, было когда-то нишей гардероба. Напротив проем без двери ведет в небольшой — но действующий — санузел. Цепь на лодыжке Роика с другого конца была приклепана к стене болтом. Ее длины как раз хватало, чтобы пленник мог пользоваться удобствами (смутные ночные воспоминания подсказывали, что это он уже делал), но до входной

двери дотянуться не мог.

Он заглянул в туалет еще раз и жадно напился из специально оставленного пластикового стаканчика в надежде смыть остатки дурмана. За длинным узким окном над грязной ванной виднелся невыразительный пейзаж: склон, густо засаженный высокими елями, темными и узкими, как стрела. Роик постучал по стеклу; судя по глухому звуку, ударопрочное. Без электродрели или плазмотрона не вскроешь.

Проверив длину цепи, он убедился, что ему не пройти даже полпути до двери. Но если встать во весь рост, можно видеть через стеклянную стену номера — ту ее часть, что не скрыта ни занавесками, ни поляризующим фильтром. «Гостей здесь никто не ждет». Его номер выходил на галерею второго этажа. За перилами виднелся убегающий вниз склон холма, а за ним обширное пятно низкого кустарника по краю густого таежного леса. И больше никаких строений.

Гостиница расположена за городом, это очевидно. Было ли видно прошлой ночью над горизонтом зарево городских огней? Но Роику вспоминалась только лампочка в туалете. Сколько до Норбриджа, десять километров или все десять тысяч, не узнать. Потом эта разница может

оказаться решающей.

Скорчившись на матрасе — непростая задача с его внушительным ростом — Роик принялся за болт в стене: ему показалось, что это единственное слабое звено. Но болт не поддавался; Роику с трудом удавалось просто подцепить его своими крупными пальцами. Если бы только тот хоть раз провернулся…

«Как, черт возьми, я умудрился так вляпаться?»

Он представил как Пим, командир оруженосцев, устраивает ему разнос за вчерашние действия, и передернулся. Вышло в сто раз хуже, чем во время той злосчастной перестрелки жучиным маслом. А как все славно начиналось четыре недели назад…

Славно, хотя и внезапно. Хотя для Роика это было не в новинку: галактические поручения от императора Грегора как правило сваливались на лорда Аудитора Форкосигана внезапно. Раз десять слетав с м'лордом по разным мирам, Роик успел набить руку во многом. И спешно паковать багаж: свой собственный и м'лорда — как денщик. И готовить для обоих необходимые в путешествии документы — как личный помощник; кстати, именно так называлась должность Роика

во время межпланетных поездок — объяснять инопланетникам смысл древнего и почетного звания оруженосца было пустой тратой времени. Еще Роик выступал в роли телохранителя и, хотя о последнем м'лорд предпочитал поменьше упоминать, его личного медика, потому что со здоровьем у м'лорда лучше не становилось.

Знающая свое дело прислуга особняка Форкосиганов под надзором не менее умелой леди Катерины Форкосиган, сняла с него первую из этих задач. Болезненной оказалась необходимость отложить собственные сердечные дела: Роик только-только набрался смелости пригласить мисс Пим в Хассадар, познакомиться с родителями. Хорошо еще, что Ори, как дочь оруженосца, все прекрасно понимала. Весь прошлый год ухаживать за дочерью своего командира Роику приходилось окольными путями. Как у земных насекомых, о которых рассказывала леди Катерина: у них самец подбирается к самке как можно осторожней, чтобы нареченная не сожрала его по ошибке. Только Роику, если он в чем-то промахнется, голову оторвет старший оруженосец Пим.

Однако и суток не прошло, как они поднялись на борт катера, который доставил их на ожида-

ющий на орбите скачковый корабль. А дальше были три скучных, хоть и комфортабельных недели пути до Новой Надежды-2, или Кибо-Дайни, как ее называют местные, чтобы отличать от двух других планет в этой системе и одноименной скачковой станции. Для краткости просто Кибо. М'лорд за годы работы в СБ не привык в перелетах терять время даром и задал Роику объемное домашнее задание — познакомиться с целью их полета, а сам с головой нырнул в необъятное море секретных рапортов.

Роик не совсем понимал, что происходит. Действительно, лорд Форкосиган — единственный, кого Роик знал, кто на самом деле погиб и прошел через криооживление. А значит, среди Аудиторов Грегора — личной императорской команды специалистов по чрезвычайным ситуациям — у него одного по этому вопросу есть практический опыт. Он разбирался в галактических проблемах и к тому же, совсем недавно и весьма успешно, завершил длившуюся несколько лет работу в комитете Совета графов, куда входил как отцовский депутат: комитет был призван привести барраярские законы в области репродуктивных технологий к галактическим стандартам. Возможно, крионика — другая сторона этой медали,

часть технологий, связанных с продолжением жизни, так что логическая связь есть. И все же Норбриджская конференция по крионике, проводимая консорциумом криокорпораций Кибо-Дайни, выглядела как самая безобидная гостиничная толчея рассеянных ученых и хорошо откормленных адвокатов.

— Не стоит недооценивать свирепость ученых мужей, когда на кону стоят финансы, — возразил м'лорд Роику, когда тот озвучил свои наблюдения. — И мастерство юристов в тактике засад.

— Да, только у них ни парализаторов, ни игольников! — парировал Роик. — Одни слова. Похоже, мои таланты здесь пропадают зря. Когда они начнут палить взрывными параграфами, я лучше вам за спину спрячусь.

«Рано радовался».

На всех до единого заседаниях, которые посещал м'лорд, Роик садился в задних рядах, чтобы приглядывать за выходами, и изо всех сил старался не заснуть. А вот м'лорд записывал все без исключений. Роик сопровождал м'лорда на званые ужины и щедрые банкеты за счет спонсоров конференции; там он то маячил прямо у м'лорда над плечом, а то стоял, привалившись к дальней стене, как ему было велено. Он узнал про крио-

нику и людей, связанных с ней, намного больше, чем когда-либо хотел знать…

… И практически убедил себя, что эта увеселительная прогулка была спланирована леди Форкосиган и императрицей Лаисой с одной целью: дать Катерине отдохнуть от супруга. М'лорд любую жалобу считал симптомом скуки, а лекарством от последней — какое-нибудь увлекательное новое дело. Леди Форкосиган уже и так вела дом, воспитывала четверых маленьких детей и подростка-сына от предыдущего брака, играла политически значимую роль жены Имперского Аудитора и графского наследника, взяла на себя обязанности по развитию сельского хозяйства и терраформирования в Округе Форкосиганов, да еще отчаянно пыталась в свободные минуты — секунды? — заниматься садовым дизайном. Среди прислуги уже заключали пари, когда же она не выдержит и в ответ на очередное предложение мужа вышвырнет того в окно с четвертого этажа особняка Форкосиганов. Это путешествие Роик считал приемлемой заменой.

Но даже самому верному оруженосцу иногда надо в туалет, вот почему, презрев экономию, Роик постоянно доказывал, что в таких поездках ему нужен напарник, а лучше два. Позавчера,

на очередном приеме — или он провел одурманенным и в плену уже больше суток? — в общем, вернувшись из уборной, Роик обнаружил, что м'лорд куда-то пропал из главного зала. Быстрый пеленг засек его этажом выше, куда, на совсем приватную часть банкета, вела винтовая лестница. По шифрованному каналу с наручного комма м'лорда не поступало никаких условных сигналов типа «ты-мне-нужен», и Роику оставалось только нервничать, дожидаясь его, и практиковаться в выдержке. Когда м'лорд наконец спустился и подошел к нему, с самодовольным видом одергивая манжеты, его вид спокойствия не предвещал — для всякого, кто хорошо его знал, разумеется. Безумный блеск азарта в глазах, мимолетная усмешка и общая эйфория; а м'лорда приводили в восторг воистину *жуткие* вещи.

— Что? — шепнул встревоженный Роик.

— После, — оборвал его м'лорд. — У стен есть уши.

Роику пришлось скрипеть зубами до самой полуночи, пока они наконец не оказались в своем номере, одном на двоих, и м'лорд в первый раз за эту поездку не достал из багажа «глушилку» от подслушивающих устройств и шифратор. Он уселся за единственный в комнате стол и при-

нялся печатать.

— Ну так что? — не выдержал Роик. — С чего у вас вдруг такой довольный вид?

— После стольких дней затишья наше дело сдвинулось с мертвой точки. Меня только что пытались подкупить.

Роик оцепенел. Попытка подкупить Имперского Аудитора на Барраяре каралась смертной казнью. «Но мы же не на Барраяре… к сожалению». — Э… и это хорошо?

— Говорят же, что нет дыма без огня, — жизнерадостно пояснил м'лорд, одновременно печатая нечто, предназначенное исключительно для императорских глаз. — Или хотя бы зеркал, если речь идет о ловкости рук. Надо заметить, попытка была тонкой и элегантной. Я почти счастлив, что имею дело не с идиотами. О да, Лаиса, ты была права. Как твой умненький комаррский носик это уловил?

— Что-что? — беспокойно переспросил Роик.

— Правильно, ты же не служил ни галактическим наемником, ни тайным агентом под прикрытием. И у тех, и у других на счет взяток есть своя отработанная стратегия. В моем бывшем флоте правило было такое: бери все, доложи командиру и делай ровно то, что намеревался

делать раньше. Тайные агенты работают примерно так же: берешь взятку и следишь, куда ведут ниточки. Ты ведь знаешь, что у любой ниточки есть два конца. Пройди по ней до конца, подсекай и посмотри, кто клюнет… Ха! — хвастливо он закончил свою тираду.

— Так что за взятка? — продолжал допытываться Роик. — Или мне не следует это знать?

«Пожалуйста, только не заставляйте меня работать вслепую!»

— Некий весьма интересный фондовый опцион от компании Сирагику-ся — «Крионической корпорации „Белая Хризантема“», если полностью. «Белая Хризантема» — та самая компания, которая хочет основать свою франшизу на Комарре. Мне предлагалось войти в долю на весьма выигрышных условиях. Фактически они предлагали мне беспроцентную ссуду, которую я верну, когда стоимость моих активов удвоится. Что для них может быть выгоднее, чем похвалиться местным акционером с такими безумно высокопоставленными связями? Хотя, что достаточно любопытно, акций с правом голоса мне не предложили. Они зарезервированы для их замороженных клиентов.

На свете есть много мозголомных вывертов

демократии — например, вторичный рынок голосующих комаррских планетарных акций, — но обычаи голосования мертвецов на Кибо-Дайни казались Роику просто ужасными. От одной этой мысли у него голова начинала болеть. Конечно, голосовали они по доверенности, оформленной на криокорпорации, которые вели своих замороженных подопечных в неизвестное и странно отдаляющееся будущее. Уж если ты доверил корпорации свою смерть и шанс на новую жизнь, голос — это такая малость.

— Безусловно, — уверенно заметил м'лорд, едва услышав об этом, — в свое время это казалось отличной идеей. — А именно два-три столетия назад, когда эти странные похоронные обычаи — назвать их иначе у Роика язык не поворачивался — начали завоевывать популярность на Новой Надежде-2.

Наконец, м'лорд хмыкнул и отправил свое сообщение долгим, окольным и шифрованным путем.

Роик знал это хмыканье. От него мурашки бегали по спине.

Все, спать, завтра — последний день конференции… вот только пошел этот день так, как никто, даже хитроумный м'лорд, не ожидал.

А теперь, о боже, получается, я сам попался и потерял этого мелкого маньяка...

Впрочем... Роик запоздало задумался: вдруг во время той свалки в вестибюле м'лорд, как и он сам, попал в плен?

А, значит, он тоже может оказаться здесь. Роик бросил возиться с болтом и извернулся, чтобы отстучать SOS по стене комнаты. Еще раз. Ничего. Потом по другой стене, хотя едва до нее дотянулся. Тишина. Может, соседние номера пусты? Или его товарищи по несчастью еще не настолько пришли в себя, чтобы его услышать или ответить. А, может, по соседству как раз сидят похитители, и он только что сам сообщил им, что пришел в сознание. Черт. Попробовать, что ли, еще раз попозже?

Роик снова принялся дергать болт. У него уже все пальцы в мозолях, а болт как сидел в стене, так и сидит. Мысли у Роика были самые мрачные. Стоило всего на секунду отвести взгляд от м'лорда, как тут же включились его давние рефлексы полицейского, и он оттеснил с полдюжины потенциальных заложников в лифт. Да, там были безоружные гражданские и спасать их было некому, но разве это — его работа? Разумеется, нелюбезное внимание нападавших сразу пере-

местилось на него, по крайней мере до тех пор, как его не срезали лучом парализатора. «Может, м'лорд сбежал и спасет меня. Ситуация, конечно, неловкая, но я ее как-нибудь переживу».

Внезапно щелкнул дверной замок. Роик вздрогнул и поспешно сложил руки на коленях. Дверь открылась, и вошел тощий костлявый юнец. Волосы темные и сальные, под заплывшим глазом багрово-фиолетовый синяк. С подозрением покосившись на сидящего на матрасе Роика, он прохромал вперед — не доходя до того места, куда пленник мог дотянуться на своей цепи — поставил на пол поднос с разогретым готовым обедом и подтолкнул к нему чем-то вроде палки от швабры. Лоток был запечатан. Значит, его не собираются морить голодом или травить? «Не делай преждевременных умозаключений», почти наяву услышал Роик голос м'лорда. Он осознал, что жутко голоден, но не сделал ни одного движения в сторону еды.

— Я тебя видел, — вдруг понял Роик. — В вестибюле отеля.

Все сходится. В тот момент события разворачивались так стремительно, что Роик не понял, был ли захват заложников делом рук профи или действовали явные любители. Теперь, подумав

задним числом, он решил, что всего понемногу. Меткий стрелок, снявший его выстрелом из парализатора, свое дело знал, а вот те, кому поручили работать с пленными, не отвечали, по мнению Роика, ни стандартам регулярной армии, ни наемников, ни даже отряда юных скаутов. Зато они взяли *числом*, следовательно, изначально они не нацеливались на барраярцев — что весьма уязвит эго м'лорда. Правда, насколько все это запутывает или, наоборот, приближает разгадку, Роик так пока и не определил.

Тощий потрогал подбитый глаз и отступил еще на шаг. Похоже, он тоже узнал Роика.

— Кто вы вообще такие? — поинтересовался Роик. — И какого черта вы меня — нас — похитили?

Тощий вскинул голову, его единственный здоровый глаз вспыхнул.

— Мы — Наследники-Освободители Новой Надежды! Именно наше поколение, — он стукнул себя кулаком в грудь, — противостоит окопавшимся во власти корпорациям. Они все настолько разжирели и прогнили, что не остается ничего иного, как спалить до основания всю эту порочную систему и отстроить все заново. Мы поднялись, чтобы отрубить мертвую руку

прошлого, размалывающую нас в прах!

Ошарашенный Роик с беспокойством наблюдал за ним. Тощий с пылом развернул свою тираду дальше. Его Н.О.Н.Н., похоже, была политической группировкой, которая, не в силах добиться желаемого пропагандой — впрочем, имея перед глазами живой пример, Роик прекрасно понимал, почему — решила прибегнуть к демонстрации силы. В речи Тощего кусочки резонной критики здешнего положения дел (ее Роик на конференции наслушался предостаточно) перемежались потоком жалоб. Общий смысл сводился к тому, что Тощий и его сотоварищи-неудачники разорились, упустили все свои шансы и вбили себе в голову, что жить им не дают исключительно мертвецы, владеющие здесь всем и вся. Дельцы и мертвецы смешались в голове Тощего в одну кашу. Роик не стал говорить об очевидном: всеми деньгами на Кибо-Дайни управляют живые, пусть и от имени мертвых, и даже если менять одних управляющих на других, вряд ли кто-нибудь призовет для этой цели Н.О.Н.Н.

— Сожжем мертвецов! — закончил Тощий, словно произнес «Аминь!» в конце бездумно заученной молитвы.

Сжечь, закопать, заморозить — особой разницы

Роик не видел, разве что в утилизации вторичной органики.

— Но мы-то тут при чем? — грустно поинтересовался он. — Голосов у нас здесь нет. Мы вообще улетаем на следующей неделе. Вы что, на выкуп за нас рассчитываете?

Тощий гордо отмахнулся от такого варианта.

— Нет! Но мы решили, что галактика должна узнать о творящихся на Кибо страданиях, несправедливости и коррупции! Никто не сможет остаться в неведении: ни вы, инопланетники, ни самодовольные госслужащие, старые жирные козлы, мечтающие только о местечке в холодильнике, ни наше собственное угнетенное поколение, разбросанное по всей планете. Никто, как бы они ни закрывали глаза и уши!

— А-а, — протянул Роик. — Публичная акция, так, что ли? — Сам он предпочел бы вариант с выкупом. М'лорд бы все моментально устроил, как только ему позволили бы связаться со здешним барраярским консулом, а позже, будьте уверены, исхитрился бы еще эти деньги вернуть. Роик никогда не слышал о политических экстремистах, которые бы не испытывали нужды с наличностью. — Вы вполне можете получить выкуп, — осторожно предложил он. — Или скажем,

вознаграждение, если…

Тощий отнесся к его идее с презрением, но может, ей просто надо дать время укорениться? Впрочем, у Роика были более неотложные заботы.

— А мой работодатель, лорд Форкосиган? Его ни с кем не спутаешь: макушкой тебе едва до груди будет, с тростью, болтает без умолку — он здесь?

Тощий смотрел на него непонимающим взглядом. Притворяется или нет? Непонятно. Роик продолжил настойчивее:

— Если он здесь, нас надо поместить в одну комнату. Я его личный медик, ему без меня не обойтись. У него бывают жуткие припадки. На Барраяре он один из самых значимых фор-лордов. Если он вернется *целым и невредимым*, вам заплатят, и много. Но вам воображения не хватит представить, как скверно все обернется, если он *умрет*.

Неясно, стоит ли давить сильней. На Кибо-Дайни м'лорд не случайно держался незаметно, и Роик не желал неосторожными словами задрать сумму выкупа.

Своим припадкам лорд Форкосиган был обязан криооживлению. Надо сказать зрелище довольно непривлекательное: глаза закатывались, он

оседал на пол и бился в судорогах, а потом приходил в себя совершенно разбитым. Жизни эти припадки не угрожали, особенно после того, как леди Форкосиган взяла с мужа слово никогда не садиться за руль любого транспортного средства, будь то наземная машина, аэрокар, флайер, катер или что-либо иное, в этом списке не упомянутое. Велосипеды и лошади остались в качестве компромиссного варианта, и м'лорд пообещал надевать защитный шлем, хоть и терпеть его не мог.

Но все эти детали Тощему знать не обязательно. Роик приукрашивал медицинские факты, как только ему позволяла изобретательность, в глазах у Тощего росло сомнение, и, наконец, он сдался:

— Ладно! Я спрошу. — И тут же добавил — что профессионал себе никогда не позволил бы: — Но я не видел никого похожего на этого парня.

Затем он удалился, оставив Роика размышлять. Так-так. «Мелкая сошка, не главный». Типов вроде него Роик навидался еще в начале службы, когда патрулировал улицы в Хассадаре, столице форкосигановского Округа. Им нельзя доверить ничего сложнее швабры с ведром, зато очень легко убедить, что во всех их бедах виноват кто-то

другой. Роик это знал: они всегда изливали ему душу, пространно и порой совершенно бессвязно, пока он волок их в тихое местечко проспаться от алкоголя, наркотиков или ссоры. Нельзя сказать, что эти типы не могли быть по-настоящему опасны, особенно если попадали в ситуацию выше их разумения, но управляться с ними — не бог весть какой сложности проблема.

Вот проблемы Роика были сложны, как пятимерная математика. Что намерены эти Наследники-Освободители делать с заложниками — убивать одного за другим, пока их требования не удовлетворят? Наши чокнутые барраярские экстремисты именно так и сделали бы, подумал Роик едва ли не с гордостью. Здесь пока все обходилось до странности бескровно: парализаторы и снотворное вместо игольников и нервнопаралитического газа. Ну может, может же так быть — смеет ли он надеяться? — что они охотились не за м'лордом.

Но если м'лорд погибнет, находясь под охраной Роика, ему останется только записать свидетельские показания на защищенный комм и перерезать себе горло на месте. Смерть предпочтительнее личного доклада некоторым персонам. Он представил себе лица графа и гра-

фини Форкосиган, или леди Катерины, когда они услышат такие вести. Или командира Пима и Ори. Он представил пятилетних Сашу и малышку Хелен — ему придется опуститься на колени, чтобы взглянуть им в глаза. «А где папа, Роик?»

Правда, у него нет подходящего клинка. Хотя говорят, что узник может покончить с собой, проглотив язык и задохнувшись. Роик даже попробовал выгнуть язык как надо — нет, вряд ли выйдет. Есть еще стена. Достаточно прочная, чтобы удержать этот чертов болт. Сможет ли он разбежаться так, чтобы сломать себе шею, а она у него крепкая?

Пока об этом размышлять рановато, но будем иметь в виду. Кстати, м'лорд всегда был не прочь хорошенько подкрепиться, прежде чем решать вопросы жизни и смерти. Да и миледи, если подумать, тоже. Роик вздохнул, подтянул к себе обед и принялся за еду.

* * *

Майлз проснулся, моргая от дневного света: перед глазами предстала брезентовая крыша и любопытная кошачья морда на расстоянии кошачьего же дыхания. Отрадно обнаружить, что тяжесть на груди — это не новый тревожный

медицинский симптом, а всего лишь кошка. Он снял с себя трехлапую зверушку и осторожно сел. Так, проводим ревизию. Головная боль после наркотиков: есть. Усталость: есть. Вопящие ангелы: нет; проверил дважды, убедился и поставил парочку восклицательных знаков. Зрение не искажается всякой небывальщиной, а окружающая обстановка пусть и странная, но явно не плод его ночных кошмаров.

Он откинул одеяло и оглядел убежище под навесом. Навеянное галлюцинациями сходство с замком исчезло; остался утилитарный плоский прямоугольник крыши с парой башен теплообменника, поддерживающих брезентовую хижину. Или хлев. Или, скорее, зоопарк. Там был насест, на котором восседала хищная птица — изящная, надменная, явный фор среди прочей живности, плюс несколько покореженных металлических полок с клетками, приютившими целую стаю черно-белых крыс, и парой стеклянных террариумов. Хотя большая часть их обитателей прятались под искусно высаженной растительностью, Майлз успел заметить черепаху. У другой стены стояли три ящика с обрезками писчего пластика, где гнездилась куриная семейка: в одном из них еще дремала бурая курица

Твиг. Майлз проследил взглядом веревку, привязанную к его лодыжке. «Что ж, выходит, меня подобрали и принесли в живой уголок?» Не самая плохая участь.

А вот и хозяин всего этого зоопарка. Джин, сидевший за круглым столиком, обернулся и расплылся в улыбке:

— Ой, как хорошо, вы проснулись!

Теперь, когда химия не раздирала мозг Майлза на части, подменяя странными видениями облик собеседника, Джин оказался тощим, едва вошедшим в подростковый возраст мальчишкой с копной прямых черных волос, которым не помешала бы стрижка, и яркими карими глазами. Его черты демонстрировали смешение рас, характерное для всей кибо-дайнийской популяции в целом. Рубашка с закатанными рукавами, похоже, велика, подол свисает на мешковатые шорты, на ногах свободно болтаются разношенные кроссовки без носков.

— Завтракать будете? — спросил Джин. — У меня есть свежие яйца — целых три штуки!

Вот ведь гордый юный фермер; Майлз понял, что в ближайшем будущем ему от этих яиц не отвертеться. — Попозже. Сперва я хотел бы умыться.

— Умыться? — переспросил Джин, словно эта мысль была для него радикально новой.

— Мыло у тебя есть? Про депилятор я даже не спрашиваю.

На последнее Джин только покачал головой, но быстро залез наверх и принялся рыться на заставленных всяким барахлом полках. Оттуда он извлек кусок пересохшего мыла, пластиковый тазик и посеревшее полотенце.

Чтобы отвязать от ноги страховочный трос, Майлзу пришлось попросить Джина помочь. Он поблагодарил и вместе с мылом и умывальными принадлежностями побрел вокруг башни теплообменника к единственному действующему крану. Там Майлз содрал с себя одежду, точнее, ее останки, встал на колени и постарался помыться целиком — голову и тело, а не только умыть лицо. Щедрую порцию мыла он извел на свои пострадавшие, воспаленные ноги. Колени были все в синяках и корках засохшей крови, но признаков заражения он не обнаружил. Вот и хорошо. Джин, с любопытством отправился к крану вслед за ним. Наморщив лоб, мальчик разглядывал бледную сеть шрамов, покрывающих его торс. Потом Майлз снова влез в свои потрепанные и с душком тряпки, пятерней расчесал волосы и поплелся

обратно, чтобы благодарно плюхнуться на единственный стул, гостеприимно предложенный ему юным хозяином.

Металлическую банку с водой Джин поставил кипятиться на самый обычный, хоть и не новый, походный нагреватель. Это мальчишечье царство на крыше явно обставлялось с помоек, но некоторые находки были довольно удачны. Вода быстро нагрелась, и Джин аккуратно опустил в нее свое сокровище — три куриных яйца.

— Коричневое снесла Твиг, — объяснил он Майлзу, — а два других — Галли. Прямо этой ночью. А еще у меня есть соль!

Джин быстро достал пару пластиковых тарелок, бутылку с водой — на двоих — и полбуханки неожиданно вкусного, хоть и подсохшего, хлеба. И с заговорщическим видом поделился вполголоса:

— А яйца выходят у кур из задов, знаете?

— Да, знаю, — серьезно подтвердил Майлз. — У нас, откуда я прилетел, тоже есть земные куры и другие птицы.

Джин расслабился. — А, хорошо. А то некоторые люди сердятся, когда впервые об этом узнают.

— Некоторые люди считают мой Барраяр отсталым миром, — пожал плечами Майлз.

Джин просветлел:

— А там много животных?

— Обычный набор земных видов поверх местной экосистемы. Местные животные в основном мелкие, вроде насекомых. Но в морях живут создания покрупней.

— А рыбу там ловить можно?

— Только не в море. В закрытых озерах — да. Многие барраярские растения и животные для человека ядовиты.

Джин понимающе кивнул.

— У нас тут жизнь сперва нашли на экваторе, всякие микроорганизмы. И узнали, что от них получился кислород, еще до последнего большого оледенения. Теперь мы сажаем много земных растений, прямо по линии таяния ледников, на юге и на севере. А вот животных у нас мало.

— Кибо-Дайни очень похожа на Комарру — это вторая планета нашей империи, — заметил Майлз. — Холодный мир, который мы медленно терраформируем. А вот Сергияр — третья планета — тебе наверняка понравился бы. Там есть своя полноценная, развитая экосистема с множеством самых удивительных животных. Во всяком случае, так мне мать рассказывала. Мы начали его колонизировать совсем недавно,

лишь при жизни моего поколения, поэтому у биологов там постоянно случается то одно, то другое открытие.

Теперь Джин глядел на Майлза с теплотой. Похоже, Майлзу только что удалось завоевать у мальчика настоящее уважение. Может, в окружении Джина не так часто встречаются взрослые, с которыми он в состоянии вести связную беседу? Сделаем поправку на то, что в данном случае «связную» означает «про животных».

— Кофе у тебя, наверное, нет? Или чая? — без особой надежды поинтересовался Майлз.

Джин покачал головой:

— Зато у меня есть две бутылки колы. — Он снова метнулся к полкам и притащил оттуда пару ярко раскрашенных бутылок. — Только она теплая.

Майлз взял одну и, прищурясь, изучил состав на этикетке: так и есть, зверская смесь дешевого сахара и химикалий. По здравому размышлению он решил, что не рискнет пить это на голодный желудок, пусть даже там есть кофеин. «Когда же вы стали столь изнеженным, милорд Аудитор? Или правильней спросить, когда вы успели состариться?» Яйца, хлеб и вода и так станут испытанием для его расстроенного желудка. Майлз

покачал головой и поставил бутылку на стол.

Яйца вовсю кипели. Оглядевшись, Майлз заметил: — Интересное место. Не похоже ни на что, виденное мною на Кибо. — Еще бы, ведь обзорный тур для гостей устраивали криокорпорации. — И сколько еще народу здесь живет?

Джин пожал плечами:

— Сто? Двести? Не знаю точно. Сюзи-сан должна знать.

— Так много! — Майлз поднял брови. Что ж, они отлично прячутся. Впрочем, логично ждать подобной осторожности от сообщества нелегальных поселенцев. — А как ты сюда попал?

Очередное пожатие плеч:

— Просто нашел их. Или меня нашли. Пара человек отсюда пошли за уловом, увидели меня спящим в парке и тоже вроде как подобрали.

Определенно, это здешняя традиция.

— У тебя здесь есть кто-нибудь из родни?

— Нет.

Какой нетипично короткий ответ для этого разговорчивого — и одинокого? — ребенка.

— А где твоя семья?

— Папа умер. — Молчание. — Маму заморозили.

На этой планете это определенно две разные

вещи.

— А братья, сестры?

— У меня есть младшая сестренка. Живет где-то у *родственников*.

Последнее слово он выплюнул. Майлз удержался от удивленной гримасы и промолчал, приглашая Джина рассказывать дальше.

— Она была слишком маленькой, чтобы взять ее с собою, — продолжил Джин, словно оправдываясь, — и все равно не понимала, что случилось.

— А что случилось?

Джин снова пожал плечами и вскочил:

— О, яйца сварились!

Значит, Джин — сирота? Или сбежал из дома? Или и то, и другое сразу? Майлз в общих чертах предполагал, что на Кибо-Дайни, как обычно на технологически развитых планетах, есть социальные службы, призванные заботиться о детях — хотя, возможно, до бескомпромиссных стандартов Колонии Бета они не дотягивают. Джин был для Майлза загадкой, но, увы, не самой неотложной этим утром.

Джин выкатил горячие яйца на тарелки, убедился, что Майлзу досталось особое — коричневое, а тому хватило ума не спорить насчет двойной гостевой порции. Джин протянул ему

пакетик с солью с надписью «Кафе Аяко», хлеб они разломали, а из бутылки пили по очереди.

— Отлично! — с набитым ртом провозгласил Майлз. — Завтрак — свежее не бывает. — Джин улыбнулся.

Проглотив кусок хлеба, Майлз уточнил:

— Ты говорил, у кого-то тут есть действующий комм-пульт? Как думаешь, мне позволят им воспользоваться?

— У Сюзи-сан. — Джин кивнул. — Да, она может разрешить. Если застать ее утром, когда она не будет слишком ворчать. — И добавил неохотно — Могу вас отвести.

Не жалеет ли он, что отвязал с ноги Майлза веревку?

— Спасибо, мне такой вариант подходит. Это очень важно для меня.

Джин снова пожал плечами, изображая равнодушный вид. Как будто считал, что единственный способ удержать при себе живое существо — посадить его на привязь и кормить, а то сбежит и больше не вернется.

После завтрака Джин принялся за труды: скормил мясные обрезки соколу, хлебные крошки — курам, прочие тщательно рассортированные кусочки — крысам и обитателям стеклянных

ящиков. Он почистил клетки, вымыл и наполнил водой поилки. Майлз мысленно поаплодировал его дотошности. Хотя, возможно, мальчик просто тянул время, не желая расставаться с гостем. За это время Майлз успел несколько прийти в себя, даже голова почти перестала кружиться, и наконец он осторожно полез вслед за своим провожатым по скобам вниз.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Майлз шел вслед за Джином. Еще одна незапертая металлическая дверь, несколько ступеней вниз, неприятно темный коридор и служебный туннель привели их в другое здание. Отдаленные звуки, запахи, включенный свет подсказывали, что в доме живут, и точно: очередной поворот вывел их в бывшее офисное кафе с кухней. Там было сейчас человек десять: кто-то готовил, кто-то ел. Все молча провожали вошедшую парочку настороженным взглядом, и только молодая женщина у большой тестомесилки, заметив Джина, помахала ему половником, приглашая завтракать.

Джин сбился с шага, принюхиваясь к наплывающему аромату выпечки, но все же с улыбкой отказался. — Потом, Ако! Я гостя привел! — Он потащил оглядывающегося Майлза дальше.

Двумя этажами выше они прошли по коридору с целым рядом дверей — видимо, бывшими служебными кабинетами. Теперь же их превратили в жилые квартиры. Часть дверей были открыты, через проемы лился дневной свет и виднелось всякое личное барахло, где-то аккуратно сложен-

ное, где-то сваленное кучей: поношенное старье, которое копят, когда боятся, что не смогут купить ничего другого. Обитатели дома или дремали на полу, завернувшись в спальные мешки, или тихо слонялись по комнатам. Только некоторые из них покосились на проходящего Майлза. Возраст у обитателей был разный, но все же стариков оказалось непропорционально много. Может, работоспособная молодежь, вроде кухарки Ако, уже разбрелась по своим делам?

В здании работало электричество и действовал водопровод, правда, такая роскошь, как лифт, отсутствовала. Но и этого хватало, чтобы жилище сохраняло приличный вид. Никто не использует ведра в роли ночных горшков, не мочится на лестнице, не разводит костров в ванне или в мусорном баке. Откуда сюда поступает энергия и куда уходят трубы канализации? Платит ли кто-то за коммунальные услуги, или они тайком подключились к городским системам? Ответы на эти вопросы могут многое прояснить, если только Майлзу хватит времени их получить.

На следующем этаже дверей в коридоре было уже меньше. Джин притормозил у одной их них и коротко постучал. Он выждал с минуту, привалившись к стене и поджав ногу, и постучал снова,

уже громче.

— Да! — раздался изнутри неприветливый голос. — Слышу я тебя, слышу. Кому там не терпится?

Дверь приоткрылась на ширину ладони, и в щели — не особо выше уровня взгляда Майлза — показалось морщинистое хмурое лицо.

— Что такое? — резко и ворчливо поинтересовались из-за двери. — А, это ты, Джин. И о чем ты думал, притащив сюда чужака?

— Мы с Йани нашли его прошлой ночью, — объяснил Джин. — Он потерялся.

Глаза в красных прожилках сощурились. — А, тот самый наркоман, о котором рассказывал Йани?

Майлз откашлялся, прекрасно понимая, что с суточной щетиной похож на пирата.

— Меня накачали наркотиками, мэм, но я не наркоман. К несчастью, у меня аллергическая реакция на некоторые препараты, и пока они действовали, меня ограбили и запихнули в Криокатакомбы. Мне потребовалось много времени, чтобы выбраться.

— Ты не здешний.

— Нет, мэм.

Джим подскочил:

— Ему нужен ваш комм-пульт, Сюзи-сан.

Она нахмурилась сильнее:

— Ты не сможешь с него позвонить. Он работает только на прием.

Майлзу такой вариант казался маловероятным, но для начала выбирать не приходилось. Очевидно, что Сюзи не по душе его присутствие. А пришельцу, который вызывает подозрения и успел слишком многое увидеть, в тайной общине несдобровать. Надо признать, ни громил, ни хулиганов Майлз здесь не заметил, но убийство физической силы не требует, сгодится и хитрость.

— Мне просто нужно посмотреть новости, мэм. Пока я не верну себе бумажник и документы, я вынужден просить о любезности незнакомых людей.

Сюзи фыркнула:

— И много любезных незнакомцев ты видел там, откуда явился?

— Мне всегда хватало. — Не раз и не два жизнь Майлза спасали люди, которых он едва знал. — Я понимаю, что это налагает на меня ответное обязательство.

— Ха, — только и сказала Сюзи.

— Джинни и Лаки он понравился, — робко по-

пытался поддержать позиции Майлза Джин.

Тонкие губы искривились в усмешке:

— О, да! Если крыса с кошкой согласны, кто я такая, чтобы спорить?

Через секунду дверь распахнулась, и Джин впихнул Майлза внутрь.

Майлз прикинул на глаз возраст Сюзи: получался разброс от потрепанных восьмидесяти до хорошо сохранившихся ста. Даже теперь она возвышалась над Майлзом с его пятью футами, хотя носила не нормальную обувь, а поношенные пластиковые шлепанцы, хлопающие по высохшим пяткам во время ходьбы. А лет двадцать назад наверняка была его на голову выше. Ее шевелюра представлла собой гнездо непокорных седых кудряшек. Может, с улыбкой она бы выглядела моложе, но сейчас губы у нее были поджаты, и от них вниз пролегли глубокие брюзгливые складки. Ее свободные брюки, рубашка и накидка, хоть и подобранные вразнобой, но все однотонно черные, создавали впечатление костюма.

Обиталище Сюзи состояло из двух комнат. В передней, где, похоже, когда-то располагалась секретарская приемная, Сюзи устроила склад хлама, вроде тех, что Майлз видел этажом ниже. Дальняя комната — роскошный угловой офис с

выходящими на две стороны окнами — прежде наверняка была кабинетом какого-нибудь высокого начальства. У одной стены лежал смятый спальный мешок, у другой Майлз заметил комм-пульт с нормальным столом и креслом. На обшарпанном столе стоял тазик с кувшином, валялись влажные полотенца, и легкий, приятный аромат мыла примешивался к запаху пожилого человека, пропитавшему все жилище. В высоком буфете с закрытыми дверцами могло храниться что угодно. Пара вращающихся стульев, диванчик с торчащей наружу набивкой и два кресла — все из старой офисной мебели — намекали, что Сюзи не живет затворницей.

Сюзи показала на комм-пульт:

— Он включен.

— Благодарю, мэм, — отозвался Майлз, опускаясь в пультовое кресло. Сюзи и Джин смотрели ему через плечо. Найти в сети местные новости оказалось секундным делом. Майлз выбрал стандартный галактический английский из меню в несколько десятков местных языков, половину из которых даже опознать не мог. Однако барраярского русского среди них точно не было; это может ему пригодиться, когда потребуется переговорить со своим телохранителем так, чтобы

никто не понял — если только Роик еще жив.

Как Майлз и подозревал, вчерашние утренние беспорядки на криоконференции вовсю освещались в новостях. Видеокомментарии, как всегда, оказались поверхностными и не слишком информативными, зато детальные приложения Майлзу пригодились: там нашелся полный список похищенных, вместе с фотографиями и призывом властей откликнуться ко всем, кто их видел. В списке были Майлз и Роик, а также, к несчастью, доктор Дюрона. Ответственность, или вину, за это похищение взяли на себя сразу две разные экстремистские организации — ни об одной из них Майлз прежде не слышал, вот тебе и хваленые доклады СБ по Кибо-Дайни!

— Это же вы! — возбужденно выпалил Джин, увидев на снимке физиономию Майлза. Майлз решил, что снимок не из самых удачных, но, по крайней мере, по нему его легко узнать. Только сейчас его грызли сомнения, хорошо это или плохо. Джин прочел: — Майлз Фор… Фор… ФоркасЕйгин!

— Фор-кО-си-ган, — машинально поправил Майлз.

— Так ты попал в ту идиотскую заварушку, — заметила Сюзи. — Инопланетник, да?

Она явно была в курсе новостей, в отличие от Джина. Интересно.

— Похитители, похоже, как раз и нацеливались на инопланетников. Нас собрали в вестибюле, чтобы везти на экскурсию. Она прописана в публичной программе конференции, следовательно, нападение — совсем не обязательно дело рук кого-то из ее участников.

— А ты говорил, что тебя ограбили.

— Ограбили, так и есть. Даже ботинки забрали. Только с транквилизатором, который они мне вкололи, когда волокли наружу, вышла ошибка. Он меня не свалил с ног, а завел до состояния берсерка. И я вырвался.

— Почему же ты не вернулся в гостиницу?

— Ну, потому что дальше у меня начались галлюцинации. И длились они часов десять.

Во взгляде Сюзи читалось глубокое недоверие. Остается надеяться, что его история звучит слишком дико, чтобы решить, что он сам ее сочинил.

Девять делегатов захвачено — нет, восемь, за вычетом Майлза, хоть похитители и не признались, что он от них сбежал. Барраярское консульство, а оно здесь небольшое и малочисленное, наверняка уже доложило об этом домой, хотя пока их рапорт не достиг Барраяра. Черт. У

адмирала Майлза Нейсмита, вольного наемника, не было ни домашнего адреса, ни семьи — «заложников фортуны». А у лорда Аудитора Майлза Форкосигана — есть. Он не может не доложиться в консульство. И все же какой *дивный* шанс ненадолго превратиться в невидимку плывет ему прямо в руки…

У Майлза проснулись старые рефлексы тайного агента, но он сомневался, что сейчас требуются именно они. Можно просто уйти отсюда, остановиться в каком-нибудь магазине или кафе, и рано или поздно там встретится добрая душа, которая даст ему позвонить, поможет или подвезет. Конечно, звонок пойдет по незащищенной линии, и его сможет отследить и прослушать любой, кто за ним охотится, а не только местные власти. Майлз не замедлил бы объявиться, если бы вчера вечером облеченные властью персоны не сделали свой первый шаг и не привлекли к себе его пристальное внимание. Теперь же он колебался.

Подтащив вращающийся стул, Сюзи присела поближе, чтобы лучше видеть, что читает Майлз. А он, хмурясь, пролистывал на одну за другой голостраницы, по большей частью для него бесполезные.

Джин переминался с ноги на ногу, скучая все

сильней.

— Сюзи-сан, а? Хотите, принесу вам булочек с корицей? Ако как раз доставала их из печки.

— А кофе у них там нету? — неожиданно отвлекся Майлз. — Не мог бы ты принести мне чашку кофе? Черного?

Джин наморщил нос:

— Ну как можно вообще пить эту штуку?

— О, вкус к кофе приходит с возрастом. Как и интерес к девочкам.

Из горла Сюзи донесся звук, который с равным успехом мог оказаться смешком или отрыжкой.

Джин поморщился еще сильней, но все же кивнул — точнее дернулся всем телом — и поспешил убраться.

— Два кофе! — крикнула Сюзи ему в спину. С топотом вылетая за дверь, Джин успокаивающе махнул ей рукой.

Майлз развернулся со стулом, глядя ему вслед. Так, мальчик вне пределов слышимости.

— Славный парнишка.

— Угу.

— Вы его приютили здесь. Что вы про него знаете? — «Чтобы двигатель крутился, надо его подмазать, так, милорд Аудитор?» — Джин сказал мне, что его отец мертв, а мать заморожена, по-

лучается, он в каком-то смысле сирота. Позвольте предположить: для долговременного криостаза его мать слишком молода. Обычно к людям ее лет криопроцедуры применяются только как часть спасательной операции, чтобы поддержать жизнь до того момента, как человека можно будет вылечить.

Именно так некогда случилось с самим Майлзом. И у него язык бы не повернулся добавить «к сожалению», поскольку, несмотря на все несовершенство криооживления, именно оно подарило ему последние десять лет жизни и все, что за эти десять лет произошло. «Кстати, это криооживление как раз и было подарком от любезных незнакомцев, не забывай о них. От Группы Дюрона».

Теперь Сюзи фыркнула вполне обдуманно. Она оглядела Майлза с ног до головы и, видимо, пришла к какому-то решению в его пользу, а потому объяснила:

— Отец Джина погиб при аварии на стройке. У него не было ни контракта, ни страховки на заморозку, поэтому ему отказали в лечении, а потом стало слишком поздно. Хотя предполагаю, что все произошло ужасно быстро.

Майлз кивнул. Криообработку при неотложной

помощи нужно проводить моментально, иначе в ней нет смысла; вот еще одно воплощение метафоры «быстрый или мертвый». Есть еще небольшой интервал, после которого можно оживить тело, но не восстановить рассудок: с тем же успехом вы можете клонировать погибшего и начать все по новой.

— Мать Джина после произошедшего просто помешалась. Начала политическую кампанию за то, чтобы сделать криозаморозку всеобщим общедоступным правом, доказывала, что корпорации — «грабители могил». Судебные иски, процессы, протесты. А потом один из ее митингов перешел в погром — кто был в этом виноват, так и не выяснили, хотя у меня есть свои подозрения — и ее арестовали. Обвинению удалось протащить через суд заявление о психическом расстройстве — хотя ей не смогли приписать преступную невменяемость, там бы все уперлось в строгие стандарты — и на слушании один милый независимый эксперт внес предложение заморозить ее, пока от ее болезни не найдут лечение.

Майлз скрипнул зубами:

— Оппозицию отправляют в холодную в буквальном смысле слова?

— Можно сказать и так.

— А ее родственники, они не заявили протест? Или кто-нибудь еще?

— Группа ее прежних соратников распалась из-за финансовых издержек, связанных с судебным процессом. Родственники… она только ставила их в неудобное положение — из-за нее они рисковали сами лишиться работы. Думаю, они были втайне рады, когда ее заставили замолчать. — Сюзи посмотрела на Майлза в упор. — Мне кажется, вы не особо шокированы.

Майлз пожал плечами:

— Я повидал множество планет, встречался с разными людьми, сталкивался с разнообразными политическими системами. Я видел и хуже. Правда, Единение Джексона, где заправляют главари бандитских шаек нашего высокотехнологичного века, определенно бодрит своей откровенной развращенностью. Там никто не выдает зло за добро, чтобы всучить эту чушь избирателям.

— Позвольте заметить, молодой человек: маленький грязный секрет демократии состоит в том, что иметь голос — не значит иметь выбор. — Сюзи вздохнула. — Еще лет двадцать-тридцать назад здесь все было не настолько скверно. Сотни и сотни криокорпораций управлялись разными лицами с разными концепциями, и их пакеты

голосов уравновешивали друг друга. Затем некоторые из них стали разрастаться и поглощать остальные. Не ради блага Кибо, или своих замороженных клиентов, или вообще хоть кого-то, а просто потому, что руководство обуяла жадность и они могли это сделать. В наши дни осталось всего полдюжины крупных корпораций, контролирующих почти все, плюс несколько отдельных фирм, чья доля слишком мала, чтобы иметь какое-то значение.

— Джин называл вас «Секретарь Сюзи», — медленно произнес Майлз — Почему именно секретарь?

Ее морщинистое лицо на мгновение вспыхнуло гневом и стало еще более замкнутым.

— Когда-то я работала секретарем в этом самом месте. Закрытая семейная фирма, а я была исполнительным секретарем ее директора. Затем нас купили — поглотили и раздробили. Мы сами по себе покупателя не интересовали, ему просто нужно было нас устранить.

— А кто покупатель? Не «Белая Хризантема», случаем?

Сюзи покачала головой:

— Нет. «Шинкава Перпетуал». Их самих «Белая Хризантема» сожрала позже. — Кривая ухмылка

подсказала, что она думает о вселенской справедливости, пусть правда несколько запоздалой.

— Но как вы все в конце концов оказались здесь, в этом заброшенном здании?

— Большая часть как раз работала здесь прежде. Простым служащим при отставке не расстилали красной ковровой дорожки. Нам всем надо было куда-то податься. — Она помолчала. — Остальные прибились позже.

— Исполнительный секретарь, да? Полагаю, вы в курсе всех здешних скелетов в шкафах.

Сюзи быстро на него покосилась — неужели испуганно? Эта железная ведьма?

Но прежде чем Майлз успел развить эту мысль дальше, в дверь постучал Джин с полным подносом. Помимо обещанных булочек, благоухающих корицей, на нем стоял пакет молока и две совсем несуразные для кофе чашки — каждая объемом в добрый графин. Майлз мог гордиться своим самообладанием: он не накинулся на кофе как сумасшедший, а дожидался, пока ему предложит чашку хозяйка дома.

К его смятению, Сюзи не торопилась; сперва она прошаркала к своему буфету и вернулась с квадратной стеклянной бутылкой без этикетки. Плеснув порцию себе в чашку (похоже, спиртное,

решил Майлз), она чуть помедлила и, подняв бровь, уточнила у Майлза:

— Хотите взбодриться?

— Э-э, нет, спасибо. Мне просто кофе. — Кофе, наконец-то хлынувший ему в горло, прекрасно бодрил сам по себе. Джин с чавканьем уплетал булочки и вертелся на стуле с назойливым «скрип-скрип». Сюзи поморщилась и отпила большой глоток своего пойла.

Она снова стала мрачна и неприветлива. «Уж не знаю, что я умудрился сказать, чтобы все так переменилось — как раз тогда, когда думал, что добился ее расположения». Ясно, что ей не просто повезло сохранить у себя работающий комм, но она — нечто вроде лидера этого странного тайного сообщества.

— Джин может отвести вас в кафе Аяко, — внезапно заявила она. — Оттуда вы сможете позвонить вашим друзьям, чтобы они вас забрали.

Джин возмущенно выпрямился на стуле:

— Но я еще не показал ему, как летает Вихрь!

— Он не может оставаться здесь, Джин.

Мальчик сник.

Стало ясно, Майлз — похищенный участник конференции импонирует Сюзи не больше, чем

Майлз — заблудившийся турист со слабостью к галюциногенной «дури». Он решил попробовать забросить еще один крючок.

— Я приехал на конференцию ознакомиться с криогенными исследованиями и законодательством Кибо-Дайни, а на деле все вылилось в какие-то скользкие предложения франшиз разных криокорпораций. Прошло всего четыре дня, и большинство делегатов готовы подписывать контракты прямо на месте. В каком-то смысле нападение экстремистов — мой счастливый несчастный случай. Желание моего нанимателя — получить от меня полный доклад о вашей системе крионики, но, похоже, я упустил в общей картине несколько значительных фрагментов.

— Тогда, наверное, вам лучше вернуться и продолжить их искать?

«Интересно, а вы сами — какой кусок головоломки?»

— Конференция завершилась, и я вполне могу располагать своим временем. Если Джин так хочет, мне день отдыха после вчерашних испытаний не повредит. Только необходимо передать доклад одному человеку. Джин, если я объясню тебе дорогу, ты сможешь отнести письмо от меня на другой конец города и передать тому, кого я

назову?

Джин воспрянул духом:

— Конечно! Гм… ну, наверное. А куда?

— В восточную часть города.

— Гм… ага. Смогу.

Майлз решительно проигнорировал слабый оттенок неуверенности в его голосе.

— Кстати, а где мы сейчас?

— На юге, — ответил Джин.

— Идите туда сами, — возмутилась Сюзи. — Я дам вам на проездной в подземном трамвае. И не возвращайтесь.

— А когда полиция спросит меня, где я был, что мне им отвечать?

Она помрачнела:

— Скажете, что заблудились.

— Вполне возможно — если меня хорошенько мотивировать.

Теперь фырканье прозвучало как взбешенное:

— Будь у нас деньги на взятки, разве мы сидели бы здесь?

— Вы неверно поняли мои намерения, мэм. Моя монета — информация. Хотя, знаете, вы уже второй человек на Кибо, который пытается меня подкупить. Это что, такой местный обычай?

Она невольно усмехнулась.

— А кто первый?

— Некто из «Белой хризантемы».

— Впечатляет.

— Меня тоже впечатлило, правда не совсем так, как они рассчитывали. Маленькие подарки дают за то, чтобы что-то продать. Большие — чтобы что-то спрятать. Они здорово разожгли мое любопытство.

— Так вы получили большой подарок, Форкосиган-сан?

Правильнее звучало бы «Форкосиган-сама», или даже «-доно», но он не стал ее поправлять; по крайней мере, она верно произнесла его фамилию. — На этом уровне ведения дел отвечать презрительным отказом не только недальновидно, но и потенциально опасно. Я думаю, день-другой отдыха пойдут на пользу моему здоровью.

— А откуда мне знать, что это письмо вашему другу не навлечет неприятностей на всех нас?

— Не навлечет, если я так говорю. Я выше его чином.

Они усмехнулась:

— Да, вы крутой парень, что да, то да. Умеете себя преподнести.

Можно не сомневаться, что Сюзи в свое время

повидала немало больших начальников. Интересно, понимал ли ее босс, насколько пристально за ним наблюдают?

Джин следил за их пикировкой, беспокойно вертясь на своем скрипучем стуле. — Сюзи, я могу отнести это письмо! Я совсем не против.

Майлз протянул Сюзи раскрытую ладонь жестом не то убеждения, не то мольбы.

— Подумайте же. Вы не раскроете вашу тайну сильней, чем уже сделали. — Он не добавил «не считая варианта, при котором вы предложите меня убить» — не стоит подкидывать такие идеи. — Зато вам будет обеспечена моя благодарность.

— А чего она стоит?

«На Барраяре — очень много». Но мы не на Барраяре, как не раз напоминал Роик.

— Я обдумаю варианты.

На лице Сюзи читался полнейший скептицизм. Она обратилась к Джину:

— Разве Йани не говорил тебе оставить его там? Смотри, Джин, какие беды родятся из добрых дел! — Майлз не понял, считать это за «да» или за «нет», пока она, вздохнув, не договорила: — Отведи Форкосигана-сан вниз на склад и найди ему что-нибудь, чем можно писать. И на чем.

Джин радостно вскочил. Майлз поблагодарил и вышел вслед за Джином, пока Сюзи не переменила свое решение.

* * *

Переминаясь с ноги на ногу, Джин глядел, как Майлз-сан — он решил звать своего гостя так, а то на его фамилии язык сломать можно — копается на полке склада в полупустых коробках с почтовой бумагой. Там по большей части лежали листки с цветами и всем таким прочим, на которых старые леди пишут благодарственные письма. Хотя Джин углядел один со щенятами и страстно захотел себе такой. Приподняв бровь, Майлз, наконец, выбрал себе бумагу, потом расписал по очереди несколько ручек из коробки со всяким хламом, нашел две пишущие, запихнул их в карман и огляделся.

— Тут у вас как в лавке старьевщика. Или на чердаке нашего особняка.

— Когда кто-нибудь находит вещь, которая ему не нужна, он приносит ее сюда, и любой может взять, — объяснил Джин. — Или когда… гм. — Когда они отправляются в свой последний путь вниз к Тенбери, но это Джин сказать не мог. Возможно, ему такое и *знать* не положено.

Майлз-сан прикипел к чему-то взглядом:

— О! Обувь! — И он похромал туда.

Джин, подошедший вслед за ним, помог разбирать кучу. Нога у инопланетника оказалась чуть меньше, чем у самого Джина, а тому месяц назад удалось подобрать себе здесь обувку: тогда у него из старых кроссовок начали высовываться большие пальцы, совсем как зеленые побеги из земли. Больше всего в куче скопилось модных женских туфелек: они здесь мало кому подходили и со временем их количество только увеличивалось. Наконец, Майлз откопал себе пару подходящих кед. Правда, с девчачьим рисунком в цветочек, но этого он даже не заметил.

— Вот так-то лучше. Теперь я способен передвигаться, — заявил он, завязывая шнурки. Потом повернулся, оглядывая склад уже внимательней: — Ха! Трости!

В углу стояла целая коллекция тростей, и Майлз придирчиво перебрал всю. Медицинские, толстые и с резиновым наконечником, ему не подходили, слишком длинные — тоже. Он перепробовал несколько, делая выпад, как мечом, и сильно ударяя в стенку. Джин уже начал сомневаться, что ему нужна трость, чтобы опираться, а не драться. На всякий случай обратно он повел

его другой дорогой, по пожарной лестнице и через дверь теплообменника.

Майлз-сан придвинул стул, положил на стол бумагу и задумался, напряженно морща лоб. Потом он склонился и принялся что-то царапать ручкой, делая долгие задумчивые паузы. Джин успел почистить куриные ящики, пересчитать цыплят — вдруг они опять выбирались к бортику? — и вычесать Лаки, прежде чем тот дописал и запечатал свою записку, и, прищурясь, огляделся вокруг.

— У тебя есть чистый острый нож, булавка, или иголка?

— Я посмотрю. — Джин как-то подобрал полу-укомплектованную аптечку; там нашелся маленький скальпель. Майлз-сан оглядел его, пожал плечами и, к ужасу Джина, ткнул лезвием в большой палец. Когда капля крови набухла, он склонился и прижал палец к клапану конверта, оставляя четкий отпечаток поперек склейки, потом ручкой обвел его и поставил свои инициалы.

— Ух ты! А зачем вы это делаете?

— ДНК. Отпечаток пальца сработает как печать не хуже, чем кинжал-печатка моего деда. Даже лучше. В его времена генсканеров не было. В

конце концов, посольский атташе пальцем не пошевелит из-за какой-то анонимной записки с улицы!

Дальше он выдал Джину целый перечень сложных указаний, что тому делать, когда он доберется до восточной части города, да еще заставил повторить их наизусть. Результат заставил его вздохнуть и еще раз сесть за стол, чтобы дописать на конверте адрес и имя.

— Надеюсь, так или иначе ты туда попадешь. Запомни: не отдавай письмо никому, кроме лейтенанта Йоханнеса или консула Форлынкина. Оно личное и секретное.

Джин пообещал и пошел искать свою коробку с мелочью. Он выудил оттуда достаточно монет, чтобы хватило на проезд на подземном трамвае в оба конца. После этого там почти ничего не осталось.

— Это весь твой банк? — спросил Майлз-сан, глядя ему через плечо. Джин кивнул. — Ты только доставь мое письмо, и получишь деньги обратно.

Джин не знал, каким образом, но все равно кивнул. Теперь уже он выдал Майлзу-сан целый список того, что нужно делать, если в его отсутствие со зверями что-нибудь случится. Тот

удивленно заморгал, но повторил все по памяти и без ошибок. Джин засунул письмо под рубашку, последний раз с сомнением оглянулся и полез вниз.

Джин переживал из-за трамвая — боялся, что там все будут смотреть на него, но никто не хватал его за руку и не тащил в полицию. Потом он чуть было не потерялся на большом пересадочном узле в нижнем городе, потому что не знал, какие маршруты ходят на восток. Но Джин очень внимательно читал все указатели на стенах и изо всех сил старался выглядеть уверенно. Сейчас для него помощь от чужих людей не менее опасна, чем их подозрения. Наконец, он нашел правильный туннель и нужную остановку.

Дальше он прошел пешком шесть кварталов, почти не сворачивая, и вышел к своей цели. Тут сплошняком стояли не аккуратные многоквартирные дома, вроде того, в каком он вырос, а пугающе роскошные особняки, каждый за решеткой и с садом вокруг. На некоторых у ворот висели бронзовые таблички, обозначающие посольство той или другой планеты. Самым большим было эскобарское. Барраярское консульство — хорошо, что тоже с табличкой — по контрасту показалось ему не таким уж страшным: просто небольшое

здание у самой дороги, так что Джин даже испугаться не успел, пока шел к крыльцу. Никаких охранников в форме, а декоративные железные ворота такие низенькие, что мальчик мог бы их перепрыгнуть, не будь они гостеприимно открыты. Джин сглотнул и нажал кнопку звонка.

Дверь открыл светловолосый мужчина в рубашке с короткими рукавами и узких зеленых брюках на подтяжках; он был помятый и усталый, и еще ему явно не помешало бы побриться. Он поглядел на Джина, насупив брови, и неприветливо сообщил:

— Ни коммивояжеров, ни попрошаек не пускаем.

У него был тот же рокочущий выговор, что и у Майлза-сан, и Джин только сейчас к своему смятению осознал, что не все барраярцы такие низенькие. Мужчина был очень высоким.

— Прошу вас, сэр. Я посыльный. У меня письмо для лейтенанта Йоханнеса или консула Фор… Форлынкина. — По описанию Майлза-сан мужчина походил на этого самого лейтенанта, но разве лейтенанты ходят сами открывать дверь? И, кроме того, подумал Джин с обидой, Майлз-сан сказал, что Йоханнес — «славный паренек», а никак не *страшный взрослый*. Хотя, наверное,

лейтенант и должен быть взрослым.

— Я Йоханнес.

Джин полез под рубашку за письмом; мужчина напрягся, но снова расслабился, когда увидел конверт. — Это от Майлза-сан… от господина Форкосигана. — Джин старательно выговорил фамилию.

— Черт!!

Джин вздрогнул от крика. Но дальше лейтенант Йоханнес перепугал его еще больше: сцапал за руку, затащил в вестибюль и захлопнул дверь. Он схватил письмо, поднял его к свету, надорвал и заорал куда-то наверх:

— *Стефин*!

Лейтенант мазнул взглядом по аккуратным, плотно исписанным строчкам.

— Жив, слава богу! Мы спасены!

На его крик по лестнице сбежал еще один взрослый, старше и даже выше первого. Этот был одет как обычный норбриджский бизнесмен, в просторные штаны-хакама и накидку-хаори с широкими рукавами, только не завязанную. У него были такие же красные глаза и усталый вид, как у лейтенанта.

— Что, Трев?

— Поглядите. Письмо от лорда Форкосигана

— он на свободе!

Прибежавший человек начал читать письмо у него через плечо. Сперва он точно так же закричал: — Слава богу! Но почему он не позвонил? — а чуть попозже: — Что? *Что?!*

Лейтенант перевернул листок, и оба принялись читать дальше.

— Он что, *с ума сошел*?!

Мужчина постарше поглядел на Джина, так нехорошо прищурясь, что у мальчика сразу ожили худшие его страхи, и в воображении тут же замаячила фигура полисмена.

— Оно настоящее? — потребовал старший.

Джин наклонился, подобрал разорванный конверт и молча его протянул. Потом, сглотнув, выдавил:

— Он сказал, отпечаток пальца вам понравится. Говорил, это как печать его дедушки.

— Это *кровь*?

— Э-э, ага…

Мужчина протянул письмо лейтенанту:

— Возьмите вниз и проверьте.

— Есть, сэр. — Трев-сан скрылся в глубине вестибюля; секундой спустя Джин услышал, как хлопнула дверь и протопали вниз по лестнице сапоги.

— Извините, сэр, а вы консул? — Как Джин смутно представлял себе, консул — нечто вроде посла, только не такой важный. Словно этот дом среди прочих особняков. — Потому что Майлз-сан сказал обязательно отдать его письмо только лейтенанту или консулу Форлынкину. — Сейчас Джин ухитрился выговорить его фамилию без запинки. Он думал, посол окажется старше и солиднее, а этот человек худой и даже моложе, чем Майлз-сан, по крайней мере, седины в его русых волосах нет.

— Моя фамилия Форлынкин. — Барраярец смотрел на Джина пристально и сосредоточенно, глаза у него были голубые, как небо в жаркий летний день. — Где ты видел лорда Аудитора Форкосигана?

— Я, гм, встретил его прошлой ночью. Он заблудился в Криокатакомбах. Он так сказал.

— Он в порядке?

Ответ казался сложнее, чем вопрос, но Джин решил опустить подробности и просто сказал консулу:

— Сегодня утром ему намного лучше. Я покормил его яйцами.

Форлынкин моргнул и перечитал письмо еще раз.

— Если бы это письмо он не написал собственноручно… если это письмо окажется *не* от него… я допрошу тебя под фаст-пентой, так что… да. Так где ты его видел?

— Гм… там, где я живу.

— А где ты живешь?

Вот Джин и попал в неприятности: с одной стороны Сюзи, с другой — этот грозный незнакомец. «Никогда не говори с незнакомцами, не рассказывай никому про наше убежище», так его постоянно предупреждали. Может, получится выскочить в дверь и рвануть по дорожке, или консул успеет его схватить?

— Гм, ну, дома…

К удивлению Джина, Форлынкин не стал выспрашивать его дальше, а снова перевернул листок.

— И что он делал?

— Гм. Задавал вопросы. Много. — Джин подумал секунду и добавил: — И он больше не похищенный.

— Но почему он прислал курьером *ребенка*? — пробормотал Форлынкин. Не похоже, что он спрашивает Джина, поэтому и с ответом вылезать не надо. Вряд ли самое время объяснять, что он большой и ему почти двенадцать. Джин

начал понимать: чем меньше рассказываешь, тем безопаснее.

Тут прибежал обратно второй человек — лейтенант Йоханнес, Трев-сан, как его правильно называть? — размахивая перед своим начальником конвертом:

— Настоящее. Что теперь, сэр?

— Остается задача отыскать его оруженосца — Форкосиган считает, что Роик захвачен. По отношению к местным, как и раньше, ничего не предпринимать. Голокопию письма отправить в Бюро Департамента галактических операций на Комарре, приоритет ноль, зашифрованным.

В голосе лейтенанта прозвучала надежда:

— Может, у них будет приказ. Другой приказ. Более здравый.

— В ближайшие дни — нет. И подумай, чей приказ в состоянии отменить этот. — Оба переглянулись, почему-то в смятении. — Так что нам по-прежнему нужно действовать самостоятельно.

Джин робко откашлялся:

— Майлз-сан сказал, чтобы я принес ответ.

— Да, — кивнул консул. — Жди здесь. — Он показал Джину на высокий тонкий стул у стены — их стояло два, по обе стороны от столика с

букетом шелковых цветов и зеркала над ним.

Оба убежали куда-то вниз. Джин сел. Только твердость и лаконичность этого «да» не давали ему удрать, пока была такая возможность. К счастью, хоть барраярцы с сомнением отнеслись к Джину, но письмо Майлза-сан приняли всерьез.

Джин долго сидел и ждал. Всего разочек он встал, прошелся и заглянул в двери по обе стороны вестибюля. Одна комната — что-то вроде гостиной, очень модная и красивая, другая — попроще и похожа на офис. Животных тут не было вообще, даже птиц в клетке или кошек. Джин вернулся на место, и тут из дальней двери вышел новый человек. Хорошо, что он не застал, как Джин шныряет по дому и высматривает непонятно что! Он и так удивленно уставился на Джина:

— Чем могу помочь?

Вот он выговаривал слова нормально, как все на Кибо.

Джин помотал головой:

— Лейтенант Йоханнес занимается, ну, всем. И мною.

Легкость, с какой Джин упомянул имя лейтенанта, мужчину вроде успокоила. — А-а, — протянул он, сел в кабинете за комм-пульт и занялся какой-то работой. Больше Джин со своего стула

не слезал.

Он сидел еще долго, пока наконец не вернулся Форлынкин. У консула в руках был запечатанный конверт, без надписей, делового вида и гораздо толще, чем тот, который принес Джин.

— Как думаешь, ты сможешь доставить это письмо прямо в руки лорда Форкосигана и отдать только ему?

Джин встал.

— Да, смогу.

— Тогда давай. — С явной неохотой консул передал ему конверт. Джин затолкал его под рубашку и удрал так быстро, как только смог.

«Совсем ничего не понимаю». Выходя через железные ворота, Джин нерешительно оглянулся. Но, кажется, у Майлза-сан есть друзья… в некотором роде.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Едва Майлз увидел, как Джин благополучно спустился на землю, он сам пошел обратно в полуподвальный кафетерий, внимательно следя, чтобы не ошибиться с поворотами. Когда он пришел, для обеда было еще рано: в кафе сидело лишь несколько человек, с недоверием на него покосившихся. И все же, пожалуй, в поношенных тряпках он вызывает здесь меньше подозрений, чем мог бы в сером аудиторском костюме: этот строгий наряд всем и каждому в галактике, вне зависимости от местной моды, объявлял, что перед вами «Очень Важная Персона». А для нынешних целей Майлза больше подходит ярлык «Уличный Бродяжка».

Рассыпанные по помещению столики отделяла от кухонной зоны длинная стойка раздачи, над ней располагались металлические полки для посуды. Обогнув ее, Майлз увидел нечто похожее на здоровенный электрический самовар или титан: значит, можно рассчитывать на чай. Рядом с титаном располагалась коллекция разномастных кружек, а над ними надпись от руки:

«Вымой чашку!». Неясно, то ли здесь у каждого своя чашка, то ли можно брать, какую хочешь. Вот и отличный предлог заговорить с женщиной — очевидно, сменщицей Ако — помешивающей суп в десятилитровой кастрюле.

— Я могу взять одну из них? — поинтересовался Майлз.

Женщина пожала плечами.

— Бери. Только помой потом. — Она постучала ложкой по ободку кастрюли и отложила ее в сторону. — Ты тут новенький?

— Новее не бывает.

— Значит, правила такие. Готовь что хочешь; мой посуду за собой; что взял из запасов — верни такое же; вноси деньги в буфетную кассу, как сможешь. И запишись в расписание уборки, вон там висит, на холодильнике.

— Спасибо. Мне пока только чаю… — Майлз отпил глоток. Перепрелый, дешевый, горький, но, как и трость, пригоден сразу для двух целей: утолить жажду и поговорить. — А вы тут давно?

— Я пришла с бабушкой. Времени оставалось слишком мало.

Пока Майлз прикидывал, как бы намекнуть собеседнице расшифровать последнюю фразу, из-за стойки донесся знакомый ворчливый голос:

— Суп уже готов?

Высокий сутулый старик нагнулся, заглядывая в окошечко раздачи. Впечатляюще длинные седые усы обрамляли сложенный в недовольной гримасе рот и шевелились, когда он говорил. Точно как усики насекомого.

— Еще полчаса, — отозвалась женщина. — Посиди пока.

— Кажется, я его уже встречал, — тихо поделился с нею Майлз. — Его зовут Йани?

— Ага, это он.

Йани зашел за стойку налить себе кружку чая и увидев Майлза, состроил кислую мину. Майлз ответил жизнерадостной улыбкой.

— Доброе утро, Йани.

— Ты все же протрезвел. Ну и хорошо, ступай домой.

Держа кружку обеими руками — возможно, потому, что они тряслись — Йани прошаркал обратно к столикам. Майлз, не напуганный таким неласковым приветствием последовал за ним и сел напротив.

— Ну чего ты здесь торчишь? — недовольно буркнул Йани.

— Жду, когда за мной заедут. Поговорим?

— Разве мы уже не говорим?

— Джин сказал мне, что вы из оживленных. Неужели вас правда заморозили сто лет назад? — В эти годы на Барраяре только-только закончился Период Изоляции и началась новая эпоха, которую Йани почти всю проспал. — Я думал, такой человек должен быть знаменитостью.

Йани ответил горьким смешком:

— Вот уж вряд ли. Здесь оживленные не в новинку, — народ уже пресыщен. Я думал, мне хоть журнал заплатит за интервью, но таких, как я, вокруг слишком много. И никому мы здесь не нужны. Все подорожало, город стал слишком большой. А поселения должны были вырасти сильнее. Я-то думал, что терраформирование уже на полдороге к полюсам, а они… вон как. Политика пошла не так как надо, никто не умеет себя вести…

Майлз поощряюще хмыкал. Навык, освоенный еще с младых ногтей: как к полному удовлетворению старика выслушать все его жалобы. Йани хватало ответных кивков, чтобы он пустился огульно ругать современный Кибо — мир, где для него не было места. Кое-какие фразы выходили у него длиной в целый абзац, как будто он затвердил их наизусть, пока повторял любому, кто готов слушать. А таких, похоже, больше не

находилось: местные которых в столовую уже набралось немало, за стол к Йани присаживаться не желали. Когда тот понял, что обрел нового слушателя, не намеренного сбежать любой ценой (например, отгрызть себе лапу, чтобы выбраться из этой ловушки), слезящиеся стариковские глаза вспыхнули интересом, и даже то, что Майлз вроде наркоман, было временно забыто.

Под бормотание Йани Майлз вспомнил своего деда. Генерал граф Петр Форкосиган, освободитель планеты, низвергатель и делатель императоров, движущая сила той самой эпохи, которую Йани благополучно пропустил, обзавелся наследником поздно, как и отец Майлза, поэтому по возрасту между дедом и внуком пролегло скорее три поколения, чем два. И все же, на свой особый манер, дед и внук друг друга любили. Но что бы если, когда Майлзу было семнадцать, старика Петра заморозили, а не зарыли в землю… как изменилась бы его жизнь? Чем стало бы для него неминуемое возвращение деда: обещанием или угрозой?

Великий генерал был крепок, точно дуб, но дерево не только дает убежище в бурю. Стал бы Барраяр иным, не пади эта возвышающаяся подобно башне фигура, открывая солнечным

лучам путь к новой цветущей поросли? А что если единственным способом эффективно изменять Барраяр была жестокая необходимость уничтожать все отжившее, вместо того, чтобы милосердно позволить ему уйти со сменой поколений?

Майлз впервые задумался: может, тот факт, что криокорпорации замораживают больше клиентов, нежели оживляют, связан не только с охотой за голосами и неумением современной медицины обращать старение организма вспять?

Тем временем Йани долго и скучно разглагольствовал о том, как его надула корпорация, видимо, не доставив в новый мир в молодом теле, богатым и знаменитым. Точно путешественник во времени, проделавший трудный, безвозвратный путь и обнаруживший, что будущее ничуть не привлекательней прошлого — просто потому, что дело не в мире, а в нем самом, только он этого не понимает. Сколько еще таких Йани на улицах Кибо?

Под предлогом, что обе кружки пусты, Майлз улизнул от Йани за стойку. И пока мыл свою кружку и наливал еще чаю старику, он успел тихо спросить кухарку:

— Выходит, Йани недоволен, что его оживили?

Она фыркнула:

— Наверняка он и сто лет назад никому не был нужен. С чего Йани взял, что в будущем что-то изменится?

Майлз с трудом подавил улыбку:

— Да уж.

У глаз поварихи собрались улыбчивые морщинки, она вгляделась в собеседника пристальнее.

— А ты не такой старый. Ты что, болен?

Майлз заморгал.

— Что, выгляжу как с похмелья?

— А почему еще тебе здесь быть?

— Ну, я страдаю одним хроническим недугом, но не хочу об этом говорить.

Как она догадалась? Регулярные припадки вряд ли отражаются на лице, как, скажем, кожные болезни. Майлз сообразил, что беседа не так проста, и он только что получил какой-то намек. Но какой же?

Но прежде чем он успел поразмыслить над услышанным, кухарка, повернувшись, воскликнула:

— О! Тенбери-сан!

Почти все обитатели обернулись к двери, когда в кафе вошел мужчина в потертой спецовке и рубашке с закатанными рукавами, лохматый и

длинноволосый. Ему кивали или приветливо махали рукой. Он так же без слов помахал им в ответ и прошел в кухоньку. Там он кивнул поварихе, поскреб подбородок через густую русую с проседью бороду и протянул знакомую ведерную кружку.

— Ваш обед готов, Тенбери-сан, — сообщила повариха через плечо, наливая ему кофе. — Пакет в холодильнике.

Человек прогудел что-то вроде спасибо и по плечи нырнул в большой промышленный холодильник. Майлз приглядевшись, понял, что Тенбери отнюдь не широкоплечий увалень, а скорее худощав и бледен, но это маскировали густая борода и косматая шевелюра. Вытащив матерчатую сумку, он повернулся и оглядел Майлза.

— Ты новенький.

— Я друг Джина, — несколько схитрил Майлз, избегая прямо отвечать на вопрос. «В конце концов, он же меня подобрал».

— Правда? А где мальчик?

— Я отправил его сбегать по одному моему делу.

— А-а. Хорошо. Пора ему начинать зарабатывать.

— В двести десятом кран течет, — сообщила

повариха.

— Ладно, ладно. После ужина схожу за инструментами, — пообещал Тенбери, взял свой «кувшин» и вышел.

— Кто это был? — поинтересовался Майлз, когда она снова взялась за ложку.

— Тенбери. Он здешний смотритель.

Майлз смутно припомнил, что несколько раз уже слышал про какого-то смотрителя. Интересно, это прозвище тоже уходит своими корнями в прошлое, за пределы нынешнего порядка вещей, как и секретарство Сюзи? Впрочем, похоже, у Майлза появился шанс узнать, как к зданию подведена энергия и канализация. Или стоит подождать Джина, чтобы тот его представил по всем правилам? Нет, не вечно же он будет тут торчать, изучая окрестности… к тому же ноги уже решили за него и понесли его к двери.

Майлз благодарно махнул рукой кухарке, выставил полную кружку на стол перед Йани, кинул быстрое дружеское «пока!» всем сидящим и выскользнул в дверь вслед за Тенбери, пока его удаляющиеся шаги еще не затихли. Старые кеды Майлза, как он и надеялся, ступали по вытертому линолеуму бесшумно. Скрипнули дверные петли; вылетев за поворот, Майлз увидел, как закры-

вается дверь на лестницу. Он глубоко вздохнул и вошел.

Ступени вели вниз в кромешную тьму. Майлз часто задышал. К его невыразимому облегчению, впереди вдруг вспыхнул огонек, бросая отсветы на стены — Тенбери достал фонарик. Что ж, мужик хотя бы не видит в темноте как оборотень, уже плюс. На четвертой по счету лестничной площадке тяжело проскрежетала открываемая дверь, и свет фонарика исчез. Майлз ускорил шаги, вытянул руки перед собой и нащупал ручку. Он осторожно, почти беззвучно приоткрыл дверь и боком протиснулся в щель.

Дрожащий свет вел направо, и Майлз повернул за ним, невольно вспомнив о зачарованных путниках, которых ведет к гибели блуждающий огонек. Вот уже и на периферии зрения затанцевали крошечные огоньки, точно светлячки над ночным болотом. Он поморгал, и огоньки превратились в редкие лампочки индикаторов, беспорядочно разбросанные вдоль стен. Зеленый цвет — все функционирует нормально. Майлз неохотно вытянул руку и очертил пальцами такие знакомые выпуклости составленных штабелями криоячеек. Только эти не брошены и не пусты, а работают, по крайней мере, часть из них.

Передняя панель хорошо изолированных камер имела комнатную температуру, так что вряд ли Майлз рискует примерзнуть к ним ладонью и остаться в ловушке постепенно нарастающей глыбы льда. Но он предпочел отдернуть руку и пойти по центру коридора из ведьминых огоньков.

Вдалеке распахнулась дверь, и Майлз споткнулся. Обычный свет из офиса, лаборатории или жилой комнаты резанул по привыкшим к темноте глазам и засиял нимбом вокруг лохматой шевелюры. К счастью, Тенбери не обернулся. Он прикрыл за собою дверь, и Майлз снова погрузился во тьму. Ночное зрение возвращалось медленно, из плотной темноты понемногу выплывала россыпь зеленых огоньков. Он уже мог различить свои руки — при этом свете зеленовато-бледные, как у трупа.

Так вот что он нашел. Не насосную станцию и не трансформаторную. Самая главная тайна здания — работающие криокамеры. И все загадки сразу встали на свои места.

Сюзи с компаньонами управляла тайной криокорпорацией. Точнее, крио-кооперативом. И, если Майлз прав в своих догадках, этот криоцентр работал без лицензии, без налогов и без инспек-

ций, абсолютно нелегально, не прописанный ни в одном реестре.

Кибо-Дайни — целая планета, так одержимая идеей обмануть смерть, что даже у *бездомных* есть на это надежда.

Нечто бесподобное, даже у тех, что живут и умирают в драной картонной коробке. Майлз беззвучно расхохотался. «А я-то думал, что в свое время знал толк в авантюрах». Ему до смерти захотелось услышать, как и с помощью каких взяток Сюзи, черт возьми, удалось это провернуть. Прятать целый криоцентр с тех самых пор, как ее компанию перекупили, ободрали до нитки, а клиентов перевезли в элегантный Криополис, чьи залитые светом пирамиды возвышались на западе…

«До смерти? Подбирай выражения удачнее, милорд Аудитор».

Светлячками индикаторов в этом коридоре мерцало меньше трети криоячеек. А сколько таких коридоров здесь еще? Места для новых клиентов достаточно. Майлз, чей ум работал сейчас в весьма криминальном направлении, невольно подумал, как легко скрыть убийство, имея под рукой криокамеру. Чистой воды мошенничество, как игра в «наперстки»: спрятать одно живое

тело среди сотен мертвых. В запечатанном черном ящике ты быстро задохнешься, и никто не узнает, где тебя искать, пока не станет слишком поздно…

«Через это я уже проходил». Как ни удивительно, но такие размышления ничуть не помогали.

Он дошел до двери в конце коридора, поднял руку, чтобы коснуться холодного металла, и нерешительно замер. Наконец сжал пальцы в кулак и постучал.

Скрипнул стул, дверь приоткрылась, и высунулась лохматая голова. — Да?

— Тенбери-сан?

— Просто Тенбери. Что ты хочешь?

— Задать несколько вопросов, если можно.

Темно-карие глаза под густыми бровями сощурились.

— Ты разговаривал со Сюзи?

— Да, Джин отвел меня к ней сегодня утром.

Тенбери поджал губы в зарослях густых усов:

— А-а. Хорошо. — Он распахнул дверь.

Майлз не стал уточнять, что в результате этого разговора Сюзи едва не выставила его отсюда, а просто проскользнул внутрь.

Внутри оказался отчасти кабинет, отчасти машинный зал для контроля криокамер, отчасти

жилая комната — у стены лежал нерасстеленный спальник и громоздились кучи личного барахла. Дальняя дверь была открыта, за ней располагалось что-то вроде ремонтной мастерской: Майлз мельком заметил в полутьме верстаки и стойки с инструментами. В комнате стоял только один вращающийся стул, из чего Майлз сделал вывод, что Тенбери менее общителен, чем Сюзи. Однако смотритель вежливо предложил его гостю, а сам прислонился к пульту. Майлз предпочел бы наоборот, а так приходилось задирать шею с риском ее потянуть, а ноги весьма неловко болтались и не доставали до пола. Но, не рискуя перебивать полезную беседу, которая так хорошо началась, он сел, задрав голову и слегка улыбаясь.

Тенбери покачал головой и, как и повариха, заметил:

— Ты слишком молод для нас. Болен или дело в чем-то еще?

Что ж, ранее это объяснение уже сработало.

— У меня периодическое судорожное расстройство. Неизлечимое.

Тенбери сочувственно поморщился:

— Тогда тебе лучше пойти к докторам. Может, даже инопланетным.

— Уже обращался. Это недешево. — Майлз вы-

вернул пустые карманы, словно иллюстрируя сказанное.

— Так вот почему ты здесь? Банкрот?

— В некотором смысле. — Одно дело обманывать допрос под фаст-пентой, прячась за предельно буквальными ответами и совсем другое — сейчас. Майлз внезапно обнаружил, что как ни странно, он не хочет напрямую лгать этому человеку. — Тут все намного сложнее.

— А просто и не бывает.

— Скажите, вы можете мне показать, куда я имею шанс попасть, если, конечно, останусь здесь?

Густые брови удивленно поднялись.

— За мою работу тебе беспокоиться не стоит. Пойдем, увидишь.

Тенбери провел его по мастерской — наполовину инженерной, наполовину медицинской. На верстаке лежали детали демонтированной криоустановки. — Я держу камеры в рабочем состоянии, разбирая часть из них, чтобы пустить на починку других, — объяснил Тенбери.

Майлз на всякий случай старался поощрять технаря к дальнейшим рассказам о тонкостях его ремесла тем же неопределенным хмыканьем, каким подбадривал Йани. Наконец, усвоив столько

информации об устройстве криокамер, сколько смог вынести, он задал свой вопрос:

— А когда закончатся запчасти?

— Не в ближайшее время. Этот криоцентр изначально был рассчитан на двадцать тысяч замороженных, и за двадцать лет мы заполнили едва ли десять процентов камер. Признаюсь, начинали мы меньшими темпами. Но все равно, у нас еще десятилетия впереди. До того как я уйду, уж точно.

— А что потом? Кому вы доверите оживление?

— Нам пока не нужно никого оживлять. В любом случае, этот процесс гораздо сложнее и ненадежнее.

«Еще бы».

— А кто тогда проводит криоподготовку?

— Медицинская сестра нашего криоцентра. Рано или поздно ты с ней встретишься. Она очень хороша в своем деле, а Ако у нее учится. Нужно, наверное, и мне взять себе пару учеников помоложе.

Такое положение дел Майлза не удивило. Экстренная криоподготовка является общей медицинской процедурой, даже он с ней знаком — их учили оказывать первую помощь в полевых условиях — и хотя бы теоретически знает, что

нужно делать. В стационарных, а не в экстренных условиях процедура имеет больше тонкостей, но в результате меньше вероятность получить криоамнезиию или другие нежелательные побочные эффекты. Чем менее травматичен процесс, тем легче восстановление, и все же хладнокровно решиться сойти во тьму, пока ты еще дышишь…

— Об этом довольно страшно задумываться, — честно признался Майлз.

— Для большинства это последний выбор, когда других уже просто нет. Мы все к нему приходим со временем. Никто не хочет умереть от инфаркта посреди ночи и никогда не проснуться, а лежать и гнить… Безопаснее не доводить до такого. — Губы Тенбери дрогнули. — Хотя в наши дни некоторые корпорации пытаются расширить рынок, убеждая клиентов соглашаться на заморозку в более раннем возрасте. Не уверен, сработает ли такая арифметика.

— Неэластичный спрос, — согласился Майлз; разговор его увлек. — Увеличение числа клиентов сейчас означает сокращение их впоследствии. Чересчур кратковременная стратегия для такого долгосрочного проекта.

— Да, разве что для тех, кто упустил свой шанс.

Настала очередь Майлз задуматься.

— Но вряд ли они охватили рынок на все сто процентов, даже сейчас. Что насчет верующих?

— Конечно, до сих пор существует небольшое количество отказников.

— Отказников?

— Ты ведь не здешний, верно? Видно по вашему акценту, просто я сначала подумал, что ты прожил на Кибо дольше. Раз уж в конце концов попал сюда.

— Меня сюда привело нечто вроде несчастного случая. Хотя я рад, что познакомился с вами.

Отказники, как и оживленные — еще один факт, о котором на чистеньких экскурсиях корпораций не упоминалось. Но даже без краткого любезного объяснения Тенбери Майлз прекрасно уяснил бы смысл этих понятий. Сам Тенбери считал, что число людей, предпочитающих похороны замораживанию по соображениям суеверия, невелико и сильно не возрастет. Майлз вспомнил о сообществах фанатиков-утопистов, практикующих строгое воздержание и вымирающих через пару поколений (хотя какие на Кибо поколения?) и кивнул, отчасти соглашаясь.

Затем Тенбери любезно провел Майлза в дальнюю дверь, через лабораторию, и вывел в другой коридор — слава богу, освещенный, хотя даже

свет не убрал тревожащего сходства с гибридом космической станции и морга. Он отпер пустую, недавно отремонтированную криоячейку и показал Майлзу ее устройство, словно чопорный торговец подержанными машинами, расхваливающий свое добро.

— Она кажется… маленькой, — заметил Майлз.

— Внутри свободного места почти нет, — подтвердил Тенбери. — Но тот, кто попал внутрь, вряд ли внезапно проснется и сядет. Я часто задумываюсь, сохраняются ли какие-то воспоминания о пребывании внутри? Но все оживленные, с которыми я говорил, как один утверждали, что никаких. — Он закрыл ячейку и с мягким щелчком запер замок.

— Просто отходишь ко сну, а потом просыпаешься в будущем, которое выбрал для тебя кто-то другой. И никаких сновидений, — согласился Майлз. — Моргнул — отключился, моргнул — включился снова. Как наркоз, но дольше. — Крайнее преддверие смерти, но, несомненно, куда менее травматическое, когда «моргнул — и отключился» не сопровождается иглогранатой, разрывающей тебе грудь. Трудно не согласиться. Майлз провел ладонью по торцу ячейки. — Но что случится со всеми замороженными беднягами

— точнее, *бедняками* — если власти узнают про это место?

Короткая, нерадостная усмешка мелькнула в густой бороде:

— Они не могут просто выкинуть нас, сгноить и зарыть в землю! Это незаконно.

— Убийство?

— Вроде того. Одна из степеней убийства, во всяком случае.

Значит, их усилия не так уж бесплодны, как Майлзу показалось сперва. Кто-то думает о будущем. Только на сколько лет вперед? На кого в будущем ляжет законная ответственность за эти замороженные души? На муниципалитет Норбриджа? Или на какого-нибудь несведущего предпринимателя, который купит выставленное на продажу за недоимки имущество, предварительно его не осмотрев? Действительно смертельное мошенничество.

— Незаконно — сейчас. Но что если законы изменятся?

Тенбери пожал плечами:

— В таком случае несколько тысяч людей умрут тихо и безболезненно, в надежде и без отчаяния. И не узнают разницы. — После задумчивой паузы он добавил: — Все равно этот мир будет слишком

мерзким, чтобы в нем просыпаться.

— М-м, вряд ли власти затратят силы и средства, чтобы оживлять людей и затем их сразу убивать. Моргнул — уснул, и… моргаешь, моргаешь, моргаешь. — Есть способы и хуже встретить подобную судьбу. Майлз много их повидал.

— Мне нужно возвращаться к работе, — намекнул Тенбери незваному гостю. — Надеюсь, что помог тебе.

— Да, безусловно. Спасибо. — Майлз вслед за Тенбери прошел через лабораторию обратно в темный коридор. — А мне сейчас нужно сходить покормить животных Джина. Я обещал мальчику.

— Странный он ребенок. Я немного надеялся, что сделаю из него себе ученика, но он интересуется животными больше, чем техникой. — Тенбери вздохнул, то ли сожалея об этом, то ли не понимая.

— Э-э..? — намекнул Майлз, ступая в темный коридор.

— Первая дверь по левую сторону, — подсказал Тенбери. Он специально придержал свою дверь открытой, чтобы осветить Майлзу дорогу. Дальше ориентиром ему служили лестничные перила и аккуратно подсчитанные повороты. На полу-

подвальный этаж он вышел возле кафетерия, а оттуда отыскал путь до обиталища Джина по внутренним лестницам.

Выбравшись на дневной свет и увидев топчущихся кур, Майлз невольно подумал: «Вот черт. Но надеюсь, что мальчик вернется поскорей».

* * *

Главный пересадочный узел в нижнем городе на обратном пути Джину дался не легче, чем по дороге в консульство. Он это понял, когда второй раз подряд свернул не туда. Давка заставляла его нервничать, к тому же время шло к часу пик. Нужно отсюда выбираться. Он с сердитым и несчастным видом несколько раз оглянулся вокруг, сообразил, где находится, и начал пробираться наверх, против потока входящих людей.

Интересно, что лежит в этом большом толстом конверте, который ему дал консул Форлынкин? Конверт похрустывал под рубашкой. Поднявшись на второй уровень центрального вестибюля, Джин увернулся от женщины с коляской, прислонился к колонне и выудил из-под рубашки письмо. К его разочарованию, оно было запечатано не кровавым отпечатком пальца, а просто заклеено, но так, что не посмотришь. Джин вздох-

нул и запихнул его обратно.

Вот он, правильный эскалатор. Джин проехал пару пролетов до верхней галереи. Больше всего он волновался за своих зверей. Сумеет ли Майлз-сан позаботиться о них как надо? Со взрослыми вечно ничего не поймешь. Они притворяются, что воспринимают тебя всерьез, а потом за твоей спиной смеются над самыми важными вещами. Или говорят, что раз ты ребенок, то быстро все забудешь. Но Майлзу-сан по-настоящему понравились крысы! Он даже, не поморщившись, позволил Джинни посидеть у себя на плече и потыкаться носом в волосы. Большинство взрослых не понимают, какие крысы гладкие, забавные и ручные, и они не кусаются, если их случайно не стиснуть слишком сильно, а тогда кто же виноват?

Тут чья-то рука стиснула плечо самого Джина; он пискнул и дернулся. Будь он крысой, то цапнул бы за эту руку, а так только резко обернулся, выпрямляясь. И уставился в лицо худшего из своих кошмаров.

Русые волосы, милая улыбка, синяя форма городской полиции. Не офицер службы безопасности подземки: у них форма зеленая. Настоящая полицейская, из тех, что пришли тогда за мамой.

— Как тебя зовут, ребенок? — голос женщины был дружелюбным, но под дружелюбием слышалась суровость.

Джин открыл рот:

— Джин… — Ой, нет, так нельзя! У него внутри все обмирало, когда он пытался лгать взрослым, но все же выдавил: — Джин, э, Форксон.

Она удивленно моргнула.

— Какая странная фамилия.

— Мой папа инопланетник. Но он уже умер, — с торопливой осторожностью добавил Джин. Наполовину правда. Только не думать про смерть и похороны.

— Мама отпустила тебя сюда одного? Сейчас же должны быть занятия в школе.

— Гм, да. Она послала меня по делу.

— Тогда позвони ей.

Джин вытянул вперед тощие запястья. Под ложечкой у него рос холодный ком, внутри все дрожало.

— У меня нет комма, мэм.

— Хорошо. Пойдем со мною на пост охраны, можешь позвонить оттуда.

— Нет! — Вот теперь Джин по-настоящему запаниковал. Он попытался вывернулся и обнаружил, что ему больно завернули за спину руку.

Подол рубашки задрался, и из-под него с громким шлепком на пол вывалился конверт. — Нет, подождите! — Джин попытался нагнуться за ним, но женщина, не выпуская его руки, сама подхватила конверт и принялась его разглядывать, хмурясь все сильней.

— Код Шесть, Дан, — пробормотала она в наручный комм. — Первый уровень.

Моментально объявился еще один полицейский:

— Что у тебя, Мичико? Поймала магазинного воришку?

— Не уверена. Возможно, просто прогульщика. Этого юношу надо отвести на пост, чтобы он позвонил оттуда матери. И опознать, я полагаю.

— Хорошо. — Мужчина взял его за другую руку, еще крепче. Беспомощного Джина потащили. Он отчаянно прикидывал, как бы вырваться, но оба полицейских хватки не ослабляли.

Полицейский пост находился за большим стеклянным окном, выходящим на вестибюль. Внутри было прохладно, и, когда дверь захлопнулась, тихо; в другое время Джин только бы обрадовался этой чудесной тишине, особенно после такой давки, но не сейчас. На посту горело множество включенных экранов, и Джин понял,

что некоторые показывают картинку с камер, которые глядят прямо в лицо людям на эскалаторе. А он совсем не заметил их, когда ездил по эскалаторам, торопился и отвлекся на шум.

Женщина посадила Джина на вращающийся стул; сидя на нем, он не доставал ногами до пола. Широкоплечий мужчина, Дан, поднял световое перо:

— Дай-ка мне посмотреть твои глаза, мальчик.

Сканер сетчатки? Красная вспышка! Джин зажмурился, как только мог, и даже ладонями лицо прикрыл для верности, но слишком поздно. Он слышал, как полицейский садится за комм-пульт.

— Он перепуган, Дан, — заметила женщина. Джин видел сквозь пальцы, как она подняла конверт и смотрит на него с радостным интересом, словно это подарок на день рождения. — Как думаешь, причина может быть здесь?

От комм-пульта донесся писк.

— Ага. По-моему, у нас есть образец. Быстро получилось. — Офицер Дан посмотрел на Джина: — Твое имя Джин Сато?

— Нет!

— И здесь написано, что он пропал *год* назад.

Не выпуская руку Джина, женщина обернулась

и посмотрела на голоэкран.

— Боже правый! Семья будет счастлива, когда ребенок к ним вернется.

— Не будет! Отпустите меня!

— Где ты прятался целый год, сынок? — спросил офицер Дан довольно дружелюбно.

— И что это такое? — добавила Мичико, взвешивая на ладони конверт и хмурясь.

— Вам нельзя его брать! Отдайте!

— А что это?

— Просто письмо. Очень, очень личное. Я должен его отнести. Одному, ну, человеку.

Оба офицера оставались непреклонны.

— Какому человеку? — уточнила Мичико.

— Просто… человеку.

— Вы с ним друзья? Родственники?

В мире Джина от родственников ничего хорошего ждать не приходилось.

— Нет. Мы с ним вчера познакомились.

— И где?

Джин плотно захлопнул рот.

— Не подписано, — заметил Дан. — Почтового штампа нет. Никаких законных оснований, препятствующих нам его просмотреть, верно?

Женщина кивнула и протянула ему конверт. Дан взял нож для бумаги и поддел клапан. Из кон-

верта вывалилась толстая пачка денег, и вместе с ней выпорхнула исписанная бумажка.

Столько денег за раз Джин в жизни не видел. И, судя по расширенным глазам обоих полицейских, они такой толстой пачки купюр тоже не встречали, особенно в руках ребенка.

Дан взвесил пачку на руке и издал долгий, удивленный свист.

— Сеть распространения наркотиков, как ты думаешь? Или контрабандные торговцы виртуальными снами?

— Может быть… черт, да это может быть что угодно! Одно ясно, Мичико — это твое повышение по службе. Поздравляю. — Дан посмотрел на злосчастный конверт с уважением, запоздало извлек из кармана пару тонких пластиковых перчаток и натянул их прежде, чем подобрать записку, похоже, напечатанную на оторванной половине листа.

— «Нам приходится верить, что вы знаете, что делаете. Пожалуйста, свяжитесь с нами как можно скорее», — прочел Дан вслух. Он поднес записку ближе к свету. — Ни адреса, ни даты, ни имени, ни подписи. Ничего. О-очень подозрительно.

Мичико наклонилась и поглядела Джину пря-

мо в глаза:

— Где ты встретил этих плохих людей, мальчик?

— Они не плохие. Просто… люди. Друзья моего друга.

— Куда ты нес все эти деньги?

— Я не знал, что там деньги!

Мичико подняла брови.

— Ты в это веришь? — спросила она напарника.

— Да, — ответил Дан, — иначе бы он его выбросил.

— Верно подмечено.

— Я бы не выбросил! Даже если бы знал!

— Никто теперь не угрожает тебе, Джин, — произнесла Мичико мягко. — Ты в безопасности.

— А мне никто и не и угрожал! — Джин в жизни не был в большей опасности! А если он проболтается, опасность будет грозить уже Сюзи, Ако, Тенбери, да и вообще всем его друзьям. А Лаки, крысы, куры и большой, красивый Вихрь… Джин плотно стиснул зубы, глядя на полицейских.

— Вызови Детскую службу, чтобы забрали мальчика, — сказала Мичико. — Прочие улики лучше передать в департамент полиции нравов, пусть ломают голову.

— Да, — согласился Дан, который, не снимая перчаток, упаковывал его драгоценный конверт, пачку денег и записку в пластиковый пакет.

— Мои животные… — прошептал Джин. Майлз-сан доверил ему такую простую задачу, а он все испортил. Все-все испортил. Из-под его плотно сжатых век покатились слезы.

* * *

Со скрежетом и облачком пыли болт выскочил из стены.

— *Наконец-то!* — выдохнул Роик.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Прежде, чем предпринять осторожную разведку, Роик подождал, пока сгустятся сумерки и шаги на галерее надолго стихнут. Дверной замок уступил силе, точнее, треснула, расколовшись, хлипкая рама, и из нее выскочил язычок замка. Вышло гораздо громче, чем Роику хотелось бы, но никто не встревожился и не пришел выяснять, в чем дело. Согнувшись в три погибели, чтобы его не было видно из окон, Роик обошел галерею. Босые ноги бесшумно ступали по доскам, только иногда позвякивала цепь на лодыжке. Он быстро выяснил, что открытая галерея опоясывает прямоугольник здания с трех сторон, и на каждой вниз ведет лестница. На этом этаже находилось с десяток номеров вроде его собственного, а выше только крыша — третьего этажа у корпуса не было.

Правее и ниже по склону стояло еще одно здание, из окон которого струился слабый желтый свет. Позади него, скрытая между деревьями, кажется, располагалась посадочная площадка, но полное отсутствие световой разметки не поз-

воляло ничего рассмотреть: ни Роику, ни тому, кто пролетел бы над этим местом на флайере. Хотя сейчас светомаскировка только играла на руку Роику. Он проскользнул до дальнего конца галереи. В сгустившейся темноте на границе леса чернело третье строение, низкое, смутно похожее на ангар или гараж. Похоже, здесь когда-то был пожар, подумал Роик: так редко стояли ели.

Его чуть удар не хватил, когда чей-то голос окликнул его шепотом:

— Роик! Наверху!

Задрав голову, Роик различил в темноте бледное пятно лица над краем крыши. Длинная черная коса, мотаясь, свисала с плеча, и Роик с облегчением узнал:

— Доктор Дюрона? Ворон? Они и тебя схватили?

— Ш-ш! Тише. Нас везли в одном летающем фургоне. Ты был без сознания. Давай сюда, пока никто не объявился! — Ворон, лежащий на крыше, опустил руки, помогая ему залезть. — Осторожно, за пальцы не хватай…

Почти в тишине — не считая сопения и шуршания — Роик забрался на плоскую крышу. Ступая осторожно, чтобы их шаги не услышали через потолок, они прокрались к вентиляционной шахте

и притаились с подветренной стороны.

Ворон Дюрона вполне мог бы сойти за уроженца Кибо-Дайни: худощавое умное азиатское лицо, высокий нос с горбинкой и прямые черные волосы до пояса. Его отличал только нездешний выговор. Делегат от медицинской группы Дюрона с Эскобара, он единственный на конференции был хоть как-то знаком Роику, но м'лорд почему-то дал им знак держаться подальше друг от друга. Ворон едва заметным кивком и приподнятой бровью дал понять, что уяснил, и в дальнейшем близко не подходил. Уже потом Роик понял: это позволило м'лорду закидывать собственные сети.

Роик сел, скрестив ноги, эскобарский криохирург — обхватив руками колени, и сблизили головы, чтобы пошептаться.

Почти беззвучно Роик уточнил:

— Охрану видел?

— Нет. Но наши похитители еще не спят, — так же тихо ответил доктор Дюрона. — Почти все собрались внизу в обеденном зале, но кое-кто то и дело забредает сюда. Они поселились под нашими комнатами.

— А как ты выбрался из своей?

— Провел вскрытие замку на окне ванной.

Правда, парень гибок как змея; Роик со своими плечами в окошко ванной ни за что не пролез бы.

— А цепь?

— Цепь? Ты сидел на цепи? Ничего себе, Роик!

— Да ладно. Мы далеко от Норбриджа, ты не знаешь? И где мы вообще?

— Километров сто, сто пятьдесят. Куда ни погляжу, всюду лес. Похоже, дорог тут нет вовсе, а добираются сюда флайером или летающим фургоном. Раньше здесь на озере был курорт, куда приезжали отдыхать из Норбриджа, но потом бурей разрушило дамбу, и вода из озера ушла в реку. Восстановительные работы свернули из-за судебных исков, и вот уже пару лет этот курорт закрыт. Оказывается, один из наших похитителей — его владелец. Поэтому Наследники-Освободители и придумали этот идиотский план.

— А что они хотят… нет, постой. Сначала скажи, ты не видел лорда Форкосигана?

Ворон покачал темноволосой головой:

— Кажется, я видел, как его тащили, еще там, в вестибюле. Как раз когда меня схватили, а ты загнал кучу народу в лифт и заорал на них, чтобы они продолжали подниматься — по-моему, бедняги делегаты перепугались тебя больше,

чем террористов. Но с тех пор больше не видел. Заложников тут, кроме нас с тобою, только шестеро. Всех на ночь запирают. Похоже, Н. О. Н. Н. рассчитывали на улов втрое больше. Твое вмешательство их не обрадовало.

— И сколько здесь плохих парней?

— Какой типично барраярский оборот речи! С дюжину, мне кажется. Я не видел их всех вместе. Они изводят нас посменно.

— Чего?

— По большей части, читают лекции. О стойких и славных целях Наследников-Освободителей.

— О, я уже знаком с образчиком.

— Только с образчиком? Нам приходится слушать это *часами*. Они отводят нас вниз в обеденный зал и толкают свои речи, пока не охрипнут.

— Даже удивительно, а почему же меня не пригласили?

— С твоей репутацией громилы-варвара с Барраяра? Хм, скороговорка получилась. Слишком опасен, чтобы тебя выпускать. Посадили на цепь, да? Зато тебе повезло — ты избежал их лекций. Думаю, они пытаются обработать нас психологически, выработать нечто вроде стокгольмского синдрома, но надо сказать — сработано отвра-

тительно. Старый барон Риоваль скушал бы их на завтрак.

Роик однажды слышал, как брат м'лорда, лорд Марк, цитировал покойного барона Риоваля с Единения Джексона — пробормотав что-то вроде «А потом изучим любопытный фокусирующий эффект, пригрозив удалить оставшийся глаз» — и подойти уточнить у него желания не возникло. Наоборот, он отодвинулся от лорда Марка подальше, хоть и был выше его на добрых полметра. Роик знал только то, что вся группа Дюрона — тридцать пять клонированных медицинских гениев, братьев и сестер — обязана своим побегом из джексонианского технорабства к новой, свободной жизни лорду Марку и лорду Форкосигану. Причиной особого акцента Ворона, да и всех прочих Дюрон, стало то, что беженцы с Джексона уже десять лет жили на Эскобаре. Причиной, по которой печально известный барон перешел в категорию покойных, являлся лорд Марк. А вот причина того, что Роик с Вороном сидели сейчас на крыше, оставалась до сих пор непонятной.

Ворона пригласили на здешнюю конференцию, чтобы он прочитал иллюстрированную лекцию по методикам криооживления после гибели от множественных травм. Эту лекцию

м'лорд с Роиком посетили три дня назад, после того, как якобы случайно столкнувшись с ними у лифтов, Ворон намекнул, что м'лорд найдет особо интересным крайне сложный случай пациента номер три, погибшего от прямого попадания в грудь иглогранаты. Как сообщил Ворон своим слушателям, это был один из наиболее ранних и запоминающихся случаев в его хирургической практике. М'лорд прослушал лекцию очень внимательно. Роик — закрыв глаза. *И все же…*

— Да, но с какой радости эти идиоты читают лекции вам?

— Расхваливают свое дело. Вообще очень похоже на последние пару дней конференции, только наоборот. И кормят здесь намного хуже.

— Их что, преследует правительство или давят цензурой в местных СМИ?

— Ничего подобного. У них даже есть сайт в планетарной сети, куда любой, кто пожелает, может зайти ознакомиться с их позицией. Только, похоже, желающих нет. Вот они и решили перейти к силовым способам привлечения внимания. Я, понимаю, бывает грабеж под дулом пистолета, но продать что-то, держа клиента на прицеле — нереально. Сперва мы были до смерти напуганы, но под конец просто смертельно *заску-*

чали. — Ворон почесал нос. — И они намерены нас обрабатывать так целыми днями. Поэтому я и сбежал, но, похоже, без особого успеха.

— Но ведь мы уже здесь!

— Да, здесь. Посреди леса, идти до людей километров сто, а если промахнешься с направлением — то намного больше. Даже если лес не кишит хищниками, готовыми тобой перекусить, было бы безумием бежать в темноту без обуви и снаряжения. А все припаркованная техника тщательно заперта. Я уже проверял.

— Ха. Жалко.

Ворон задумчиво разглядывал Роика.

— Ну, в одиночку я бы не рискнул напасть на человека, который садится во флайер, и угнать его, но вдвоем мы можем устроить засаду…

Что Роик перевел для себя как «Нападаешь — ты, а я — подбадриваю…»

Ворон наморщил лоб:

— Кроме того, не похоже, что они тут часто прилетают или улетают. Все заперто и тишина. Пока ты не появился, я уже прикидывал вернуться в комнату, как будто никуда не уходил, и дожидаться следующей возможности.

— Ну, у меня-то не получится, — возразил Роик, вспомнив свою выломанную дверь. Он вытянул

шею, всматриваясь в третье, темное здание. Если раньше там проходила береговая линия… — А там что?

— Не знаю. Не видел пока, чтобы кто-нибудь входил туда или выходил.

— Думаю, это может быть лодочный ангар. Или ремонтная мастерская — в таком уединенном месте она наверняка есть — но ангар все-таки вероятнее.

Ворон кисло оглядел дно пересохшего озера.

— В жизни не плавал на лодках, и что-то не тянет начинать сегодня ночью. А вот если там инструменты… как ты думаешь, мы сможем вскрыть флайер? Хотя нет, чтобы его завести, нужен код. Лом тут не поможет. Разве что огреть им по голове владельца.

— У м'лорда есть лодки. Дома, на Барраяре, у него поместье на берегу озера в форкосиганском Округе, в паре часов полета на флайере от столицы. — Какая-то мысль упорно крутилась в ноющей голове Роика. — Пойдем поглядим.

На физиономии Ворона читалось сомнение, но он пожал плечами и согласился.

С предельной осторожностью они спустились с крыши и на цыпочках прокрались к дальней лестнице. Оттуда они по прямой добежали до

опушки и описали дугу через лес, чтобы выйти к той стороне строения, что некогда смотрела на причал. Пробежка босиком по веткам, камням и прочему лесному мусору заставила Роика согласиться с Вороном, что в долгих лесных прогулках ничего хорошего нет.

В окне стояло ударопрочное стекло, а дверь со стороны бывшего озера — заперта на висячий замок, но он не устоял против того же приема, что Роик применил к своей двери. Треск сломанного дерева заставил Ворона вздрогнуть; оба застыли, напряженно вслушиваясь в темноту, но никаких криков не последовало. Они проскользнули внутрь.

За внешней дверью оказалась прихожая; слава богу, дальше дверь не заперта. Распахнув ее, Роик попал в ангар. Несмотря на полную темноту, он узнал лодки по запаху. Запах дерева, масла, застоялой воды и высохших водорослей не перепутаешь ни с чем, он удивительно приятен, потому что хранит в себе память о лете. Когда глаза Роика привыкли к темноте, он различил свисающие с потолка каяки — или каноэ? — и пару корпусов пошире, стоявших на прочных козлах. В дальней стороне комнаты виднелся полузаваленный верстак. Ворон нацелился было

туда, вытянув перед собою руки, чтобы в темноте не расшибить голову об столб, но Роик шепотом позвал его.

— Подойди сюда. Вот большой моторный катер — помоги мне снять с него чехол.

— Роик, если даже мы вытащим его в дверь, озеро-то высохло!

— Да нет же. Просто помоги, хорошо?

Корпус катера был метров пять в длину, и пару — в ширину. Эластичный пластиковый чехол прикрывал широкий открытый кокпит. Застежки неохотно поддались, Роик стянул чехол и забрался внутрь. Любопытствующий Ворон подошел поближе.

Роик ощупал приборы управления прямо под ветровым стеклом и откинул — да! — крышку небольшой видеопластины. Теперь, если комм-линк питается от независимого источника, а чертовски вероятно, что так оно и есть… неуклюжие пальцы Роика наконец-то нащупали выключатель, и темноту прорезали зеленые и янтарные огоньки.

— Ух ты! — вскрикнул искренне впечатленный Ворон; ох уж эти Дюроны с их экспансивностью. — Ты знал, что он здесь окажется?

— Предполагал. Если тут работала база проката

лодок для курортников, значит, нужна оборудованная станция для спасателей. Комм-линк — стандартное оборудование для катера такого размера, вместе с глубиномером, спутниковым навигатором и так далее.

Найти аварийный канал оказалось довольно легко. Буквально через несколько минут Роик уже разговаривал с дежурными из норбриджской полиции. Не один год проработав патрульным, он хорошо представлял, что именно нужно сказать, чтобы поскорее добраться до начальства, а навигатор катера дал ему точные координаты. Он коротко доложил свои и Ворона наблюдения изумленному, но довольному таким оборотом дел следователю, который отвечал за расследование похищения (широко освещенного в прессе, как понял по его тону Роик). К большому беспокойству Роика, лорда Форкосигана пока не нашли. Подняв на ноги норбриджскую полицию, Роик отключил связь и откинулся в кресле.

— И что теперь? — поинтересовался Ворон.

— Теперь ждем.

— Спасателей? А ты не думаешь, что мы обязаны сделать хоть что-то для остальных заложников?

— Лучше по-тихому залечь. Нет смысла поднимать шум, если наши похитители нас пока

не хватились. Дадим парням с Кибо сделать их работу и будем надеяться, что они окажутся здесь первыми. — Роик вспомнил, как м'лорд предостерегал его насчет *разграничения сфер полномочий с местными властями*; правда, сам м'лорд лишь изредка беспокоился о таких вещах.

Кстати о местных… Роик склонился над видеопластиной и нашел номер барраярского консульства в Норбридже. Увы, в публичной сети имелись лишь общедоступные номера. Секретный номер для экстренной связи остался в наручном комме Роика, который похитители скорее всего предусмотрительно выбросили в городе, чтобы его не отследили. Автоответчик вежливо предложил Роику перезвонить в рабочие часы или оставить сообщение. Приглушенная фоновая музыка — один из знаменитых барраярских военных маршей — заставила Роика на мгновение почувствовать ностальгию. Он успел продиктовать до половины свой краткий рапорт о текущем положении дел, когда, к его облегчению, музыка прервалась, и раздался живой голос.

Роик узнал лейтенанта Йоханнеса, молодого водителя, который вместе с самим консулом Форлынкиным — поскольку м'лорд есть м'лорд — неделю назад встретил их в космопорте и довез

до отеля. Военный атташе, СБшник, и, насколько Роик подозревал, заодно консульский садовник, повар и ординарец. Роик испытывал по отношению к нему своего рода братские чувства.

— Оруженосец Роик! — Голос Йоханнеса был резким и встревоженным. — Вы в порядке? Где вы?

Роик начал излагать свой рапорт с начала. На половине рассказа над платой рядом с физиономией Йоханнеса возникло напряженное лицо консула Форлынкина.

— Если вы свяжитесь с норбриджской полицией со своей стороны, то, вероятно, будете знать столько же, сколько и мы, — закончил Роик.

— Лорд Аудитор Форкосиган не с вами — так? — уточнил Форлынкин.

— Здесь мы его не обнаружили. Вы что-то знаете?

Слишком долгая пауза.

— Мы не до конца уверены.

«Что за черт? Что это значит?»

— Как только вас освободят, сразу отправляйтесь в консульство, — продолжил Форлынкин. — Может, мне прислать Йоханнеса уладить этот вопрос с полицией?

Роик почесал в затылке. — Если м'лорда здесь

нет, из-за нас нет смысла поднимать панику. Я вернусь в город вместе с остальными.

— А что насчет меня? — встрял Ворон, то ли негодуя, то ли забавляясь, трудно определить.

— Кто это? — опешил Форлынкин.

— Доктор Дюрона. Мой знакомый с Эскобара, один из делегатов, — объяснил Роик.

Ворон вежливо наклонился к объективу камеры и радушно улыбнулся. Форлынкин в ответ нахмурился.

— М'лорд будет рад услышать, что этот человек… — нет, еще рано говорить «в безопасности», — … со мною, — добавил Роик.

Форлынкин сдержанно заметил:

— Знаете, если бы вы были более откровенны, мы могли бы гораздо эффективнее вам помогать.

Легкая горечь в его голосе обрадовала Роика больше, чем себе мог представить его собеседник. Именно так должен был звучать голос консула, который совсем недавно к своему вящему неудовольствию имел дело с м'лордом, но не может говорить об этом по незащищенной линии.

— Понимаю, сэр, — успокаивающе заверил Роик и выключил комм.

— А что теперь? — поинтересовался Ворон? — Просто сидим тут и ждем сирен?

— В идеале никаких сирен, — поправил его Роик. — Лучше всего чтобы полиция высадилась внезапно, не поднимая шума, и освободила заложников. — По крайней мере, Роик им так и предлагал.

Ворон долго молчал.

— По этим Освободителям не похоже, что они хотели нас убить. Если только обратить в свою веру.

— Паника меняет людей.

Ворон вздохнул:

— Умеешь ты, Роик, убеждать.

Они сидели и ждали около светящейся в темноте панели, точно у небольшого походного костра.

* * *

Добравшись до кованых железных ворот консульства, Майлз обнаружил, что они заперты, и утомленно уставился на них. За воротами виднелся ухоженный сад и небольшой особняк, теряющийся в тени своих больших соседей, но, по крайней мере, такой же аккуратный. Может, раньше это был домик для прислуги? Кибо-Дайни никогда не имела для Барраяра такого стратегического значения, чтобы щедро тратиться на

представительство из имперской казны. Эта система находилась на тупиковом отрезке маршрута по другую сторону Эскобара, за пределами зоны барраярского влияния. Здешнее консульство призвано облегчать разбирательства с местным законодательством для редких барраярских (а вернее, комаррских) торговых предприятий, оказывать помощь любому подданному империи, попавшему тут в неприятности, и выдавать визы (втихую проверив) тем еще более редким обитателям Кибо, которые пожелают посетить Барраярскую Империю. Прибытие Майлза стало для консульства самым волнующим событием за много лет. «И с каждым днем делалось все более и более волнующим».

Предрассветный холод был влажным и пронизывающим, ноги у Майлза свело, спина ныла. Он вздохнул, неловко перелез через ворота, подобрал свою трость, прошагал по короткой дорожке к дому и нажал кнопку звонка.

На крыльце и в вестибюле вспыхнул свет, за стеклом появилась физиономия, и дверь со скрипом открылась. Незнакомый Майлзу молодой человек с местным выговором произнес:

— Сэр, прошу вас прийти позже в приемные часы. Мы открываемся через два…

Майлз засунул трость в дверную щель, работая ей как рычагом, набычился и попер вперед.

— Сэр!.

От сокрушительного взрыва Аудиторского гнева подчиненного спас лишь консул Форлынкин, появившийся в глубине вестибюля.

— Что там, Юичи? О боже, лорд Форкосиган!

Демонстрируя хорошую реакцию и чувство самосохранения, Юичи попятился с линии огня.

Высокий и худощавый Форлынкин еще толком не продрал глаза и не успел одеться по всей форме: только брюки, рубашка и шлепанцы — зато у него в руках исходила паром кружка с нежным запахом зеленого чая. Запах так отвлек внимание Майлза, что он едва не провалил свое тщательно отрепетированное вступление; впрочем, в его распоряжении была вся ночь на эту репетицию.

— Форлынкин, *что, черт вас возьми, вы сделали с моим курьером*?

Форлынкин вытянулся, невольно выдавая, что не так давно ушел с армейской службы. Небольшое — всего лишь частичное — облегчение зажглось в его взгляде.

— Мы можем ответить, милорд.

— Так Джин был здесь?

— Гм, да, сэр.

Значит, неприятности случились с Джином на обратном пути. Скверно…

Вчера Майлз прождал до полуночи, все более тревожась, потом уговорил Ако позаботиться о животных вместо него и взял дело в собственные руки. Или ноги. Те несколько часов, что потребовались ему, чтобы добраться до консульства незамеченным, отнюдь не улучшили его настроения, как, впрочем, и поливавший его все это время дождь.

Когда консул осознал, в каком виде — весьма далеком от тщательно культивируемого образа Очень-Важной-Персоны-в-Сером-Костюме, виденной им всего неделю назад — перед ним стоит милорд Аудитор, его брови сошлись к переносице. Хотя, возможно, вздрогнуть его заставили не только драная и в пятнах одежда, двухдневная щетина, неприятный душок и специфическая обувь. Однако, демонстрируя присущую дипломатам наблюдательность, он также заметил, как Майлз отслеживает пристальным взглядом его чашку, и непринужденно предложил:

— Не угодно ли зайти на кухню и присесть, милорд Аудитор? Мы как раз завтракаем.

— Да, чай, — выдохнул Майлз; он с трудом преодолел порыв выхватить кружку у него из рук.

«О боже».

Форлынкин повел его через сводчатый проход вглубь дома.

— Как вы сюда добрались?

— Пешком. Я шел с полуночи. Тридцать с гаком километров задними дворами, и пару раз мне приходилось прятаться, чтобы не объяснять патрульным, отчего я в таком виде. Нечего говорить, что изначально я рассчитывал на другое.

Кухня оказалась опрятной и современной, с круглым обеденным столом в нише окна, которое выходило на обнесенный стеною задний сад. В стеклах, как в зеркалах, отражалась яркая кухонная мебель, за ними влажная ночная тьма только начинала светлеть, уступая место синеющим сумеркам. Белокурый паренек — атташе Йоханнес — повернулся от микроволновки и чуть не выронил из рук свежеразогретый «завтрак холостяка». По кивку своего шефа он поспешно придвинул стул весьма важному, хотя и столь же потрепанному и перепачканному, гостю. Майлз рухнул на стул, стараясь не позволить благодарности перевесить свое раздражение, потому что лишь последнее держало его в рабочем состоянии.

— Чего вам предложить милорд? — заботливо поинтересовался лейтенант.

— Чаю. А также душ, сухую одежду, еду, сон и комм-пульт с защищенной линией, хотя я согласен обойтись одним комм-пультом. Но начнем с чая. — Или же он рискует уронить голову на руки и заснуть прямо здесь. — Вы передали мое сообщение о том, что повода для паники нет, на Барраяр и моей жене? Закодированным, я надеюсь?

Форлынкин ответил чуть скованно:

— Мы уведомили Департамент по делам Галактики на Комарре о том, что получили от вас сообщение и что вы не находитесь в руках похитителей.

— Сойдет. Вскоре я отправлю дополнение к этому сообщению. — «Надеюсь, оно обгонит любые новости, которые кто-то удосужится по неловкости сболтнуть Катерине, не то мне придется долго вымаливать прощение, когда я вернусь домой». — Кроме того, у меня нет новостей со вчерашнего дня. Вы знаете что-нибудь о заложниках, захваченных на криоконференции? О моем оруженосце Роике?

Форлынкин сел на стул напротив Майлза.

— У нас хорошие новости, сэр. Ваш оруженосец умудрился сбежать от своих похитителей, добраться до комма и позвонить норбриджским

властям. Полицейский спасательный отряд совсем недавно добрался до места, где держали заложников — мы всю ночь следили за развитием событий. Похоже, всех освободили живыми и невредимыми. Не знаю точно, когда Роик доберется сюда: он сказал, что должен еще остаться и дать показания.

— А, да. Роик относится к полицейским процедурам с большей симпатией, нежели я сам. — С глубочайшим облегчением Майлз отпил глоток горячего чаю. — И мальчик… погодите. А вы кто такой? — Майлз воззрился на Юичи, который вместе с Йоханнесом жался в дальней стороне кухни.

— Это наш клерк, Юичи Мэтсон, — объяснил Форлынкин. — Самый ценный наш сотрудник. Он служит у нас около пяти лет. — Клерк с благодарностью посмотрел на своего начальника и поприветствовал Майлза штатским кивком.

Понятно, единственный вольнонаемный сотрудник консульства. А поскольку Форлынкин тут лишь два года, а Йоханнес прибыл на Кибо-Дайни вообще в прошлом году, Мэтсон здесь если не по возрасту, то по стажу самый старший. «Кому вы доверяете, милорд Аудитор?» В сложившейся ситуации — никому, кроме Роика,

предположил Майлз. Но излишняя паранойя — такая же ошибка, как и излишнее доверие. Надо быть осторожным, но не стоять столбом.

— Итак, что случилось с Джином?

— Мы отправили его обратно к вам, как вы и указали, милорд. Однако приняли меры предосторожности, поместив в конверт микро-маячок.

Конечно, их меры не совсем соответствуют тому, что потребовал в своей записке Майлз, а именно — «не следить за ним», но сейчас не стоит лицемерить, придираясь к мелким деталям. Результат прежде всего.

— Вчера рано вечером конверт прекратил перемещаться. Его расположение мы идентифицировали как хранилище улик центрального полицейского управления Норбриджа. Мальчик Джин, очевидно, попал в руки полиции, а потом оказался во временном детском приемнике-распределителе, где и провел всю ночь. Исходя из этого, лейтенант Йоханнес получил общедоступные списки задержанных за вчерашний день и методом исключения идентифицировал вашего курьера. Полное имя мальчика — Джин Сато, он сбежал из дому год назад и его ищут.

— Да? Мне все это известно.

Форлынкин едва не растерял всю свою дипло-

матичность.

— Так *какого черта* — сэр! — вы вовлекаете ребенка в ваши дела, какими бы они ни были?

— Ему одиннадцать, — поправил Майлз.

— Одиннадцать! Еще хуже!

— Когда моему отцу было одиннадцать, — резонно возразил Майлз, — он стал адъютантом при моем деде-генерале в разгар полномасштабной гражданской войны. В тринадцать лет он помогал низложить императора. Я не думал, что прогулка по родному городу туда и обратно, посреди бела дня, на мирной планете, Джину не под силу.

Хотя теперь ясно, что он ошибался. Майлз вздрогнул. Он абсолютно не задумывался о том, что Джин сбежал из дома, а город находится под тщательным наблюдением. Хотя сам по привычке машинально прокладывал маршрут так, чтобы избежать любого внимания. А сейчас мальчик как минимум сходит с ума, волнуясь и переживая за своих животных.

— Моя ошибка, и ее надо исправить. Я не бросаю своих людей, если в состоянии им помочь. Нам надо будет вернуть его.

У Форлынкина упала челюсть:

— Но как? Он *маленький ребенок*, у нас нет на

него никаких прав!

— Я передал с ним всю нашу наличность, — добавил Йоханнес. — Я бы сам сходил за ней в полицию, однако не вижу способа доказать, что она наша. — Он хмуро покосился на Майлза. «Все сделано в точности, как вы сказали», подразумевала безмолвная жалоба.

«Что ж, всегда есть ваш 'маячок'». Но прежде, чем Майлз успел озвучить эту мысль, Форлынкин продолжил:

— Если бы ваш несовершеннолетний курьер заговорил, я полагаю, норбриджская полиция позвонила бы нам и стала задавать весьма неудобные вопросы.

Майлз замер, насторожившись:

— А они этого не сделали?

— Нет. Пока еще нет.

Значит, Джин держит рот на замке, причем в обстановке, которая должна его пугать до чертиков. — Это… интересно.

— Где вы нашли мальчика, милорд? — поинтересовался Форлынкин.

— Не я. Он сам меня нашел. Подобрал на улице. — Майлз быстро подредактировал свою историю в уме. В конце концов, у них с Сюзи был молчаливый уговор: в обмен на информацию он

не выдает ее убежище. Информацию он получил, хотя еще толком не знал, что с ней делать. — Вы прочли мою записку?

Форлынкин кивнул.

— Так вот. Как я и говорил, тот наркотик, которым похитители пытались меня успокоить, вместо этого превратил меня в галлюцинирующего буйного психа, и я заблудился в Криокатакомбах. — Совершенно не обязательно уточнять, сколько времени он там провел; ситуация достаточно гибкая и вполне позволяет спрятать дополнительный день, который он провел с Джином и Ко. — Когда я так или иначе пришел в себя и отыскал путь наружу, то безумно опасался, что похитители меня найдут и я снова попаду к ним в руки, и к тому же слишком устал, чтобы куда-то идти. Джин любезно мне помог, и я ему должен.

Форлынкин посмотрел на Майлза в упор. — Вы говорите, что в тот момент были не совсем в себе?

— Это может оказаться хорошим объяснением, если потребуется. Консульство работает с каким-нибудь местным юристом?

— Да. Она у нас на предварительном гонораре.

Стандартная практика. «Можно ли доверять ей наши секреты?» Майлз пока не был готов задать

этот вопрос вслух.

— Хорошо. Как можно скорее свяжитесь с ней и выясните, что мы можем сделать, чтобы вернуть Джина. — Он протянул кружку, и клерк Юичи вежливо налил ему еще. Рука Майлза дрожала от усталости, но он ухитрился не расплескать чай и донести его до губ. — Душ заменит мне часа три сна. Сперва душ. Потом комм-пульт, будьте добры.

— Не стоит ли вам отдохнуть, милорд? — предложил Форлынкин.

Майлз с трудом сдержался, чтобы не заорать в ответ «Не спорь со мной!»: пожалуй, верный признак того, что отдых ему действительно чертовски необходим. Но сперва он должен кое-что выяснить.

— Позже, — ответил Майлз и прибавил: — Скоро.

Затем подумал и неохотно добавил:

— Желательно сообщить полиции Норбриджа, что я сбежал от похитителей, потерялся в Криокатакомбах и вернулся в консульство самостоятельно. Не хочу, чтобы они тратили силы и время на розыски. Скажите им, что я не пострадал, хотя крайне измучен и сейчас отдыхаю. Завтра, если потребуется, они могут прислать

кого-нибудь снять с меня показания. Не упоминайте Джина, если вас не спросят напрямую. Если кто-либо еще будет мною интересоваться… посоветуйтесь со мной.

Форлынкин поглядел на него еще пристальнее, но только кивнул.

Йоханнес отвел Майлза наверх в гостевые комнаты — похоже, что оба холостяка-барраярца экономили на съемном жилье и жили прямо здесь. Персонал консульства немедля вознесся в глазах Майлза на недосягаемую высоту, когда в комнатах обнаружился его собственный багаж: его вместе с вещами Роика барраярцы забрали из отеля после того, как их обоих похитили. Отдавая лично в руки Аудитору Форкосигану его персональное устройство связи — с защитой и устройствами шифрования, лучшее, что могло предоставить СБ — Йоханнес посмотрел на приборчик с должным уважением. Правда личные вещи, которые похитители отобрали у Майлза, все еще находились в руках полиции: их нашли в переулке в деловой части города и приобщили к уликам. Исключение составляла Аудиторская печать, которую Форлынкин ухитрился у них добыть, похоже, добавив какие-то решительные дипломатические аргументы.

Полтора часа спустя — вымывшись, побрившись и переодевшись — Майлз распорядился, чтобы Йоханнес отвел его вниз, в консульский узел дальней связи как есть и предоставил защищенный комм-пульт.

Он откинулся на стуле, размял пальцы и ввел первое словосочетание для поиска: «Лиза Сато».

— А кто это? — поинтересовался Йоханнес, маячащий у него над плечом.

— Мать Джина Сато.

— Она действительно важна?

— Кое-кто считает, что да, лейтенант. Определенно считает. — Видеопластина замерцала, и Майлз окунулся в поток данных.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Коротко переговорив с м'лордом по комму из Главного управления полиции Норбриджа, куда привезли спасенных участников конференции, Роик избавился от худшего из своих кошмаров: мысли, что он потерял этого маленького пар… лорда Форкосигана. Взамен пришло любопытство. Почему м'лорд настаивал, чтобы он привез с собой доктора Дюрона?

— Вообще-то я собирался ехать в отель за вещами, — вставил Ворон, наклоняясь к камере.

— Сперва я хочу с тобой повидаться.

— Я опоздаю на корабль.

— Они вылетают ежедневно. Не бронируй пока билет.

Черные брови Ворона взлетели. — Мое время дорого стоит.

— Я это учту, — сухо заметил м'лорд.

Ворон лишь дружелюбно улыбнулся, пожал плечами и отправился вслед за Роиком, шаркая одноразовыми тапочками — их в полиции выдали всем бывшим заложникам, пока не вернули похищенную у них обувь.

Лишь во второй половине дня полиция, наконец, отпустила Роика и его озадаченного компаньона в консульство. Прямоугольный консульский особняк показался на вкус Роика неуместно скромным, хотя он понимал, в какую копеечку влетает поддержание достоинства Империи так далеко от дома. Зато там наверняка найдется душ и местечко, где прикорнуть, два самых горячих желания Роика с тех пор, как полиция накормила спасенных заложников (или, по крайней мере, выдала им столько плиток сухого рациона, сколько каждый попросил). Богатые белком и витаминами плитки на вкус напоминали смесь кошачьего помета и оконной замазки в шоколаде… да, некоторые ужасы для всей вселенной одинаковы.

Увы, мечты о душе пришлось отодвинуть подальше, когда лейтенант Йоханнес повел Роика прямо к м'лорду, засевшему в консульской комнате дальней связи, словно паук-захватчик в своей паутине. В тех барраярских посольствах, где Роик раньше бывал вместе с м'лордом, это помещение выступало как главный секретный центр здания, предназначенный для решения в тишине всех срочных и несрочных дел. Тут она больше походила на заброшенную подвальную

комнату отдыха с кучей современной техники (правда, для людей с весьма специфичным представлением об отдыхе).

Развернувшись на стуле, м'лорд махнул рукой Роику и Ворону, приглашая садиться, а Йоханнеса отпустил коротким «Спасибо, лейтенант». Йоханнес был явно не прочь остаться и послушать, но покорно кивнул и вышел. Дверь за ним закрылась с приглушенным хлопком, говорившим о хорошей звукоизоляции. И пусть комната без окон слегка походила на логово серийного убийцы, зато, и это Роик оценил, здесь действительно можно побеседовать без лишних ушей.

— С вами все в порядке? — спросил м'лорд скорее для галочки, и, даже не дожидаясь ответного кивка Ворона и «угу» Роика, потребовал: — Расскажите мне все, что с вами произошло. Я желаю слышать все подробности.

Морща лоб и периодически вознаграждая рассказчиков хмыканьем, м'лорд выслушал всю историю их похищения и благополучного спасения.

— Рад, что ты в порядке, — заметил он Ворону. — Мне очень не хотелось бы объяснять, как я тебя потерял, ни твоим клон-братьям/сестрам, ни моему. Однако я предполагал, что Группа Дюрона

пришлет вашу сестру Вербену.

— На межпланетные путешествия у нее сейчас нет времени, — объяснил Ворон. — Она — глава Отдела Криоников; у нас уже пять сотен служащих, если считать персонал клиник, исследовательский центр и администрацию. И на днях они с мужем, эскобарским медиком, собирались заложить в репликатор второго ребенка.

— На этот раз не клон, да?

— Да, все сделали по старинке: яйцеклетка плюс сперматозоид в пробирке. И даже не стали добавлять генетических модификаций… не считая стандартной проверки на дефекты, разумеется.

— Разумеется, — повторил м'лорд без комментариев. — Значит, старушка Лилия станет бабушкой по-настоящему. Ну, или тетей, смотря, как вы считаете. Надеюсь, она хорошо себя чувствует для своего возраста?

— Весьма.

— Любопытно.

Ворон рассеянно потеребил на плече кончик растрепавшейся косы и продолжил рассказ:

— Вербена говорит, что ей, как главе департамента, недостает хирургической практики. Она едва успевает провести пару оживлений в неделю. А я — от двух до шести в день, в зависимости

от осложнений. Конечно, попроще твоего случая: ты в свое время стоил мне, Вербене и двум сменам медтехников восемнадцати часов работы.

— Причем отличной работы.

— Спасибо. — Ворон самодовольно кивнул.

— Передай Вербене мои наилучшие пожелания, когда ее увидишь.

— Ох, забыл, она тоже передавала тебе привет.

Ответом был странно ироничный взгляд и кивок.

— То есть доктор Дюрона оказался на этой конференции не случайно, я правильно понимаю? — уточнил Роик.

— Разумеется. Я попросил Группу Дюрона поддержать меня на конференции независимой технической экспертизой и всем, что еще может понадобиться.

— Вообще-то мы получили приглашение приехать сюда с презентацией еще до вашей просьбы, лорд Форкосиган. Кибо-Дайни представляет для нас определенный интерес. Мы думали отправить на конференцию одного из наших младших ординаторов.

— И все же, не заметили ли вы что-нибудь особенное? С технической точки зрения. — М'лорд откинулся в пультовом кресле и сплел пальцы,

задумчиво поглядывая на Ворона.

— С точки зрения технологий — для нас ничего нового. Но я заметил, что им интересней заморозка, чем обратный процесс.

— Да уж, криокомпании, очевидно, играют с подтасовкой данных при голосовании по доверенности клиентов — «гостей», как здесь их называют.

— И выигрывают, судя по всему.

М'лорд кивнул:

— На конференции об этом едва упоминали, однако за ее пределами вопрос вызывает горячие споры. Скажем, на улицах.

Ворон вставил:

— Наследники-Освободители этими жалобами нам все уши прожужжали.

— Ага, только с нулевым эффектом, — парировал Роик. — Такие кретины сами себе худшая реклама.

— Не показалось ли вам обоим, что свободные дебаты, так обычно и протекают? Так шумно?

— Ну, да, — подтвердил Ворон — Конечно не настолько шумно, как у эскобарских политиков.

— Но пошумнее барраярских, — добавил Роик.

— А на Джексоне все проворачивают втихую, — с кривой усмешкой припечатал Ворон.

— Там не политика, там игра кошки с мышкой, — пробормотал м'лорд. — Что ж, стараниями Н.О.Н.Н. у меня выдалось два весьма полезных дня. Теперь, когда вы вернулись целыми и невредимыми, я им даже благодарен.

— Новые ответы? — уточнил Роик, понимающе приподняв бровь.

— Лучше. Целая уйма новых вопросов.

И м'лорд тут же дополнил рассказ Роика историей, от которой волосы вставали дыбом: о бесконечных километрах Криокатакомб под городом и о нелегальном криоцентре, управляемом бездомными стариками Кибо. Последнее Ворона не слишком впечатлило; в конце концов, он был уроженцем Джексона, а насколько Роик мог судить, на Джексоне *все* делалось нелегально, точнее, без каких-либо законов вообще.

— Нестабильно и обречено на провал, — так коротко оценил Ворон предприятие мадам Сюзи. — Я удивлен, что ей вообще так долго удается выходить сухой из воды.

— Может, в этом нет ничего странного. Пусть это нелегальное заведение, но криокорпорациям оно ничем реально не угрожает. Их лодку оно не потопит; в конце концов, они тут все в одной лодке. — Майлз почесал подбородок и сощурил

покрасневшие, и все же горящие возбуждением глаза. — И тут мы переходим к Лизе Сато и ее группе.

— Замороженная мама вашего маленького любителя зверушек? — удивился Роик.

— Да. Н.О.Н.Н позволили дойти до крайностей, на деятельность Сюзи смотрят сквозь пальцы, а вот, казалось бы, более здравая и законная группа Сато оказалась разогнана, причем ценой немалых усилий и средств. Шумят все, кому не лень, и лишь один голос заставили замолчать. — М'лорд показал на погасший комм-пульт. — За последние несколько часов я кое-что накопал…

Подобная деятельность в бытность м' лорда галактическим оперативником СБ как раз и была его хлебом, отметил Роик.

— … и обнаружил странную закономерность. Из всей группы печальной оказалась судьба не только Лизы Сато. Двое заморожены после предположительно неудачного лечения по диагнозу, не угрожавшему жизни. Один человек погиб: несчастный случай. Другой покончил с собой — выпрыгнул из окна. Даже сейчас люди были удивлены, многие возмутились, но все отклики похоронили в новостях под потоком банальных сексуальных скандалов. Вам это о чем-то гово-

рит?

— Похоже, группа Лизы Сато готовилась крепко протаранить чью-то лодку, — медленно произнес Роик.

Ворон согласно кивнул:

— А как именно?

— Неизвестно; ничего нет ни в общедоступных записях, ни даже в сведениях для ограниченного круга лиц. Кто-то проделал первоклассную работу по подчистке данных, хотя им не удалось обрубить все концы. Итак, вот первый в моем списке замечательных новеньких вопросов: что именно вычистили из банков данных полтора года назад?

Роик наморщил лоб:

— Весьма интригующе, м'лорд, но… какое отношение все это имеет к интересам Барраяра?

М'лорд откашлялся.

— Пока рано об этом говорить, — ответил он натянуто.

Роик мрачно перевел сказанное как «причину я пока еще не придумал, но дай мне время!» Неужели м'лорд решил изобразить Дон Кихота из-за того мальчишки-сироты? Император Грегор во время приватной беседы как-то ично предостерег Роика, что м'лорд чересчур склонен увлекаться

ролью странствующего рыцаря. При этом император так вздохнул, что было ясно: он весьма сомневается, сумеет ли Роик обуздать м'лорда.

Прошипев, отъехала в сторону дверь, и в проем заглянул консул Форлынкин.

— Я только что говорил с юристом, лорд Форкосиган.

— А, отлично. — Майлз сделал ему жест заходить, но тот, чем-то встревоженный, остался стоять в дверях. — Что касательно Джина?

— Как я и думал, законным образом мы не можем сделать ничего. Будь он сиротой без единого родственника, мы могли бы претендовать на опеку над ним, однако процедура может затянуться на несколько месяцев, и норбриджский суд нам, скорее всего, откажет, стоит нам намекнуть, что мы увезем мальчика с планеты.

— Я не прошу его усыновить, Форлынкин. Просто спасти от полиции.

— В любом случае, милорд Аудитор, теперь все скорее перешло в умозрительные рассуждения: полиция уже передала мальчика кровным родственникам — а именно, его тетке, которая фактически является законным опекуном.

— Проклятье! — М'лорд ссутулился — Проклятье… Надеюсь, Ако присмотрит за его зоопарком

лучше, чем я.

— Не можем же мы его выкрасть, — с легкой улыбкой пошутил Форлынкин. М'лорд смерил его внимательным взглядом. Решив, что переборщил с юмором, Форлынкин откашлялся и немедля сделал бесстрастное лицо. Пожалуй, Роику стоит попозже отвести консула в сторонку и объяснить, что подобные речи в присутствии м'лорда могут ему выйти боком, и отнюдь не по причине оскорбления Аудиторского достоинства.

Роик потер глаза; в них точно песку насыпали.

— Лучше всего решать проблемы утром на свежую голову, м'лорд, — предложил он, преследуя и собственные интересы. М'лорд успел воспользоваться душем и переоделся, но все равно выглядел так, словно кутил всю ночь. Как и все они. А его глаза слишком характерно поблескивали. — Вы уже проверили уровень нейромедиаторов? — Его возрастание — верный предвестник приближающегося припадка, и, значит, пора применить медицинский стимулятор и инициировать приступ — в безопасном месте и под контролем.

М'лорд что-то неразборчиво пробормотал, обращаясь к своим ботинкам.

— Сейчас, — настаивал Роик самым твердым тоном.

М'лорд вздохнул и потер загривок:

— Да, да.

— Теперь я могу вернуться в отель? — с надеждой спросил Ворон.

— Да, но оставайся на связи. Знаешь, что… Форлынкин, пожалуйста, выдайте доктору Дюрона перед его уходом защищенный наручный комм.

Форлынкин изумился, но исполнительно ответил:

— Да, милорд.

— Мне нужно больше данных, — проворчал м'лорд в пространство. Он смерил консула оценивающим взглядом. — Значит, так, Форлынкин. Если «Белая Хризантема» или кто-то еще из хозяев недавнего приема будут звонить и спрашивать обо мне, отвечайте, что я крайне раздражен срывом конференции и похищением моего оруженосца. Точнее, я в ярости и намерен, едва оправлюсь от перенесенных испытаний, улететь домой и там самым нелестным образом отрекомендовать здешнее положение дел всякому, кто поинтересуется — начиная с императора Грегора.

— Гм… А на самом деле? — уточнил озадаченный консул.

М'лорд ответил лишь неутешительной усмеш-

кой:

— Я хочу, чтобы вы проверили, как далеко они зайдут, чтобы восстановить оборванные связи. В разговоре подчеркните, что вам потребовалось применить все свое искусство дипломата, дабы хоть как-то меня утихомирить, но вы до сих пор не уверены, это вообще возможно. Если эти господа предложат вам некий стимул к решению данной задачи, соглашайтесь.

— Вы… хотите, чтобы я принял взятку, сэр? — Челюсть Форлынкина напряглась; искренняя обида мешалась у него с вполне понятной тревогой.

— Ну, хотя бы притворитесь, что рассматриваете такой вариант, хорошо? Тут мы и увидим, кто к чему стремится и насколько сильно. Если они не обнаружат себя, мне придется подумать о дальнейших шагах, но я надеюсь, что вы — терпеливый рыбак и подсечете для меня эту рыбку.

— Я, э-э, приложу все силы, сэр. — Форлынкин пока не смотрел на лорда Аудитора, словно на двухголовое чудо, но Роик почти зримо видел, с каким трудом тот пытается уследить за ходом мысли м'лорда. «Ага, добро пожаловать в мой мир».

На этом инструктаж завершился.

На втором этаже консульстве располагались две запасные спальни, предназначенные для гостей, но их не слишком часто для этой цели использовали, и потому они постепенно превращались в склад. Одну спешно освободили для милорда Аудитора. Роик расстелил постель м'лорда и извлек из его чемодана медицинский стимулятор припадков. М'лорд разделся до белья, сел на кровать и с отвращением покосился на приборчик.

— Дурацкая штука.

— Да, м'лорд. Скажите, стоит ли мне доверять парням из консульства?

— Пока не уверен. Я уже видел, как подкупают персонал посольства и даже курьера СБ.

— Если вы намерены держать их в резерве, что нам бы весьма пригодилось, вам придется постепенно делиться с ними информацией. Я же вижу, как тот же лейтенант Йоханнес никак не может взять в толк, почему вы ничего ему не говорите.

— Это все Аудиторские штучки. Я привык, что в силах заставить отвечать почти любого. У тебя найдется свободное время, чтобы определиться с ними? Не сомневаюсь, с тобой они будут откровенней, чем со мною: простое честное лицо и все такое.

— Да, м'лорд.

— Я прекрасно понял, насколько на Кибо-Дайни процветает подкуп. Вопрос лишь в том, подкуплено ли уже наше консульство или оно просто никого не интересовало, пока здесь не объявился я? По крайней мере, ни у кого из барраярцев здесь нет семей, а, значит, мне не нужно беспокоиться насчет отрицательных стимулов. — М'лорд насупился, лег плашмя и приложил стимулятор к виску. Роик подал ему заглушку, которую тот зажал между зубами. М'лорд глубоко вздохнул, прикрыл глаза, как любой, кому предстоит неприятная медицинская процедура, и нажал на кнопку.

Роик отсчитывал время припадка; на сей раз приступ затянулся, значит, м'лорд чуть не перешагнул грань. Закаченные глаза, странные гримасы, судороги давно стали для Роика привычным зрелищем, но он сомневался, что когда-нибудь примирится с чуждой пустотой, стирающей всю энергичную индивидуальность, которая делала это лицо живым. Наконец невралгический шторм миновал; м'лорд обмяк и открыл глаза, глядя на мир так, словно заново собирал его из кусочков.

— Боже, как я это ненавижу, — простонал

м'лорд. Его обычная присказка в таких случаях.

— Да, м'лорд, — утешил его Роик. Его обычный ответ.

— Остаток ночи я буду бесполезен, даже если не усну. И завтра тоже.

— Я принесу вам кофе.

— Спасибо, Роик. — М'лорд перекатился на бок, натянул на себя одеяло: измученное тело наконец-то потребовало свое. Он пробормотал в подушку почти неслышно: — И все же…

Роик покачал головой и на цыпочках удалился искать свою койку.

* * *

Джин открыл заплаканные глаза, заморгал и уставился в полутьму крохотной комнатки своей сестры Минако. Ему пришлось прикусить губу, чтобы не заскулить. Он-то хотел не спать, а переждать и, постараться перехитрить своих пленителей, но усталость последнего дня его подвела. Он приподнялся на локте. Низко на стене теплился розовый ночник, но часов в комнате не было. На улице темно. Из соседней комнаты через тонкую стенку приглушенно доносится рокочущий храп дяди Хикару. Значит, все в доме еще спят, но время может оказаться любым: то

ли еще полночь, то ли скоро рассвет.

Он высунул босые ноги из-под покрывала на узком футоне. Тетя Лорна уложила его спать прямо в том белье, что на нем было: пижамы кузена Тетсу оказались ему велики, а кузена Кена — малы. Его вещи тетя забрала со словами, что постирает, а, может, и сожжет; они ведь не могут сказать, где он за это время валялся. Джин ей тоже не сказал.

Без особой надежды он подошел к окну и попытался открыть замок. Тот поддался, но окно всего лишь отъехало в сторону сантиметра на три. После ссоры за ужином дядя Хикару взял у соседа приставную лестницу и заклинил паз окна. В такую щель Джин мог просунуть разве что пальцы, но не руку. Значит, ему не удастся сбежать так, как в прошлом году.

Джин прижался лбом к прохладному стеклу и уставился вниз во дворик. До земли всего один этаж. В некотором смысле в прошлый раз тетя Лорна сама облегчила ему побег, когда выгнала всех его животных. Тогда он вылез из окна, спрыгнул вниз, и ему оставалось только собрать их всех в старую детскую коляску Минако, стоявшую у забора. В тот момент он ужасно боялся — а вдруг клекот Вихря или мяуканье Лаки перебудят всех в доме, или с дребезгом свалится стеклянный

ящик с крысами или с черепахой — но ночь была холодной, все окна закрыты, и никому, как обычно, не было дела ни до него, ни до его зверей.

Разве что Тетсу вечно дразнил Вихря, пока тот, естественно, не клюнул его. Потом был травмопункт, хирургический клей, антибиотики, и вопли тети Лорны, главным образом из-за счета — зато громче, чем у самого Тетсу. Тот-то наверняка уже на следующий день хвастался всем в школе боевыми шрамами.

Джин слез с подоконника и попробовал открыть дверь, поворачивая ручку как можно тише. Заперто. Вечером взрослые поспорили, кому вставать ночью, чтобы проводить Джина в туалет, и дядя Хикару решил спор довольно утилитарным способом: выдал ему горшок. Тетя Лорна была шокирована, а Кен и Тетсу начали смеяться над ним, но дядя их быстро приструнил. А до того дядя с тетей ругались, где Джин должен спать, потому что его сестра уже слишком большая, чтобы спать с ним в одной кровати, или наоборот — он слишком большой. Кен с Тетсу, которые делили одну комнатку на двоих, принялись ныть, как у них тесно, и третий мальчишка им там не нужен, и вообще они не собираются за ним приглядывать. Джин все терпел молча,

выгадывая момент, когда можно будет сбежать. Он не ожидал, что его *запрут*.

«Это пока парень не утихомирится», сказал дядя Хикару. Как будто Джин бросит своих животных! Как будто он вообще станет тут оставаться!

Будет ли Майлз-сан ухаживать за его животными, как обещал? И что он теперь подумает, когда Джин пропал, да еще вместе с его деньгами? Вдруг он решит, что Джин их украл? Хотя деньги украли полицейские, но кто же поверит его слову против слова взрослых? Даже этот необычный инопланетник, и тот вряд ли. Джин сглотнул комок в горле и дал себе слово больше не плакать. Наверняка из-за слез он и заснул. Только стоит ли заставлять себя бодрствовать, если он все равно не может выбраться? Он уселся на свой футон и погрузился в отчаяние.

Нужно будет завтра вечером спрятать у себя в комнате отвертку или какой-нибудь инструмент и попытаться открыть окно или дверной замок изнутри. Вот Тенбери бы точно знал, как это сделать. У Джина вряд ли получится притвориться, что он так быстро угомонился, и тем усыпить бдительность своих тюремщиков, чтобы они ослабили надзор. Не теперь, когда его все больше сжигает отчаяние. Тетя Лорна грозилась завтра

же записать его в ту же школу, где учатся Тетсу с Кеном, потому что больше не намерена пропускать из-за него работу. А насколько он помнил, из школы сбежать даже труднее, чем из… нет, это место — что угодно, только не дом.

Щелкнул дверной замок. Тетя Лорна проверяет, как он? Джин еще слышал храп дяди Хикару. Он отвернулся к стене, сгорбился под одеялом и плотно зажмурился.

— Джин? — прошептал робкий голосок, — ты спишь?

Джин повернулся, одновременно с облегчением и досадой. Это просто Мина.

— Да, — проворчал он.

Короткое молчание.

— Нет, не спишь.

— Чего тебе надо? — Забыла какую-нибудь мягкую игрушку или куклу, подумал он. А ведь, отправляясь спать вниз на диван, она тащила с собою целую корзину кукол.

Дверь с рокотом отъехала, и маленькие ножки прошлепали по полу к Джину. Он повернулся на футоне, опираясь на локоть, и они с сестрой уставились друг на друга: он — сверху вниз, она — наоборот. У нее были такие же карие глаза и шапка черных волос, как у самого Джина, но она

стала выше и не такой пухлощекой, какой он ее помнил четырнадцать месяцев назад. Тогда Мина еще даже в школу не ходила, а сейчас была уже во втором классе. Почему-то она казалась менее… смущенной, что ли.

— Если я тебя выпущу, возьмешь меня с собой? — спросила она.

— Чего? — Пораженный, Джин сел, поджав ноги. Неужели Мина не просто заблудилась по дороге в туалет? — Конечно, нет. Ты что, с ума сошла?

Ее лицо разочарованно вытянулось:

— Ну-у… — Мина развернулась и перешагнула порог, собираясь закрыть дверь за собою.

— Нет, погоди! — прошептал Джин, вскакивая на ноги.

Храп за стенкой вдруг стих. Оба застыли. Скрип, бульканье, и дядя захрапел снова.

— Здесь нельзя говорить, — шепнул он. — Пошли вниз.

Она задумалась, потом кивнула и дожидалась в коридоре, пока Джин завернется в одеяло, выйдет, и прикроет за собой дверь, плотно и очень тихо. А потом Мина повела его вниз. Они спускались на цыпочках, но, хоть ступени и заскрипели, никто из комнат не вышел.

— Свет не включай, — распорядился Джин вполголоса. Свет проникал в столовую из кухонной ниши — «кухонька на одну задницу», как ее назвал дядя Хикару — и его вполне хватало, чтобы ни на что не налетать.

Мина умастилась на диванчике в гнезде из свернутых одеял, а Джин сел на краешек кресла дяди Хикару и огляделся вокруг.

— Ты папу помнишь? — спросила Мина.

— Вроде как. Немножко.

— А я нет, только его снимок на семейном алтаре, что поставила мама.

— Тебе тогда только три исполнилось. — Когда отец погиб, самому Джину было семь. Четыре года назад — словно целая жизнь. Гораздо больше ему запомнилось бесконечное горе и гнев мамы, и то, как редко он ее видел после, словно смерть украла у него обоих родителей, а потом за мамой пришли полицейские. — А тетя Лорна не держит алтарь?

— Она разрешила поставить его у меня в комнате, но когда стало тесно, и нужен был стол для учебы, то запаковала и убрала. Я не знала, ставить туда твой снимок или нет.

Мина с решительным лицом принялась надевать кроссовки.

— Ты не можешь идти со мною, — беспокойно повторил Джин. — Не туда, куда я пойду.

— А куда ты идешь?

— Далеко и пешком. Слишком далеко для тебя. И вообще, чего это ты хочешь уйти? — Он предполагал, что дядя с тетей Мину балуют.

— Тетсу и Кен противные. Они дразнятся и издеваются. А дядя Хикару на них кричит, но никогда ничего не делает.

Ну и в чем тут беда? Да, у него было смутное чувство, что дразнить сестру — его привилегия, но если кто-то еще хочет присоединиться, он не против. — Они просто завидуют тебе из-за твоих девчоночьих штучек. И еще потому, что из-за тебя у Кена нет своей комнаты, — добавил он честно.

— Тетя с дядей говорили, что меня уде… удочерят, пока ты не вернулся. Но я не хочу, чтобы Тетсу и Кен были моими братьями. Мне нужен мой настоящий брат!

— Но как они могут тебя удочерить, пока мама… — Он осекся. *Жива*? Слово неуверенно застряло у него в горле. Он сглотнул и договорил: — Ты не можешь остаться там, куда я иду. Мне… им ты там не будешь нужна. Будешь только мешать. — Хотя Сюзи-сан и ее люди приютили беспризорного мальчишку как же случайно,

как могли бы подобрать бездомного котенка, но когда речь пойдет о беспризорной девочке, да еще такой мелкой — тут совсем другое дело. Наверняка, ни полиции, ни тете с дядей не будет никакого дела до него, если он сбежит снова, но останутся ли они столь же равнодушны к побегу Мины? — Ты не сможешь угнаться за мной.

— Смогу!

— Ш-ш! Тише!

Ее рот упрямо сжался.

— Если не возьмешь меня с собой, я завизжу, тебя поймают и снова запрут в моей комнате. А я тебя больше не выпущу, вот так!

Может, она на самом деле обманывает и визжать не будет? Нет, наверняка будет. А что если стукнуть ее чем-нибудь по голове, оглушить и убежать? В голофильмах такие штуки замечательно работают, но насчет настоящей жизни у Джина были определенные сомнения. Да и потом, сейчас под рукой из тяжелых предметов только сковородки и кастрюли тети Лорны: если бить ими, будет такой жуткий дребезг и звон, что точно все проснутся.

Но еще на середине его злодейских размышлений сестра ужасно практично, напомнив этим дядю Хикару, заявила:

— Кроме того, у меня деньги есть, а у тебя нет.

— … Сколько?

— Больше пяти сотен новойен, — ответила она гордо. — Я их накопила с подарков на день рождения, и еще мне давали деньги за то, что я выполняла всякие поручения по дому.

Хватит десять раз проехать на трамвае — хотя от подземного трамвая Джин поклялся держаться подальше. Он вытянул шею, разглядывая кухонные часы — до рассвета осталось часа два, пока все не встанут, и их не хватятся. Так себе фора, не то, что в прошлый раз. Сейчас или никогда. И Джин покорился неизбежному.

— Ладно, собирайся. *Тихо*. Не знаешь, куда тетя Лорна дела мои вещи?

Одежду Джина они отыскали в гардеробном шкафу за кухней, в пластиковой корзине для грязного белья, там же нашлись и кроссовки. Мина знала, в каком кухонном шкафчике держат готовые завтраки, и запихала с полдюжины плиток себе в рюкзачок. Через несколько минут они выскользнули из боковой двери. Джин как можно тише задвинул щеколду на воротах дворика, и они вдвоем двинулись по переулку.

Вокруг редких фонарей в липком ночном тумане светился ореол.

— Я никогда так поздно не бывала на улице, — поделилась Мина по-прежнему шепотом. — Тут странно. Ты не боишься темноты? — Она старалась идти поближе к Джину; он ускорил шаг.

— В темноте ничего такого нет. Бояться надо *людей*.

— Понимаю.

Они долго молчали, слышно было только шлепанье ног по мостовой. Потом заговорила Мина:

— Слушай, а то, что сказала тебе тетя Лорна про реси… реци… нет, не получается. Про детей, которые много раз убегают из дома. Как думаешь, их правда замораживают?

Джин обдумал эту неприятную мысль. — Никогда раньше ничего такого не слышал. Да и стоить это должно уйму денег.

— Она просто пугала, чтобы ты хорошо себя вел?

— Ага. — И напугать его у тети получилось, признался себе Джин.

— Все равно, за первый раз не заморозят. — Кажется, Мина была жутко довольна этим соображением.

Непрошеное воспоминание догнало Джина. Самое страшное в его жизни случилось не туманной ночью — полицейские забрали маму днем

— и все же промозглый холод в его животе в тот день был точь-в-точь как погода сейчас. Мама опустилась на колени, стиснула его за плечи и сказала «Помоги присматривать за Миной, Джин, ладно? Будь хорошим старшим братом и делай то, что скажет тетя Лорна».

Джин нарушил свое обещание слушаться, когда тетя Лорна потребовала, избавиться от всех животных: да-да, от всех до единого, для них тут нет места, они воняют и мешают, а эта птица — настоящая убийца. И в довершение ко всему у Кена вроде бы обнаружилась аллергия на Лаки, а она даже не царапалась — слишком ленивая. Джин считал, что кузен шмыгает носом и чихает-*нарочно*, просто чтобы досадить ему, и, конечно, он в этом преуспел.

Но в материнском — благословении? проклятии? просьбе? — была еще первая часть, и про нее-то Джин благополучно забыл. Ведь никто не орал на Мину так, как на него и его животных.

Жаль, что он все же забыл об этом.

Им предстоял долгий путь, надо успеть хотя бы выйти из района, пока их не хватились. Может, на время школьных уроков лучше где-нибудь затаиться? Джин определил — почти с уверенностью — юг вон там, и упрямо побрел вперед.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Через два дня после предрассветного возвращения Майлза в консульство за ним и его спутниками приехал лимузин «Белой Хризантемы». Они глядели с крыльца, как длинная, обтекаемая, блестящая машина опустилась на мостовую с шипением, похожим на вздох довольного любовника.

Брови Роика взлетели.

— О, эта штука гораздо шикарнее, чем тот автобус, на котором делегатов конференции возили на экскурсии.

— Еще бы, — согласился Майлз. — Отличная работа, Форлынкин. А «Белая Хризантема», кажется, намерена принести мне самые униженные извинения с шиком.

Консул неуверенно кивнул. Добрую часть вчерашнего дня он провел в переговорах по комму с хозяевами этого лимузина: консул улаживал дело, то отвечая на звонки, то перезванивая сам, пока Майлз изображал полную непреклонность. По крайней мере, эта пауза дала ему время оправиться от припадка.

Впрочем, делу совсем не повредит, если Майлза будет явно побаиваться даже барраярский дипломат. Он был не до конца уверен, что Форлынкин управляем. *Точнее, кем именно управляем*. Майлз удостоил консула короткой улыбки:

— Кстати, Форлынкин, будьте так любезны воздержаться сегодня от комментариев, что бы я ни сказал или ни сделал. Пока мы не вернулись, все, что вам позволено — отвечать «да».

Двусмысленная пауза.

— Да, милорд Аудитор.

Что, Форлынкин все еще способен на иронию? Отлично. Наверное.

— Представьте, что смотрите пьесу, — предложил Роик; Форлынкин скептически приподнял бровь — сравнение его не слишком утешило.

Доктор Дюрона, поглощенный разглядыванием разноцветных хост, высаженных вдоль дорожки, с любопытством обернулся.

Задняя дверь лимузина открылась, и из него вышла женщина столь же блестящая и ухоженная, как сам лимузин, хоть и не в пример стройнее. Длинные темные волосы стекали по спине и сплетались металлическими гребнями в такую изящную конструкцию, что даже Ворону впору позавидовать. Уроженцы Кибо предпочи-

тали самые разные фасоны, как местные, так и навеянные галактической модой; Майлз пробыл на планете достаточно, чтобы распознать в ее наряде женский консервативно-деловой стиль. Скользящий, едва касающийся кожи топ, такая же нижняя рубашка и свободная верхняя накидка с веревочными завязками одинаково подходили и мужчине, и женщине, но вместо мужских широких брюк с завязками на лодыжках на ней были короткая юбка и лосины, показывающие стройные икры. Наряд в нежных осенних оттенках выгодно оттенял ее карие глаза. Общий эффект получился одновременно аристократический и сексуальный, как у очень дорогой куртизанки; про гейш Майлзу рассказывали на Старой Земле в Японии, которую они с женой посетили из-за ее любви к садам… Складывалось полное ощущение, что эта женщина — оружие, нацеленное точно на него: необычайно маленького роста, едва выше самого Майлза, она к тому же надела сандалии на плоской подошве.

— Доброе утро, *охайо годзимасу*! — Она приветствовала собравшихся официальным поклоном, но улыбка ее предназначалась персонально Майлзу. — Лорд Форкосиган, консул Форлынкин, Дюрона-сенсей, Роик-сан. Я счастлива привет-

ствовать вас здесь. Я — Аида, в настоящее время личный помощник мистера Рона Винга. Я отвезу вас в новый криоцентр «Белой Хризантемы» и отвечу на все вопросы, которые могут у вас возникнуть.

«Держу пари, только не на мои», подумал Майлз, но ответил такими же вежливыми приветствиями и позволил симпатичной молодой леди усадить всех в шикарный лимузин. Интересно, столько усилий приложил ее босс, чтобы подобрать для их эскорта такую миниатюрную особу за столь короткий срок?

Рон Винг был тот самый человек, с которым Майлз отказывался общаться до вчерашнего дня; тем временем Форлынкин выдумывал за него все новые отговорки и уже был готов рвать на себе волосы. Винг занимал должность директора по развитию и являлся одним из главных исполнительных чиновников «Белой Хризантемы». Именно он курировал проект продвижения бизнеса на Комарру, и именно его люди с таким тщанием пасли Майлза на криоконференции (пока он сам делал ровно то же). «А теперь посмотрим, что у нас на другом конце лески!»

Роик, Аида и Ворон сели спиной по направлению движения, Майлз и Форлынкин — напротив.

Здесь определенно никто не рискует столкнуться лбами в давке.

— Напоминает мне один из старых отцовских лимузинов, — прошептал Майлз Роику.

— Не-а, — так же тихо ответил тот, когда безымянный, не представленный им водитель плавно тронул машину с места. — Легче раза в два. Нет брони.

Нежным голосом Аида предложила им ознакомиться со всем богатством напитков в баре лимузина, но Майлз вежливо отказался, а вслед за ним и остальные. Майлз склонил голову к поляризованному стеклу, чтобы лучше разглядеть столичные виды — на сей раз, ради разнообразия, с уровня земли. Вокруг Норбриджа гор фактически не было, ледники давно уступили место рекам, но из-за морен, проточивших ландшафт, местность стала рельефной. Местную растительность, в лучшем случае рудиментарную, в городе почти повсеместно вытеснили земные деревья. Ну а город есть город, он всегда растет вокруг инфраструктуры современного по галактическим стандартам транспорта и технологий. Если бы Майлз не пересек его из конца в конец своими ногами, то до сих пор не знал бы, что за странный мир лежит под ним.

Пейзаж за окном сделался интересней, когда они достигли западной окраины города, подъезжая собственно к Криополису.

— Криополис начал складываться около сорока лет назад, — рассказывала им Аида как заправский гид, — когда стало слишком дорого прокладывать новые криохранилища под городом. С тех пор Норбридж разросся вплоть до границ Криополиса, однако наше поселение сохраняет статус отдельной административной единицы и называется Западная Надежда.

— А сколько делегатов оно выставляет в выборные органы префектуры?

— Четырнадцать, — ответила Аида любезно.

Столько же, сколько от самого города, хотя по площади Западная Надежда в несколько раз меньше.

— Интересно.

Роик вдруг завертел головой:

— Черт, это же…

— Пирамиды! — радостно провозгласил доктор Дюрона, вытягивая шею. — Десятки пирамид! А река вокруг них зовется Нил?

Майлз сделал заметку на память: как только они с Вороном останутся наедине, надо притормозить его.

Неизменная улыбка Аиды дрогнула лишь на долю мгновения:

— Это комплекс нашего крупнейшего конкурента в области криосервиса — Нового Египта.

Километровой длины песчаный вал рассекали высокие ворота, по обе стороны от которых возвышались огромные мрачные статуи: сидячие фигуры с узкими собачьими головами.

— Таких я уже видел, — заявил Роик. — На конференции. Там ходил какой-то тип в набедренной повязке и с пластиковой собачьей головой, предлагал купоны. Больше похоже на рекламу какой-нибудь биоинженерной фирмы с Единения Джексона.

— Эти фигуры изображают Анубиса, египетского бога смерти, — объяснил Майлз. — У древних египтян было множество богов с головами животных: сокола, кошки, коровы — и у каждого свое символическое значение. А этот вообще-то не собака, а шакал, падальщик пустыни. Для людей доиндустриальной эпохи — естественная ассоциация со смертью. — Он покосился на Аиду и не стал проводить параллелей. И все же интересно, догадался ли кто-нибудь проверить перевод иероглифов, украшающих эти стены? Там запросто может быть написано что-то вроде

«Птахотеп — осел!» или «Унас должен Тети сто мешков пшеницы и бочонок фиг».

Аида покосилась на удаляющиеся фигуры и фыркнула:

— Как вы видите, в качестве корпоративной темы они взяли историческую эпоху Старой Земли.

«Прямо тематический парк развлечений», подумал Майлз.

В ее голосе послышалось невольное восхищение, когда она добавила:

— Пирамиды — их криохранилища. Новый Египет понял, что клиенты готовы платить дополнительную сумму за эксклюзивные и более роскошные места на верхних уровнях.

— Роскошные места? — не понял Роик. — Разве замороженному не все равно? Я имею в виду, технически?

Под взглядом Роика Ворон пробормотал:

— Кое-кто определенно в это верит…

— Да, но криоконтракты заключают и подписывают живые, — объяснила Аида. — Теперь Новый Египет развернул очень привлекательную и успешную программу продаж. Они специально зарегистрировали торговую марку на весь исторический период, чтобы избежать появления

подражателей. — С легким разочарованием она добавила: — На конференции в этом году они раздавали живых сфинксов, но наш глава департамента пришел слишком поздно, и ему не досталось.

Майлзу с трудом удалось не заморгать в изумлении, когда перед его глазами предстал очередной криоцентр с возносящимися ввысь стеклянными башнями и сверкающими шпилями, окутанный паутиной разноцветных огней. И хотя лимузин был звукоизолирован, Майлз мог поклясться, что колпак машины вибрирует от мощных басов.

— Музыка?

— Шинкава Колсолидейтед, — объяснила гид. Они миновали ворота, над которыми всеми оттенками радуги переливалось название корпорации. — Предположительно, они делают ставку на более молодых потребителей.

Майлз попытался переварить это заявление, но в голове у него как-то не укладывалось.

— Наверняка это слишком ничтожный сегмент рынка.

— Да, обычно на момент вступления контракта в силу клиент немолод, — согласилась Аида. — Но чем раньше вы подпишете контракт и начнете платежи, тем более привлекательной будет вы-

ставленная вам цена. Так что стратегия Шинкава весьма эффективна. Не будь у меня криоконтракта с моей фирмой-работодателем как части бонусного пакета, я сама подумала бы над их предложением. — Она хихикнула, прикрыв рот пальчиками с наманикюренными ногтями. — Хотя, наверное, мне не стоило вам этого говорить.

По другую сторону шоссе стоял еще один криокомплекс. Обилие зелени, ни стен, ни ворот — ни охраны у этих ворот — только низкий каменный бордюр с надписью «Северный Ручей». Здания, проглядывающие сквозь листву — бетонные коробки самого утилитарного вида.

— А что насчет этих ребят? — уточнил Майлз.

— А, «Северный ручей». Одна из старейших корпораций в нашем регионе, они почти самыми первыми начали строить хранилища в Криополисе, но… это не то, что мы называем «высший класс».

В действительности, судя по предварительным (и не совсем уж бесполезным) барраярским сводкам по Кибо-Дайни, «Северный ручей» — шестое по величине государственное предприятие в области криозаморозки. Одно только это позволяло им претендовать на высший класс, несмотря на то, что внешне комплекс выглядел серьезно и

скучно.

Такая уйма денег тратится на то, чтобы заловить в свои сети… нет, не мертвых, живых. Хотя для того, чтобы обеспечивать криохранение на длительный срок, сама корпорация должна быть поистине бессмертной организацией. Их впечатляющие фасады обещали много, но прежде всего — преемственность. Если только не знать, что в самом сердце подобных организаций (как корпораций, так и правительств) все решают склоки небольшой кучки смертных, тоже подверженных ошибкам…

Огромный лимузин замедлил ход и, свернув, проехал под огромными красными воротами-тории: «Белая Хризантема» не теряла ни минуты, утверждая свой корпоративный стиль. Электронный сигнал обеспечил им моментальный беспрепятственный пропуск. Машина обогнула сосновую рощицу и остановилась у главного здания. За ним вздымались в небо практичные башни, но посетителю в первую очередь бросалась в глаза имитация традиционного сада: с водой, дорожками, клумбами мха, разровненным граблями гравием и изящными алыми кленами. В этом же стиле все оказалось выдержано и внутри, где просторный стеклянный вестибюль

украшали карликовые кривые деревца и лаконичные цветочные композиции. Посреди всей этой изысканной роскоши гостей ожидали, склонившись в полупоклоне, хозяева, и Майлз тотчас стряхнул с себя последние остатки пост-припадочной усталости и собрался.

Рон Винг во плоти оказался элегантным мужчиной средних лет в деловом костюме изысканных приглушенно-синих тонов: нижняя рубашка, верхняя накидка с широкими рукавами и чуть подложенными плечами, мешковатые брюки и в довершение ко всему носки с раздельными пальцами и сандалии. Стиль, покрой и ткань знаменовали собою статус и деньги не менее отчетливо, чем псевдовоенный китель, брюки и сапоги барраярского фора. С тщательно подобранным костюмом гармонировал его проницательный взгляд и спокойное внимание.

Рядом стоял тот самый человек, который столь деликатно предложил лорду Аудитору взятку на приеме. Увы, их многообещающее общение на следующий день грубо прервали террористы/активисты/идиоты из Н.О.Н.Н. Должность Хидеюки Сторрза называлась «исполнительный вице-президент по развитию». Он был облачен в более скромный вариант наряда, выбранного его бос-

сом; нечто подобное — нарочито местное — носил и Форлынкин: традиция, адаптированная для удобства. Майлз определил его как исполнителя высокого ранга, но не вхожего во внутренний круг. Департамент по развитию явно желал продолжить разговор с того места, на котором они остановились ранее, и Майлз напомнил себе: не позволяй им обаять тебя слишком быстро. Зачем впустую терять подаренное преимущество? Половина вчерашних маневров Майлза была направлена как раз на то, чтобы по цепочке командования добраться до Того, Кто В Курсе. Аида передала гостей Сторрзу, а тот официально представил их Вингу, и Майлз с удовлетворением отметил: «Есть! Цель захвачена». Но глядя, как улыбается Винг, он невольно задумался, не считает ли его оппонент точно так же?

«Похоже, я вам нужен гораздо больше, чем должен бы. И почему же?»

— Я крайне рад, — начал Винг, — что вы позволили нам уладить некоторые недоразумения, связанные с перенесенными вами недавно испытаниями, лорд Форкосиган.

Майлз молча отмахнулся — мол, не вы в этом виноваты, — чуть поморщился и заметил:

— Слава богу, что во всей этой авантюре никто

серьезно не пострадал.

— Разумеется, — согласился Винг. — Однако нет худа без добра: теперь мы можем дать вам более детальное представление о нашем криоцентре, нежели позволяет получить обзорный тур.

— Похоже, что так.

— Не желаете ли прохладительных напитков? Чаю? Или мы последуем галактическим обычаям и прямо перейдем к делу?

— На самом деле я бы предпочел двигаться быстро. Мое время ограничено.

— Тогда прошу за мной…

Все гуськом потянулись за Вингом, приноравливаясь к неспешному шагу идущего с тростью Майлза. Впрочем, Майлз не то чтобы совсем притворялся. От нелегких приключений под землей и обычных последствий припадка болело все. Аида шла рядом с ним, точно готовясь подхватить его, если он начнет падать. Украшенное, доступное всем посетителям фойе быстро осталось позади, и дальше гостей повезла антигравная тележка.

В следующем здании располагался приемный покой для клиентов. И у стойки приема в вестибюле, и у грузового входа позади здания царило оживление.

— Клиенты поступают к нам из двух источни-

ков, — пояснил Винг, проводя их по коридорам, где пахло чем-то медицинским. — Одни — пострадавшие от внезапных и спонтанных метаболических отказов — попадают в больницы, а оттуда поступают на длительное хранение к нам. Другие — те, кто выбрал вариант, не столь зависящий от случая — сами являются в нашу клинику, и мы производим обработку на месте.

— Погодите, они что, приходят сюда *живыми*? — не понял Роик.

— Чем более здоровым вас заморозят, тем выше ваши шансы на полноценное здоровое оживление, — объяснил Сторрз.

— Действительно, — подтвердил Ворон.

Роик насупился, поглядел на Майлза. Тот пожал плечами:

— Увы, но это так.

— Не желаете ли взглянуть на технологический процесс вблизи? — предложил Винг. — Разумеется, этот сектор обычно не включается в обзорный тур. На сегодня у нас запланировано около двадцати заморозок. Не считая тех, кого к нам перевозят: их, конечно же, обрабатывают вне графика.

Майлз, уже познакомившийся с процессом заморозки слишком близко, пусть и был во время

процедуры без сознания, от жуткой экскурсии отказался. Роик не смог сдержать видимое облегчение. Форлынкин вынес все с каменным лицом. Ворон, которому Майлз показал за спиной большой палец, предложение принял и удалился вместе со Сторрзом. Майлз тоже с радостью покинул корпус обработки: запахи здесь, хоть и не были противными, но вызывали из подсознания странные, тревожные ассоциации.

— А сколько криооживлений вы проводите за день? — поинтересовался Майлз у Винга, едва они снова оказались в безопасности тележки. Они с Вингом сидели впереди, откуда было видно лучше всего, у них за спиной — Аида, а Форлынкин и Роик — на заднем сидении, впрочем, в пределах слышимости.

— Мне нужно уточнить цифры. — Винг замялся с ответом лишь на долю секунды. Тележка катилась по ухоженной территории. Винг посмотрел назад. — А как вы познакомились с доктором Дюрона?

Тот оказался среди визитеров по майлзовому… нет, даже не требованию; Ворона просто внесли в список пассажиров лимузина.

— Они с моим ассистентом Роиком вместе сидели в заточении у похитителей. Можно сказать

подобный опыт объединяет.

— А, тогда понятно. Ваш Роик такой человек, за спиной которого и я бы не прочь спрятаться в случае опасности. — Понятно, что Винг без труда перевел «ассистент» как «телохранитель». Роик рядом с Майлзом просто напрашивался на такое толкование. Майлз не сомневался, что вся сложность понятия «оруженосец» Вингу невдомек. Тот добавил: — Я был заинтригован, узнав, что ваш родственник — один из основных акционеров Группы Дюрона. Или фамилия Форкосиган распространена на Барраяре?

— Марк? — «Наконец-то ты добрался до сути». Очередное свидетельство, одно из многих, что аудиторский визит Майлза на Кибо стал для криокорпорации сюрпризом, и они до сих пор пытаются понять, что он из себя представляет. Майлзу в своей жизни случалось иметь дело с хорошо продуманными планами, рассчитанными на годы; но маневры Винга отдавали экспромтом, походили на временную меру, сляпанную на скорую руку. — Это мой младший брат.

— Правда? — Винг просиял. — Как вы думаете, наш проект продвижения на Комарру не окажется интересен так же и ему?

«Окажется, окажется, но не так, как ты дума-

ешь».

— Я предпочел бы не впутывать сюда Марка. Он очень искушенный бизнесмен. Пока я всю свою жизнь работал на благо общества, получая весьма скромное вознаграждение, он, в отличие от меня, скопил завидное состояние. Один из пунктов, по которым ваш проект так привлекателен для меня, это шанс наконец-то обыграть Марка на его же собственном поле. — Майлз оскалился в усмешке хищного братского соперничества.

— Понимаю. — Винг, что характерно, идею моментально уловил. Помолчав, он уточнил: — А обладает ли ваш брат таким же влиянием в обществе, как вы, лорд Форкосиган?

— Нет, он в основном сосредоточился на бизнесе.

— Как жаль.

— Но не мне.

— А что остальные члены вашего знаменитого семейства? С ними у вас более теплые отношения?

— О, да. Хотя шанс показать всем и сразу подворачивается мне не каждый день. — Майлз подпустил в голос жалобную нотку. — На Барраяре мне приходится многое доказывать. — «Ну, давай же, Винг, заглатывай». Изобразить точно

выверенную смесь завистливой жадности и обещания протекции ему ничего не стоит. И при поверхностном наведении справок в это легко поверить. «Спасибо, брат».

Винг недоверчиво приподнял бровь:

— Неужели доктор Дюрона ему об этом не доложит?

— Скажем так, я над этим работаю. — Майлз понизил голос, чтобы его скрадывал гул мотора тележки. — Знаете старую поговорку «Держи друзей близко, а врагов — еще ближе»?

Винг кивнул:

— Она не лишена смысла. — И с сомнением уточнил: — Дальше мы приготовили для вас презентацию комаррского проекта. Может, нам тогда показать уважаемому доктору другие отделения криоцентра?

— Не обязательно. Если только ваш проект не содержит технических инноваций, которые вы бы предпочли не открывать потенциальным конкурентам.

— Нет, он базируется на надежной и отработанной технологии. Новизна проекта — в бизнес-модели.

— Тогда никаких проблем. На мой взгляд, Ворон — чистый технарь; все, что касается бизнеса, про-

летает мимо него. — Интересно, до какой степени Винг окажется провинциальным невеждой? Ведь Ворон Дюрона родился и рос на *Единении Джексона*, где Сделка — искусство, наука, война и единственный способ дожить до завтрашнего утра. — Вы когда-нибудь покидали вашу планету, мистер Винг?

— Да, я летал к вам на Комарру в прошлом году, когда мы только запускали наш проект. Визит был исключительно деловой, и боюсь, на достопримечательности мне не хватило времени. Я не покидал купола Солстис.

— О, какая жалость.

Они вернулись в главное здание, и скоростной лифт поднял их на самый верх в конференц-зал, элегантно обставленный кривыми карликовыми деревцами в горшках и изящными стеклянными скульптурами. Аида наконец-то уговорила их отведать напитки: Майлз с Форлынкиным остановили свой выбор на зеленом чае, Роик — на кофе. А затем началась блестящая головидеопрезентация, посвященная огромному криоцентру, который «Белая Хризантема» строила в куполе Солстис, комаррской столице. Как Майлз ни старался, он не обнаружил никаких признаков махинаций. Ничего не нашло и СБ Комарры,

имеющее доступ к более подробным данным; они тщательно проверили все и по ходу проверки, при полном содействии «Белой Хризантемы» и к их одобрению, обнаружили завышенные цены у двух поставщиков, растратчика-клерка и воровство со склада. Естественно, о таких деталях в блестящем ролике Винга не упоминалось.

На половине презентации к ним присоединились Ворон и Сторрз. Ролик завершился взрывом бравурной, но все же приятной мелодии.

Майлз откинулся на спинку своего исключительно удобного кресла, сцепил пальцы.

— Итак, почему Комарра? Если вы рассчитываете на продвижение в галактику, почему не Эскобар — он же ближе?

Винг расправил плечи, явно довольный вопросом.

— Мы рассматривали такой вариант. Но на Эскобаре существуют собственные криосервисы, гораздо более развитые, а свободная конкуренция в этой области сдерживается тем, что я назвал бы крайней формой местного протекционизма. Наши аналитики решили, что Комарра, несмотря на свою удаленность, предлагает больше простора для роста, который, в конце концов, и ложится в основу дохода. Дохода, который, я надеюсь,

барраярцы разделят с нами. Купол Солстис уже получает свою долю: после окончания стадии дизайна все дальнейшие работы выполняются местными подрядчиками.

— Естественно, — рассудительно заметил Майлз, — что когда криоконтрактом обеспечен каждый житель планеты, вам ничего не останется, как двигаться вовне. — Он едва справился с искушением прибавить — «хотя ежеминутно рождаются новые потенциальные клиенты».

— Боюсь, что так: это издержки зрелого рынка. Хотя в прошлом году была проделана некоторая перспективная работа с обращением криоконтрактов в товар.

— Простите?

Голос Винга загорелся искренним энтузиазмом:

— Исторически криоконтракты не были стандартизованы: на протяжении долгого времени их заключали разные организации, часто в условиях различного местного законодательства. Их обеспечение, также самое разнообразное, с момента активации контракта могло расти или сокращаться. Сами компании со временем разделялись, сливались, перекупались, банкротились. Раньше контракт и ответственность за

него переходили из рук в руки только вместе с организацией-держателем. Но в последнее время выяснилось, что существует вторичный рынок индивидуальных контрактов, предоставляющий значительные возможности как в части извлечения выгоды, так и роста капитала, с которым производятся операции.

У Майлза брови поползли на лоб:

— Вы торгуете *мертвецами*?

— Меняетесь криотрупами? — На физиономию Роика все же прорвалось выражение ужаса.

— Нет, нет! — запротестовал Винг. Сторрз вторил своему боссу, энергично мотая головой.

— Это было бы абсурдно, — продолжил Винг. — Клиенты остаются там же, где они лежат, конечно, если только криоцентр не переоборудуется или не подлежит списанию. Но они представляют собой основание для взаимного учета между компаниями. Их контракты перепродаются. — Он добавил чопорно: — Этот процесс дает основания надеяться, что со временем мы придем к более открытой и типовой контрактной структуре в масштабах всей отрасли.

Майлз мысленно перевел: «мы остановимся, как только выжмем губку досуха». Ворон улыбнулся, рассеянно и невыразительно, как будто не

понял из этих объяснений ни слова: все понятно, доктор Дюрона сделал такие же выводы.

— И, э-э, вы намерены применять эту модель на Комарре? — уточнил Майлз.

— Увы, нет. Там не с кем торговать. — Винг лицемерно вздохнул. Понятно, рассчитывают стать монополистами.

— Ошеломляющая идея, — признался Майлз честно. — А каково ваше мнение, Форлынкин? — Он весело подмигнул консулу. — Готовы вы под этим подписаться? Хотя, полагаю, для вас это не в новинку.

— Не… совсем, — выдавил Форлынкин. — По большей части моя работа здесь была связана с проблемами живых. Но в прошлом году мне пришлось отправлять домой на Барраяр тело одного туриста — бедняга занимался подледным дайвингом, очень опасный спорт. А еще я дважды оформлял доставку на Кибо останков бизнесменов, погибших на территории Империи в результате несчастного случая. Одного — замороженным, другого — в виде урны с прахом. На последнее от родственников поступили жалобы, которые я передал в соответствующие инстанции. — Самым дипломатичным образом — а как еще? — консул добавил: — Я благодарен за то, что

вы показали нам положение дел изнутри, Вингсан. Это открыло мне глаза на многое. — Из-под ресниц он кинул быстрый взгляд на Майлза.

На обед после презентации их пригласили в невысокое здание, за окнами которого виднелся сад и пруд с карпами. Зал украшали бумажные ширмы, циновки татами, очередные стеклянные фигурки и цветочные композиции: горстка камней, три палочки, пара бутонов, цветок. Их усадили за пару низких лакированных столиков на шелковые подушки: Майлза — между Вингом и Аидой, а Сторрз за соседним столом опекал Форлынкина, Ворона и Роика. Пара слуг подавала одно за другим изысканные блюда, похожие на миниатюрные скульптуры, и Майлз наконец-то согласился, чтобы Аида плеснула ему в плоскую керамическую чашку странноватого на вкус вина. Интересно, намеренно ли дизайн этой посудины предполагает умеренность в питье: ведь всякий, кто слишком переберет, рискует расплескать ее содержимое себе на грудь? Майлз пока справлялся.

Аида поддерживала беседу, переходя от одной нейтральной и приятной темы к другой и периодически придвигаясь еще на дюйм ближе. Ее накидка и нижнее платье слегка распахнулись,

стратегически открывая бюст в низком вырезе. Майлз подозревал, что в ее духах содержатся феромоны, но намек и так оказался предельно ясен: молодая женщина входит в предложенную ему взятку, если он того пожелает. Увы, не похоже было, что Аида много знает и в курсе всех местных сплетен, к тому же Майлзу не стоило выглядеть падким на любой подкуп. Есть такая штука, как артистическое чувство меры. Майлз достал голокуб и похвалился снимками своей великолепной жены и прекрасных детишек, и Аида сдала позиции. Заодно он пожаловался на то, как накладно содержать семью, и чуть поближе придвинулся уже Винг. Майлз отпил еще их странного вина и по-дурацки разулыбался.

Майлз был уверен, что с «Белой Хризантемы» станется поить его до тех пор, пока он не свалится под стол. Поэтому он решил свернуть вечеринку, пару раз намекнув, что Форлынкину пора возвращаться к его обязанностям. Аида пересела за второй столик, развлекать остальных гостей, а Винг повел Майлза прогуляться вокруг пруда, как он сказал, «проветрить голову». Голова Майлза, во всяком случае, прояснилась очень быстро, едва Винг перешел к детальному рассказу о том, каким образом Майлзу тайно переводятся его

новые акции. «Быстрая работа, милорд Аудитор: от флирта до постели за один день». Только кто здесь кого поимел? Ну почему, почему же его вообще решили подкупить?

— Я искренне верю в комаррский проект, — доверительно поделился с ним Винг. Он был в легкой эйфории, то ли от вина, то ли в предвкушении финала переговоров: похоже, выигрышная сделка породила в душе Винга не меньше страсти, чем у какого-нибудь джексонианца. — Говоря откровенно, я перевел все мои капиталы и опционы из «Белой Хризантемы» в дочернее предприятие «Солстис-Белая Хризантема». И даже свой собственный контракт я переписал на новый криоцентр — вот сколько я на него поставил! Как видите, я подкрепил свое слово жизнью и деньгами. — Его темные глаза сверкнули при этом откровении.

Наконец-то у Майлза сошлись концы с концами. «Боже правый. Ты только что выдал мне себя с головой, Винг».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Паук-волк, живой и настороженный, в своей черной шубке с белыми полосками и аккуратными пятнышками походил на аристократа в вечернем фраке из фильма по головиду. Джин отчетливо видел все восемь глаз на свирепой маленькой мордочке: два ярко-черных смотрели прямо на него, четыре располагались ниже, и еще по одному с каждой стороны головы. За его… нет, ее брюшком висел пушистый ярко-белый комок, похожий на шарик ваты — это ведь кокон с яйцами? Выходит, это мама-паучиха? Склонившись над полом заплесневелого садового сарайчика, Джин сперва оцепенел от восторга, потом медленно подался назад. Лишь бы ее не спугнуть, а то она юркнет в щель в полу или стене раньше, чем Джин найдет что-нибудь, куда ее посадить. Паучиха была для своего вида крупной особью, размером с последний сустав его большого пальца — длиннее трех сантиметров. Настоящий взрослый паук. И, кажется, она терпеливо его ждала.

Джин с досадой оглядел сарайчик. Путь из се-

веро-западного пригорода, где жили тетя с дядей, до южной части города оказался куда дольше, чем он себе представлял. Отчасти потому, что уставшая Мина — как и он ожидал — то и дело начинала ныть и отставать. Но Джин к тому же опасался, что во время их долгого ночного марша где-то свернул не туда и заблудился. Улицы поворачивали в неожиданном направлении, путая его, а башни городского центра, проглядывающие то и дело с холма или открытого места, выглядели одинаково со всех сторон.

Здорово, что им удалось найти это убежище. Рано утром они зашли купить пол-литра молока в магазинчик на углу неподалеку отсюда, потом прошли несколько кварталов, выглядывая место, где бы притаиться на время занятий в школе. На одном доме висела табличка «Продается»; они заглянули в окна и увидели, что внутри нет ни мебели, ни людей. Безопасно. Дом оказался крепко заперт, но за ним в саду они обнаружили сарайчик с дверью без замка. Сад окружала высокая стена, в нем было много кустов и деревьев, скрывающих их от любопытного взгляда — хорошее место, чтобы спрятаться. В довершение всего, во дворе нашелся кран, из которого еще шла вода. Плиток готового завтрака им с Миной пока хва-

тало, хотя они уже надоели, а вот отыскать воду было непросто. За долгий вчерашний переход им дважды повезло найти в городских парках не только питьевой фонтанчик, но и туалет. Мина очень капризничала, не желая сходить за кустики, пусть даже в темноте ничего не видно.

Увы, на полках в сарае подходящих коробочек не лежало, и садовых инструментов тоже, кроме одной ржавой и погнутой лопатки. Джин покосился на сестру, которая спала, подложив под голову свернутую курточку. Рядом стоял ее желтый рюкзачок на молнии, разрисованный улыбающимися (и анатомически неправильными) пчелами. Джин нагнулся и принялся рыться в ее пожитках. Ага, вот!

— Эй! — пробурчала Мина, садясь и зевая. Лицо у нее было бледное со сна, на щеке отпечатался рубчик от самодельной подушки, волосы топорщились в разные стороны. Почему это после дневного сна люди всегда такие раздраженные и помятые? — Ты что, крадешь мои деньги?

Джин со щелчком открыл пластиковую коробочку, где сестра держала свои монетки, и высыпал содержимое в пакет. — Нет! Мне просто нужна коробка.

— А зачем? — поинтересовалась Мина, хмуро

наблюдая за таким покушением на свою собственность. Хоть не кража, и то хорошо.

— Будет домик для паука.

— Фу-у! Не люблю пауков. Паутина в рот забивается.

— Это паук-волк. Тарантул. Они не плетут паутину.

— А-а. — Мина заморгала, привыкая к этой мысли. Не то, чтобы брат ее окончательно убедил, но она хоть не стала по-глупому визжать. Пока Джин ловил свою добычу, Мина держалась подальше. Но как только леди-паук оказалась заперта за прозрачным пластиком и не опасна, Мина не отказалась взглянуть на нее поближе. Джин показал ей многочисленные крохотные пучки волосков, глаза, жвалы и многообещающий кокон с яйцами.

— У нее правда восемь глаз! — восхитилась Мина, чуть не окосев в попытке свести собственные глаза на переносице, словно пытаясь представить, как видит паучиха. Ободренная примером брата, она постучала по пластиковой крышке.

— Эй, не надо. Ты ее испугаешь.

— А она сможет там дышать?

Джин оглядел коробку, терзаемый новыми сомнениями. Да, она действительно хорошо за-

крывается, но и воздух туда тоже не проходит. Тарантул тщетно царапал стены своей новой тюрьмы коготками. — Какое-то время сможет.

— Как ее зовут?

— Я пока не знаю.

— Ей нужно имя.

Джин кивнул, полностью с ней соглашаясь. *Порой* Мина говорит разумные вещи. Говорят, на Старой Земле есть тысячи разных видов пауков-волков, но терраформисты Кибо поскупились и в здешнюю экосистему добавили едва ли с десяток. Но все равно, пока у Джина нет коммсети, он не может отыскать, как по-настоящему, по-научному называется его паучиха. Он только понадеялся, что ее имя окажется таким же изысканным, как и она сама.

— Можешь назвать ее Паутинкой. Хотя ты сказал, что она не плетет паутину. Тогда Волчок?

— Это имя для мальчика, — возразил Джин. — А ей нужно имя дамы… может, какой-нибудь со Старой Земли.

Мина сосредоточенно нахмурилась, размышляя, и ее осенило:

— Леди Мурасаки! Это самое древнее имя леди, какое я знаю.

Джин, уже готовый высмеять идею просто по-

тому, что ее высказала младшая сестра, замер. Он поглядел на паучиху — а подходит!

— Ладно.

Мина торжествующе усмехнулась.

— А что она ест?

— Жуков поменьше. Надо будет наловить ей в саду, пока мы не ушли. Не знаю, сколько нам еще идти до… ну, до дома.

Мине становилось все интереснее.

— А можно я помогу ее покормить?

— Конечно.

Заговорив про еду, Мина вспомнила, порылась в своем ограбленном рюкзачке и достала плитку завтрака.

— Наверное, лучше ее разломать. Чтобы хватило на подольше.

— Хорошая идея, — признался Джин. Он отставил коробочку в сторону и, крадучись, прошмыгнул в сад, к крану — сполоснуть их бутылки из-под молока и налить в них воды.

Когда он вернулся в сарай и закрыл скрипучую дверь, Мина спросила:

— А сколько сейчас времени?

— Не знаю. День, в общем.

— Как думаешь, в школе уроки уже кончились? Можно снова выйти на улицу?

— Скоро.

Они разделили плитку обеда и воду на двоих.

— Наверное, лучше посадить леди Мурасаки в бутылку, — посоветовала Мина, допивая свою и поднимая к свету, который просачивался через грязное окошко сарая. — И в ней можно сделать дырочки для дыхания.

— Нет, я хочу вымыть бутылки и снова их налить. Возьмем с собою — помнишь, как ты вчера ныла, что тебе жарко и хочется пить?

— У меня в ботинках ноги совсем вспотели, — пожаловалась Мина. — Очень противно. — Она посмотрела на него чуть припухшими с неудобного дневного сна глазами. — Далеко еще идти до твоего места?

— Трудно сказать. — Джин беспокойно пожал плечами. — Дорога длинней, чем я думал. Надеюсь, Майлз-сан позаботится обо всех моих животных.

— Это твой друг-инопланетник, да?

За время их путаного путешествия длиной в полтора дня Джин постепенно выдал Мине, как он подозревал, почти все свои секреты — то ли чтобы пресечь ее бесконечные вопросы, то ли потому, что слишком давно не болтал с другими детьми.

— Ага.

Джину не давало покоя, как бездарно он провалил свою роль курьера. А вдруг Майлз-сан решит, что Джин украл его деньги? И как он справится с Вихрем? С этой птицей надо быть ласковым, но твердым. С курами проще, но если они перепорхнут через бортик, надо лезть вниз и нести их на крышу. А сумеет ли Майлз-сан со своей тростью затащить наверх по лестнице отбивающуюся курицу?

— А у Майлза-сан дети есть? — поинтересовалась Мина.

Джин наморщил лоб. — Он не говорил. Но вообще он уже старый — сказал, ему тридцать с чем-то там. Зато он забавно выглядит. Не знаю, может, девушкам нравится?

Когда Майлз-сан отошел от наркотиков, то оказался довольно симпатичным, и стало видно, что он часто улыбается. К тому же он понимал животных Джина, а значит, был еще и умным, ну, для взрослого. Может, ему нужна такая же низенькая и умная невеста? Или нет?

После долгой, задумчивой паузы Мина заявила:

— Как думаешь, ему бы понравилось?

— Чего?

— Дети. Ему бы понравилось, если бы у него были дети? Раз он совсем один.

В ответ на изумленный взгляд Джина сестра пояснила:

— В этом году мы в школе читали книгу, и в ней землянин усыновил двух сироток. Он взял их с собой на Землю, и они увидели, откуда прибыли наши предки. — Она добавила искушающе: — И еще завел им новых домашних зверей…

Джин смутно припоминал что-то такое: ее изучали во втором классе, а от этого года у него остались довольно тягостные воспоминания, потому что тогда же учителя мучили их началами кандзи. В книгу напихали много всяких глупостей вроде того, как девочка покупает себе модное кимоно, но была одна глава про поездку на побережье, где водились всякие земные морские животные (эпизод, правда, слишком короткий, зато с картинками). А еще в книге была кошка, которая, к полнейшему восторгу Джина, принесла котят.

— Майлз-сан не с Земли. Он сказал, что он с Барраяра.

— А где это?

— Где-то за Эскобаром, наверное.

Джин учил, что Эскобар — ближайший в сети

торговый партнер Кибо, и лететь до него ближе всего. Более далекие миры, не считая Землю, изучали только в старшей школе, на уроках галактической истории. Джин сам много читал про Землю, из-за своего интереса к зоологии. Вот если бы появился какой-нибудь благодетель и предложил взять Джина с собою на Землю… Хотя Барраяр, как его описал Майлз-сан, не хуже, со своим двойным набором растений и животных.

В голове Джина внезапно сложилась придуманная картинка — будто бы этот странный человечек живет один в загородном коттедже… нет лучше в большом старом доме с огромным разросшимся садом! Как в другой книге, где старый профессор пригласил к себе в дом пожить двоих детей из города, пока шла война… что за война, Джин не знал, потому что это случилось давным-давно, когда людей еще не замораживали. В книге была лошадь, которая возила повозку, и чудесные приключения в пещере со слепой белой рыбой. Джин как-то видел лошадь в Норбриджском зоопарке, когда был там с классом на экскурсии. Детям посмелее разрешили погладить ее по шелковой шее, пока служитель держал повод; Джин помнил, как зверюга выдыхала воздух из огромных ноздрей, похожих на кузнечные ме-

ха, и каким теплым оказалось ее дыхание у него на щеке. Он знал, что есть разновидность лошади поменьше, специально для детей, и она называется пони. Такую даже Мина не испугалась бы. Потому что той большой зверюги в зоопарке боялся даже Джин, хотя, конечно, он сам тогда был мелким. Большой дом, и животные, и…?

Майлз-сан не профессор, и не какой-нибудь добрый богатый дядя, а из того, что Джин понял, он живет в маленькой городской квартирке и вовсе не один. Ни к чему хорошему эти фантазии не приведут; только становится больно, когда они сталкиваются с реальностью. Он хмуро поглядел на Мину:

— Никто нас не собирается ни усыновлять, ни увозить отсюда. Это глупая мысль.

Мина обиделась. Она повернулась к нему боком и принялась натягивать носки. Они были в красных и бурых пятнах там, где на стертых ногах лопнули и кровоточили пузыри, и Джин почувствовал себя немного виноватым. Они обулись, убрали леди Мурасаки в безопасное место к Мине в рюкзачок, где ее точно не станет трясти, как у Джина в кармане, и снова выскользнули на улицу.

Пропетляв по улицам еще километр (Джин

искал и никак не мог найти свой ориентир — вид на башни деловой части города) они вышли на оживленную улицу к станции подземного трамвая.

Мина уже ковыляла маленькими шажками и прихрамывала; на станцию она посмотрела с тоской.

— Хочешь, поедем на трамвае? — Она сглотнула. — Я куплю билеты.

— Нет, нельзя. У полиции видеокамеры на станциях, они так и поймали меня позавчера. — Но тут внимание Джина привлек большой разноцветный экран возле входа. Карта! Он оглянулся, не заметил на улице следящих камер и подошел поближе, Мина за ним.

На карте светилась точка «вы здесь». Джин ужаснулся. После всех своих длительных блужданий они оказались совсем не в южной части города. Каким-то образом они забрели в жилой район на востоке, откуда до фабричной зоны на юге пешком нужно идти еще километров тридцать. Столько, сколько они уже прошли. Теперь понятно, отчего вокруг такие красивые дома. Джин подошел поближе, сощурился.

Всего в двух остановках трамвая отсюда была та самая станция, где он сошел, чтобы попасть в

барраярское консульство. Километра три пешком. Джин уставился на карту, размышляя. Он подумывал предложить Майлзу-сан в компенсацию деньги Мины, когда они доберутся до цели, но, кажется, его сестра довольно скуповата. Она наверняка поднимет крик, хотя Джин был почти уверен, что Майлз-сан вернет деньги, как только сможет. Может, если он сначала зайдет в консульство и объяснит как все случилось, самую малость приукрасив, то, они дадут ему еще денег для Майлза-сан? Тому, похоже, деньги нужны очень сильно. А полиции барраярцы Джина не выдадут, потому что им нужно хранить свои секреты, верно?

От одной мысли прийти и сознаться ему стало неуютно и плохо, но не так плохо, как будет, если он вернется к Майлзу-сан с пустыми руками и с опозданием на три дня. Джин внимательно вгляделся в карту, стараясь запомнить все улицы и повороты наизусть.

— Я знаю, куда нам надо, — заявил он Мине, стараясь выглядеть уверенно, как и положено старшему брату. — Пошли.

* * *

Наконец лимузин «Белой Хризантемы» высадил всех возле консульства. Первым делом Роик поднялся вслед за м'лордом наверх и присмотрел, чтобы тот выпил сразу две таблетки от головной боли и несколько стаканов воды. После этого они спустились в вестибюль. Заглянув в одну из смежных комнат, которую Роик обозначил для себя как гостиную, м'лорд окликнул прохлаждавшегося там Ворона:

— А теперь снова вниз на совещание.

Ворон кивнул и поплелся за ними. По дороге домой в обществе Аиды они почти не разговаривали: м'лорд ушел в себя, устало полузакрыв глаза; Форлынкин стиснул зубы и уставился в окно, Роик предпочитал молча наблюдать, а Ворону ничего не оставалось, как последовать общему примеру. Однако внизу они обнаружили, что дверь комнаты дальней связи закрыта и заперта.

М'лорд нажал кнопку интеркома.

— Форлынкин, вы там? Открывайте.

— Одну минуту, милорд, — ответил из динамика голос консула. Однако минута превратилась в несколько. М'лорд постукивал ботинком по полу. Ворон зевал, привалившись к ближайшей стене.

Ожидание затянулось.

— Все равно как в доме с одним туалетом, куда нагрянула в гости родня, — заметил Роик.

М'лорд косо на него поглядел:

— Вот уж не знаю. Дом всего с одним туалетом? Никогда не жил в таком.

Роик с ироничным видом склонил голову.

Наконец щелкнул дверной замок, открылась герметичная, как у сейфа, дверь, и консул их впустил. Его голубые глаза лихорадочно блестели, и он тяжело дышал, словно после бега.

— Вы опоздали! — объявил он.

М'лорд приподнял брови. — Ну… не в первый раз. И куда же именно я опоздал сейчас?

На напряженной челюсти Форлынкина дернулся желвак.

— Я только что отправил по прямому лучу в штаб-квартиру Имперской СБ на Барраяр полный рапорт генералу Аллегре о том, чему я был свидетелем. Никогда в жизни не думал, что увижу, как Форкосигана — Форкосигана! — покупают за деньги. Может, моя карьера и кончена, но ваша — тоже, *милорд Аудитор*.

— А, прекрасно. Дело сделано. — М'лорд пнул дверь, и та закрылась с шипением, похожим на вздох. Увы, недостаточно драматично для ны-

нешнего настроя Форлынкина.

— *Что?* — Форлынкин сжал кулаки.

— У каждого человека есть своя цена, — дружески продолжил м'лорд. — Уверен, Винг-сан с этим согласился бы. Больше всего я боялся, что если он сегодня не клюнет на мое представление, мне придется по-новой разыгрывать то шоу, что я устраивал на конференции.

Если консул не вспомнит, как дышать, у него легкие лопнут, подумал Роик. Он миролюбиво вмешался:

— Перестаньте дразнить беднягу, м'лорд. — «Раз уж ты теперь получил все, что хотел». Роику не хотелось сбивать Форлынкина и валить на пол, если тот бросится на м'лорда с намерением вцепиться в горло, а дело явно шло к тому. Про человека в отчаянии говорят, что он готов грызть ногти. Ногти, локти или монтажные когти? Имея дело с м'лордом, можно ставить на последнее.

М'лорд нетерпеливо пояснил:

— Такие люди, как Винг, не разбрасываются деньгами в адрес своих потенциальных противников наугад, Форлынкин. Сперва они должны убедиться, что объект можно подкупить. Я сделал все, чтобы он так решил. Садитесь, консул. Доктор. Нам пора поговорить.

Рот Форлынкина, уже открытый для какого-то гневного высказывания, захлопнулся.

— Лорд Форкосиган… так что же это, западня?

— Теперь да. — М'лорд выдвинул пультовое кресло и шлепнулся в него. — Разумеется, сначала мы не были уверены, поэтому сюда и отправили меня. Я могу быть одновременно и приманкой, и ловушкой, что как минимум сэкономило империи деньги на билет.

Форлынкин медленно осел на стул напротив. Роик задышал свободнее. Консул в смятении уставился на свой защищенный комм-пульт.

— Милорд… но я же отправил рапорт.

— Не извиняйтесь. В конце концов, ваш следующий официальный гость может на самом деле оказаться взяточником. Я тоже не намерен извиняться перед вами, если это вас утешит. Мне уже случалось видеть, как подкупают наших дипломатов. Я должен был убедиться.

— Вы… проверяли меня?! — Опасное пламя во взгляде Форлынкина, уже притухшее, разгорелось вновь.

— А зачем, по-вашему, я сегодня весь день таскал вас за собой и позволил все увидеть?

Форлынкин стиснул в кулаки лежащие на коленях руки, потом медленно расслабился.

— Понимаю. Очень действенно.

— Держитесь в том же духе, — добавил м'лорд любезней. — Задача непростая; это дело не одного аналитика СБ поставило в тупик. — Он повернулся к Ворону. — Итак, что интересного вы узнали, пока общались со Сторрзом?

Ворон с сомнением скривился.

— Вряд ли что-то новое. Их программа криозаморозки кажется полностью адекватной, с технической точки зрения в их процедурах тоже не видно изъянов. Я попросил Сторрза показать мне оживленного, но он ответил, что на сегодня этих операций у них не запланировано, в общем, тоже ничего удивительного. Он продемонстрировал мне лаборатории для оживления; выглядят они вполне нормально. Еще он закидывал удочки на предмет того, не заинтересуюсь ли я работой на «Белую Хризантему», и пытался выяснить, каков размер моей нынешней зарплаты. Я признался, что мои основные интересы лежат в области криооживления, что гораздо интереснее с медицинской точки зрения. Он ответил, что передаст это пожелание, правда, так и не сказал, кому. И мы вернулись к вам в самый разгар шоу, когда от дрессированных собачек вы перешли к пони. — Ворон хмыкнул и пожал плечами.

Форлынкин заморгал:

— Скажите, лорд Форкосиган, доктор Дюрона — ваш *агент*?

— Гражданский консультант на договоре, — прояснил ситуацию м'лорд, — которому я плачу из бюджета, выделенного на это расследование. Одновременно ты получаешь свою зарплату в Группе Дюрона, да, Ворон?

Тот усмехнулся:

— О, это личная информация.

— Читай как «да». Так что не стесняйтесь использовать доктора Дюрона в две смены, если потребуется.

Ухмыльнувшись, Ворон подошел к автомату с напитками, стратегически выгодно расположенному как раз неподалеку от защищенного комм-пульта и спутниковой консоли связи. Судя по запаху, тот выплюнул нечто кофеподобное. Ворон взял чашку и вежливо показал Роику на свой стул; Роик, отмахнувшись, предпочел подпирать стену, скрестив руки на груди — поза, скопированная им у некоего бывшего шефа СБ.

— Теперь чтобы быстро ввести вас в курс дела, Форлынкин, — продолжал м'лорд, — СБ изучила и проверила «Белую Хризантему» сразу, как только ее первые агенты начали свои исследования

на Комарре восемнадцать месяцев назад. Но СБ нацелена на поиск военного шпионажа и тому подобных вещей. Затем их бизнес-план утвердила местная комаррская комиссия, и им дали добро. Никто не заинтересовался бы ими еще много лет, если бы не старый добрый непотизм.

— В последние несколько месяцев, когда их основной центр, Винг нам его показывал, уже был близок к завершению, «Белая Хризантема» начала собирать контракты с будущих клиентов. В качестве своего поля деятельности они, что вполне естественно, выбрали солстисские клубы для стареющих дам. Одновременно с этим другая группа агентов по продажам сделала стратегические биржевые предложения ряду богатых и влиятельных комаррцев, чтобы местные власти могли войти в долю их операций в расчете на будущую прибыль. Я думаю, эти две команды не удосужились сравнить свои списки, поэтому так и не поняли, что некоторые богатые пожилые леди — в прошлом крупные биржевые маклеры, которым хватит одного взгляда, чтобы оценить балансовый отчет.

— И вот одна из этих пожилых леди сравнила два лежащих перед нею предложения и сказала «Что-то тут нечисто, но не пойму, что именно».

Тогда она дала их посмотреть своей любимой внучатой племяннице, и та ответила: «Ты права, тетушка: что-то тут нечисто, но не пойму, что именно». И племянница пошла с этой проблемой к своему любящему мужу, более известному как император Грегор Форбарра. А уже тот вручил ее своему верному Имперскому Аудитору со словами, я цитирую: «Майлз, ты лучше всех умеешь нырнуть в отхожую яму и вынырнуть с золотым кольцом на пальце. Так что вперед». На что я ответил: «Благодарю Вас, сир» — и сел на корабль до Кибо-Дайни.

Форлынкин снова заморгал. Отчаянно. Роик решил, что прозорливая императрица-комаррианка нужна Грегору отнюдь не только для того, чтобы плодить пугающе умненьких детишек.

М'лорд весело продолжал:

— Еще одна характерная особенность пожилых богатых комаррианок — избыток у них планетарных голосующих акций… Э, Ворон, мне нужно тебе объяснять подробнее?

— Будь добр, — ответил Ворон, с заинтересованным видом откидываясь в кресле.

— Их система, как оно обычно и бывает, является реликтом комаррской колонизации. Планета пока не пригодна для жизни, хотя у них давно

идет долгосрочное терраформирование, но сейчас все поселения там — герметичные купола.

— Это я знаю.

— Так вот, чтобы поощрить возведение куполов, первые комаррские колонисты создали систему бонусов. В дополнение к неотъемлемому «один человек — один голос», с которым каждый комаррец рождается и умирает, колонисты награждали дополнительными голосами тех, кто брал на себя труд и риск расширять жизненное пространство. Эти голоса можно наследовать, продавать, торговать и вообще всячески их накапливать. Основой комаррской олигархии в настоящее время является то, что отдельные кланы обладают пакетами планетарных голосующих акций. Комарра — якобы демократия, но некоторые там равны гораздо больше, чем другие. Следишь за моей мыслью?

Ворон кивнул.

— Итак, — догадался Форлынкин, который, в конце концов, имел двухлетний опыт жизни на Кибо-Дайни. — Вы думаете, что «Белая Хризантема» планирует заполучить все эти голоса оптом?

— Теперь я именно так и думаю. Заметьте, история Комарры знает множество попыток мошенничества с их системой голосования, и со

временем там накопился целый кодекс правил, чтобы этому воспрепятствовать. Среди всего прочего, голосующие акции не могут находиться в собственности корпораций — только в руках физических лиц; есть проверенный механизм для доверенностей, ну и так далее. Контракты «Белой Хризантемы» прошли проверку у комаррских инспекторов, и если мы еще проверяли их на тот момент, то дали бы добро. У меня две рабочие гипотезы: либо «Белая Хризантема» подкупила кого-то из инспекторов — что меня весьма пугает — либо нашла способ обойти существующую систему так, что их истинные намерения вскроются слишком поздно. А, может, и то, и другое сразу.

Эх, подумал Роик, не стоит м'лорду с таким восхищением излагать детали этого плана перед все еще не успокоившимся Форлынкиным. Но что уж тут поделать.

— Меня озадачил тот факт, что здесь невозможно провернуть схему быстрого обогащения, какой бы невиданный толчок ни придали «Белой Хризантеме» комаррские акции. В индустрии услуг размер прибыли весьма невелик, однако «Белая Хризантема» сорит деньгами, как пьяный фор-лорд. Зачем прикладывать столько усилий ради денег, до получения которых ты просто не

доживешь? Однако сегодня днем в самом конце разговора Винг сообщил мне, что намерен сам лечь в криостаз на Комарре.

М'лорд гордо огляделся, словно ожидал, что комната взорвется аплодисментами, и был явно разочарован при виде трех недоумевающих физиономий.

Он вздохнул:

— Ну, конечно. «Майлз, расшифруй». Я подозреваю двухуровневую аферу. Полагаю, среди управленцев «Белой Хризантемы» есть группа, намеревающаяся проспать эти годы в криостазисе и пробудиться, когда настанет время пожинать плоды. Если они настолько умны, как я думаю, то, вероятно, планируют бодрствовать посменно. Чтобы кто-то из команды всегда мог позаботиться об их интересах, пока они тихо, между делом, бескровно скупают Комарру. Хотя это еще вопрос, насчет «бескровно»: смотря чем считать преждевременную заморозку — убийством или самоубийством? Самый медленный, самый изощренный и, должен сказать, самый устрашающий план захвата планеты, какой когда-либо появлялся на свет!

Даже Форлынкин дернулся. Его губы приоткрылись в ужасе.

— Захвата?!

— Вряд ли можно назвать это по-другому. Мне еще предстоит увязать множество точек на схеме, прежде чем я подпишу доклад по этому расследованию. Запустите ваши консульские системы глубокого поиска данных: первое, что я хочу получить — список сотрудников «Белой Хризантемы», которые недавно перевели свои активы в «Солстис-Белая Хризантема» и намерены последовать туда сами. Исходя из их числа, возможно, мы и обнаружим «пятую колонну» в «Белой Хризантеме», которая потрошит *собственную компанию*, чтобы подстелить перышек в свои гнезда.

— Вау! — с искренним восхищением воскликнул Ворон. М'лорд удостоил его довольной улыбки.

Форлынкин вцепился в свою шевелюру.

— Как же вы намерены прижать к ногтю этих ублюдков? На Барраяре попытка дать взятку Имперскому Аудитору — тягчайшее преступление, но мы-то на Кибо-Дайни! Даже если вы сможете это доказать — а, боюсь, моего свидетельства будет недостаточно — то Винга за эту шалость разве что по рукам отшлепают.

— Вообще-то я бы предпочел, чтобы никто на Кибо-Дайни не догадывался, что мы их раскрыли.

Идеальная месть — позволить «Белой Хризантеме» запустить обе руки в комаррскую банку с вареньем, дать им там увязнуть, а потом отрубить эти руки: изменить правила заключения контрактов ровно настолько, чтобы им пришлось отказаться от голосов. Сделать из них того, кем они притворяются — поставщика услуг с минимальной прибылью. Это будет достаточно болезненно, чтобы предостеречь прочих. В качестве последней меры — повальная национализация, но этот шаг, хоть он и верен, разозлит комаррских бизнесменов. Вопрос потребует определенного изучения — боюсь, пока все не закончится, от юристов здесь будет не продохнуть — но при определенном везении моя часть работы на тот момент уже завершится. — М'лорд поднял взгляд на Форлынкина. — Кстати, что вы думаете про лейтенанта Йоханнеса. Он молод, значит денег у него меньше, и сам он потенциально легковернее. Действительно ли он заслуживает доверия?

— Я… — Форлынкин помедлил. — Я ни разу не получил оснований сомневаться в нем.

— А ваш местный клерк, Юичи-как-там-его, Мэтсон?

— И в нем — тоже. Но никогда прежде у нас не было подобной ситуации.

— Откуда вам знать, — вздохнул м'лорд. — Все это время через консульство проходили обычные проездные визы для персонала «Белой хризантемы».

— Да, но мы интересуемся только целью поездки: бизнес или туризм. Плюс проверяем на судимость.

М'лорд оценивающе прищурился:

— Интересно, не стоит ли нам добавить в анкету среди возможных целей еще один вариант — «коварный захват планеты». Нет? Значит, нет.

Форлынкин медленно произнес:

— А что, если бы я не попытался сейчас вас сдать?

— Вас не пригласили бы на это совещание, а я стал бы решать, как припереть вас к стенке. По ходу дела. — М'лорд потянулся, поводил плечами. Вот сейчас, понял Роик, Форлынкин наконец-то задумался как следует.

— Теперь еще одно… — начал было м'лорд, но его прервал дверной звонок.

Из интеркома донесся голос лейтенанта Йоханнеса:

— Консул? Лорд Форкосиган?

— Да? — отозвался м'лорд.

— Гм… Ваш малолетний посыльный только что

объявился у задней двери. Причем не один.

М'лорд удивленно поднял брови. Форлынкин нахмурился. Ворон с любопытством склонил голову.

— Не отпускай его, Йоханнес, — приказал м'лорд. — Мы сейчас будем.

Он жестом приказал Роику отпереть дверь, подхватил трость и поднялся на ноги.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Кухня в консульстве показалась Джину по-домашнему уютной и даже роскошной. Может, все дело в холодных сумерках, что накрыли сад за окном, и превратили ее в такую теплую и яркую. А, может, в стопке тарелок в раковине. Кухня, куда можно спокойно зайти перехватить чего-нибудь вкусненького, и где на тебя не наорут. Но топот шагов на лестнице заставил Джина неуютно поежиться, и когда ладошка Мины прокралась в его и крепко стиснула, он не отдернул руки.

Когда Джин робко постучался в дверь консульства, ему опять открыл лейтенант Йоханнес. С коротким воплем «Ты!» он втащил обоих детей внутрь, хотя и смерил Мину вопросительным взглядом. Приказав «Стойте тут, не двигайтесь!», лейтенант с топотом метнулся вниз по лестнице. Джин не успел даже начать свой заученный наизусть рассказ о том, как полиция забрала деньги Майлза-сан. Так что для Джина не стал сюрпризом свирепый взгляд от появившегося консула Форлынкина. Но за его спиной маячил еще один барраярец, такой здоровенный, каких Джин в

жизни не видел: на полголовы выше консула. Он был одет во что-то вроде военной формы, русые волосы коротко пострижены, невозмутимое лицо с квадратным подбородком. На вид постарше Йоханнеса, хоть и моложе Форлынкина. Мина уставилась на него, разинув рот.

Широкий дверной проем в кухню теперь уже Джину таким не казался: большой барраярец заслонил его целиком. Поэтому Джин не сразу заметил спешащих следом худого мужчину с темной косой и Майлза-сан.

Человечек оттер обоих плечами и встал перед Джином. Сейчас, умытый и аккуратно одетый, он смотрелся совсем по-другому, старше и… грознее. Джину понадобилось несколько секунд, чтобы оправиться от шока, и выкрикнуть:

— Мои животные! Вы же обещали присмотреть за ними!

Майлз-сан поднял ладонь. — Все в порядке, Джин. Когда ты не вернулся к полуночи, я сказал Ако, что пойду тебя искать, и она охотно вызвалась помочь с животными. Твои инструкции я записал и передал ей.

— Но как вы сюда попали?

— Пешком. Шел целую ночь.

Мина, выглядывающая из-за спины Джина, с

любопытством поинтересовалась:

— Ты тоже потерялся?

— И вовсе мы не потерялись, — начал отпираться сконфуженный Джин. — Просто пошли кружным путем.

— А вы кто такая, юная леди? — обратился к Мине Майлз-сан. — Поверить не могу, что нас друг другу не представили!

— Это моя сестра, — пробормотал Джин. — Она сама за мною увязалась.

— У меня есть *имя*, — вставила она. — Меня зовут Мина. Хочешь посмотреть, как я ногу натерла? Там такие пузыри!

Майлз-сан даже не моргнул. — Конечно. А они большие? Лопнули уже или нет?

— Да! И у меня все носки в крови.

— Что ж, мисс Мина, почему бы вам не присесть вот тут и не показать их мне? — Майлз-сан красивым жестом показал на кухонный стул и с полупоклоном, как взрослой леди, предложил его Мине. — Йоханнес! — бросил он через плечо. — Найдите детям что-нибудь поесть. Печенье, молоко, имбирную коврижку — хоть что-то.

— А вы и есть инопланетник Джина? — уточнила Мина, скинув свои ботинки и теребя испачканные носки. — Он мне все про вас рассказал.

— Правда? — Майлз-сан опустился на колени и помог Мине стащить носки; когда присохшая ткань отлипала от мозолей, она заойкала. — О да, отличные пузыри, не так ли? — Он глянул на Форлынкина и мотнул головой; консул тут же бросился рыться в шкафчике в другом углу кухни.

— Тетя Лорна покупает нам обувь навырост, — объяснила Мина. — Поэтому они болтаются.

Лейтенант Йоханнес, озадаченно озирающий глубины холодильника, рассеянно пробормотал:

— Пиво?

— Ты любишь пиво, Мина? — поинтересовался Майлз-сан. Мина замотала головой так, что прямые черные прядки волос запрыгали по щекам. — Значит, не пойдет. Старайтесь лучше, Йоханнес. Разве вы, СБшники, не получаете специальной подготовки? Вот и импровизируйте!

Йоханнес что-то буркнул сквозь зубы, но что, Джин не разобрал. Наконец, по результатам короткого опроса он выяснил, что пицца с синтетическими кальмарами (но без лука) устраивает всех, и ушел ее заказывать. Форлынкин принес аптечку и вручил ее худому мужчине с косой: тот выглядел не так странно, как барраярцы, но выговор у него был все равно какой-то не такой.

Мина наклонилась к Майлзу-сан и с тревогой шепнула:

— Этот большой дядя — он ведь не полицейский?

— Раньше был, — серьезно прошептал Майлз ей в ответ, — но теперь он работает на меня. Увы, но оруженосцу Роику пришлось отказаться от своих принципов служителя закона, когда он поступил ко мне на службу.

Большой человек доброжелательно кивнул Мине.

Майлз с облегчением присел и позволил худому мужчине, которого представил как Ворона, доктора с Эскобара, заняться ногами Мины. Форлынкин глядел за процедурой сосредоточенно и пристально, пока не признал, что доктор свое дело знает, потом выпрямился и, прищурясь, поглядел на Джина. Высоченный оруженосец Роик поставил на стол два стакана с водой; Мина схватила свой и жадно выхлебала, Джин тоже напился, но аккуратнее.

Смочив сухое, перехваченное — и не только из-за жажды — горло, Джин вернулся к объяснениям, что же случилось с консульскими деньгами. Форлынкин поморщился, когда в рассказе всплыли торговцы наркотиками / контрабандисты, но

Майлз-сан жестом остановил его и тот промолчал. Лишь когда Джин, запинаясь, договорил до конца, консул произнес:

— Мы знаем. Мы отследили пакет до полицейского хранилища улик и прочли рапорт о твоем аресте.

Значит, они ему поверили. Ну хоть что-то.

— И я уверен, — прибавил Майлз-сан, — консул благодарен тебе за то, что ты хранил молчание и спас нашу репутацию. Не так ли, Форлынкин?

Форлынкин сжал губы, и на лице у него читалось что угодно, только не благодарность, однако он выдавил:

— Конечно.

После этого Майлз-сан с помощью хитрых вопросов — а спрашивал он не только Джина, но и Мину — вытянул всю историю того, как он был заперт в доме дяди с тетей и сбежал оттуда. К тому моменту, когда Йоханнес вернулся, балансируя стопкой коробок с пиццей, двумя литрами молока и упаковкой пива, Джин выложил Майлзу-сан все до капельки о тете Лорне, дяде Хикару, Тетсу и Кене. Правда, от такой откровенности он почувствовал себя несколько неуютно.

Затем Майлз-сан придвинул к высокой раковине табурет и заставил Джина с Миной вымыть

руки, причем сам первый подал им пример. Лейтенант Йоханнес посмотрел на Майлза-сан, влезающего на табуретку, потом — на бесстрастного Роика и прикусил губу.

Майлз-сан, консул, Джин и Мина уселись вчетвером вокруг кухонного стола. Остальным стульев не хватило, и они стояли, прислонясь к разделочному столу. Лейтенант выложил коробки и рулон бумажных салфеток и сообщил:

— Я проверил по комм-пульту. Обоих детей вчера объявили в розыск. У каждого полицейского в городе есть на них ориентировка.

Консул Форлынкин потер переносицу.

Джин подскочил в тревоге:

— Вы не можете нас выдать!

Майлз-сан жестом заставил его сесть.

— Никто и ничего не сделает, пока мы не поедим. — Он окинул взглядом ароматную пиццу. — Что, только это и никаких овощей? Разве вам двоим не требуются свежие овощи?

— Нет! — заявила Мина, а Джин энергично помотал головой.

Майлз-сан откусил кусочек.

— А может, ну их, эти овощи. Эта штука мне кажется очень полезной. И вкусной.

Мина с готовностью вцепилась в первую за два

дня горячую еду. Джин, у которого от запаха голова кружилась, последовал ее примеру. Йоханнес заказал хорошую пиццу, не сравнить с дешевым замороженным полуфабрикатом, который выставляла на стол тетя Лорна. Консул потягивал пиво, Майлз-сан пил воду, а здоровенный Роик, к удивлению Джина, налил молока сперва детям, а потом взял стакан и себе.

Джин отвлекся и почти успокоился, но тут жующий пиццу Форлынкин заявил:

— Консульство не может укрывать беглецов, лорд Форкосиган. Их опекуны будут в ярости.

— А я и не хочу здесь сидеть! — обиделся Джин. — Хочу обратно к моим зверям.

Майлз-сан помахал в воздухе куском пиццы.

— Предоставить им политическое убежище?

— Несмешная шутка, — отрезал Форлынкин. — Вы хоть представляете, что за юридические сложности связаны с представлением политического убежища малолетним?

— Вообще-то я не шутил, — мягко поправил Майлз-сан. — Но, пожалуйста, погодите с этим, пока дети не доели.

Форлынкин закаменел лицом, но кивнул.

Наконец Джин и Мина не смогли впихнуть в себя больше ни кусочка, и Йоханнес выставил на

стол еще рулон салфеток, а недоеденное убрал в холодильник на утро — совсем как дома. Тогда Майлз-сан откинулся на стуле и объявил:

— Предлагаю перебраться вниз. Там кресла удобнее.

Остальные барраярцы посмотрели на него как-то странно, но Джин, припомнив вечную послеобеденную присказку дяди Хикару, когда тот перебирался в свое любимое кресло — «С открытой трибуны — на места в ложе!» — был не против. Гуськом, вслед за Майлзом-сан, они спустились по лестнице. В подвальной комнате оказалось четыре мягких вращающихся кресла. Два Майлз-сан предложил Мине с Джином, сам занял третье, а с последним предоставил троим претендентам разбираться самостоятельно. Йоханнес присел боком на длинный стол вдоль стены, Ворон-сенсей последовал его примеру, и Форлынкин, поджав губы, опустился в кресло.

— Ух ты, видеокомната! — восхитилась Мина, вертя головой и болтая ногами, на которых поверх чистых бинтов натянула пожертвованные Майлзом-сан носки. Роик плотно закрыл дверь и сел возле нее прямо на пол, скрестив ноги. Тишина повисла просто ужасающая, и Джин впервые задумался, насколько безопасно было приводить

сюда сестренку и не только потому, что их могли выдать полиции. Он вроде как доверял Майлзу-сан, не то схватил бы Мину и рванул отсюда. Вот только дверь и Роик у двери… не поздно ли он спохватился?

Майлз-сан сложил ладони между коленями и сказал:

— Джин, Мина. Секретарь Сюзи рассказала мне кое-что про вашу мать. Когда я сюда пришел, то сразу посмотрел, что про нее есть в планетарной сети. И увиденное меня крайне заинтересовало. Я действительно не могу понять, как так получилось, что ее заморозили, если она не болела, не умирала и не была осуждена за какое-нибудь преступление.

Вкусный ужин лег свинцовым комом в желудке Джина.

— Скажите, что вы — каждый из вас — помните про вашу маму? — продолжал Майлз-сан. — Не личное, только то, что касалось ее работы, ее дел. Особенно что-нибудь из тех дней, когда случились беспорядки на ее митинге или незадолго до ее ареста?

Джин с Миной беспокойно переглянулись.

— Мама почти не говорила с нами про работу, — начал Джин. — Когда у нее были какие-то

дела, она оставляла нас с тетей Лорной. Потом я пошел в школу, и с тетей стали оставлять только Мину.

— Тете Лорне не нравилось со мной сидеть, — пожаловалась Мина.

— Ага, она говорила, мол, «я на это не подписывалась», и не любила, когда мама ее просила.

— И еще говорила, что папу ей жаль, но если мама так уж волнуется, ей надо самой сидеть дома и смотреть за детьми. — Мина нахмурилась и отвернулась.

Джин торопливо вставил:

— Но она такое говорила, только если сильно сердилась. — Тетю Лорну он не любил, но она ему родня; разве можно говорить про нее такое перед инопланетниками, чужаками, в конце концов? А еще мама учила: «всегда старайся быть честным».

— А мать никогда не брала вас с собою на собрания?

Мина покачала головой.

— Она говорила, что это не для детей, нам там будет скучно, и мы начнем шуметь.

— Хм. — Майлз потер подбородок. — Когда я был в возрасте Джина, отец часто позволял мне сидеть на его совещаниях с, э-э, коллегами. А дед

точно так же поступал с отцом, когда тот был маленьким. Я тогда даже не понимал, сколько знаний записалось у меня на подкорку в то время. Конечно, мне это разрешали с условием: или я сижу тихо и стараюсь помогать, или ухожу.

Джин нахмурился.

— А куда можно уйти, если ты в городе? Маме пришлось бы все бросать и вести нас домой.

— А разве она не могла просто вызвать… нет, неважно. Ну, хорошо, а у вас дома никаких встреч не бывало? Скажем, по вечерам?

— У нас для этого места не хватало.

— То есть никто не приходил? Никогда?

Джин покачал головой, и тут, к его удивлению, заговорила Мина:

— Один раз к нам приходили люди из маминой группы. Поздно ночью.

— Когда это было?

Мина прикусила нижнюю губу.

— Перед тем, как ее арестовали.

— Незадолго?

— Да, наверное.

— Я этого не помню, — удивился Джин.

Мина склонила голову:

— А ты спал.

— А ты проснулась? Отчего? — поинтересовал-

ся Майлз-сан.

— Они спорили на кухне. Громко и сильно. И тут мне захотелось в туалет.

— А ты не помнишь, о чем они спорили? О чем говорили вообще?

По напряженному личику Мины стало ясно, как сильно она задумалась.

— Про корпорации и про деньги. Они об этом всегда говорили, только, кажется, тогда сильнее волновались. Джордж-сан почти кричал, а мама говорила быстро и резко, только она не нервничала. А новый человек закричал, что «никакой это не временный рецидив», что корпорации встанут на колени, а потом он сразу вышел в коридор, где я шла в туалет, и увидел меня. Мама дала мне палочку мороженого, отвела в постель и сказала, чтобы я не вставала.

— Ты узнала этих людей? Ты видела их раньше?

Мина кивнула.

— Там был Джордж-сан, он всегда ко мне хорошо относился, когда приходил за мамой. И старая миссис Теннoджи, от которой сильно пахло духами. А нового человека они называли Лейбер-сенсей.

— А полностью ты их имена не вспомнишь?

Джин, а ты?

Оба покачали головой.

— Не Джордж Суваби, случайно?

— Может быть, — с сомнением в голосе согласилась Мина.

— Исключительно интересное совпадение по времени. И по участникам — тоже. Чую тут смертоносную тайну, о да. — Майлз-сан встал и принялся расхаживать по комнатке туда-сюда. Его трость осталась стоять у кресла; она была красивей той, что он позаимствовал в запасах Сюзи-сан. — Имена Суваби и Теннoджи всплывали в моих изысканиях. А вот доктор Лейбер — нет. Любопытное отсутствие… а это отнюдь не равно отсутствию любопытства. Чертовски хотелось бы узнать, что это за Лейбер такой.

Неохотно, словно в разговор его втянули против его воли, консул Форлынкин произнес:

— Вы можете найти этих людей и выяснить что-нибудь еще?

— Суваби и Теннoджи — нет; оба мертвы. И обратились в прах, поскольку похоронили их по-настоящему. Насчет третьего не знаю. След может оказаться длинным и почти остывшим, если Лейбер покинул планету или затаился где-то, скрываясь от корпораций. Едва ли не быстрее

было бы разбудить Лизу Сато и спросить у нее.

Мина протяжно всхлипнула и взлетела на ноги, не сводя распахнутых глаз с Майлза-сан. — Вы можете это сделать? Можете вернуть мою маму? Правда?!

Майлз-сан осекся. — Э-э…

Сердце Джина встрепенулось; от умоляющего взгляда Мины было просто больно.

— Конечно, не может, — зло отрезал он. — Это просто глупая шутка.

Майлз-сан поднял руку к горлу, нащупал что-то сквозь рубашку — подвеску на цепочке, что ли:

— Черт. Будь я на Барраяре, я бы просто отдал приказ.

— Но мы не на Барраяре, — проворчал под нос оруженосец Роик. Он заговорил чуть ли ни в первый раз за все это время. Майлз-сан досадливо отмахнулся, словно признавая «Да, да…» — то ли возражая, то ли соглашаясь, Джин не понял.

Мина выглядела совершенно убитой; нижняя губа у нее задрожала:

— Это не… нехорошо шутить такими вещами, если не хочешь этого делать по-настоящему!

— Да, — согласился Майлз-сан, пристально глядя почему-то на Ворона-сенсея. — Нехорошо. И все же… мог бы я, э-э, на самом деле это сделать?

С технической точки зрения?

Ворон-сенсей поскреб подбородок.

— С *технической* — да. Прости, но, позволь мне заметить, медицинская сторона дела — наименее сложная.

Майлз-сан махнул рукой в непринужденном извинении.

— Допустим для начала, — продолжил Ворон-сенсей, — что криоподготовку провели правильно.

Майлз-сан сощурился и снова принялся расхаживать по комнате.

— М-м… нет оснований думать иначе. К тому же мы не на Джексоне. Что бы тебе понадобилось для такой операции? С технической точки зрения.

— Прилично оборудованный криоцентр. Это не та операция, которую я хотел бы проводить здесь в прачечной в подвале, если такая мысль пришла тебе в голову. Ни в коем случае, могут быть осложнения.

— Осложнения для нас — недопустимая роскошь. Однозначно нельзя. — Он покосился на Джина с Миной.

Ворон-сенсей кивнул:

— Кое-какие стандартные медицинские принадлежности, синтетическая кровь и так далее.

— Если я обеспечу тебе криоцентр, сможешь их достать?

Ворон-сенсей посмотрел куда-то вдаль:

— Законным образом или нет?

Майлз-сан подумал.

— Существенных возражений против законных операций у меня нет, лишь бы это не оставило ведущего к нам следа в базах данных. С другой стороны, подойдут и альтернативные поставщики, конечно, если их товар надлежащего качества.

— Само собой разумеется. А как ты предлагаешь заполучить опеку над моим пациентом?

— Вот теперь дело становится действительно интересным… — пробормотал Майлз-сан, так же уставившись в никуда.

— Лорд Форкосиган! — вмешался Форлынкин. — Что вы задумали? — Интересно, консул действительно не знает и спрашивает, или знает и ему это не нравится? Совсем не нравится.

Майлз-сан снова махнул рукой в воздухе.

— На Кибо-Дайни целый клубок тайн, и многие ниточки из него ведут к Лизе Сато и на ней обрываются. Думаю, что смогу его распутать, если допрошу ее… э-э, то есть поговорю с нею. Допускаю, на первый взгляд это выглядит нереально, но чем больше я об этом думаю…

— Нереально? Да это выглядит форменным безумием!

Майлз-сан поглядел на консула ласково:

— Но, Форлынкин, так вы разом решите все ваши проблемы с предоставлением убежища малолетним. Мать — их ближайший взрослый родственник.

— А когда это стало моими… гхм, неважно.

Майлз-сан просиял улыбкой, только Джин не понял, отчего:

— Отлично, Форлынкин.

— Да о чем вы все? — чуть не взвыла Мина.

Сияющая улыбка Майлза-сан тотчас погасла, и он опустился на одно колено перед креслом Мины.

— Верно. «Майлз, разверни». Понимаешь, Мина, мое правительство прислало меня сюда, чтобы я все выяснил насчет одной сомнительной, гадкой штуки, которую криокорпорации Кибо хотят устроить на нашей планете. Я думаю, твоя мама могла бы ответить на некоторые мои вопросы или, по крайней мере, сообщить мне новую, интересную информацию. Так вот, присутствующий здесь доктор Дюрона, — Воронсенсей красиво развел узкими ладонями, — один из лучших специалистов по криооживлению,

и он уже работает на меня. Поэтому у меня возникла мысль. Понимаешь, прежде чем будить твою маму, нам нужны три вещи. Во-первых, я должен быть уверен, что это безопасно для нее с медицинской точки зрения, и это нам должен обеспечить Ворон. Во-вторых, нужно добыть ее криот… без излишнего шума забрать твою маму оттуда, где ее сейчас держат, и думаю, что я смогу это сделать. И, в-третьих, потом я должен не дать снова ее арестовать, иначе все будет напрасно, а это уже забота консула Форлынкина.

Последняя новость Форлынкина ошеломила. Но на перепуганный взгляд Мины он ответил быстрой улыбкой — Джин впервые видел, как он улыбается. Девчонки, ха. Когда самому Джину бывало страшно, ему никто так не улыбался: обычно ему без всякого сочувствия бодро советовали держать хвост пистолетом.

— Кстати, Форлынкин, — бросил Майлз-сан через плечо ровным тоном, — ограничено ли консульство в части политической и юридической защиты, которую оно может предоставить, э-э, бежавшей из заключения госпоже Сато? Вы все же не полноценное посольство…

Форлынкин неохотно признался:

— Нас финансируют как один из отделов в

барраярском посольстве на Эскобаре. Но с юридической точки зрения мы не просто консульство, поскольку являемся единственным постоянным дипломатическим представительством Империи на Кибо. Все будет… все это может оказаться неоднозначным аргументом.

— А неоднозначные юридические аргументы отнимают массу времени, ага. Может оказаться не так уж и плохо. — Майлз-сан встал и снова принялся вышагивать.

Мина забилась в свое кресло, на ее лице надежда сменялась растерянностью. Джин вдруг заметил, что вцепился в подлокотники своего кресла так крепко, что ногти побелели. Он медленно разжал руки. Слова Мины вновь и вновь крутились у него в голове: «Можете вернуть мою маму? Правда?! Правда?!» Да кем себя считает этот коротышка-инопланетник? Майлз-сан говорил, что приехал на криоконференцию, но он не доктор, а остальные зовут его аудитором. Джин смутно представлял, что такое аудитор — какой-то человек из страховой компании. В лучшем, более интересном случае он расследует страховые мошенничества. И, похоже, в мошенничестве Майлз-сан разбирается прекрасно.

— Давайте по порядку. Йоханнес, каким транс-

портом располагает консульство?

Йоханнес дернулся, точно зритель, которого во время спектакля окликнул со сцены один из персонажей.

— Гм, официальный лимузин, конечно. Еще у нас есть воздушный грузовик. И у меня лично — летающий мотоцикл.

— Воздушный грузовик, прекрасно. Тогда завтра мы вместе с Джином и Вороном съездим за животными Джина и привезем их в консульство, чтобы мальчик о них больше не тревожился, и они не висели грузом на моей совести.

Джин испытал одновременно восторг и смущение. Получается, эти барраярцы не собираются его отпускать? А с другой стороны, пока его животные тут и не надо возвращаться к тете Лорне, какая разница, где он живет?

— Мое консульство не приспособлено для устройства зверинца, — возразил Форлынкин.

— Нет-нет, они тут поместятся! — заверил его Джин, запаниковав при одной мысли, что его опять разлучат с питомцами. — Здесь столько места, и весь задний сад обнесен стеной. Они вас не побеспокоят ни капельки.

— А что за… ладно. Конечно, лорд Форкосиган.

— Я тем временем отведу Ворона на встречу

с Сюзи и компанией и осмотрю криоцентр. Тем самым мы избежим переделки консульской прачечной в лабораторию для криооживления… — хотя было не похоже, что это его остановит, если потребуется, — … если таковая есть в старом криоцентре, по аналогии с тем, что мы видели сегодня. И если она до сих пор в порядке, а не растащена.

Джин неуверенно подсказал:

— Если хотите чего-нибудь попросить у Сюзи-сан, приходите утром. Пока она еще трезвая.

— Не вопрос, — согласился Майлз-сан. — Тогда, если оборудование окажется работоспособным, мы можем переходить к следующему шагу.

— А какой шаг следующий? — завороженно переспросил консул Форлынкин. С таким видом человек смотрит, не отводя глаз, на аварию машины. В замедленном повторе. И в машине он сам за рулем.

— Спасти госпожу Сато.

— Как?

— Первым делом я намерен провести дополнительную разведку на месте, чтобы разработать оптимальный план. Судя по общедоступным архивам, ее хранят в криоцентре Нового Египта в Криополисе под Норбриджем, что нам весьма на

руку. — Майлз-сан оскалил зубы в усмешке. — Совсем как в старые добрые времена.

Оруженосец Роик вдруг встрепенулся. Он с настойчивостью предложил:

— Погодите, а как насчет продажи контрактов, о которой говорил Рон Винг? Вдруг все можно осуществить, просто, ну, перекупив ее? Мирно и открыто. — Затем подумал и добавил: — Или хотя бы просто мирно.

Майлз-сан остановился, словно эта идея целиком его захватила.

— Умно придумано, Роик. Но госпожа Сато не просто рядовой клиент. Подозреваю, что кое-кто сильно заинтересован в нынешнем положении дел, и ее файл помечен большим красным флажком. — Он снова зашагал по комнате. — Хотя эту идею не отбрасываем. Она может пригодиться нам позже, чтобы задним числом все за собой подчистить.

Роик вздохнул.

— В идеале, — развивал Майлз-сан свою мысль дальше, — надо постараться провернуть все так, чтобы ее вообще не хватились.

— Данные с коммерческих криокамер постоянно контролируются, — заметил Ворон-сенсей. — Вам понадобится каким-то образом сфабриковать

телеметрию. — Он помолчал — Или просто подложить туда другой криотруп. Так все показатели окажутся естественными и правильными. Никто не заметит разницы, если только не достанет и не распакует его.

Майлз-сан склонил голову набок, совсем как сокол Вихрь, когда выбирает из кормушки лакомый кусочек мяса.

— Старое доброе мошенничество? Что ж… вполне может сработать. Интересно, не смогу ли я одолжить какое-нибудь тело у Сюзи? Видит Бог, криотрупы здесь не такой уж дефицитный товар.

Форлынкин просипел:

— Вы… вы хоть представляете, сколько различных преступлений вы сейчас перечислили единым махом?

— Нет, но неплохо бы составить список, он пригодится вашему юристу. Может ускорить дело.

— Я считал, что задача Имперского Аудитора — *поддерживать* закон!

Майлз поднял брови.

— Нет. Откуда вы это взяли? Задача Имперского Аудитора — решать проблемы Грегора. Эти жадные ублюдки из криокомпаний пытаются украсть треть его империи. Вот это — пробле-

ма. — Хоть Майлз-сан и улыбался, глаза у него сердито сверкали, и Джин понял, что под улыбкой этот человек здорово на что-то зол. — И я обдумываю ее решение.

Интересно, кто такой Грегор? Начальник Майлза-сан в его страховой компании?

Мина со скрипом придвигалась все ближе и ближе к стулу, на котором раскачивался Джин. Она громко шмыгнула носом, отчего и Майлз-сан, и Форлынкин резко обернулись к ней. Майлз-сан шагнул к ней, уже поднял руку, но замер и кивнул Джину. Тому пришлось самому неуклюже похлопать сестренку по плечу, отчего она расплакалась уже по-настоящему.

— Лорд Форкосиган, имейте жалость! Хватит на сегодня, — вмешался консул Форлынкин. — Дети очень устали. Оба.

Лучше бы он этого не говорил, подумал Джин. Глаза у него защипало так же, как у Мины. Пожалуй, сочувствие, когда его тебе предлагают, не так уж здорово: оно подтачивает твою решимость, как не может ни одно раздражающе бодрое пожелание.

— Разумеется, — немедленно согласился Майлз-сан. — Думаю, детям надо искупаться, и можно отдать им на двоих комнату Роика. Он поспит

в моей. А чистые футболки сойдут за пижамы. Зубные щетки?

Теперь Джин понял, что когда Майлз-сан с Форлынкиным спорят — это еще полбеды, а вот когда они внезапно соглашаются друг с другом и действуют сообща… Обычные вечерние хлопоты не оставили ему времени для слез. Как Джин и ожидал, Мине здание консульства показалось более чужим и странным, чем ему. В конце концов, ему случалось спать и в парке, и во всяких необычных закутках у Сюзи-сан. Форлынкин даже пожертвовал им забавную ультразвуковую щетку, хотя она была одна на двоих, и им пришлось пользоваться ей по очереди, засовывая в держатель-стерилизатор.

Наконец они завернулись в одеяла, лежа на чистых простынях в теплой, тихой комнате. Джин подождал, пока дверь мягко не закроется и шаги взрослых не стихнут на лестнице. Только тогда он повернулся и включил лампу над кроватью. Мина выбралась из-под одеяла и помогла брату достать из рюкзака коробочку с леди Мурасаки. Она внимательно смотрела, как Джин приоткрывает крышку, чтобы дать паучихе глотнуть чистого воздуха, а пока он пальцем перекрывал ей путь к побегу, засунула в щель обсыпанного

пыльцой бежевого мотылька, из тех, что они набрали в саду. Коробочку Джин поставил на столик между кроватями.

— Она его сейчас съест? — спросила Мина, всматриваясь сквозь крышку.

— Не знаю. Может, ей подходит только живая добыча.

Мина задумчиво наморщила лоб.

— У них за домом большой сад. Уверена, завтра мы наловим там жуков.

Обнадеживающе соображение. Джин снова лег в кровать и натянул одеяло, а Мина выключила свет, пока никто не заметил предательской полоски под дверью.

В темноте Джин услышал ее шепот:

— Ты правда веришь, что твой инопланетник вернет маму? Больше никто не смог.

А разве кто-нибудь пытался? Джин не знал. Знакомство с таким Майлзом-сан — быстрым, внимательным, собранным, ни минуты не теряющим зря — оказалось пугающим. Джин не был уверен, но, кажется, чумазый заблудившийся нарик нравился ему больше. Сейчас он с ошеломлением ощущал, что привел в действие силу, которую не может остановить, а от того, что он сам не понимает, чего хочет, делалось только

хуже.

— Не знаю, Мина, — ответил он наконец. — Молчи и спи. — Потом повернулся на бок и спрятался от всех вопросов под одеялом.

* * *

Вместе с консулом Форлынкиным Роик вернулся в комнату дальней связи. Там м'лорд уже с головой ушел в работу с комм-пультом. Йоханнес стоял рядом, Ворон склонился над плечом и одаривал его непрошеными советами. Похоже, они изучали инженерный план криоцентра Нового Египта, добытый бог знает где. Роик был рад, что м'лорд наконец-то решился привлечь к работе Йоханнеса, хоть и под давлением необходимости. Зато теперь у них есть группа поддержки. Парень без опыта, но обученный, и, судя по распахнутым глазам, сейчас он ускоренным темпом проходил курс молодого бойца для галактического оперативника, который оказал бы честь и его инструкторам из СБ.

М'лорд развернулся со стулом, разглядывая новоприбывших.

— А, Форлынкин, прекрасно. Ваш клерк, Мэтсон, выйдет на работу утром, так?

— Да, и что?

— Вряд ли дети сумеют вести себя настолько тихо, чтобы остаться незамеченными в таком маленьком доме. Надо будет объяснить ему, что они в опасности и находятся здесь по программе защиты свидетелей. Этого хватит, чтобы его успокоить.

— А это действительно так? — уточнил Форлынкин.

— Как вы умудрились стать дипломатом, если так не любите лгать? Кстати, не могу поверить, что вы, при всем вашем дипломатическом образовании, оказались не в состоянии восхититься пузырями на ногах мисс Сато. Интересно, почему все женщины на свете уверены, что нет ничего интереснее разговоров о болезнях? Судя по моей дочери Хелен, это убеждение они исповедуют с невероятно юного возраста.

— Так вот, по поводу опасности, — не изменил темы Форлынкин. Роик восхитился тем, что консул не дал м'лорду втянуть себя в шуточную пикировку. Судя по блеску в глазах, м'лорд сейчас был на подъеме, как его дети после сказки на ночь, рассказанной папой. — Это правда? Потому что в противном случае непорядочно будет разлучать детей с их опекунами.

М'лорд посерьезнел.

— Возможно, да. Пока идет расследование, не всякая нить куда-либо нас приведет, и не все получится. В противном случае и расследовать бы ничего не потребовалось. Однако я не думаю, что Лизу Сато устранили таким жестоким и действенным способом по какой-то тривиальной причине. А значит, когда мы разбудим ее, опасность для них возрастет… — Он задумался, легонько постучал пальцем по губам. — Подозреваю, что Джин недооценивает своих тетю с дядей. Возможно, дело не в том, что они пожалели денег на защиту интересов своей родственницы. Их вполне могли серьезно запугать.

Форлынкин хмыкнул.

В одном Роик был абсолютно убежден: как только судьбы этой замороженной бедняжки и м'лорда пересеклись, вся цепь событий стала просто неизбежна. Все равно, что дразнить кошку бантиком на веревочке. Наверное, рассказывать об этом Форлынкину не стоит: оруженосец должен быть верен сеньору в мыслях, словах и делах. Но не слеп же!

— И все же, будь Джин и Мина вашими детьми, как бы вы отнеслись к тому, что какой-то инопланетник практически похитил их и использовал в своих целях? — настаивал Форлынкин. — Не-

смотря на все его благие намерения?

— В свою защиту я должен заметить, что дети пришли сюда сами, но… Если бы я был мертв, моя вдова — заморожена, а мои дети — в руках людей, не желающих или не способных им помочь, то вряд ли для меня было бы важно, откуда родом человек, который может вернуть им Катерину. Я бы только благословил его с того света. — М'лорд развернулся вместе с креслом и забарабанил пальцами по поверхности комм-пульта. — Бедняга Джин! Смотрю на него и думаю о моей покойной бабушке.

— О покойной бабушке? — переспросил Ворон, склонившись к нему. — Не знал, что она у тебя была.

— Вообще-то у большинства людей по две бабушки… вы, разумеется, исключение. Моя бетанская бабушка жива, здорова и сохранила с годами свое упрямство. Если ты когда-нибудь встретишь ее, то многое поймешь и про мою мать. Нет, это барраярское предание: злосчастная судьба принцессы-графини Оливии Форбарра-Форкосиган.

— Осмелюсь предположить, восхитительно кровавое. — Жестом Ворон предложил м'лорду продолжать рассказ, хотя того и не требовалось

уговаривать. Йоханнес тоже слушал, не отводя глаз.

— Весьма. Если бы ты учил барраярскую историю, хотя это вряд ли, то знал бы, что однажды давным-давно — знаешь, с этой фразы начинаются все правильные предания — так вот, однажды давным-давно отряды убийц императора Юрия Безумного истребили почти всю мою семью. С этого началась гражданская война, а кончилась она тем, что Юрия разрезали на кусочки. И к тому времени желающих порезать его на части стало так много, что один кусок пришлось делить на несколько человек. Убийцы не погнушались застрелить мою бабушку прямо на глазах у моего отца. Ему тогда как раз было одиннадцать. Вот почему я сейчас об этом вспомнил. Но, понимаете… Конечно, это был кошмар, который положил начало гражданской войне, но никто — как бы это сказать? — никто не отказывал моему отцу в пережитом. А мать Джина просто забрали от него, внезапно и несправедливо, и не дали ему права горевать. Ни похорон, ни скорби, ни даже протеста. Никакой мести… и уж точно никакой гордости за то, что это враги отправили ее на смерть. Для Джина с Миной просто наступило полное забвение. Ледяное молчание.

Такое же молчание повисло сейчас и в комнате.

Форлынкин откашлялся, оперся на локоть, вглядываясь в комм-пульт.

— Итак, лорд Аудитор. И как, гм… как мы собираемся вернуть этой женщине ее голос?…

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— На кур только не сядьте, — попросил Джин, беспокойно перегибаясь через спинку сиденья между Йоханнесом, который вел летающий грузовик, и Майлзом на пассажирском месте.

Йоханнес поморщился, и в его руках машина легко скользнула под брезентовую крышу убежища Джина. Он подождал, пока Джин выпрыгнет, уберет с дороги столик, заглянет под днище фургона, с облегчением выпрямится и махнет ему рукой. Пока лейтенант аккуратно сажал грузовик на крышу, женщина в глубине под навесом стояла, уперев кулаки в боки, и смотрела на них с подозрением. Хотя она коротко улыбнулась, когда Джин бросился к ней на шею. Вой двигателей смолк.

— А, это Ако. Прекрасно, ей можно доверять, — сообщил Майлз, вылезая в дверь. — Все ждите здесь, пока я не подам знак, — добавил он, оглянувшись через плечо. — Не хотим же мы навалиться на бедняжку всей толпой. — «Или выглядеть цирковым фургоном», подумал он. Йоханнес и Ворон молча кивнули; Роик же нахму-

рился так неодобрительно, когда Майлз вылез вперед, что было понятно без слов.

Когда они появились, Ако как раз пыталась покормить Вихря; на ней были тяжелые кожаные рукавицы, а в руке зажата длинная вилка с кусочком сырого мяса. Когда она приветливо махнула рукой Джину, сокол вытянул шею, схватил мясо, дернул головой и проглотил. Ако подпрыгнула.

— Знаешь, он клюется, — почти виновато пожаловалась она Джину.

— Не сильно, — возразил Джин.

— В первый раз мне пришлось мазать руку антибиотиком и заливать пластырем, вот уж спасибо. Хорошо, хоть весь палец не отхватил! — Она снова уперла руки в бедра, разглядывая на Майлза. — Так это вы вернулись. Вы заставили меня понервничать, когда по-тихому подкрались сюда на вашем грузовике.

Майлз надеялся, что «по-тихому» отвечает действительности. Хотя от умных сканеров им не спрятаться, но навес как минимум скрыл их действия этим светлым утром от случайных наблюдателей. Если уж не тайно, то хоть максимально осторожно.

— Я уже решила, что вы совсем не вернетесь, и не знала, что мне тогда делать с его животными.

Но вы все-таки нашли Джина! — Догадаться было не сложно: Ако подозревала, что Майлз просто смылся и на самом деле даже не собирался искать мальчика.

— Нам обоим пришлось задержаться, — объяснил ей Майлз. — Если уж быть совсем точным, скорее Джин меня нашел, но, как бы то ни было, мы встретились. Большое спасибо за то, что приглядели за его питомцами. Это для него очень важно.

Ако фыркнула, явно польщенная тем, что ее усилия оценили.

— Я знаю.

Вернулся Джин, который произвел быстрый смотр своему зверинцу, не забыв пересчитать и кур.

— Майлз-сан хочет забрать меня и всех моих животных в… к себе. На какое-то время, — сообщил он Ако.

Ее брови сошлись к переносице. — Да?

— Да, и мне необходимо переговорить об этом с госпожой Сюзи, — добавил Майлз. Ако подобное проявление честности утешило не сильно. — Тенбери сказал мне, что вы — ученица местного медтехника, так? — Если все пойдет так, как он надеется, то им снова придется встретиться. Луч-

ше ее успокоить уже сейчас.

Ако насторожилась.

— Я помогаю ей прибираться и все такое. В лазарете.

— Вот именно. — Майлз помахал фургону, и из него высыпались все остальные.

К счастью, проблему представления новых лиц взял на себя Джин, и успокоил Ако лучше, чем смог бы сам Майлз:

— Это Ворон-сенсей, он наш друг с Эскобара; это Роик-сан, он работает на Майлза-сан; а это лейтенант Йоханнес, и с ним тоже все нормально.

Ако наклонилась и прошептала:

— Джин, они ведь не полицейские? Ты же должен понимать…

— Нет, они барраярцы. Инопланетники.

Ако прикусила губу, но, кажется, согласилась на такую сомнительную гарантию. Инопланетники разбились на две группы: Йоханнес и Роик остались с машиной присматривать за погрузкой, пока Джин не вернется, а Ворон и Джин отправлялись вместе с Майлзом.

— Я должен идти с вами, — негромко сказал Роик Майлзу на ухо.

— У этих людей есть все основания нервничать при виде чужаков. Я не смогу получить то, что

мне нужно, если мы насядем на них всей массой, а ты один уже слишком массивный. — Майлз постучал по комму. — Я вызову тебя, если понадобится.

Роик испустил Тот Самый Вздох, которым, как правило, завершались подобные споры.

Джин провел их вниз по лестнице в башне теплообменника. Вместе с Ако они дошли до кухни, где Майлз предусмотрительно захватил кувшин с кофе и несколько чашек. Ако проводила их взглядом, когда они уходили по коридору.

Майлз постучался в дверь Сюзи, и пока они ждали, когда кто-нибудь отзовется, пояснил Джину:

— Я бы хотел рассказать ей эту историю сам и со своей точки зрения. Я дам тебе знать, когда вступать в разговор.

Джин, беспокойно переминавшийся с ноги на ногу, сглотнул и кивнул.

Изнутри донеслось медленное шарканье, дверь приоткрылась. В щели показался сонный глаз.

— Снова ты! — возмутилась Сюзи. — Я уж надеялась, что избавилась от тебя. — Она, прищурясь, перевела взгляд на Джина и добавила: — От вас обоих. — Тут в ее поле зрения попал Ворон. — А это что за черт с горы?

— Ворон Дюрона, Эскобар, — с готовностью

ответил тот. — Рад познакомиться.

— Он — друг, — добавил Майлз. *«А отзыв на пароль — 'Раз друг, проходи'»?* — Он поднял кувшин. — Так мы можем войти?

— Э-э… — Неохотно, но не отводя глаз от кувшина с кофе, Сюзи их впустила. На ней был все тот же черный наряд, что и несколько дней назад; возможно, она в нем и спала. В помещении по-прежнему витал неистребимый старческий запах. Сюзи подошла к окну, снизила поляризацию — в захламленный полумрак ворвался слабый утренний свет — и, махнув рукой, предложила Майлзу (с его кувшином кофе, чашками и спутниками) садиться.

— Вижу, свой бумажник ты отыскал, — заметила она, усаживаясь напротив. По знаку Майлза Джин поспешил налить ей кофе.

— Да, и не только его: еще мой багаж и друзей. Я снова в деле.

— Ну и что у тебя за дело? Спасибо, Джин.

— Я своего рода следователь.

Сюзи замерла, не донеся чашку до рта. Морщинистое лицо застыло в ужасе.

— Но, в любом случае, я не имею никакого отношения к властям Кибо, — добавил Майлз

— Он занимается страховыми мошенниче-

ствами! — поспешил объяснить ей Джин. — Он не полицейский. Не доктор и не адвокат, хотя и приехал на конференцию. А вот Ворон-сенсей — доктор.

Брови Майлза поползли вверх: интересное определение его работы! Явно стоит как-нибудь отвести мальчика в сторону и в общих чертах объяснить ему, что такое Имперский Аудитор. Но, наверное, сейчас не самый подходящий момент.

— Не совсем точно, но достаточно близко. Так случилось, что власть предержащие Кибо — не заказчики, а как раз наоборот, предмет моего расследования. У меня нет никаких резонов пресекать вашу деятельность. На самом деле я сам хотел бы воспользоваться вашим оборудованием. Возможно, я найду способ окупить затраты вашего времени.

Сюзи прищурилась поверх своей чашки. Она отхлебнула и заметила:

— Нам удается оставаться здесь только потому, что мы не привлекаем ничьего внимания.

— Таковы же и мои намерения: не привлекать внимания.

Сюзи откинулась на спинку кресла и, поджав губы, поинтересовалась:

— Вы хотите кого-то нелегально заморозить?

Надеетесь подкупить меня, чтобы я спрятала для вас тело? — Тон был примечательно нейтральным, без намека и укоризны.

С какой готовностью она это предположила! Бог мой, уж не предоставляет ли Сюзи подпольно свои услуги местному преступному миру? И есть ли вообще подпольный мир на Кибо-Дайни? Конечно, не говоря про подполье в буквальном смысле: про те катакомбы, где он заблудился. Может, здесь отчасти и кроется ее защита? Короли преступного мира тоже мечтают обмануть смерть. Хотя себе-то они в состоянии организовать контракт. Зато им нужно чем-то вознаграждать сошку помельче. И если надо аккуратно избавиться от врага, гораздо лучше положить его в безымянный ящик под землей, нежели с грузом на ногах сплавить в ближайшую реку. А на случай, если в команде мафиозного босса кто-то зарвался или совершил ошибку, всегда можно убить его, так сказать, обратимо. «Боже правый, если бы у меня возникло желание спрятать тело на Кибо…» Майлз с трудом заставил свои мысли не разбегаться в разные стороны в свете открывшихся возможностей.

— А вам уже случалось оказывать подобную услугу? — поинтересовался он осторожно.

Сюзи пожала плечами, и, к смятению Майлза, беспокойство на ее лице сменила ирония.

— Если и да, стану я тебе это рассказывать?

— Мне этого и не нужно знать, — заверил ее Майлз. Конечно, знать он хочет, но скорее по своей извечной тяге знать все и всегда. — Мне нужно нечто обратное. Мы хотим провести частное криооживление, а оно требует соответственного оборудования и свободы действий. Вы же можете нам предоставить и то, и другое.

Сюзи опешила. Она попыталась что-то сказать, но тут же оборвала себя, прикрыла свое смущение очередным глотком кофе и поморщилась.

— Джин, достань из буфета мое лекарство, — скомандовала она. Джин подбежал к буфету, порылся в поисках квадратной бутылки и принес ее Сюзи. По ее жесту он отвинтил крышечку и плеснул в чашку — скупо, как заметил Майлз и, вероятно, сама Сюзи, но она ничего не сказала.

— Криооживление?! Как?

— Присутствующий здесь доктор Дюрона — известный специалист в области криооживления. Если ваша техника удовлетворит его требованиям, мы хотели бы, гм, арендовать ее.

Долгая пауза. — Сколько? — наконец спросила Сюзи.

— Думаю, я в силах предложить вам то, что вы не купите за деньги. За то, что вы поможете оживить нашего, э, клиента, и, бесспорно, за ваше молчание… Ворон проведет оживление по высшему классу для любого вашего человека, на которого вы сами укажете.

Сюзи открыла рот. Мешком осела в своем кресле. И выдохнула:

— Да ты сам *дьявол*!

«Да, деньги бы сработали», подумал Майлз. «Но кое-что другое сработает еще лучше».

Сюзи качнула головой в сторону Ворона.

— И насколько он хорош?

В качестве ответа Майлз расстегнул свой серый китель и белую рубашку.

— Это, — он провел пальцем по паутине шрамов на груди, — была иглограната, точно нацеленная и с близкой дистанции. Десять лет назад. Ворон провел мое оживление. — Строго говоря, тогда он только *ассистировал*, но за прошедшие десять лет успел набраться опыта и стажа. — Гарантирую, ничего и вполовину столь же сложного с медицинской точки зрения у вас в подземном хранилище не найдется.

Сюзи отвела взгляд; Майлз застегнулся.

— Старость, — сказала она, — поражает мед-

леннее, чем граната, но куда тщательнее.

— К несчастью, вы правы, — согласился Ворон, — хотя и здесь я могу кое в чем помочь. Я бы предложил, чтобы госпожа Сюзи написала список из полдесятка кандидатов и дала мне как медику отсортировать эти случаи по вероятности успеха. Это позволит нам получить наиболее удовлетворительный результат.

— М-м, — протянула она. Ее рука поднялась и потерла грудь напротив сердца. — Хм.

Джин не способен был больше сдерживаться; его прорвало:

— Ну Сюзи-сан! Пожалуйста! Разрешите им!

Мохнатые гусеницы бровей поползли вверх:

— А тебе-то это зачем, мальчик?

Джин плотно стиснул губы и с умоляющим видом поглядел на Майлза.

— Вы уверены, что хотите это знать? — уточнил Майлз.

Сюзи была достаточно мудра, чтобы подумать несколько секунд, пока ее любопытство не одержало верх над рассудительностью. — Да, хочу.

Майлз жестом передал слово Джину, и тот выкрикнул:

— Майлз-сан обещал вернуть *мою маму*!

Лицо Сюзи перекосилось от ужаса.

— Что?! Вы это называете «не привлекать внимания», мистер инопланетный следователь? С Лизой Сато оно вам точно будет обеспечено!

— Возможно, шум и возникнет, но вы останетесь в тени, — гладко объяснил Майлз. — Как только состояние здоровья госпожи Сато позволит, мы перевезем ее в барраярское консульство, к обоим детям. Никто не сможет связать ее судьбу с этим местом.

— Вы так думаете? Те, кто уложил ее в криокамеру, непременно захотят выяснить, кто же ее разморозил! Что приведет их прямиком в мои объятия, а они не настолько широки, чтобы удержать всех, уж это я вам обещаю!

— Да, но первым делом они выйдут на меня. А я планирую… — Майлз замялся; у него пока не было иного плана, кроме нападения под покровом тьмы. И он до сих пор не мог с уверенностью сказать, с кем ему предстоит скрестить клинки…

— Что? — уточнила Сюзи.

— Я планирую предоставить им другие поводы для беспокойства. — Он покосился на Ворона. — Тут много зависит от госпожи Сато: что и как скоро она сможет рассказать. Я сам после оживления пережил довольно тяжелую криоамнезию. И, надо сказать, неприятно длительную.

— Я помню, — отозвался Ворон. — Приятного было мало, но не так уж она и затянулась. Просто нас сильно поджимало время. Госпожа Сато… что ж, гарантий я, конечно, дать не могу.

Майлз кивком согласился со всем, что сказал или о чем промолчал Ворон, и снова повернулся к Сюзи.

— Мне нужно еще одно одолжение. Я хочу позаимствовать у вас криотруп.

— Какого?… — начала Сюзи возмущенным тоном, но закончила уже спокойно: — … какой именно?

— Женский, весом примерно пятьдесят килограмм, чем моложе, тем лучше. Что-то еще, Ворон?

Ворон покачал головой:

— Должно подойти.

— Мы обещаем не делать ничего, что могло бы помешать ее будущему оживлению, — продолжил Майлз, надеясь, что его слова звучат не слишком самонадеянно.

— Гарантируешь, инопланетник?

— Я не смогу контролировать абсолютно все, что происходит, но если это будет зависеть от меня — с ней будет все в порядке. — «Я надеюсь». — В любой тайной операции для людей

присутствует… риск. — Ворон поморщился; не самый удачный пример после того, как Майлз продемонстрировал свои шрамы.

— Когда?

— Скоро. Возможно, сегодня же вечером, но точно не позже, чем завтра ночью.

Ноздри Сюзи затрепетали, когда она испустила долгий недоверчивый вздох.

Майлз поднял два пальца.

— *Два* криооживления на ваш выбор.

Повернув голову, Сюзи отмахнулась. — Найдите нашего медтехника. Ее зовут Вристи Танака. Джин покажет вам дорогу. Если сможете уговорить ее на участие во всем этом бреде… впрочем, вы-то сможете. Говорите тут, говорите, говорите… Я устала.

Майлз быстро поднялся: не стоит злоупотреблять гостеприимством и терпением Сюзи, а то она еще передумает.

— Спасибо, госпожа Сюзи. Я обещаю вам… — «что вы не пожалеете»? нет, такая дипломатическая ложь даже у него не шла с языка, — что будет интересно, — договорил он.

Сюзи проводила их фырканьем.

* * *

Медчасть располагалась на втором этаже в бывшем приемном отделении криоцентра. Джин провел Майлза с Вороном через двойные двери в коридор, где две-три комнаты были специально отремонтированы и приведены в порядок для обработки, судя по свежим медицинским запахам. Возле одной из дверей стоял Тенбери, прислонившись к стене и скрестив руки на груди; у его ног парила узкая антигравная платформа.

— Джин! — обрадованно воскликнул он. — Мне сказали, что ты пропал. — Майлза он приветствовал с меньшей радостью. — А, снова ты. — А на Ворона он поглядел, уже нахмурив брови.

— Мы пришли к Танаке-сан, — объяснил Джин. — Это важно.

— Она сейчас занята, — Тенбери ткнул оттопыренным большим пальцем за спину, — но скоро закончит.

Ворон вытянул шею, вглядываясь в узкое стеклянное окошко в двери.

— О, идет процесс криоподготовки? Я хотел бы взглянуть.

— Ворон-сенсей — доктор. С Эскобара, — начал свое объяснение Джин. Встревоженный Тенбери

едва открыл рот возразить, как Майлз пресек эти дебаты, просто постучав в дверь.

На стук открыла нахмуренная женщина. Темное, словно выдубленное, старое лицо — примерно одних лет с Сюзи, но совсем на нее не похожа. У Сюзи была приземистая, оплывшая фигура и седые вьющиеся кудри, а эта женщина была тощая, с прямыми белыми волосами, и, конечно, без алкогольного амбре. Она просветлела при виде мальчика.

— А, так ты нашелся, Джин! На кого твои животные напали на этот раз, и не может ли это подождать?

— Ни на кого, Танака-сан. Но дело срочное. Нас Сюзи-сан прислала.

Майлз позволил Джину представить всех по очереди, в чем мальчик уже здорово поднаторел. Потом добавил сам:

— Мы договорились с госпожой Сюзи, что проведем частное криооживление на вашем оборудовании, если доктор Дюрона сочтет его подходящим. Можно нам войти?

Хмыкнув, она впустила визитеров внутрь, хотя на Ворона смотрела не отводя глаз. Майлз подумал, что, наверное, стоило помять аккуратную одежду доктора Дюрона, растрепать его приче-

санные волосы и дать глотнуть спиртного — тогда бы он не казался настолько чужеродным здесь и меньше пугал людей. Поздно спохватились.

На столе у дальней стены лежало обнаженное тело хилого старика, удерживаемого, как Майлз бы это назвал, на грани жизни и смерти. На него была наброшена простыня, что оставляло пациенту хоть каплю достоинства, насколько его вообще можно сохранить, будучи отданным во власть пластиковым трубкам и намерениям — либо прихотям — других людей. Термоодеяло, обернутое вокруг черепа, ускоряло охлаждение мозга. Над столом висел бак; выходящая из него трубка раздваивалась к середине, нагнетая прозрачный раствор в обе сердечные артерии. Более широкая трубка, подведенная к бедренной вене, уносила темно-розовую жидкость в невысокую, по колено, бочку со сливом, куда для ускорения смыва тонкой струйкой лилась вода из крана. Судя по бледности кожи и ногтей, а также оттенку вытекающей жидкости, тело старика было почти заполнено криораствором.

Рядом стояла Ако, пристально наблюдая за процессом; очевидно, она расслышала разговор в коридоре, потому что воскликнула взволнованно:

— Доктор? У нас теперь настоящий доктор?

Майлз пресек эту надежду прежде, чем она успела укорениться и причинить Ако боль.

— Он просто посетитель. Мы объясним вам все, когда вы закончите.

Джин смотрел, не отводя глаз. Не побеспокоит ли это зрелище мальчика, или он видел такое прежде? Самого Майлза оно беспокоило весьма и весьма, а ведь он уже это делал, точнее, это делали с ним. Может, оттого ему и неуютно? Он впервые задумался, не прозвучала ли для отца весть о его рандеву с иглогранатой эхом прошлого, воскресив у того непрошенные воспоминания о страшной смерти принцессы-графини Оливии? «Когда мы увидимся, надо будет перед ним за это извиниться».

— Все кажется таким простым, — тихо заметил он Ворону.

— Основная сложность в криорастворе; для его производства нужна целая фармацевтическая промышленность. Или так считается. Где вы берете ваш криораствор, госпожа Танака?

Старые губы медика растянулись в улыбке.

— Концентрат перепадает нам с черного входа через несколько погрузочных платформ здесь, в городских больницах. Они списывают просрочен-

ные запасы пару раз в год. Мы сами дистиллируем воду для его восстановления.

Майлз поднял брови:

— А это… нормально? С медицинской точки зрения?

Ворон пожал плечами:

— Если датировка сроков годности проставлена с запасом, то да.

У них нет выбора между просроченным и свежим криораствором: или просроченный, или вообще никакого. Майлз еще раз напомнил себе, что этот центр — паразитное образование, присосавшееся к подбрюшью функционирующей экономики, без которой оно не в силах существовать. Разумеется, если бы экономика планеты работала продуктивнее, он бы не появился.

Медицинские сенсоры заморгали в унисон. Ако отсоединила трубки, запечатала входное и выходное отверстие пластповязкой и тщательно покрыла кожу слоем мази. Они с медтехником Танакой завернули тело в эластичную, как перчатка, пластиковую оболочку, а затем с помощью Тенбери перенесли на антигравные носилки, и он накрыл их простыней — вид, подобающий трупу.

Тенбери повел носилки за дверь.

— Хочешь мне помочь, Джин? — с надеждой спросил он через плечо. Джин, словно приросший к месту, упрямо помотал головой. Тенбери вздохнул и двинулся со своим грузом прочь.

Ако осталась прибираться, Ворон прислонился к лабораторному столу, а Майлз нашел себе табурет и взгромоздился на него. Медтехник недоверчиво слушала, сложив руки на груди, как Майлз произносит перед ней ту же речь, что и перед Сюзи, только дополнительно подкрепленную тем аргументом, что они явились сюда с полного благословения последней. Поскольку Танака симпатизировала Джину, Майлз дал волю мальчику от всей души ее поупрашивать.

К концу речи она уже хмурилась скорее по техническим моментам, чем по принципиальному нежеланию.

— Большинство тех секций стоят запертыми уже много лет. Когда криоцентр списали, то много оборудования демонтировали, а то, которым мы пользуемся сейчас, приобрели уже позже.

«За взятки, из конфискованного за долги или с распродажи, скорее всего».

— Но я должна поддерживать… хм. Полагаю, нам придется подняться наверх и посмотреть.

Следовательно, уже не твердое «нет, невозмож-

но». Пока неплохо.

— Именно за этим Ворон сюда и пришел, — заверил ее Майлз. — Сюзи сказала… кстати, это ее имя или фамилия?

— И то, и другое. Сьюзен Сузуки.

— Давно вы на нее работаете?

— С самого начала. Мы все организовали втроем: Сюзи, ее сестра — помощник инспектора, и я. Впрочем, мы довольно быстро заарканили Тенбери.

— Значит, он вас моложе? Очевидно, вы — ключевая фигура в деле криоподготовки. А как насчет другой стороны монеты — оживлений: вы что-нибудь планируете на этот счет?

Она показала зубы в короткой усмешке.

— В свое время я думала, что мы и года не протянем, как все окажемся в тюрьме. Я считала, что мы скорее высказываем безнадежный протест, чем делаем что-то реальное. Но когда сюда стали приходить бездомные, еще более отчаявшиеся, чем мы сами, мы поняли, что не можем все бросить. Не можем их предать, как это сделали все остальные.

— Когда есть работа — для нее внезапно находятся и люди; на этом стоит мир, — согласился Майлз.

Медтехник Танака поглядела на Ако, которая закончила прибираться и подошла их послушать.

— Верно. Вот Ако. Они с двоюродной бабушкой держали кафе. Обычная история: старая женщина заболела, разорилась на медицинских счетах, кафе прогорело, их выселили… и они пришли к нам. Ако даже школу не закончила, но она умела убираться и не боялась работы, так что я взяла ее к себе.

Майлз подумал, что Ако, серьезная, но застенчивая, никогда бы не сумела поступить в медицинскую академию, а тем более получить диплом. Подпольный криоцентр наполняет новым, многообразным смыслом понятие «нелицензированный».

— Давайте пойдем наверх с Вороном-сенсеем, а? — не терпелось Джину.

Этажом выше шел точно такой же коридор — некогда это было полностью оборудованное отделение для криооживления с полудюжиной операционных, послеоперационной палатой и реанимационными боксами. Теперь большинство помещений стояли заброшенными, темными и пыльными, очевидно, ободранные до нитки, но одну операционную медтехник Танака

явно держала в готовности для более сложных случаев, нежели те, что можно поправить мазью с антибиотиком, хирургическим клеем и добрым словом. Они с Вороном пустились в энергичный, но отнюдь не удручающий профессиональный диалог, по результатам которого послали Джина за Тенбери, чтобы проконсультироваться уже с ним.

— На какого владельца зарегистрировано это предприятие? — поинтересовался Майлз у медтехника, пока они ждали Тенбери. — Если по закону оно брошено, наверное, город должен уже забрать его за недоимки?

— Несколько владельцев сменяли один другого. Но город не заберет наш криоцентр по той же причине, по какой с ним ничего не может сделать нынешний идиот-владелец. Ответственность перед законом за две-три тысячи ничейных криотрупов. Подрядчик купил наш комплекс за бесценок и лишь затем обнаружил, что же к нему прилагается. Сейчас Сюзи его контролирует. Есть опасение, что он может попытаться разрешить свою проблему путем поджога, но за этим мы следим.

— Судя по рассказанному вами, ситуация не слишком стабильна.

— Не стабильна и никогда такой не была. Мы просто делаем все, чтобы продержаться еще один день. Просто удивительно, как далеко может привести этот путь.

Майлз заметил, что Ворон слушает внимательно, но ничуть не потрясен. Что ж, Джексон учит и не такому. Клятва Гиппократа, если Ворон вообще о ней слышал, на Джексоне считалась бы просто общими рекомендациями.

Вернулся Тенбери, последовала еще порция профессиональных обсуждений, затем визитов в другие комнаты, где что-то тревожно падало и хрустело. Нетерпеливого Джина Майлз пока отправил на крышу — приглядеть за погрузкой зверинца. Когда шум инспекции затих, вернулся Ворон.

— Ну как? — уточнил Майлз. — Подходит или нет?

— Подходит. Нужно будет провести кое-какую подготовку, но, похоже, эти ребята умеют импровизировать. Любые материальные затруднения компенсирует восхитительное отсутствие всяческой бюрократии.

— Как скоро вы будете готовы, чтобы я мог устраивать свое похищение? Кстати, я предпочел бы, чтобы во время переноса тела в криокамеру

ты был рядом. Вдруг возникнут проблемы — не с охраной, а медицинские. Как тебе риск возможного ареста, кстати?

Ворон пожал плечами.

— Уверен, из тюрьмы меня вытащит твой брат, если ты сам не сможешь. В любом случае, чтобы подменить тело, ждать не надо. Госпожа Сато просто полежит здесь, пока мы все не подготовим.

— Мое время тоже не резиновое. — Помимо того, что он хочет домой, пока неясно, что за котел с неприятностями опрокинется ему на тарелку, когда они оживят маму Джина. И Майлзу не терпелось это узнать.

— Поезжайте с мальчиком обратно в консульство. Полагаю, я застряну здесь за работой допоздна, — предложил Ворон. — А в отель вернусь общественным транспортом.

Майлз ткнул пальцем в комм, который Ворону выдали в консульстве.

— Сперва проверь эту штуку. Защищенный канал. Мне потребуется твой доклад. И лучше я все-таки пришлю за тобою Йоханнеса.

— А действительно… — Ворон задумался. — Наверное, мне все равно нужно будет в консульство. Можно воспользоваться вашим сжатым лучом для доклада моему начальству на Эскобаре?

— Лилии или Марку?

— Обоим. Хотя я не уверен насчет того, где сейчас лорд Марк. А ты случайно не знаешь?

Майлз покачал головой:

— Его предприятия сильно разрослись, а я не отслеживаю его перемещения ежедневно. Хочешь позаботиться о поручительстве для ареста заблаговременно?

— Мысль хорошая, но меня главным образом интересует другое: похоже, я нашел здесь кое-что интересное для Группы Дюрона.

— Если они решат вмешаться в мое расследование, я хочу быть полностью в курсе. И если не решат — тоже.

— Понятно.

Майлз отпустил Ворона к работе, а сам пошел обратно — сперва в полуподвал, а потом на крышу к Джину.

* * *

Когда они разгрузили фургон, консул Форлынкин вышел посмотреть, что именно сложили у него на заднем дворе. Приплясывающая перед ним Мина с восторженным воплем кинулась к Лаки и зарылась лицом в мягкую шерсть:

— Лаки! Я думала, ты умерла! — Старая серая

кошка вытерпела объятие, но быстро вывернулась из рук. — И крыски у тебя тоже остались, Джин?

— Да. — Джин поднял клетку. — Джинни и почти все ее дети.

— Красивый, — заметил Форлынкин, с благоразумного расстояния разглядывая Вихря, прикованного цепочкой к жердочке. — А как ты не даешь ему напасть на кур?

Галли и Твиг, которых лейтенант Йоханнес извлек из транспортировочного ящика, с кудахтаньем и хлопаньем крыльями метнулись между его ног, замерли и принялись с явным удивлением разглядывать пятачок зелени, нагревшийся на дневном солнце и источающий запах травы.

— Ну, большие сами могут себя защитить. А пока цыплята были маленькие, я держал Вихря на цепочке. Здесь тоже буду держать, пока он не поймет, что это его дом. — Джин поглядел, как оруженосец Роик с должной осторожностью ставит террариумы на стеллаж, который они тоже захватили из убежища Джина. Стеллаж, прислоненный к стене, полускрытый нависающим карнизом, спрятанный за домом и защищенный высокой каменной оградой, деревьями и кустами, был почти в такой же безопасности, как во

владениях Сюзи-сан.

— Что, кошки вместе с мышами? — не поверил Форлынкин. — А что дальше, львы и агнцы?

— С крысами, — строго поправил Джин. — Эх, вот если бы у меня был лев… Лаки слишком старая и ленивая, чтобы нападать на больших крыс, а мелких я держу в клетке с крышкой. — Он довольно огляделся. — Теперь, когда мои животные опять со мной, можешь оставить леди Мурасаки себе, — щедро предложил он Мине.

Она скорчила рожицу.

— Лаки наполовину моя. Потому что с самого начала она была не твоя, а потом ты ее украл.

— Я ее спас от тети Лорны, — напомнил Джин.

Лаки изогнулась, прошлась боком по ногам Форлынкина, потерлась о него подбородком, помечая как свою новую собственность. На некогда аккуратных штанах-хакама осталась шерсть. Консул рассеянно наклонился и почесал ей спинку, и кошка беззастенчиво выгнулась под рукой.

— Сэр, — забеспокоилась Мина, — а можно нам держать Лаки в доме? Пока она не привыкла, что это ее дом? А то кошки убегают…

Мина ждала, задрав мордашку вверх. Форлынкин поглядел на нее и неохотно уточнил:

— Она приучена к лотку?

Мина отчаянно закивала:

— Да, и я могу поставить его у себя в комнате!

— Туалет возле кухни тоже подойдет, — поправил он. — Вы с Джином… что ж, я надеюсь, вам будет полезно за ней присматривать.

Подошел Майлз-сан.

— Все в порядке, Джин? Если да, верни мне Йоханнеса. — Он обратился к консулу Форлынкину: — Мы на какое-то время займем вашу комнату дальней связи. Надо проработать еще много деталей.

Повинуясь его жесту, Роик встал и занял свое привычное место у него за плечом.

— Значит, приводим в действие ваш план? — спросил Форлынкин. Майлз-сан кивнул. Форлынкин поморщился.

Майлз-сан ответил ему кривой ухмылкой.

— Маневренность, Форлынкин. Вот ключ к успеху. — Он побрел в дом, помахивая тростью. Джин и Форлынкин глядели ему вслед.

Форлынкин озвучил то, что Джин понимал, но пока не знал, как сказать:

— Предполагается, что это должно нас утешить?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

По мнению Роика, для их вылазки за телом лучше всего подошла бы полночь, и, желательно, в самую грозу. Тогда, помимо подходящего антуража, можно запросто списать на разряды молнии перебои в питании, которые будут отмечать их путь. Но поблизости от Норбриджа грозовых фронтов не наблюдалось, поэтому воздушный фургон, в котором Йоханнес вез Роика, Ворона и м'лорда, свернул к впечатляющей панораме «Нового Египта» в самый разгар дня. И только в воображении Роика охраняющие главный вход статуи с собачьими головами проводили их взглядом раскрашенных глаз.

Йоханнес захватил с собою пару букетов в небольших вазах и свиток, но они и не потребовались; охранник на воротах просто дал им знак пролетать.

— Что за черт? — удивился Роик.

— Время для посещений, — мягко пояснил м'лорд. — Здесь не желают докучать ни родственникам своих клиентов, ни потенциальным покупателям, явившимся для обзорного тура. Это

же не военная база. Службу безопасности «Нового Египта» в первую очередь должно волновать воровство — это, скорее всего, будет проблемой с персоналом; вандализм — он вряд ли случится средь бела дня; или ребята вроде Н.О.Н.Н. — ну а они, вероятно, предпочтут дожидаться так любимой тобою полуночной грозы. Вполне в их стиле.

Роик откинулся в кресле с раздраженным хмыканьем.

Он поерзал в своем неудобном, слишком тесном медицинском костюме размера XL, который где-то раскопали Ворон и медтехник Танака: возможно, в тех же запасах, где у Сюзи хранились и ждали своего часа прочие медицинские принадлежности. На м'лорде был такой же, только размера XS, и то слегка великоватый: пришлось закатать рукава и штанины. Зато Ворону его костюм подошел идеально. Йоханнес оделся в повседневную, добротную и опрятную одежду Кибо, типичную для среднего класса.

Перед знанием, увенчанным пирамидой, был разбит псевдоегипетский сад с каменными сфинксами. Фургон пролетел мимо главного входа и с шипением опустился на стоянку позади здания — там располагался более утилитарный вход в приемный покой, предназначенный для

прибывших на заморозку клиентов. Миновав и его, они подошли к скромной боковой двери для сотрудников криоцентра.

— Хорошо, вот здесь и заходим, — распорядился м'лорд. — Без торопливости, но и даром времени не теряем.

Стараясь не показывать ни торопливости, ни тем более тревоги, Роик помог Ворону открыть задние дверцы фургона и вывести оттуда антигравную платформу. Стопка коробок, освобожденных от их медицинского содержимого, прикрывала нечто длинное — термомешок с телом, как предположил Роик. Ворон объяснил, что такой мешок предназначен для кратковременной транспортировки и, будучи запечатанным, хранит температуру своего замороженного содержимого, правда, всего пару дней. Роику пришлось признать, что переносная криокамера — куда более громоздкая и бросающаяся в глаза штука. Йоханнес повел машину на стоянку для посетителей, где и должен был ждать их возвращения, а м'лорд и два оператора платформы прошли с нею в автоматические двери, без проблем пропустившие их.

М'лорд сверился с голокартой на своем наручном комме и повел процессию через вереницу

коридоров. По дороге им встретились трое болтающих о чем-то служащих и пожилая пара, явно посетители, направляющиеся в кафе — запахи еды Роик уловил, проходя мимо — но на платформу никто из них даже не посмотрел. Они свернули еще дважды, проделали короткое путешествие вниз на грузовом лифте и по подземному коридору вышли к запертым двустворчатым дверям: первый замок у них на пути.

М'лорд открыл один из ящиков и извлек оттуда набор инструментов — обычное *спецоборудование* СБ плюс кое-какие дополнения. Он опустился на колени возле электронного замка и пробормотал не очень-то утешающе:

— Черт, давно это было… Надеюсь, хватки я не утратил.

Он безрезультатно копался в замке минуту или две, пока Роик, нервничая, оглядывался через плечо, Ворон же ждал с абсолютно спокойным видом. Двери разошлись так бесшумно, что застали Роика врасплох.

— Отлично! — провозгласил м'лорд с самодовольным видом. — Как я и надеялся, мы не оставили улик, попортив замок. — Он пригласил всех проходить жестом спятившего метрдотеля, направляющего посетителей к лучшему столику,

и мягко затворил за платформой двери.

В новом коридоре было намного темнее. И к тому же, к удивлению Роика, в нем еще не завершили строительные работы. Не столкнутся ли они случайно с рабочими? Хотя, наверное, фонари монтажников заранее предупредят об их приближении.

Под пирамидой находилось три нижних уровня. Каждый был устроен одинаково: «ядро» — служебные помещения — опоясывали четыре коридора, пространство между которыми было расчерчено на клетки, а по центру каждой стороны шел широкий радиальный проход-«спица». Для лабиринта планировка слишком правильная, и все же Роику постоянно казалось, что здесь внизу ничего не стоит заблудиться. А как должен нервничать сейчас м'лорд, который не один час блуждал в настоящем лабиринте в полной темноте?

Они свернули на следующей «спице»; губы м'лорда шевелились, когда он отсчитывал боковые проходы, и расплылись в улыбке, когда они вышли к «ядру». Еще одна задержка, пока м'лорд добирался до запертой электронной панели, потом он что-то тщательно отсчитал и кивнул. Они пошли по другой спице и свернули направо

в один из коридоров: с уже полностью завершенной отделкой, тускло освещенный техническими лампами и заставленный рядами заполненных криоячеек.

— Здесь вид не такой шикарный, — пробормотал Роик.

— Это дешевые места, — пояснил м'лорд. — Если желаешь быть упакованным в поддельное красное дерево с бронзовыми накладками — ну или золотыми, мне и про такое рассказывали — Новый Египет устроит тебя на верхних уровнях.

Даже в этом подземелье на стене возле многих ячеек виднелись в держателях странные приношения замороженным: крошечные бутылочки с вином, какая-то завернутая еда, прогоревшие до основания ароматические палочки. Чаще встречались цветы: больше пластиковые или шелковые, но иногда настоящие — то свежие, то бурые и увядшие, уныло свисающие из пересохшей вазочки.

— Вот здесь, — заявил м'лорд, останавливаясь на полушаге. Он вытянул шею, разглядывая ячейку в верхнем ряду. — Прочти номер, Ворон.

Ворон дважды продекламировал вслух длинную алфавитно-цифровую цепочку.

М'лорд аккуратно сверился со своим коммом.

— Она самая. — Прикрывающие термомешок коробки сослужили сейчас еще одну службу: встав на одну из них, как на табуретку, м'лорд присоединил к замку ячейки свое хитрое СБшное устройство. — Все отлично, — пробормотал он, слезая. — Как только лампочки погаснут, проводим замену.

Он достал фонарик и рысцой убежал куда-то в сторону.

Ворон достал себе и Роику по паре термоизолирующих медицинских перчаток и наклонился расстегнуть длинный мешок. Там лежало тело худой пожилой женщины, завернутое в нечто вроде эластичной пластиковой оболочки. Беззащитную наготу прикрывал толстый слой полупрозрачной защитной мази на коже и иней, который сразу же начал оседать на пластике. За секунду до того, как погасло освещение в коридоре и все зеленые индикаторы, Роик включил свой фонарик. Они так и не придумали, как открыть одну ячейку, не отправив сигнал на центральный контрольный пост, и решили, что лучший вариант в данной ситуации — устроить короткий перебой в электроснабжении сразу для пяти тысяч ячеек.

— Готовы, — подтвердил Ворон. Роик нажал кнопку разблокированного замка, и, к его об-

легчению, защелка ячейки легко открылась. Он выдвинул длинную емкость с телом, словно какой-то жуткий ящик в каталожном шкафу.

Внутри тоже лежало женское тело в плотной мембране, сразу затянувшейся инеем. Роик озадаченно заметил, что две пластиковые оболочки отличаются: эта была более бурого оттенка и укреплена снаружи чем-то вроде сетки. Он приказал себе сконцентрироваться, просунул ладони под тело и приподнял его. Даже через перчатки оно, казалось, моментально принялось вытягивать из него тепло. Роик мягко опустил тело на пол, Ворон проверил именную бирку на оболочке, и затем они вместе уложили ее замену в ячейку. Ячейка скользнула на место с мягким щелчком.

Издалека мелькнул свет фонарика, и из-за угла коридора выглянул м'лорд; Роик махнул ему рукой, подтверждая, что все в порядке, и тот, кивнув, убежал обратно. К тому времени, как Ворон с Роиком положили свою добычу в мешок и герметично его запечатали, лампочки снова зажглись. Потянувшись наверх, Роик осторожно отсоединил устройство для вскрытия замков и убрал обратно в набор, а потом принялся снова наваливать поверх тела маскировку из коробок. Интересно, как быстро объявятся техники прове-

рять, что это за сбой случился с питанием?

Вернувшийся м'лорд негромко окликнул их: «Идем, идем». Его глаза сияли не хуже индикаторных лампочек, и Роик понял, что м'лорд откровенно наслаждался этим грабежом. «Ну, хоть кто-то из нас». Ворон оставался таким же любезным, как и всегда, словно проделывал подобные трюки ежедневно (хотя Роик прекрасно знал, что это не так).

Тут из коридора, отходящего из центрального зала, донеслось гудение дверей лифта и эхо голосов. Роик сглотнул и уже приготовился удирать, но они успели свернуть на внешнее кольцо прежде, раздалось громкое: «Эй, вы там!»

Недолгий переход, и вот они уже снова у двойных дверей. М'лорд задержался, чтобы снова их запереть, и лишь затем вызывал по наручному комму Йоханнеса. Едва они показались на улице, лейтенант распахнул задние дверцы стоящего наготове фургона, и платформа, нагруженная «припасами», беззвучно исчезла внутри. Роик не смел дышать, пока фургон не миновал ворота и не влился в дневной поток машин.

М'лорд проверил время по комму.

— Шестнадцать минут, — довольным голосом объявил он.

Ворон сел на переднее сиденье рядом с Йоханнесом, что было со всех сторон логично, поскольку они оба выглядели наиболее привычно по местным меркам. Йоханнес, как его и проинструктировали, вел машину спокойно, но не слишком медленно. Задние сиденья они сложили, чтобы уместился груз, и теперь Роик с м'лордом сидели на полу по обе стороны от тела госпожи Сато. Роик приготовился в любой момент придержать груз и не дать ему съехать с платформы, на случай, если Йоханнес вдруг резко повернет. Его заверили, что криораствор и защитная мазь сохраняют криотрупы слегка пластичными, а не хрупкими, и, несмотря на температуру, тело не разобьется, как кубик льда, даже если упадет на пол при случайном толчке. Но предосторожность не помешает.

Несколько минут они сидели в молчании, пока Роика наконец не прорвало.

Он тихо произнес:

— Я все думаю про сержанта Тауру. Вот здесь все люди умирают с надеждой на какое-то будущее. Почему же не могла она? Мы же находились в клинике Дюрона, для криозаморозки все было под рукой, и не так это дорого…

В прежние дни, когда м'лорд был галакти-

ческим оперативником СБ — еще до того, как иглограната и осложнения при криовосстановлении оборвали его карьеру — Таура служила у него в наемном флоте. Как и Дюроны, она была продуктом джексонианской генетической инженерии, но в отличие от них оставалась единственной выжившей из всей группы результатов неудавшегося эксперимента по созданию суперсолдат. Она сбежала на Дендарийский флот, где — м'лорд свидетель — смогла по-настоящему проявить свои особенности. Однако ее создатели заложили в генетические прототипы предохранитель: Таура должна была умереть в двадцать стандартных лет, если бы не медицинская помощь со стороны сначала дендарийских медиков, а потом — Дюрон. Роик встречался с ней дважды, и оба раза были отчаянно незабываемыми. Первый раз она приезжала в гости на свадьбу м'лорда, во второй же м'лорд с Роиком ездили на Эскобар, чтобы скрасить Тауре последние дни в хосписе.

М'лорд вздохнул.

— Мы все старались ее на это уговорить: я, ты, Вербена, Ворон. Не хватило бы ее дендарийской медстраховки — я бы вывернул свои карманы. Вот только Дюроны вряд ли бы мне это позволили: они по-прежнему считают себя в долгу перед

ней и всеми дендарийцами за свое спасение с Единения Джексона. Но Таура ни за что не соглашалась.

«Что, очнуться уродцем в странном месте и чужом времени, когда все мои друзья умрут?», сказала она протестующему Роику, и голос у нее был тонкий, неправильный, совсем не ее. И никакие доводы, что у нее появятся новые друзья, не действовали на Тауру, измученную метаболическим кризисом.

Роик беспомощно развел руками.

— Вы могли бы поступить вопреки ее словам. Когда процесс зашел слишком далеко, и она уже не могла говорить, просто приказали бы готовить ее к криозаморозке. — Бог свидетель, м'лорд в состоянии пренебречь чьей угодно волей.

М'лорд пожал плечами; общее воспоминание было тягостным для них обоих.

— Да. Но тогда бы мы так поступили ради нас самих. Не ради Тауры. Она выбрала огонь, а не лед. Это, по крайней мере, легко понять: при температуре кремации ДНК разрушается.

Ей было все равно, где развеют ее прах, лишь бы только не на Единении Джексона. М'лорд отвез ее останки на фамильное кладбище в Форкосиган-Сюрло, и они вдвоем с Роиком похоронили урну

с прахом на склоне, выходящем на Долгое озеро.

— Никто, — выдавил Роик, — не должен умирать от старости в тридцать! — И уж точно не такая пламенная душа, какой была Таура.

М'лорд задумчиво произнес:

— Если исследования Дюрон, или кого-то еще, позволят обернуть старость вспять, и люди станут умирать в триста или пятьсот лет, будет ли смерть по-прежнему казаться нам такой же жестокой?

— Или в две тысячи лет, — добавил Роик, силясь это себе представить. Он слышал, что некоторые, очень немногие, бетанцы и цетагандийцы живут почти до двухсот лет, но их долголетие закладывается в гены еще до того, как они появляются на свет. Но если речь идет об обычных, уже живущих сейчас людях, такой вариант не пройдет.

— Две тысячи вряд ли, — заметил м'лорд. — Некие теоретики страхования как-то подсчитали, что если устранить все смерти от медицинских причин и оставить только от несчастных случаев, человек в среднем проживет всего восемьсот стандартных лет. То есть кто-то угробится в восемнадцать, а кто-то — в восемнадцать сотен лет, но конец один и тот же. Просто установится новое равновесие.

— Можно только изумляться Отказникам.

— Вот именно. Если Бог, которого они ставят в основу своих рассуждений, ждал их появления на свет миллиарды лет, то вряд ли ожидание в еще несколько столетий, пока они не умрут, будет для Него хоть как-то значимо. — М'лорд задумался, созерцая нечто внутри себя — в своем перекрученном и многомерном мысленном пространстве. — Что беспокоиться о небытии после смерти, если есть беспокойство резонней: о небытии до зачатия. В конце концов, замени один сперматозоид на другой, и вместо тебя родится твоя сестра, а тебя никогда не будет.

И хотя это не было ответом на то, что терзало душу Роика, он промолчал. Машина миновала обветшалые сетчатые ворота и въехала в ворота криоцентра госпожи Сюзи.

* * *

Потребовалось много часов, чтобы поднять температуру тела Лизы Сато от глубокой заморозки почти до нуля градусов. Йоханнеса Майлз отправил в консульство, а они с Роиком дремали по очереди на самодельной койке в палате напротив лаборатории криооживления, на скорую руку устроенной Вороном. Под криооживление

отвели третий этаж бывшего приемного отделения. Ворон и медтехник Танака тоже дежурили у тела посменно. С рассветом нового дня наступило время для наиболее важных процедур: нужно было слить старый криораствор и оперативно заменить его на новую синтетическую кровь. По мере трансфузии лежащее навзничь тело меняло свой цвет с оттенка серой глины на обнадеживающий бело-розовый. Криораствор, булькая, убегал в сток.

Будь у них время и оборудование, не говоря уж о пробе крови пациента, они бы вырастили ее новую кровь из образца. В синтетической крови не хватало индивидуальных для каждого человека белых кровяных телец, так что оживленному пациенту предстояло провести какое-то время в карантине, пока его костный мозг не восстановит иммунитет и не произведет достаточное число лейкоцитов. Ворон объяснил Майлзу, что тот в свое время всю эту фазу проспал, поскольку его организм был слишком сильно травмирован ранением и последовавшей затем операцией по пересадке. Ако потратила целый вечер, убирая и стерилизуя изолированный бокс.

В ответ на вопрос Майлза, как скоро можно будет расспросить пациентку, Ворон высказался

весьма туманно, зато твердо сказал, что первыми к ней надо будет допустить ее детей. Тут Майлз и не думал спорить; дети — самый сильный мотив женщины вернуться к полноценной жизни.

Майлз предложил свою помощь, но, когда подошел решающий момент, Ворон усадил его на табурет поодаль и вручил маску. Самоподгоняющаяся кромка по краю маски гибко облегала лицо, эффективно обеспечивая герметичность, а электронные мембраны фильтровали даже вирусы. Однако он сомневался, что на него надели этот намордник из одних только соображений стерильности. Так что он прикусил язык и не вскрикнул, когда Ворон пробормотал:

— Проклятье… все не так.

— Что не так? — переспросил Майлз, видя, что Ворон с медтехником заняты у стола и не отвечают. Он уже хотел повторить свой вопрос громче, но Ворон наконец отозвался:

— Мозг не дает задержку при прохождении электрического сигнала. А ей уже пора появиться. Танака, давай попробуем старый добрый электрошок.

На голове Лизы Сато было надето нечто вроде плавательной шапочки, напичканной электроникой и датчиками и плотно облегающей ее

прямые волосы поверх криогеля. Ворон сделал что-то на своем контрольном экране, и шапочка издала треск, от которого Майлз дернулся и чуть не свалился с табурета. Ворон, нахмурившись, читал показания. Обтянутая перчаткой рука потянулась, чуть ли не бессознательно, размять вялую конечность пациентки.

— Закрываем слив, — внезапно и без объяснений скомандовал Ворон, и медтехник поспешно выполнила указание. Он отступил на шаг. — Не работает.

Майлза почувствовал сосущую тошнотворную пустоту в желудке.

— Ворон, ты не можешь отступиться.

«Боже, мы не вправе напортачить. Бедные детишки ждут, когда мы им вернем маму. Я обещал…»

— Майлз, я провел более семи тысяч оживлений. Мне не нужно еще полчаса терзать труп этой бедняжки, чтобы понять, что она умерла. На микроуровне у нее каша вместо мозга. — Ворон вздохнул и отвернулся от стола, стягивая маску и перчатки. — Я прекрасно знаю, как выглядит плохая криоподготовка, а здесь она была сделана просто отвратительно. Моей вины здесь нет. Сейчас я ничего не мог сделать. И никогда

не мог бы. — Ворон был слишком сдержанным человеком, чтобы швырнуть перчатки через всю комнату и выругаться, но ему этого явно хотелось. Обуревающие его эмоции легко читались на лице, особенно заметные по резкому контрасту с его обычной легкостью и жизнерадостностью.

— Ты думаешь… ее убили?

— Знаешь, несчастья случаются и непреднамеренно. Статистика. Хотя не в твоем окружении, я полагаю.

— А я полагаю, что как раз не в этом случае.

Ворон стиснул губы.

— Верно. Я могу провести частичную аутопсию, прямо здесь. — Он на глазах собирался с мыслями. — И выяснить, в чем конкретно был дефект криоподготовки. Есть множество вариантов. Мне кажется, есть что-то странное в вязкости выходного раствора… — Он помолчал. — Позволь, я выражусь ясней. Я, черт побери, настаиваю на аутопсии. Я хочу знать, что является причиной моей неудачи. Потому что терпеть не могу, когда меня подставляют.

— Аминь, — прорычал Майлз. Он соскользнул с табурета, сдернул маску и подошел к столу с его безмолвным грузом. Насос качал в тело кровь, и оно оставалось оптимистично розовым. Пустое

обещание. Ворон протянул руку и выключил насос, наступила болезненная тишина.

Как теперь все объяснить Джину и Мине? Майлз понимал, что это будет его задачей в самое ближайшее время. В спешке и самоуверенности он отнял у них надежду… хотя нет, надежда с самого начала была ложной. Такой же неизбежный и смертельный финал ожидал бы любого, когда бы тот ни попытался разморозить Лизу Сато. Но эта мысль не слишком утешала.

«Я добьюсь для вас справедливости…». Нет, Майлз не в том положении, чтобы давать подобные обещания. «Я попытаюсь»? Звучит слишком жалко, взрослые всегда начинают с этого свои отговорки. Вина как ничто другое подхлестывала ярость Майлза в отношении его — их — неизвестных врагов. Как странно и подозрительно. Как тщетно.

В дверь операционной резко постучали. Проснулся Роик? Новость про то, что вся затея оказалась бесплодной, его не обрадует. Майлз потянулся, подобрал свою трость и подошел поглядеть в узкое стеклянное окошко в двери. В то же мгновение он порадовался, что не крикнул «Роик, заходи!». Потому что за дверью стоял запыхавшийся консул Форлынкин, а за обе его руки

крепко держались Джин с Миной.

Майлз выскользнул в дверь и встал, прижавшись к ней спиной.

— Что вы здесь делаете? Вы же должны были ждать моего звонка в консульстве.

Словно Майлз сам не понимает, зачем дети притащили его сюда. Конечно, хорошо, что Джин с Миной больше не боятся Форлынкина, но то, что они совсем из него веревки вьют — явно перебор. «Вот так и скажу».

— Они настаивали, — зачем-то объяснил Форлынкин. — Я говорил им, что она не проснется до завтра, а вы объясняли, как непривлекательно выглядит тело по выходе из криостаза… но они все равно просили. Хотя бы посмотреть на нее в окошко. По-моему, они не спали всю ночь. Будили меня трижды… я подумал, если они просто посмотрят, то утихомирятся. И потом поспят. — Голос Форлынкина делался все тише, когда до него дошло, в какой решительной и мрачной позе перед ним стоит Майлз. — Что-то не так? — договорил он одними губами.

А Майлз был пока не готов. Проклятье, но к такому никогда не будешь готов. Ему уже приходилось по необходимости извещать ближайших родственников или друзей покойного, но это

всегда были взрослые, а не дети, открытые и беззащитные.

Возбуждение Мины и Джина улетучивалось на глазах. Ведь если бы все было хорошо, разве бы он не выпалил эту новость первым делом? «Не существует способа сделать это лучше, и есть лишь один способ это сообщить». Майлзу хотелось сейчас опуститься на колени, упасть ниц, но единственно верным будет глядеть Джину в глаза. Он набрал в грудь воздуху.

— Мне жаль. Мне очень жаль. Что-то пошло неправильно при криоожи… при криоподготовке. Ворон-сенсей ничего не мог сделать. Мы старались… я думаю, ваша мама умерла во время криоподготовки восемнадцать месяцев назад или вскоре после этого.

Джин и Мина застыли в шоке. Они еще не плакали, только смотрели на Майлза в упор, смотрели, смотрели…

— Мы хотим видеть маму, — произнесла Мина тоненьким голоском. — Вы обещали, что мы ее увидим.

Голос Джина был хриплым, гортанным, совсем не похожим на обычный. — Вы обещали…

Когда Майлз сообщил свою новость, Форлынкин и дети отпрянули друг от друга. Теперь Джин

почти машинально нашарил ладонь Мины, а девочка другой рукой снова вцепилась в Форлынкина. Консул в смятении посмотрел на нее.

— Сейчас? — переспросил он. — Вы уверены?.. — Он глядел на Майлза яростно, словно собирался взглядом пригвоздить его к стене.

— У них есть право, — неохотно ответил Майлз. — Хотя я не знаю, что лучше, страшное воспоминание или никакого воспоминания вовсе. Я просто… не знаю.

— Я тоже, — признался Форлынкин.

Мина вздернула подбородок. — Я хочу. Хочу увидеть ее.

Джин сглотнул и кивнул.

— Тогда подождите минуту… — И Майлз проскользнул — сбежал — обратно в операционную.

— Ворон, у нас гости, — сообщил он. — Ближайшие родственники покойной. Можем мы, э, немного привести ее в порядок?

Даже твердокаменный джексонианец Ворон выглядел потрясенным.

— Боже правый, эти бедные дети пришли сюда? А им обязательно заходить?

— У них есть право, — повторил Майлз, размышляя, почему же эта фраза отзывается для него эхом. Похоже, ответ он когда-то знал, но нельзя

ведь возлагать вину за каждый провал в памяти на последствия криооживления десятилетней давности.

Ворон, Танака и Майлз поспешили достойно прикрыть простыней безмолвную фигуру, убрать бесполезные приборы, электроды, трубки и странную шапочку. Майлз пригладил короткие черные волосы. Слипшиеся от геля, они делали лицо женщины средних лет утонченным, но похожим на череп. Какую прическу она когда-то носила? Странные детали вроде этой могут иметь для детей значение. Приготовления слишком поспешные и бесполезные.

«Пусть все поскорее закончится». Майлз распахнул дверь.

Джин, Мина и Форлынкин гуськом прошли внутрь. Взгляд, которым Форлынкин мазнул по Майлзу, был весьма далек от симпатии. Когда они шли к столу, Джин вцепился в другую руку консула. За кого еще им оставалось держаться в этот трудный час?

Дети вгляделись в тело. Губы Мины в замешательстве приоткрылись; Джин перевел взгляд на Майлза с беззвучным: «ЧТО?»

Мина попятилась от стола и с презрением — или возмущением — выпалила:

— Но это не наша мама!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Майлз только чудом не переспросил совсем уж по-дурацки: «А вы уверены?» На лицах обоих детей не было ни малейшего сомнения.

— Тогда кого же… — начал он, разворачиваясь к Ворону и к прикрытой простыней фигуре на столе, — … мы только что… — «убили» — несправедливо, да и неточно, к тому это глубоко оскорбит криохирурга. — … Кого мы только что…? — К счастью, никто не ждал, что он закончит фразу.

— Номер был правильный, — напомнил Ворон. — Во всяком случае, он соответствовал тому номеру, что ты мне дал.

Значит, или Майлз взял из базы данных криохранилища неверный номер — а он был уверен, что так ошибиться не мог — или эти данные уже кто-то подправил ранее. Кто-то и для чего-то. Для маскировки? Чтобы не дать похитить криотруп Лизы Сато или ее сторонникам, или кому-нибудь вроде Н.О.Н.Н.? Или ему самому? Нет, вряд ли хоть один человек на Кибо-Дайни способен представить, что любопытный барраярский Имперский Аудитор выкрадет тело. А вдруг это обычная

непреднамеренная ошибка? В таком случае… Майлз представил миллионы криоячеек в одном только Норбридже (а также под ним и вокруг него), и его сердце упало. Тогда местонахождение Лизы Сато неизвестно вообще *никому* — мысль слишком пугающая, чтобы задерживаться на ней дольше секунды.

Или — а вот эта мысль оказалась настолько интересна, что Майлз затаил дыхание — его просто кто-то опередил. В этом случае… Нет. Прежде, чем картинки у него в мозгу начнут множиться в сумасшедшем количестве, надо как минимум связать их новыми фактами. Материальными фактами, а не всеми этими тонкими, извивающимися тропинками умозрительных предположений.

Майлз несколько раз глубоко вдохнул, чтобы успокоить бьющееся сердце.

— Так, хорошо. Хорошо. Начнем с того, что можно узнать. Сначала идентифицируем эту бедную, э, клиентку. Ворон, у твоей аутопсии приоритет ноль. А я вернусь в консульский узел связи и…

Майлз осекся: Форлынкин предостерегающе откашлялся и кивнул на Джина с Миной, которые стояли молча, вцепившись друг в друга, побледнев. Толком не понятно, что они испытывают:

страх или гнев — но хоть не плачут. В любом случае, Форлынкин прав: не стоит обсуждать тошнотворные подробности аутопсии прямо сейчас при детях, даже если речь идет не об их матери. Майлз уже знал по опыту, что дети, как и все люди, бывают разными: от крайне чувствительных до чертовски хладнокровных. А порой, к смущению взрослых, это вполне мог оказаться один и тот же ребенок, просто в разное время. Неужели опыт общения с женщинами — своего рода *тренировка* перед общением с детьми? Мысль, скорее всего, верная, но сейчас несколько несвоевременная, и Майлз, замахав руками, оттеснил Форлынкина и его подопечных в коридор.

— Простите меня за это все, — бессмысленно повторил Майлз. — Обещаю вам… — «черт! надо выбросить эту фразу из его словаря раз и навсегда», — что продолжу искать вашу маму. Дело внезапно стало весьма интересным. Э, то есть сложным. Просто чуть немножко более сложным. И мне нужно еще информации, че…

«Мне нужно еще информации, черт возьми!», его старое заклинание, почти успокаивающее своей привычностью. Некоторые неудачи — просто неудачи. Другие — возможность взломать скрытые двери. Забегая вперед в своих предпо-

ложениях насчет информации («информации, помнишь?») — он посчитал что эта — второго сорта. Что ж, у жизненного опыта одно не отнимешь — ты полностью уверен, совершая ошибки…

— А что теперь будет с нами? — спросила Мина.

— Вы же не заставите нас вернуться к тете с дядей? — с беспокойством добавил Джин.

— Нет. По крайней мере, пока нет. А сейчас консул Форлынкин отвезет вас обратно в консульство, пока мы хоть как-то с этим не разберемся, или.

— Или? — повторил Форлынкин, когда Майлз замолк.

— Мы разберемся. — «Я просто пока еще не представляю, с чем и кем». — Я останусь помочь здесь все убрать, а позже присоединюсь к вам. Форлынкин, когда доберетесь до консульства, передайте лейтенанту Йоханнесу, пусть проведет для меня предварительный обзорный поиск данных. Я хочу попытаться отыскать того самого доктора Лейбера, который был как-то связан с группой Лизы Сато в Норбридже восемнадцать месяцев назад. — Нельзя сказать, что это ниточка, но придется идти по ней. Интересно, насколько распространена эта фамилия на Кибо? Что ж,

скоро он это узнает.

Форлынкин кивнул и увел детей. Джин озирался, словно сожалел о потерянном убежище; Мина так вцепилась консулу в руку, что тот поморщился, возможно, в приступе вины, но мужественно стерпел. Для детей происшедшее оказалось явно мучительным. «Черт, оно стало мучительным и для меня».

Из двери их временной спальной комнаты высунул голову заспанный Роик. Щурясь, он проводил глазами удаляющееся по коридору трио.

— Я слышал голоса. Что случилось?

Майлз ввел его в курс дела. Когда Роик узнал, что они приложили столько усилий, чтобы выкрасть не то тело, на его физиономии утвердилось именно ожидаемое Майлзом выражение. Правда, чтобы научиться читать все оттенки настроения по его невозмутимому лицу и спокойной позе, нужно провести в обществе Роика какое-то время. Интересно, этому учат в секретной школе оруженосцев или навыки передаются из рук в руки? Старший оруженосец Пим был в вопросах бесстрастности мастером, но Роик его быстро догонял.

— Знаете, — заметил Роик, — если бы вы остановились на достигнутом в минуту выигрыша

— после встречи с Вингом — то мы бы уже были на пути к дому.

— Но сейчас я просто не вправе остановиться, — желчно поправил Майлз.

— Понимаю, м'лорд, — Роик вздохнул и пошел вслед за ним обратно в лабораторию.

Ворон уже прибрался и готовился к следующей задаче. Медтехник Танака выложила на лоток рядом с операционным столом целый ряд довольно пугающих на вид инструментов. Едва они вошли, она подняла голову и спросила:

— А у нас по-прежнему остаются два бесплатных криооживления?

— Разумеется, — не раздумывая, подтвердил Майлз. — Это же арендная плата. — Он действительно удивился, что после случившегося фиаско она по-прежнему готова доверить им оживление ее людей. Впрочем, она явно согласилась с диагнозом Ворона, и это отчасти воодушевляло. Майлз не стал добавлять, «мы можем еще вернуться», потому что вспомнил об осторожности. Запоздало.

Ворон побарабанил пальцами по столу и оглядел инструменты.

— Хотите, чтобы я отправил образцы на анализ в коммерческую лабораторию или попытался

провести что-то прямо здесь?

— Что будет быстрее, а что лучше?

— Если я хочу качественно выполнить работу на месте, мне потребуется вызвать моих людей с Эскобара. Скорее всего, это отнимет больше времени, чем отправить образцы на сторону. Привлечь внимание мы рискуем в обоих случаях. Результаты должны быть аналогичны.

— Хм. Инстинкты подсказывают мне не выпускать ничего из рук, пока мы не поймем, с чем имеем дело. Я бы сказал: действуй, пока способен работать в одиночку, а потом оценим полученный результат. Моя рабочая гипотеза состоит в том, что подмена осуществлена преднамеренно и где-то в последние года полтора. Если мы узнаем, кто эта женщина и откуда она взялась, это может подсказать нам, кто положил ее на место Лизы Сато. — «Или не подсказать». — Тут играет большую роль, подменили ли одно замороженное тело другим или ее с самого начала заморозили вместо Сато, а в этом случае.

Ворон нахмурился.

— Полагаешь, мать Джина и Мины может быть жива и где-то скрываться? Почему же в таком случае она не дала знать о себе бедным детям?

— Зависит от того, насколько опасной может

быть эта информация.

Ворон нахмурился сильней.

— Что ж, кое-что я могу вам подсказать сразу, — вмешалась медтехник Танака, нагибаясь и извлекая из мусорной корзины кусок пластиковой оболочки. Она поднесла пленку к свету. — Эту женщину не замораживали вместо той, что вы ищете, и ее заморозку вообще проводили не в последние полтора года. На ней оболочка более старого образца.

Три головы тотчас повернулись к ней.

— Насколько более старого? — поинтересовался Майлз. — И как вы их отличаете?

Танака прищурила морщинистые глаза и вздохнула:

— О господи. На этой марке оболочки рисунок сот, и такой я не видела с тех пор, как была студенткой. Как минимум лет тридцать назад, а то и все пятьдесят.

Майлз застонал.

— Получается, ее могли заморозить когда угодно в течение последних двухсот пятидесяти лет?

— Не могли: раньше на рынке были другие бренды и другой дизайн, впрочем, как и позже. А такой тип был представлен на рынке примерно лет тридцать.

— Большое спасибо, медтехник Танака, — поблагодарил Майлз. — Вот нам и отправная точка.

Его тайна, похоже, распалась на две. «Тайны размножаются прямым делением. Какой-то прогресс наоборот».

Ворон со скальпелем в руках склонился над своей бывшей пациенткой, ставшей теперь образцом для вскрытия.

* * *

Летающий фургон возвращался в консульство. Первое время все молчали. У Джина перехватило горло от разочарования. Мина, пристегнутая на среднем месте во втором ряду, сидела бледная и отсутствующая. Форлынкин вел машину вручную; лишь когда они отлетели достаточно от дома Сюзи-сан, он подключился к сети муниципального контроля и со вздохом откинулся в кресле.

Полуобернувшись, чтобы видеть одновременно Джина и Мину, он произнес:

— Простите меня за все это безобразие.

— Вы же не виноваты, — признал Джин.

Форлынкин сначала хотел что-то добавить, но передумал и ограничился простым «спасибо». Помолчав, он объяснил:

— Если бы мою дочь, как вас обоих, втянули во

что-то такое, я был бы очень зол.

Джин еще не успел возразить, что скорее это они втянули консула в происходящее, как Мина радостно пискнула:

— А у вас есть дочка? Сколько ей лет? Можно она с нами поиграет?

Форлынкин поморщился.

— Анне сейчас шесть, и, наверное, ей бы понравилось играть с вами, но, боюсь, ничего не получится. Она на Эскобаре. Со своей матерью.

— А скоро они вернутся? — допытывалась Мина.

— Нет. — Форлынкин помолчал. — Мы в разводе.

При этом пугающем слове Джин и Мина одновременно поежились.

— А почему вы развелись? — полюбопытствовала Мина. Если бы Джин сидел сейчас рядом с сестрой, то пнул бы ее по ноге, чтобы она заткнулась, но, увы, с первого сиденья не дотянешься.

Форлынкин пожал плечами.

— В общем, так получилось, никто тут не виноват. Моя жена с Эскобара — я встретил ее, когда служил там в посольстве младшим секретарем. Когда мы только поженились, я думал, что оно само собой разумеется: она поедет за мною туда,

куда меня переведут по службе. Но когда мне предложили повышение и перевод в барраярское посольство на Пол, у нас уже родилась Анна. И моя жена передумала. За ребенком требовался уход, а в родном мире надежно, безопасно, там живут ее родственники… Возможно, она недостаточно мне доверяла. Или дело в чем-то еще.

После паузы — Джин ждал продолжения с легким смущением, а Мина явно с глубоким интересом — Форлынкин добавил:

— Недавно моя бывшая жена снова вышла замуж. Тоже за эскобарца. Она написала мне, что ее новый муж хочет удочерить Анну. Я не знаю. Может для нее так будет лучше, чем видеть отца всего по три дня раз в три года. Трудно решить. Согласиться? — Он рассказывал это, уткнувшись взглядом себе в колени, но вдруг поднял свои проницательные голубые глаза на Джина с Миной. — А вы как считаете?

Мина поморгала и брякнула: — Я бы хотела своего настоящего папу.

Форлынкина ответ как-то не слишком обрадовал. Джин ответил осторожнее:

— Ну, тут много от чего зависит. Хороший он человек или нет.

— Предполагаю, что да. Я, правда, его еще не

видел. Наверное, мне нужно взять короткий отпуск и съездить на Эскобар самому, прежде чем подписывать согласие. А может, и нет: может, мой визит только смутит Анну. Не думаю, что она до сих пор хорошо меня помнит.

— А вы не писали ей письма и не присылали подарки? — нахмурилась Мина.

— Иногда.

Джин медленно произнес:

— А вы не могли тогда сделать другой выбор, остаться с женой и не уезжать на Пол? — Где бы этот Пол ни находился. Наверное, довольно далеко от Эскобара. — Дипломат — это ведь не солдат. Разве вам не разрешили бы уйти?

Форлынкин иронично отсалютовал Джину, кончиками пальцев коснувшись лба, и Джин почувствовал себя еще неуютнее. Может, не стоило об этом спрашивать?

— Да, у меня был выбор. Тогда. Но время назад не вернуть, и этот шанс ушел безвозвратно.

Мина наморщила лоб совсем сердито:

— Говорите так, словно вы уже все выбрали.

— Выбрал, когда был моложе. Порой этот «молодой я» удивляет меня самого… — Автопилот подал сигнал, что они подлетают к консульству, и Форлынкин, к облегчению Джина, отвернулся,

чтобы посадить машину.

В консульстве они первым делом зашли на кухню, где Форлынкин достал всем чего-нибудь перекусить. Потом консул пошел в кабинет на первом этаже за чем-то нужным клерку, Мина схватила Лаки и побежала наверх, а Джин вышел во дворик проведать своих животных.

Когда Джин вернулся в их общую спальню, Мина свернулась на кровати, крепко прижимая к себе кошку, точно плюшевую игрушку. Лаки терпела такое обращение без протестов, разве что раз-другой лениво дернула хвостом. Джин был уже слишком большой, чтобы устраивать себе тихий час днем, но постель казалась такой уютной! Наверное, если он попробует отобрать Лаки у сестры, та ударится в крик. Может, лучше подождать, пока она заснет? Лицо Мины было упрямым, на щеках пятна, глаза покраснели, словно она только что плакала.

Пока он сидел на кровати, размышляя, как бы забрать кошку себе, Мина шмыгнула носом и пожаловалась:

— Они соврали.

— Взрослые всегда врут, — проворчал Джин. — Мама тоже нам врала. Всегда говорила, что все будет хорошо, а это неправда.

— Угу. — Мина сжалась в тесный комочек и еще раз всхлипнула. Вскоре она задремала, ее лицо стало спокойным, а руки разжались; Джин наклонился и вытащил Лаки, стараясь не разбудить Мину. Он гладил кошку, пока та не замурлыкала, смирившись, что перешла из рук в руки, а затем свернулся в постели вместе с нею. Это была хорошая постель, лучше, чем все, на чем он спал, пока жил у Сюзи-сан, но ему все равно хотелось туда вернуться. Возможно, старый ворчун Йани был прав, когда хотел оставить Майлза-сан на улице…

Он проснулся от того, что Роик окликал его по имени и осторожно тряс большой рукой за плечо. Мина уже сидела на кровати, потирая заспанное лицо, на котором отпечатался рубец от подушки. Лаки куда-то убежала. Полоска света на ковре сдвинулась; Джин посмотрел на хроно и понял, что пара часов проскользнула незаметно.

— Извини, что бужу вас, — сказал Роик. — М'лорд хочет, чтобы вы на кое-что взглянули на комм-пульте в комнате связи.

Он терпеливо подождал, пока они оба сходят в туалет, убедился, что они вымыли руки, и лишь затем повел их вниз. Теперь, когда Джин привык к этому здоровяку, Роик ему даже нравился. По-

лучается, у Майлза-сан был собственный личный взрослый, который всюду за ним ходил и делал что надо. Ты говоришь взрослому, что делать, а не наоборот! Жаль, что у Джина нет такого Роика.

В странную запечатанную комнату в подвале, где консульство хранило всякие классные шпионские штучки, сейчас набилось множество народу. За комм-пультом сидели Майлз-сан и Форлынкин. Вернувшийся Ворон-сенсей вместе с Йоханнесом склонился над длинным столом, разглядывая какой-то прибор.

Джин подобрался к ним.

— А это что такое?

— Сканер ДНК, — ответил Йоханнес.

— Это вы на нем в первый раз проверяли отпечаток пальца Майлза-сан… то есть лорда Форкосигана?

— Да.

— Удобно, что он оказался под рукой, — заметил Ворон-сенсей. — Такой по идее должен был быть и у мадам Сюзи, но подозреваю, что, скорее всего, он давно продан или сломался. Я уже опасался, что придется отправлять пробы ткани в коммерческую лабораторию, даже чтобы получить первичные данные.

Джин заинтересовался еще сильней.

— А можно я на этой штуке сделаю скан ДНК моих животных?

— Это не игрушка, — ответил Йоханнес. — Мы используем его для подтверждения личности людей, оформляющих проездные документы и все такое. — Он посмотрел на Джина и смягчился. — Попроси у консула Форлынкина.

Майлз-сан подозвал Джина к комм-пульту, возле которого уже переминалась с ноги на ногу Мина. Над видеопластиной выстроились в ряд четыре снимка разных мужчин. У двух были седые волосы, а один — в белом лабораторном халате.

— Мисс Мина, я надеюсь на вашу помощь, — сказал Майлз-сан. — Все эти люди — доктора по фамилии Лейбер, живущие в Норбридже и его окрестностях. Мы уже исключили из списка одну женщину-доктора, принимая во внимание, что на Бету она в последнее время не ездила. — Он чуть улыбнулся; здесь явно была какая-то шутка, которую Джин не понял, в отличие от Роика, который тоже улыбнулся. — Может, кто-то из них похож на того человека, который разговаривал с вашей мамой той ночью? Или кто-нибудь точно совсем не похож?

Мина озабоченно уставилась на снимки.

— Это было давно. Я правда не помню.

— А что ты помнишь? Этот доктор Лейбер был молодой или старый?

— Ой, старый!

— С седыми волосами?

— Нет, с черными. Это я помню. Я не очень хорошо различаю, сколько взрослым лет. Но этот был старый. Лет тридцать, может быть?

Майлз-сан с Форлынкиным переглянулись; губы консула дрогнули, но он ничего не сказал.

— Итак. Старый, но не седой. — Майлз-сан отстучал какую-то команду, и снимки седых мужчин исчезли. Два других были, в общем, похожи, и волосы одинаковые, только у одного лицо было узкое и костистое, а у другого — покруглее.

— Когда я был сопливым мальчишкой, — заметил Роик, глядя поверх их плеч, — одно время я принимал любого тощего старика за моего деда. Жутко неудобно получалось.

— И все-таки, — настаивал Майлз-сан. — Джин, а ты не помнишь, видел ли кого-нибудь из этих двоих рядом с твоей мамой? Даже если ты не знал, как его зовут?

Джин покачал головой.

После долгих колебаний Мина показала на худого.

— Вот этот. Наверно. Другой слишком толстый.

— Он мог потолстеть, — возразил Джин, подхватывая дух расследования.

— Если вы покажете девочке снимки сотни, или даже десятка, человек, — заметил Роик, — вряд ли она кого-то среди них узнает, м'лорд. Вы наводите свидетельницу на ответ.

— Если бы я искал этого Лейбера среди всего мужского населения Кибо-Дайни старше тридцати, ты был бы прав, — согласился Майлз-сан. — К счастью, у нас есть другие критерии ограничения поиска. — Он показал на круглолицего. — Этот доктор Лейбер — акушер из репликаторной клиники в северном пригороде. — Его палец уперся в другой снимок. — А вот этот — биохимик, работающий на криоцентр Нового Египта. Учитывая, что свидетельство Мины его не исключает, комбинация признаков возносит его на вершину моего списка.

— А как насчет вашей гипотезы, что этот тип должен был пуститься в бега? — поинтересовался Роик. — Этот Лейбер не особо походит на политического активиста. Смотрите: хорошая зарплата, акции, криостраховка. Верный служащий компании, да и только.

Майлз-сан откинулся в кресле и поскреб подбородок.

— Вот это действительно проблема. Может, я ошибался прежде.

Роик покачал головой, что непонятно отчего вызвало короткую усмешку у Майлза-сан.

Йоханнес и Ворон-сенсей наконец закончили возиться с прибором на столе и пересели к боковому комм-пульту.

— Ага! — вдруг воскликнул Ворон-сенсей. — Вот ее снимок? У меня есть отпечатки пальцев и ступней для проверки, но… нет, они нам даже не понадобятся.

Майлз-сан развернулся со стулом. — Что вы там нашли?

Роик наклонился вперед, всматриваясь в изображение.

— Точно. Похожа на нашу бедняжку, верно? Обратите внимание на ее скулы. На уши. И такая же родинка над левой бровью. Снимок сделан незадолго до того, как ее заморозили.

— Не могу сказать, что смотрел тогда на ее уши… — Майлз-сан ухватил трость и поднялся, чтобы лучше видеть.

Джин тоже извернулся, чтобы поглядеть. Но, увидев снимок живой и улыбающейся женщины и сравнив ее с той неподвижной фигурой на операционном столе, он снова почувствовал

дурноту. А если мама по-настоящему умерла, неужели она будет такой же странной и чужой?

— Отлично, в файле есть все, — продолжал Ворон-сенсей. — Биография, медицинская карта, дата криоподготовки… ну, ее контракт и финансовые сведения, похоже, уводят по ссылкам куда-то дальше. Бедная невезучая Алиса Чен. Полагаю, хорошо, что я теперь хотя бы знаю, как ее зовут.

— Быстро вы, — одобрил Майлз-сан. — Отличная работа.

— Базы данных клиентов открыты для общего доступа, — пожал плечами Йоханнес, хотя и приосанился, услышав похвалу. — Они доступны любому, от юриста до демографа и от исследователя-медика до любителя копаться в своем фамильном древе. — Он сосредоточенно вгляделся в файл с данными, развернутый над видеопластиной. — Похоже, ее действительно заморозили где-то сорок пять лет назад. Нам повезло. Данные столетней давности или еще более ранние зачастую имеют пробелы, по тем или иным причинам.

— А, да! Когда я работал… на моей прежней службе, Кибо как раз представляла собой наиболее популярный источник фальшивых и неотслеживаемых удостоверений личности, —

заметил Майлз-сан. — Ничего другого про эту планету я до настоящего расследования не слышал. — Он прищурился и ткнул в строку. — А это что за длинное слово — язык сломаешь?

Ворон-сенсей посмотрел на экран.

— Заболевание крови, приводящее к истощению организма. Наверное, поэтому она и решилась на заморозку так рано.

— Ты думаешь, причина смерти в ее болезни?

Ворон-сенсей покачал головой.

— Нет, она никак не должна повлиять на процесс оживления. Хотя потом ей бы потребовалось лечение.

— А она могла бы его сейчас получить? Эффективное лечение?

— О, да, в наши дни это заболевание излечимо.

— Итак, — начал Майлз-сан, — что же эта женщина, замороженная полстолетия назад, делала в криоячейке Лизы Сато и с ее ярлычком на ноге? Ясно, что она не сама туда залезла. Хотя существует возможность подделать номера ячеек в банках данных, этот чертов ярлычок подсказывает, что, скорее всего, здесь просто поменяли тела.

— Кстати, а где сейчас останки госпожи Чен? — уточнил консул Форлынкин. — Вообще-то их необходимо вернуть ее ближайшему родственни-

ку. Там могут появиться вопросы с наследством или еще что-нибудь в этом роде. А поскольку она умерла относительно недавно, еще могут быть живы люди, для которых ее судьба будет представлять большой интерес. — Он помедлил. — Не то, чтобы я нарываюсь на судебный иск…

— Пока ее положили внизу у госпожи Сюзи, — заверил Ворон-сенсей. — Тенбери нам помог.

— И как долго может храниться ее тело?

— Сколько угодно.

Майлз-сан развел руками.

— Тогда пусть полежит, пока я тут не разберусь, — сказал он Форлынкину. — Итак, у нас есть уже две ниточки: наша заблудшая покойница и доктор Лейбер. Надо их проследить и посмотреть, не переплетутся ли они друг с другом. Кстати, ее криозаморозку производил не «Новый Египет»?

Йоханнес промотал файл вниз.

— Одна из криокорпораций, которую «Новый Египет» впоследствии поглотил.

— Она располагалась в том же самом месте?

— Вряд ли сорок пять лет назад этот центр уже успели построить. — Йоханнес углубился в поиск. — А, вот. Центр, где ее тело заморозили и хранили сначала, десять лет назад списали и демонтировали. А тело перевезли в новое храни-

лище в Криополисе.

— Что, очевидно, и предоставило возможности для подмены, — согласился Майлз-сан. — Особенно если тот, кто подменил тела, там же и работал. Полагаю, мадам Чен выбрали на замену случайно. Целью была Лиза Сато.

— Вы говорите, кто-то *украл* маму? — дрожащим голосом выдавила Мина.

— Все больше похоже на то… — Майлз, прищурясь, уставился на видеоэкран.

Форлынкин стиснул его плечо и мотнул головой в сторону Мины, застав Майлза-сан на нее взглянуть. Девочка, похоже, была готова вот-вот разрыдаться.

Майлз-сан быстро опомнился.

— … Хотя, кто бы ее ни забрал, он станет о ней заботиться. То, что не имеет цены — не крадут. Это похищение подсказывает мне, что с ней будут очень аккуратны.

«Опять взрослый врет?» Джину было вообще-то приятно, что Майлз-сан говорит с ним и с Миной на равных, но все складывалось слишком уж странно.

Сказанное Мину явно не утешило, и Майлз-сан добавил:

— В конце концов, меня самого однажды вооб-

ще потеряли вместе с переносной криокамерой, и все обошлось.

— Потеряли, если смотреть с твоей стороны, — заметил Ворон-сенсей. — С нашей точки зрения, тебя нашли.

Майлз-сан широко улыбнулся Мине — «Вот видишь?» — но сник, наткнувшись на ее пустой взгляд. Форлынкин и Йоханнес смотрели на Майлза-сан, не отрываясь, как завороженные.

Он выпрямился.

— Я намерен переговорить с этим доктором Лейбером. Лично. И не у него на работе, — добавил он чуть медленнее и задумчивее.

Губы Роика сложились в мрачную линию.

— Вам потребуется грамотно оцепить место встречи.

— Естественно. И мы возьмем Йоханнеса, чтобы вы делали это вдвоем.

— Для начала.

Майлз-сан смерил взглядом Мину, которая капризно переминалась на месте.

— Ни в одном из моих файлов не отмечено, что доктор Лейбер имеет какое-то отношение к вашей маме. Мы на него вышли исключительно по вашим свидетельским показаниям, мисс Мина. И если след окажется не пустышкой, то только

благодаря вашим ценным сведениям.

Она чуть повеселела — по крайней мере, губа у нее перестала дрожать. — Правда?

— Правда. А ценным информаторам Имперская СБ платит. Как и курьерам, кстати. — Он перевел взгляд на Джина.

— Но я не выполнил ваше поручение до конца, — возразил Джин.

— Вообще-то за попадание в плен к врагам ставка только увеличивается.

— А на сколько? — спросила Мина, веселея на глазах.

— О, мне нравится твой образ мыслей, ребенок. Существует официальная таблица расценок. Разумеется, в барраярских марках. Для каждой службы — свои коды. Пусть Роик ее посмотрит и пересчитает суммы в местной валюте.

— Вы предлагаете платить им по *взрослой* ставке? — переспросил Форлынкин. Джину показалось, что в его голосе звучит скорее изумление, чем неодобрение. Только бы консул не стал отговаривать Майлза-сан от такой замечательной идеи!

— Именно так, — подтвердил тот. — Вы же знаете, мой бюджет по этому делу позволяет мне действовать по собственному усмотрению.

— Вам бы на ваше усмотрение прикупить осмотрительности, — отрезал Форлынкин и внезапно смолк, словно сам изумился, как он такое ляпнул.

Майлз-сан только ухмыльнулся в ответ. Форлынкин, снова нацепив на лицо чопорное консульское выражение, повел Джина с Миной в кухню поесть. Выходя, Джин оглянулся через плечо, прежде чем успела закрыться тяжелая дверь. Четверо мужчин склонились над коммами. Джин понадеялся, что в консульстве найдутся самые лучшие шпионские штучки.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Выяснилось, что доктор Сейширо Лейбер живет в съемном доме в жилом районе на западе Норбриджа, недалеко от места своей работы. Когда Йоханнес подвел туда фургон, Майлз приказал ему сделать круг вокруг квартала, чтобы оценить окрестности и соседей. В это прекрасное воскресное утро многие обитатели выбрались на свои крохотные лужайки перед домом, подстригая и приводя их в порядок. По участкам с шумом и гамом носилась компания детей, со смехом улепетывающая за угол всякий раз, когда газоновладельцы на них орали. Должно быть, примерно в таком же районе выросли Джин с Миной.

Сосредоточенные изыскания Майлза прошлой ночью выявили в дополнение к уже известному разве что школьные данные Лейбера. По полицейским архивам он не проходил; его имя не значилось ни среди сторонников или спонсоров Лизы Сато, ни в списках арестованных после беспорядков на митинге — кстати, большинство из них вскоре освободили без предъявлений каких-либо обвинений. Их выдвинули уже позже и

только против двоих погибших и троих, включая Сато, подозрительно замороженных. Все аккуратно и тихо.

Свою ученую степень доктор Лейбер получил не рано, а в разумные двадцать восемь, и все четыре года после этого проработал на «Новый Египет». Его диссертация — Майлз ее пролистал — была посвящена проблеме усовершенствования криорастворов, что было совершенно логично, учитывая, что консорциум корпораций финансировал грант в этой области. Некоторые крупнейшие корпорации содержали собственные исследовательские отделы, которые, помимо контроля качества, занимались патентованными разработками к собственным процедурам криозаморозки, предназначенными для привлечения клиентов в конкурентной борьбе. В этом тоже нет ничего странного.

Йоханнес по указанию Майлза посадил машину на углу квартала.

— Полагаю, здесь нашей самой большой проблемой могут стать чересчур любопытные соседи, а не электронная система слежения. Просто остановиться не получится: люди неизбежно подойдут посмотреть, чем это ты тут занят. Так что я оставлю открытым комм-канал с вами,

Йоханнес. — Свой комм на время визита Майлз поставил на запись. — Найдите тихое место, где можно посидеть, возьмите там кофе и что-нибудь к нему. По дороге туда высадите Роика. — Майлз оглядел своего телохранителя, одетого нейтрально, но все же не совсем по местной моде — Жаль, что мы не можем замаскировать тебя под фонарный столб, Роик.

— Как-нибудь обойдусь, — отозвался Роик.

Майлз кивнул, сделал Ворону знак идти за ним и вылез на тротуар.

На звонок им открыл моргающий от яркого света темноволосый малый с кружкой в руке, в штанах, футболке и босиком. Несмотря на воскресную щетину и отсутствие лабораторного халата, Майлз моментально опознал свою жертву со снимка.

— Доктор Лейбер? — улыбнулся он, и, не давая тому ответить, продолжил: — Я Майлз Форкосиган, а это мой компаньон, доктор Ворон Дюрона из Группы Дюрона.

Последнее имя явно показалось Лейберу знакомым:

— Дюрона? Из эскобарской клиники? — озадаченно переспросил он.

— О, вы слышали о нас? — Ворон ослепительно

улыбнулся.

— Читал в журналах.

Майлз перехватил инициативу:

— Мы оба приехали в ваш город на межгалактическую конференцию неделю назад и рассчитывали встретиться с вами. Можно нам войти? — Он специально построил фразу так, чтобы Лейбер подумал, что их визит связан с биологическими разработками. Рассказывать про свою роль межпланетного следователя Майлз предпочел бы уже в доме, и то если потребуется.

Объяснение прозвучало логично. Лейбер допил свой чай и посторонился, предлагая гостям войти; Майлз поспешил воспользоваться приглашением. Хозяин дома провел их в маленькую гостиную, где Майлз тут же сел, чтобы его труднее было выставить. Остальные последовали его примеру.

— Вы были на конференции? Я не помню, чтобы видел вас там. — На самом деле Майлз специально проверил заранее: Лейбер на конференции не появлялся.

— Нет, и очень жалею, что пропустил ее. Я видел в новостях, что вы попали в неприятности с Н.О.Н.Н., верно?

— Я — нет, а вот Ворон — да.

Ворон подхватил разговор и, чтобы разбить первый лед, рассказал несколько забавных историй про свое пребывание в заложниках. Правда, об участии в этом барраярцев он практически умолчал. Затем он перешел к рассказу о конференции с профессиональной точки зрения, и постепенно Лейбер разговорился, задавая один вопрос за другим: из области как биохимии, так и малоприличных сплетен. Ворон также затронул тему диссертации Лейбера, с которой на самом деле ознакомился лишь прошлой ночью, штудируя ее, пока у него глаза не остекленели.

Теперь Лейбер совершенно расслабился, и Майлз решился на прямой подход.

— На самом деле я сегодня пришел сюда от имени ближайших родственников Лизы Сато. Кажется, вы имели с ней какие-то дела восемнадцать месяцев назад, незадолго до ее ареста?

Лицо Лейбера застыло в неприкрытом шоке и смятении. «Что ж, он типичный ученый, а не мастер притворяться, и лжец из него неважный. Тем лучше для меня».

— Но откуда вы зна… с чего вы это взяли? — промямлил Лейбер, в точности подтверждая первое впечатление.

— Свидетельство очевидца.

— Но никто не видел… не было… Суваби же *мертв*!

— Другой очевидец.

Лейбер сглотнул и попытался собраться с духом:

— Извините. Это было страшное время. Тяжелое.

Майлз приготовился произнести что-нибудь утешающее, но тут Лейбер вскочил на ноги.

— Извините, вы меня несколько разволновали. Чай. Чай все поправит. Хотите чаю?

Майлз предпочел бы не давать Лейберу времени на изобретение каких-нибудь отговорок, что неизбежно задержит выяснение правды, но тот уже вылетел на кухню, не оглянувшись. Майлз махнул рукой, чего хозяин дома попросту не увидел.

Ворон поднял бровь:

— Поздравляю.

— Определенно попадание.

Грохот тарелок, журчание воды, слабый скрип и быстрый щелчок открывшейся и закрывшейся двери…

— Оп-па. — Майлз подхватил трость и выскочил за Лейбером.

Кухня оказалась пуста, в тишине булькал,

закипая, электрический чайник. Дверь вела в задний дворик. Калитка в переулок еще качалась на петлях.

Майлз поднес комм к губам.

— Роик? Наш подозреваемый только что выбежал на улицу через заднюю дверь.

— Преследую его, м'лорд, — мрачно подтвердил Роик.

Звук тяжелых шагов, быстрое дыхание, вскрик — но не Роика, снова шаги… «Дерьмо!» — а вот это уже выругался Роик.

— Что случилось? — уточнил Майлз.

Чуть запыхавшийся голос Роика сообщил:

— Он забежал в соседский дворик. Влетел в дом. Из окна на меня смотрят женщина и двое детей. Теперь она спорит с Лейбером. Точнее, она спорит, он ловит ртом воздух. — Секундная пауза. — И вам не нужно, чтобы я туда заходил. Это — нарушение границ частной собственности и нападение.

Твердый тон его голоса не дал Майлзу начать спор насчет их потенциального дипломатического иммунитета.

— Она ушла в дом, — продолжил Роик. — Наверное, вызвать полицию. Что вы сделали с этим парнем?

«Ничего — явно неверный ответ».

— Сам не знаю, — сказал Майлз. — Хорошо, тогда уходи и найди Йоханнеса.

— Понял.

Майлз повернулся к Ворону.

— Отлично, у нас есть минут пять, чтобы осмотреть этот дом. Ты вниз, я наверх.

— Что мы ищем?

— То, что он прячет.

Наверху оказалась спальня, еще одна жилая комната, переделанная в кабинет, и ванная. Трогательно скромная, по галактическим стандартам, коллекция порнографии в его спальне располагалась на самом виду, ясно указывая на то, что в данный момент подружки у Лейбера нет. В шкафах — только одежда и обувь, плюс кое-что из спортивного снаряжения. На коммпульт Майлз посмотрел с досадой: выгрузить его содержимое не было ни времени до прихода полиции, ни технической возможности — свои СБшные устройства он оставил в консульстве. И тут по комму его окликнул Ворон:

— Майлз?

— Пора смываться, Ворон; полиция наверняка уже на пути сюда.

— Вряд ли Лейбер ее вызвал. — Любопытное

замечание, особенно произнесенное чуть протяжно, с нотками изумления в голосе.

— Что ты нам нашел?

— Иди сам посмотри.

Майлз спустился по лестнице с большей осторожностью, чем карабкался наверх, и по дороге подобрал свою трость.

Нижний этаж — даже не подвал — дома Лейбера был устроен вполне ожидаемо: прачечная, механическая и электрическая начинка дома, и одно помещение побольше, без отделки, предназначенное для грязных работ. Лейбер отвел его под склад всяческого барахла. Ворон ждал Майлза, стоя между пыльным тренажером и какой-то длинной штукой, на которую было накинуто старое покрывало.

— Та-дам! — пропел он и сдернул покрывало. Под ним оказалась переносная криокамера. Подключенная к электросети дома. Работающая. И не пустая.

— Это то, о чем мы оба думаем? — уточнил Ворон.

— Да! — выдохнул Майлз с должным восхищением. — Хотя… разве это нормально — хранить криотруп у себя в подвале? Я имею в виду, на Кибо?

— Не знаю, — ответил Ворон, разглядывая устройство со всех сторон в поисках идентификационных меток. — Спроси лучше Йоханнеса или Форлынкина. Или Джина. А вот мне интересно, как она сюда попала?

— Тайком и в глухую полночь, я полагаю.

— Нет, вопрос в том, как он спустил ее по лестнице? Там негде развернуться. Значит, должна быть… ага, дверь в гараж. Уже лучше.

Ворон отгреб от створки какую-то рухлядь, открыл ее и высунул голову. — Какой милый воздушный мотоцикл.

Майлз заглянул под криокамеру. Это была не самая дорогая модель, без встроенной антигравной платформы. Она стояла, водруженная на подпорки из стопок каких-то кирпичей и бетонных блоков, а втиснутые сверху и расплющенные бумаги (что-то научное) показывали, где платформу из-под нее вытащили. Вытащили и куда-то унесли; в подвале ее видно не было.

Майлз поднес к губам комм:

— Йоханнес?

— Я только что подобрал Роика, сэр, — отрапортовал тот немедля. — Следует подъехать и забрать вас?

— Сначала один вопрос. У вас до сих пор на

борту та антигравная платформа, которой мы пользовались вчера?

— Да, виноват; у меня не было времени вернуть ее в прокат.

— Отлично. Обогните квартал сзади. В доме есть полуподвальный гараж. Будем ждать вас у выхода. У меня для вас припасен тяжелый груз.

— Еду.

Ворон поднял брови.

— Кража? Со взломом и проникновением?

— Ну, домовладелец же нас сам впустил. Разве что кража с побегом. Эту криокамеру крадут не в первый раз. Конечно, и честного человека можно обмануть, но нечестные гораздо менее склонны обращаться после этого с жалобой властям. Не думаю, что Лейбер кому-то расскажет, — добавил он, все еще осматривая криокамеру снизу. — Ты нашел на этой штуке какие-нибудь номера?

— Метку изготовителя. Довольно распространенная марка. А, вот и серийный номер. Возможно, это нам поможет.

— Да, но позже. — Сначала самое важное. «Если я до сих пор не знаю, как узнать тактический момент и схватить его за хвост…» Возможно, он окажется впечатляюще неправ. Или все же прав. Но то, что это будет *впечатляюще* в любом случае

— факт.

Когда прибыли Йоханнес и Роик с фургоном, Майлз с Вороном уже открыли дверь гаража. Майлз оставил мускулам работу, для которой те предназначены, а сам поднялся на кухню и поискал там что-нибудь пишущее и бумагу. Под руку подвернулись список для бакалейного магазина на половинке листа и карандаш. Он подумал, перевернул лист и набросал несколько слов.

Появился Роик.

— Немного неудобно, но в фургон мы ее занесли. Пришлось поставить внаклон, с опорой на задние двери, а то они не закрывались. Что вы делаете?

— Написал Лейберу записку. — Майлз прикрепил листок к дверце холодильника.

— Какого черта? — Роик наклонился прочесть. — Хороши грабители, которые оставляют записки!

Майлз гордился расплывчатостью своей формулировки. «Позвоните мне в консульство, как только сможете». Ни подписи, ни даже инициалов.

— Мы с ним не закончили разговор, — объяснил Майлз. — У нас есть то, что ему нужно. Он придет. А мы хотя бы сэкономим на слежке. Черт.

Йоханнес — единственный из вас, кого он не видел, но он мне нужен для другого. Ты бы порадовался, зная, как я сожалею, что не взял с собой отряд СБшников, о чем ты меня вечно просишь.

— Так себе утешение, — вздохнул Роик. — А почему нам просто не подождать, пока Лейбер вернется домой?

— Он не вернется, пока мы здесь. Если я правильно предполагаю, он рискует своей работой, а может, и жизнью, ради спасения того, что мы нашли в подвале. Он затаится на какое-то время, пока не успокоится и не соберется с мыслями.

«А затем придет в ужас».

Деликатно закрыв за собою гаражную дверь, они все погрузились в фургон.

— К госпоже Сюзи, — приказал Майлз Йоханнесу. — Кружным путем и без спешки.

Ворон перегнулся через спинку сиденья.

— А вдруг мы украли бабушку этого бедолаги? Вот конфуз будет.

Майлз, пришедший в веселое расположение духа, только усмехнулся.

— Тогда мы ее просто вернем. Оставим на лужайке у дома, как стемнеет. Или перешлем почтой, анонимно. Нет, чтобы меня сконфузить, этого слишком мало.

Мысль, правда, показалась не такой уж забавной, едва он вспомнил случившееся вчера утром. Роик то ли фыркнул, то ли вздохнул, но Майлз в любом случае притворился, что не заметил.

* * *

Когда в молодости Роик служил патрульным в муниципальной страже Хассадара, им читали курс оказания первой помощи. После того, как он принял торжественную присягу графского оруженосца, ему пришлось пройти гораздо более продвинутый курс полевой военной медицины. Там, среди всего прочего, их учили проводить криоподготовку при неотложной медицинской помощи; они практиковались на имитации криораствора и пугающе реалистичном манекене с полным анатомическим подобием. Но, к счастью, кошмары его потом не беспокоили. Теперь же, помогая переносить тело госпожи Сато на операционный стол, Роик уже не был так уверен, что отныне она не станет сниться ему по ночам.

Срезая защитный чехол и готовя неподвижное тело к операции, Ворон и Танака действовали слишком профессионально, чтобы беспомощная женщина вызывала у Роика излишнее смущение. Она не выглядела как манекен, не походила на

труп — но и живой она тоже не была. Возможно, в примитивном обезьяньем мозгу просто нет места для такого понятия. Если когда-нибудь, не дай бог, Роику придется самому проводить криоподготовку, этот опыт поможет ему справиться с ситуацией гораздо лучше, потому что теперь он понимал смысл каждого из механически заученных шагов. У него возникло странное ощущение сопричастности.

По крайней мере, сегодня, в отличие от позавчерашней путаницы, м'лорд совершенно уверен, что у них на столе нужная женщина. Хорошо, что вчера вечером, когда они привезли свою добычу к Сюзи и развернули, ему не пришла в голову идея притащить сюда несчастных детишек для опознания. Джину с Миной пока никто не сказал, что их маму нашли. Когда Роик спросил м'лорда «А как будет лучше?», тот ответил просто: «Никак». Словно подвел черту.

Ворон ввел под оттаявшую кожу множество трубок и осторожно подсоединил их по одной к выбранным сосудам. Роик постарался хранить неподвижность. Но когда раздался короткий стук в дверь, он вздрогнул и настороженно развернулся на месте.

В дверь заглянул консул Форлынкин.

— Лорд Форкосиган, пришло сообщени… ой.

— На этот раз вы не притащили с собою детей? — обеспокоенно уточнил м'лорд.

— Нет-нет. С ними сидит Йоханнес. Они еще не знают.

— Фу-ух. Хотя, если все пойдет хорошо, вскоре вы сможете их сюда привести.

— А если не пойдет? — уточнил Форлынкин мрачно.

М'лорд вздохнул.

— Тогда, наверное, привести их придется мне.

— Заходите, — кинул Ворон через плечо, — только наденьте фильтрующую маску. Нечего торчать в проеме, как кот.

Ако поспешила вручить Форлынкину маску и помогла ее правильно надеть; он поморщился, когда самоподгоняющаяся кромка присосалась к коже. Консул сделал несколько осторожных шагов к операционному столу. — Мне было интересно, на что же это похоже.

— Пока проблем нет? — поинтересовался м'лорд. Он восседал на высоком табурете — конечно, оттуда было легче наблюдать за процедурой, но Роик заподозрил, что в основном его туда усадили, чтобы он не мешал, расхаживая туда-сюда.

— Пока нет, — ответил Ворон. Он протянул руку

и впустил в сосуды пациентки первую порцию согретого, обогащенного кислородом внутривенного раствора. Ее кожа начала менять свой цвет: от глинисто-серого к призрачному оттенку бледного льда. Что удивительно, кто-то очень постарался уберечь при заморозке ее длинные волосы, смазав их гелем и закатав в оболочку; сейчас они причудливой спиралью лежали у нее на плече. У мадам Чен волосы были подстрижены практичным с медицинской точки зрения ежиком.

Госпожа Сато оказалась выше, чем ожидал Роик, больше метра семидесяти. Это плюс темные волосы придавали ей странное неуютное сходство с женой м'лорда, леди Катериной, о котором Роик предпочел промолчать. У нее было правильное овальное лицо с четко очерченными ровными скулами и стройное тело, наводящее скорее на мысли о стрессе, чем о спортивном образе жизни. Эльфийская леди, подсевшая на наркотики и связавшаяся с дурной компанией.

— Она же не… — Форлынкин смотрел, не в силах отвести глаз. — С ваших слов я сначала решил, что она выглядит просто ужасно. Вся в крови, кожа клочьями, волосы выпадают, ну и так далее.

— С ней было все в полном порядке, когда ее положили в криостаз, — ответил Ворон, — и, похоже, она прошла первоклассную современную криоподготовку. Когда лорд Форкосиган попал к нам на операционный стол, то был в состоянии намного хуже среднего. И это мягко говоря. Итого, чтобы получить это самое среднее, кто-то из пациентов просто обязан быть в очень хорошем состоянии.

— Она выглядит, как создание из волшебной сказки.

— Что, — не выдержал м'лорд, постукивающий ботинком по ножке табурета, — Белоснежка и всего один гном?

Форлынкин покраснел и всем лицом изобразил «я этого не говорил!»

М'лорд фыркнул, глядя на него.

— Теперь все, что нам нужно — это принц.

— А кто же тогда лягушка? — уточнил Роик, втайне радуясь, что не у него одного такое буйное воображение.

— Это другая сказка, — любезно сообщил ему м'лорд. — Я надеюсь.

Ворон переключил трубки, и прозрачная жидкость сменилась темно-красной. Ледяная женщина стала менять свой цвет: от чуть ро-

зоватого оттенка холодного рассвета к теплому бежево-золотистому, словно ей в вены вливали лето. Тем временем Ворон перекрыл отводную трубку, выходящую из ее бедра, запечатав сосуд и кожу пластповязкой. Ворон и Танака что-то быстро делали с трубками, проводами и странной шапочкой.

— Чисто, — объявил Ворон и поднял взгляд, чтобы убедиться, что все зрители расступились. Треск стимулирующего разряда оказался тише, чем ожидал Роик, и все же заставил его вздрогнуть.

Когда грудь неподвижной женщины поднялась в первый раз, ее кожа внезапно показалась не просто мягкой и упругой, но и живой. Пара секунд рваных икающих всхлипов — пока Танака разглядывала свои мониторы, а Ворон, прищурясь, не сводил глаз с пациентки. Его лицо было спокойно, но руки в перчатках сжались в кулаки. Затем губы лежащей разошлись в долгом вдохе — один, другой, и кулаки Ворона расслабились. Роик сам вспомнил, как дышать, лишь за мгновение до того, как позорно рухнул бы в обморок.

— Все, есть, — сказал Ворон, выключая внешний насос.

М'лорд прикрыл глаза в безмолвной благодар-

ности. А остолбеневший Форлынкин выдохнул:

— Поразительно!

— Моя самая любимая часть этого дела, — мечтательно признался Ворон куда-то в пространство. — Чувствуешь себя богом. Или по меньшей мере, чародеем.

Губы м'лорда дрогнули в улыбке.

— Наркотик для твоего эго?

— И самый лучший, — согласился Ворон. — Я живу ради этих мгновений.

— Всегда приятно видеть, когда человек влюблен в свою работу, — пробормотал м'лорд.

Ворон обошел вокруг тела пациентки, постукивая кончиком карандаша то там, то тут, в каком-то одному ему ведомом важном порядке. И этот порядок был очень древним.

— Рефлексы в наличии. Периферические нервы функционируют, прекрасно, — доложил он и, подойдя к голове пациентки, убрал выбившуюся у нее со лба прядь странно нежным движением. — Госпожа Сато? — позвал он. — Лиза?

Веки затрепетали, открылись, снова плотно зажмурились. Глаза Лизы Сато были классической миндалевидной формы, и складка эпикантуса в уголке свидетельствовала о ее земных корнях. Радужки густого темно-карего цвета уменьшили

ее сходство с леди Форкосиган — у той были глаза поразительного серо-голубого оттенка.

— Слух функционирует, — пробормотал Ворон. — По крайней мере, в грубом приближении. — Лиза? — позвал он снова. — Вы уже здесь?

Вряд ли эту женщину успокоит увиденное, когда она откроет глаза в кругу людей со скрытыми под масками, точно у грабителей, лицами. Особенно если последнее ее воспоминание — лица людей, которые ее почти убили. Смотрели ли они на нее со злобой? С холодным профессионализмом? Или просто безразлично? В любом случае, это были настоящие грабители: они украли ее волю, ее мир, ее жизнь.

Роик склонился над ней и своим самым успокаивающим «полицейским» тоном произнес:

— Мэм, с вами все в порядке. Вы живы и в безопасности. Спасены. Оба ваших ребенка также в безопасности и под присмотром. Скоро вы с ними увидитесь.

Снова трепетание век; стон.

— Гортань также работает, — радостно прибавил Ворон. — Что должно вас порадовать, милорд Аудитор.

— Еще бы, — согласился м'лорд.

Она снова вздохнула, и напряжение покинуло ее тело.

— После оживления она проспит несколько часов, — сообщил Ворон. — Чем больше, тем лучше.

— Мы ее вымоем и перенесем в изолированный стерильный бокс, — добавила медтехник Танака. — Ако, можешь помочь мне с обработкой кожных покровов.

Трубки и иглы убрали, провода свернули в бухту, приборы выключили. Роик помог перенести пациентку с процедурного стола на каталку. М'лорд слез с табурета, потянулся, расправляя спину, и оперся на трость.

— Через какое время мы сможем перевезти ее в консульство?

— Зависит от количества лейкоцитов у нее в крови и еще кое чего, — объяснил Ворон. — Возможно, уже послезавтра. Однако вам надо будет обеспечить ей несколько дней покоя в одной из спален наверху.

— Конечно, сделаем, — согласился Форлынкин.

М'лорд обернулся к консулу.

— Погодите, а вы почему здесь? Обнаружился Лейбер?

— Пока нет. Но нам на узел дальней связи

пришло запечатанное послание с Барраяра. Поскольку доступа к нему у нас нет, я не знал, насколько оно срочное. — Он помолчал и неохотно признался: — Кроме того, мне было любопытно, как идут дела. Учитывая необходимость иметь дело с Миной и Джином… — Он не хочет снова попасть впросак, перевел Роик. Что ж, вполне понятно.

— А, ладно, — отозвался м'лорд. — Ворон, если все в твоих руках, то, я, наверное, могу вас покинуть?

Ворон жестом подтвердил, что да, и вышел вслед за медтехником и Ако, увозящими пациентку. После их ухода палата внезапно показалась пустой, печальной и неприбранной, словно гостиная утром после зимнепраздничной вечеринки.

Форлынкин поморгал и встряхнулся, словно возвращался в себя откуда-то издалека.

— Как все странно. Я никогда не видел, как человек умирает, но это… как будто время потекло вспять. Или что-то вроде.

— Я — видел… и да, пожалуй, что так, — согласился м'лорд.

— Мы что же, играем в бога? — беспокойно поинтересовался Форлынкин.

— Не более, чем те, кто уложил ее в заморозку. И справедливость на нашей стороне, — провозгласил м'лорд и добавил себе под нос: — Я надеюсь. — Нахмурившись, он выудил свою аудиторскую печать на цепочке и покачал ее перед самым лицом, сведя глаза к переносице. — Запечатанное послание, да? Знаете, в возрасте Джина я с ума сходил от желания иметь собственное декодирующее кольцо. А теперь, когда оно у меня есть, ощущение — словно я таскаю на шее мешок кирпичей. Печальная штука — несвоевременность.

М'лорд похромал в коридор обменяться на прощание парой слов с Вороном, и Роик с консулом ненадолго остались вдвоем.

Консул с ошеломленным видом посмотрел вслед низенькой удаляющейся фигурке.

— Лорд Форкосиган — совсем не то, чего я ожидал, когда меня предупредили, чтобы консульство готовилось к визиту Имперского Аудитора.

Роик остался невозмутим и даже не хихикнул.

— Когда встретишь девятерых Имперских Аудиторов, то понимаешь, насколько они не похожи один на другого. Лорд Аудитор Фортиц, дядя м'леди, выглядит как старый взъерошенный профессор-технарь, каковым в сущности и

является. Еще среди них есть несдержанный на язык адмирал, отставной дипломат, промышленник… а м'лорд стал в каком-то смысле экспертом Грегора по галактическим делам. Император поразительно точно определяет, какому Аудитору какое расследование поручить. Хотя я и полагаю, что рано или поздно нам выпадет пустышка, но до сих пор он ни разу не посылал нас в галактику с бесполезными заданиями. — Вообще-то Роик надеялся когда-нибудь получить пустышку. Можно будет просто отдохнуть.

— Это утешает. — Форлынкин помолчал. — Наверное.

Услышав уточнение, Роик криво усмехнулся:

— Ага.

* * *

Оказавшись в консульской комнате дальней связи, Майлз сразу проверил на послании код отправителя и успокоился. Похоже, это еженедельный доклад от Катерины, что и объясняет отсутствие обычных пометок «срочно». Хоть что-то хорошее во всей этой мути. Размышляя о разнице между «срочным» и «важным», Майлз наклонился и своей Аудиторской печатью открыл послание.

Едва над видеопластиной появилось улыбающееся лицо его жены, он поставил запись на паузу, просто чтобы немного на нее полюбоваться. В последнее время ее жизнь представляла собой сплошную череду сложностей и помех, с которыми она успешно справлялась, однако подолгу на одном месте Майлз видел ее, разве что когда она спала. Ясные серо-голубые глаза смотрели честно и прямо, гладкие темные волосы совсем не тронула седина, хотя Катерина была старше Майлза на пару месяцев. Учитывая, что за шесть лет он наградил ее четырьмя отпрысками, отсутствие седины можно было считать почти чудом. И хотя все их дети вызрели в маточных репликаторах, но тем не менее. Сам Майлз был у своих родителей единственным ребенком, с самого рождения обремененным болезнями, которые к его нынешнему возрасту не столько прошли, сколько сменились новыми. Возможно — нет, наверняка! — он недооценил, сколько сил требуют нормальные здоровые дети. Какую бы поддержку тебе ни обеспечивали деньги и положение в обществе, но есть родительские обязанности, которые не передашь никому. Как самое лучшее и дорогое.

И хоть Майлз помнил, что Катерина смотрит

сейчас в камеру, а не на него, но под ее чуть насмешливым взглядом он почувствовал себя невесть с чего виноватым и вновь запустил запись.

«Здравствуй, мой милый», — произнесла Катерина. — «Твое последнее письмо мы получили с большим облегчением и радостью. К счастью, я не успела поделиться с детьми новостью про твое первое тревожное послание до того, как его догнало второе. Меня в дрожь бросает, едва я подумаю, через что прошли твои родители за время твоей прежней службы. Хотя, полагаю, при таком известии твой отец по-форски не дрогнул бы лицом, а мать… нет, тут мое воображение отказывает. Возможно, выдала бы какую-нибудь бетанскую колкость».

В прежние дни проблем такого рода оперативник СБ Майлз Форкосиган избегал очень просто: вообще почти никогда не отправлял домой ни сообщений, ни уточнений к ним вдогонку. Разумеется, отчет о его работе отец мог запросить у шефа СБ в любой момент, как только захочет. «Или как только слишком разволнуется», словно наяву услышал он язвительный голос матери.

Катерина начала с четкого бодрого рассказа о делах в Округе. Потом наступит черед домаш-

них новостей; в первую очередь самое важное — давно сложившийся обычный порядок, и если бы она его вдруг поменяла, Майлз бы серьезно встревожился за свою семью. Майлз напомнил себе, что запустил дела графства. Впрочем, на этой неделе вроде не случилось ничего, о чем нужно срочно известить его депутата в Совете. Отцовского депутата, если быть точным, но родители вот уже несколько лет служили императору на Сергияре как вице-король и вице-королева.

Славная форкосигановская традиция — пренебрегать своими интересами, служа Империи. Такова цена. Со скупой гордостью Майлз припомнил, как однажды деревенский староста в его Округе сказал ему про Катерину: «Мы чувствуем, что вы служите Империи, а вот леди Форкосиган служит нам».

«Еще бы».

«А вот последние достижения на домашнем фронте…» — продолжила она свой рассказ. Изображение переключилось на другое, правда, немного дрожащее.

«Молодец, Хелен», — произнес за кадром голос Катерины. Перед глазами Майлза завертелось изображение комнаты, но, несмотря на мельтешение, он узнал свою библиотеку. — «Только

веди камеру медленнее, пожалей папин вестибулярный аппарат».

«А что такое вес-ти-бу-ряный?» — донесся сбоку детский голосок. Саша? Нет, это Лиззи, боже правый. Катерина немедленно объяснила: «Вестибулярный. У него голова закружится».

«А-а». — Новое слово было усвоено тут же.

Наконец камера остановилась на Таури, десяти месяцев от роду, с серыми глазами и шапкой пушистых черных кудряшек. Она стояла, мрачно вцепившись в край низенького столика. За ней на кушетке расселись Саша, которому шел шестой год, его близняшка Хелен и трехлетняя Лиззи. Лиззи скучала и болтала ногами, всем своим видом показывая: «Я так уже умею, ну и чего шуметь?»

«Иди сюда, Таури», — проворковала Катерина, — «иди к мамочке».

Эффект был сногсшибательный: Майлз чуть не рухнул на поверхность комма, потянувшись к источнику этого соблазнительного голоса. Таури повернулась, качнулась на своих коротеньких ножках, одной рукой выпустила столик и замахала ею для равновесия. Потом отцепила вторую и косолапо заковыляла в протянутые мамины руки. Для Майлза всегда было загадкой, как дети

в подгузниках учатся ходить. Но вот его дочь шагает — топ-топ-топ — и со смехом падает в руки Катерины, а та в восторге подкидывает ее в воздух.

«Дай мне», — потребовал Саша, как будто сестренка была новой игрушечной машинкой. Он опустился на колени на ковер напротив мамы и подбодрил младшую: «Ну же, Таури, иди, сюда, ты можешь!»

Окрыленная своей первой победой, Таури взвизгнула и поковыляла к нему еще быстрей, но сразу упала на живот и завопила, скорее от расстройства, чем от боли — детские интонации Майлз умел различать даже разбуженный посреди ночи.

Саша со смехом подхватил ее: «Эй, сначала ходить научись, а потом бегай!» — Он развернул сестренку к маме, и на этот раз попытка прошла удачнее.

Тем временем Лиззи сползла с кушетки и принялась крутиться и вертеться, распевая «Вестибулярный, вестибулярный!». Она тут же попыталась ухватить видеокамеру, но, судя по рывку картинки, старшая сестра поспешно подняла ее повыше. «Нет! Я хочу камеру!» — донесся голос Лиззи. — «Дай-дай! Мама, скажи, пусть она

отдаст…»

Увы, семейная драма подошла к финалу слишком быстро. Майлз отмотал запись назад и прокрутил еще раз. Интересно, действительно ли это были первые шаги Таури или представление устроили специально для него? Приготовленная заранее видеокамера подсказывала, что скорее второе.

Снова появилось лицо Катерины. На этот раз фоном изображения служил ее заваленный бумагами кабинет на третьем этаже в северном крыле, за окнами которого поверх верхушек земных деревьев виднелся барраярский сад.

«Так жаль, что сержант Таура не успела увидеть нашу дочь, названную в ее честь», — задумчиво произнесла она, — «но ты хотя бы рассказал ей о малышке перед ее кончиной. Может, стоило дать это имя второй дочке, а не именовать Лиззи в честь твоей бетанской бабушки? Кстати, об именах. Саша объявил, что отныне он зовется Алексом. Вероятно, потому, что на Ксандера ему никого уговорить не удалось. Лекси и Эй-Ал тоже окончательно отвергнуты. Обоснование довольно разумно: если мы не зовем его Эйрелом по одному дедушке, не стоит звать и Сашей по другому. А к этому имени он, кажется, привя-

зался, да и Хелен наконец его поддержала. Так что в твоем следующем послании обязательно назови его лордом Алексом. Логика и решимость заслуживают награды».

Вот уж точно. В самом начале своего отцовства Майлз был сильно встревожен, когда ему показалось, что у Саши — у Алекса — задержка речевого развития в сравнении с его сверстницей Хелен. Он волновался за сына до тех пор, пока Катерина не заметила, что сестра просто не дает ему вставить ни слова. Его «отставание в развитии» было нежеланием ссориться, и он быстро заговорил целыми фразами, как только их с Хелен развели по разным комнатам, и она перестала говорить за него.

«Если подумать», — продолжала Катерина, — «то разве перед тобой никогда не вставала проблема, каким именем называться? Просто ты тогда был намного старше. История повторяется, хотя и не точь-в-точь. Твой сын, как бы его ни звали, любит тебя. И мы все любим. Береги себя, Майлз, и возвращайся домой как можно скорей».

Экран потемнел.

«Эх, если бы я мог нырнуть сквозь поверхность комма и сжатым лучом со скоростью света полететь на Барраяр…» Майлз вздохнул. Всю его

жизнь дом — это было такое место, откуда он стремился поскорее убежать. Когда полярность так радикально поменялась?

Ему не давала покоя фраза Роика: «Если бы вы остановились на достигнутом в минуту выигрыша…» Что ж, эта путаница на Кибо-Дайни — не только его рук дело.

Скорее бы объявился Лейбер. Сейчас самое время. Для Майлза оказалось сюрпризом, что они не могли заполучить доктора так долго. В конце концов, придется кого-нибудь за ним послать. Лиза Сато может очнуться с временной криоамнезией или просто не знать ответа на его вопрос. Хотя нет, все, что знает Лейбер, должна знать и она. «Ставлю бетанский доллар против горсти песка, это как раз он ей все и рассказал».

Майлзу не давала покоя явная паника Лейбера. «Почему он нас так испугался? Он ведь нас даже не знал». Очевидно, он слишком боялся какой-то местной угрозы, и, возможно, той самой, которая как раз и интересовала Майлза. Но Майлз пока с трудом мог предположить, о чем идет речь.

Если Сато — приманка для Лейбера, то они вдвоем — приманка для… Для кого? И почему? И в прежние дни Майлзу случалось выставлять перед врагом живую приманку, точно козлен-

ка перед тигром, но у тех людей не было детей. Или были, просто раньше родственные связи его не интересовали? Он не мог вспомнить. Если у него не хватает персонала даже чтобы поймать Лейбера, значит, ему некого выставить на круглосуточную охрану консульства и людей, в нем укрывшихся. Одного Роика вместе с Йоханнесом слишком мало для такой задачи, даже не будь у них других дел, а давать им такое поручение без какой-то поддержки просто жестоко. Ворон не единственный, кто терпеть не может проваливать дело.

И, несмотря на разлуку с родными, Майлз испытал легкий трепет благодарности к Грегору за то, что тот то и дело отправляет его с Аудиторской миссией подальше от дома. Ведь расстояние лежало не только между ним и его семьей, но между его семьей и любым человеком, обозленным на его вмешательство. «Злить плохих парней ради вящей славы Барраяра — вот что гласит моя должностная инструкция. В каком-то смысле».

«Кстати говоря, о любви к своей работе…»

Наклонившись к комм-пульту, он принялся составлять аудиторский запрос в посольство на Эскобаре с требованием выслать ему взвод охраны, немедленно, с примечанием, что СБш-

ный эксперт-бухгалтер и, возможно, команда юристов, должны также ожидать наготове. Единственное, что Майлз знал про своего невидимого врага — тот играет радикально.

Пять дней, чтобы взвод охраны долетел до Кибо, на максимальной скорости. Были ли у него пять дней назад основания запрашивать такую помощь? «Вряд ли».

Майлз снова вывел на комм данные по криоцентру «Нового Египта» и принялся заново перечитывать. Лиза Сато может в ближайшее время и не заговорить.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

На следующий день после успешного криооживления госпожи Сато, когда ближе к полудню доктор Лейбер так и не связался с консульством, м'лорд признал, что мог ошибаться в своих расчетах, и отправил Роика с Йоханнесом на его поиски. Жаль, что м'лорд не пришел к подобному умозаключению раньше, тогда Роику было бы гораздо проще выполнить свою работу. Сперва Роик сделал две самые очевидные вещи: позвонил ученому домой — там никто не ответил — и на работу. Там он узнал, что, по словам Лейбера, тот вчера заболел — какой-то желудочный вирус, как он сказал своему ассистенту — и предположительно его не будет на работе еще пару дней. Что ж, все верно. Тогда он распорядился, чтобы Йоханнес подобрал что-нибудь из лучшего консульского оборудования для слежки и снова отвез его к дому Лейбера.

Еще в прошлый визит внимание Роика привлек строящийся поблизости жилой комплекс. Он повернул голову, разглядывая рекламную растяжку: на ней было название «„Столетие“.

Агентство недвижимости» и ниже — «Вы родились 130–150 лет назад? Зайдите к нам!»

— О чем это они? — поинтересовался он у Йоханнеса.

— Анклав сторонников «поколений», — ответил Йоханнес. — В больших городах они встречаются то тут, то там. Часто оживленным в конечном итоге приходится не по вкусу новый Кибо, и тогда они — по крайней мере, те, кто проснулся, имея достаточно денег и здоровья — собираются вместе, стараясь воссоздать время своей молодости.

— Хм. Нечто вроде доморощенной исторической реконструкции? Что ж, по крайней мере, таким соседям понятны все твои шутки.

— Наверное, — с сомнением в голосе согласился Йоханнес.

Роик приказал лейтенанту посадить фургон за домом доктора Лейбера, а сам пошел к передней двери. На стук ему никто не ответил, но вскоре Йоханнес отпер дверь изнутри.

— Дверь гаража не заперта. И воздушный мотоцикл исчез.

— Хорошо. Пойдем оглядимся, а потом проверим комм-пульт.

Ни в одной комнате, гардеробной, шкафу или

мусорном ящике достаточного размера, чтобы там поместился труп, такового не оказалось. Намекающая «записка от грабителя», оставленная милордом на холодильнике, исчезла. Сам холодильник оставался набит холостяцкими готовыми обедами, кухня прибрана, кровать наверху более-менее заправлена или хотя бы прикрыта покрывалом. Лейбер мог взять с собой какую-нибудь одежду и обувь — много ли влезет в баул, пристегнутый на багажник воздушного мотоцикла? — но в шкафах ее тоже осталось прилично. Туалетных принадлежностей не было.

Йоханнес принялся за комм-пульт, копируя его содержимое через слот защищенного кабеля на свой СБшный записывающий аппарат. На голоэкране высвечивалось, какой процент уже выполнен.

— Ого! — произнес он вдруг. — А его комм отслеживается. Интересно, Лейбер знал, что его пасут?

Роик склонился вперед. А ведь правда!

— Перекачка данных не насторожит тех, кто ним следит?

— Не должна.

Звучит не слишком оптимистично.

— Можешь отследить жучок?

— Частично. До конца могу только из нашего

узла связи.

— Дай обзор его контактов за последние два дня, после нашего визита.

Их оказалось всего три, все вчера утром. Сначала Лейбер позвонил на работу и сказал, что заболел, затем заказал билет на скачковый корабль до Эскобара и, наконец, перевел большую часть своих сбережений на пару универсальных кредиток на предъявителя. Никаких личных сообщений родным или друзьям. Он, конечно, мог оставить ключ от дома и инструкции соседям, но по всему как-то не похоже. Роик не хотел поднимать лишний шум, расспрашивая всех вокруг: люди могут вспомнить их позавчерашний визит. Интересно, как Лейбер объяснил их появление соседке? Вряд ли он сказал правду, подозревал Роик.

— Его корабль улетает только завтра вечером, — обратил внимание Йоханнес.

— Да, вижу.

— Думаешь, он уже на борту?

Роик, хмурясь, изучал расписание.

— А-а. Нет. Его корабль выходит на внутреннюю орбиту Кибо только сегодня днем. — Он поразмышлял. — Едва он пройдет линию охраны космопорта, как окажется на виду у всех, кто

захочет его найти. Где можем отыскать его мы, там могут и враги. А если его ищет одна из криокорпораций, они не стеснены в средствах. Нет, с посадкой он станет тянуть до последнего. Значит, ему нужно где-нибудь затаиться.

— Может, у друга? Тогда его трудно будет найти. — Йоханнес прищурился на комм-пульт. — Хотя это может помочь.

— То, как Лейбер сбежал, свидетельствует, что он опасается за свою жизнь. Возможно, он не захочет втягивать в это друзей, — медленно произнес Роик. — М'лорд говорил, что Лейбер не производит на него впечатления безжалостного типа.

— Город большой, — заметил Йоханнес.

— Тогда давай начнем с самого очевидного. — Роик поднялся на ноги. — Пакуй все это и поехали в космопорт.

В фургоне Роик развернул свой комм-пульт — с СБшной защитой — и запустил поиск по съемным комнатам в окрестностях космопорта. Два здания стоят внутри охраняемой зоны, с полдюжины — разбросаны в окружающем космопорт промышленном районе. Роик прикинул, с какой гостиницы начинать: с самой дорогой или самой дешевой — и остановился на втором варианте.

Пока они летели, Роик отметил: удивительно,

как общая для всей галактики транспортная сеть формирует облик городов-космопортов, придавая планетам куда как больше сходства, чем он мог представить, когда впервые покинул Барраяр. «С тех пор провинциальный паренек проделал долгий путь». В каком-то смысле Роик был счастлив, что в юности ему не явилась добрая фея и не подарила то будущее, о котором он тогда мечтал. Ведь оно было бы таким маленьким…

— Что теперь? — спросил Йоханнес, когда фургон завис над участком бюджетной гостиницы. — Взять под наблюдение выходы из здания, расспросить консьержа?

— Не уверен, что кто-нибудь вспомнит Лейбера, даже если его здесь и видели, — ответил Роик, — В подобных местах процветает самообслуживание.

Съемные комнаты здесь, конечно, не такие тесные, как на космических станциях — там Роику попадались закутки для сна, которые сдавались с почасовой оплатой и напоминали помесь платяного шкафа с гробом — но утилитарные очертания здания выглядели тоже не особо привлекательно. Гостиница граничила с какой-то фабрикой и тянулась вдоль бетонных опор автострады; даже в полдень здесь было сумрачно.

— Опиши над ним круг. Мы ищем воздушный мотоцикл.

Под навесом позади дома укрылась стоянка мотоциклов. Роик узнал машину Лейбера, припаркованную среди полудюжины прочих.

— Прямо с первого раза! — восхищенно выпалил Йоханнес.

— Я набрался кое-какой практики, пока ездил с м'лордом, — скромно пояснил Роик, ни слова не сказав про *слепую удачу*. Ну, допустим, зрячую и умную удачу. Он был бы откровенно удивлен, если бы они ничего не нашли с первых трех попыток.

На посадку им потребовалась пара минут. Тем временем Роик пытался думать так, как думает м'лорд. Нет, к черту. Лучше попытаться думать, как Лейбер. А еще лучше — как Роик.

Кого пришлют их враги за своей добычей: полицию или наемных бандитов? Если против них играет криокорпорация, для нее полицейские не проблема — например, достаточно выдвинуть против своего сотрудника обвинение в краже. Полиция может просто ждать на пункте досмотра в космопорте и арестовать Лейбера, едва он туда войдет. Но останется след: имена, записи на камерах безопасности, множество свидетелей,

которых они не в состоянии напрямую контролировать. Нанятые частным образом громилы возьмут Лейбера прежде, чем тот попадет в космопорт, и проделают все гораздо тише. И если Роик смог вычислить, где искать доктора, то, возможно, и умные местные ребята в этих чудных штанах тоже догадаются.

В их с м'лордом команде красноречие досталось явно не Роику. Сумеет ли он убедить Лейбера, что поехать с ним в консульство безопасно, даже если м'лорд в этом не преуспел? «Что ж. Придется попробовать».

Он посмотрел наверх:

— А это еще что?

Мигающий голубой свет бликовал на бетонной стене. Его источник находился где-то перед зданием.

— Здесь синими мигалками пользуются спасательные службы и скорая помощь, — беспокойно прокомментировал Йоханнес.

— Облети здание и сядь возле входа.

Перед входом стоял фургон без всяких надписей. Двое медиков Скорой Помощи в голубых хирургических костюмах вытащили оттуда гравиплатформу и поспешили сквозь автоматические стеклянные двери в вестибюль. Ребята

были довольно крупные: один высоченный, а у второго, похоже, в семейном древе затесались борцы сумо. По обеим линиям. Разве обычно напарниками в Скорой Помощи ставят не мужчину и женщину? Возможно, правда, не всегда. Когда дежурство круглосуточное, комбинации выпадают самые разнообразные; это Роик лично выяснил на опыте своей борьбы с расписанием дежурств по особняку Форкосиганов и двум другим резиденциям милорда.

— Жди здесь. — Роик вылез и подошел осмотреть стоящий рядом чужой фургон. Задняя дверь была глухой, без окошек, зато ее оставили незапертой. Какая беспечность со стороны медтехников, если внутри наркотические средства или дорогое оборудование. Роик тихонько приоткрыл дверь, сунул голову внутрь и тут же поднес к губам наручный комм.

— Любопытно, Йоханнес. Внутри ничего нет. Это не фургон скорой помощи, а обычная машина.

— Ого!

— Я сейчас зайду внутрь и перехвачу этих парней на выходе. А ты прикрывай мне спину отсюда. — Роик по-прежнему не до конца понимал, что происходит, но кое-какие поспешные

догадки у него уже сложились.

Когда он вошел в вестибюль, молодая женщина за стойкой администратора обеспокоенно вглядывалась куда-то вглубь главного холла.

— Что происходит? — спросил Роик.

— Очевидно, одному из наших гостей стало плохо. Почему он не позвонил нам на ресепшен? Мы бы ему помогли…

— Он инопланетник? Как думаете, он не мог принести с собою какую-нибудь заразную болезнь? — уточнил Роик.

— Нет-нет! Я так поняла, с ним случилось что-то вроде внезапного приступа. Ему повезло, что он успел дотянуться до наручного комма. — Служащая попыталась успокоиться. — Надо будет пойти запереть за ними дверь, чтобы вещи джентльмена никто не тронул. — Она покосилась на Роика. — Вы хотели зарегистрироваться, сэр? Сейчас на дежурстве только я одна…

— Не спешите. Сперва то, что важнее, — отмахнулся Роик, и девушка поспешила через холл к гравиплатформе, выезжающей из коридора со своим грузом. Высокий медтехник прикрепил капельницу к стойке и наклонился, проверяя пациента.

Издалека Роик разглядел, что мужчина при-

крыт простыней и крепко пристегнут ремнями, а кислородная маска на лице заглушает его стоны. Платформа поплыла через холл, по бокам ее сопровождали два медика. Роик шагнул к ней, всем своим видом излучая любопытство и озабоченность.

Доктор Лейбер моргал затуманенными глазами и стонал из-под пластиковой маски.

— Что случилось? — на ходу поинтересовался Роик, направляясь вместе с ними к выходным дверям. — Это что-то опасное? Вам помощь не нужна?

— Спасибо, нет, — заверил его высокий медик. — Все под контролем.

— У него сердечный приступ?

— Мы пока не знаем, — ответил тот. — Ему просто стало плохо.

— Что, наркотики?! Тут такое дурное место? Я только приземлился. — Теперь нездешний вид и выговор Роика работал на него. — Хотел заселиться сюда, чтобы отоспаться после прыжковой задержки, но теперь уж не знаю…

Широкоплечий медтехник раздраженно нахмурился.

— Нет, все в порядке. Идите заселяйтесь. — Они с товарищем вдвоем распахнули задние двери

фургона настежь и затолкали платформу внутрь, а потом влезли в кузов, чтобы ее зафиксировать.

Роик сунул голову вслед за ними. В кузове не было окон.

— А вы уверены?

— Да, все безопасно! — сердито огрызнулся тот, что повыше.

— Хорошо, — согласился Роик и, выхватив парализатор, срезал лучом обоих.

Так ему не пришлось ни таскать тяжести, ни драться. Драки Роик терпеть не мог. Если ты большой парень, то совсем не обязательно, что тебе нравится, когда тебе делают больно.

Прямо за его плечом — уже не из комма — раздался запыхавшийся голос Йоханнеса:

— Черт, что тут у тебя?

Конечно, Роик приказал лейтенанту прикрывать ему спину, но не так вплотную! Впрочем, любопытство Йоханнеса вполне понятно. Тот с изумлением вглядывался в полумрак фургона.

Роик убрал парализатор в наплечную кобуру.

— Мы только что спасли доктора Лейбера. Хотя я не уверен, что он расценит все именно так.

Он залез в кузов и проверил состояние обеих своих жертв. Луч парализатора отнюдь не полностью безвреден; у людей со скрытыми за-

болеваниями он может спровоцировать массу различных проблем. К счастью, эти двое оказались полностью здоровы. Обеспечив хорошее поведение своих пленников выстрелом на минимальной мощности в основание шеи, Роик аккуратно уложил оба тела рядом. Потом повернулся к Лейберу.

Зато, в конце концов, ему не пришлось монотонно твердить Лейберу ободряющую мантру «Мы вас спасли, будьте нам благодарны, я везу вас в убежище», во что он и сам не особо верил: тот уже был без сознания. Роик только искренне понадеялся, что ему вкололи оглушающий наркотик, а не смертельный яд. Даже если Лейбера собирались тайно и кроваво прикончить, на месте его врагов Роик оставил бы жертву в живых, пока не допросил бы под фаст-пентой. Вообще-то он и сам хотел допросить его под фаст-пентой. Хотя решение остается за м'лордом. Лейбер продолжал ровно дышать, и цвет его кожи опасений не вызывал. Так что пока все хорошо.

— Следуй за мной до криоцентра Сюзи, — проинструктировал Роик Йоханнеса. Там не только условия подходящие, но прямо сейчас находится доктор Дюрона. Секунду подумав, он поправился: — Хотя нет, лучше ты сам лети к Сюзи, а я за

тобой.

Роик запер грузовые двери фургона, погасил мигалку и вслед за Йоханнесом поднял машину со стоянки. Интересно, не заразился ли он от м'лорда его подходом к жизни — точнее, к Аудиторскому расследованию? Никогда прежде Роик не нарушал правила так бесцеремонно. Трудно сказать, откуда у м'лорда такая манера: потому, что тот искренне предан долгу, привык к безмерным форским привилегиям или просто спятил. Роик знал только одно: непонятно с чего у него вдруг возникло желание весело насвистывать.

Вместо этого он поднес к губам наручный комм, вызывал м'лорда и коротко доложил о результатах выполнения утреннего задания (если лаконичный приказ м'лорда «Роик, достань мне этого идиота» можно вообще назвать заданием).

Зато потом, сидя в одиночестве в водительской кабине, он насвистывал всю дорогу.

* * *

В воображении Джина вспыхивала одна возможность за другой, пока он, сидя за столом на консульской кухне, в очередной раз пересчитывал деньги. Их Роик торжественно вручил им с Миной сегодня за завтраком. Свои Мина уже спря-

тала в рюкзачок и теперь с интересом наблюдала, как Джин перетасовывает стопку банкнот: пять тысяч новойен, столько у него ни разу в жизни не было. Даже в старые добрые времена, еще до смерти папы, ему на день рождения дарили не больше пяти сотен.

— А что ты с ними сделаешь? — поинтересовалась Мина.

— Пока не знаю. Можно купить хорошего корма для моих животных на много месяцев. Или завести кого-нибудь нового. Я всегда хотел рыбок, но тетя Лорна ни за что бы мне не позволила, а у Сюзи тоже завести было нельзя. Их же не возьмешь с собой, если придется жить на улице.

Мина наморщила лоб.

— Думаешь, мы здесь будем жить так долго?

Джин колебался:

— Я не знаю.

— А как ты думаешь, мне хватит на пони?

— А где ты станешь его держать? Для пони нужно, ну, много терраформированной земли, по-моему, так. Сад за домом не настолько большой.

— У тети Лорны дворик был точно небольшой, — согласилась Мина. — У консула тут хотя бы трава растет.

Джин попытался представить себе эту картину.

Пятачок газона за консульством по размерам едва превышал гостиную. Есть где побегать курам, но вряд ли подойдет для кого-нибудь покрупней.

— Знаешь, — подбодрил он, — у тебя уже есть Леди Мурасаки. У пони четыре ноги, а у нее целых восемь, так что она вдвое лучше, верно?

Мина окинула его взглядом холодного презрения.

— Посмотрю я, как ты наденешь на паука седло, уздечку и все эти штуки.

Джин попробовал представить себе упряжь для паука — может, из скрученных ниток? И какое насекомое согласится прокатиться на пауке-волке? Вот только как сделать, чтобы паук его не съел? Скачки стали бы гораздо более захватывающим спортом, если бы пони были хищниками, как пауки. Нельзя ли в консульстве позаимствовать катушку ниток?..

Но прежде, чем он успел обдумать свою мысль до конца, на кухню, надевая пиджаки, вошли консул Форлынкин и Майлз-сан.

— Форлынкин отвезет меня к Сюзи-сан, мне нужно там кое-что посмотреть, — сообщил Майлз-сан. Вчера они с Роиком надолго там задержались и вернулись мрачные и задумчивые. А Ворон-сенсей вообще не вернулся. — Здесь

останется Юичи Мэтсон, так что вы будете не одни. Но если по делам консульства придет кто-то незнакомый, вы не должны будете выходить в передние комнаты и вестибюль. Наверху или в саду за домом можно, только не очень шумите.

— Я сразу вернусь, — пообещал Форлынкин.

Мина посмотрела на него.

— Вы думаете, что найдете маму?

— Надеюсь, что вскоре у нас появятся хорошие новости, — ответил Майлз-сан.

Джин не знал, как ему понимать этот успокаивающий тон. Взрослый снова лжет им? По кислой физиономии Мины стало ясно, что она на эти заверения тоже не купилась.

Она вдруг спросила:

— Лорд Форкосиган! А если бы у вас были дети, вы бы подарили им пони, да? А не пауков?

Майлз-сан был ошарашен.

— Есть и да. В смысле у меня есть дети, и да, я им их дарил пони, не пауков. Хотя если они захотят паука, они его получат. Бог свидетель, масляные жуки у нас уже есть. С монограммой. Я вам показывал мои снимки?

И тут, к удивлению и растущему смятению Джина, он вытащил из кармана голокуб и продемонстрировал. На снимках оказалась темноволо-

сая, обычного роста женщина — про ее рост Джин понял, потому что на некоторых снимках они с Майлзом-сан были вместе, и он едва доставал макушкой ей до плеча — и дети всех возрастов, в которых Джин сначала запутался. Он разобрался, только когда увидел групповой портрет: темноволосый мальчик и рыженькая девочка немного помладше Мины, младенец на руках у красивой женщины, и карапуз в центре снимка. *Четверо* детей. Хоть бы Мине хватило ума изобразить интерес, а не разочарование. Джин до сих пор не знал точно, кто такой Майлз-сан, но, похоже, он очень важный человек. Даже консул делает все, что он скажет.

— Вот Хелен со своим пони в Форкосиган-Сюрло — это наш дом за городом, на озере — а вот Саша гладит своего. Ксандер. То есть Алекс.

Неужели Майлз-сан такой невнимательный папа, что не может запомнить, как зовут его сына? Ведь мальчик у него только один. Не надо перебирать всех, пока не доберешься то того, кто его рассердил, как порой получалось у дяди Хикару с ним, Кеном и Тетсу. А вот пони действительно славные, вынужден был признать Джин: один светло-серый, другой — блестящий темно-коричневый, с черными носочками, хво-

стом и гривой и белой звездочкой на лбу. У них были влажные, темные, дружелюбные глаза, и они терпеливо сносили все, что с ними делали дети. Мина таращилась на снимки, открыв рот в неприкрытой зависти. Да и еще раз да — большой дом за городом, где есть много животных. Позади на снимках Джин видел кошек, собак, птиц, и кто знает, что еще за животные водятся в лесу на этих холмах? Рыбы в настоящем озере, а не просто в маленьком аквариуме, и, может, еще всякие ползающие местные диковины, живущие в ручьях… Больше, чем Джин когда-либо смел себе вообразить.

И все это принадлежит другим детям. Детям, у которых живы мама с папой. Как у детей дяди Хикару. Те, у кого есть родители, получают подарки. А те, у кого родителей нет — не получают, вот и весь урок. Он посмотрел на детей на снимке, на Майлза-сан, такого откровенно довольного и гордого, и понял, что Мина вот-вот расплачется. У него самого горло перехватило от зависти и нелепой злости. Ведь Майлз-сан не прятал специально свою семью от Джина, только чтобы сделать так больно сейчас?

— Отказаться их учить верховой езде я не посмел, — продолжил рассказывать Майлз-сан. —

Призрак моего дела проклял бы меня за это… хотя старый черт и так это делает. Форы сложились как военная каста в Период Изоляции. Своего рода рыцари — или бандиты, смотря с какой стороны посмотреть. Но в любом случае — кавалеристы. Это традиция. — Он подчеркнул последнее слово особым образом, словно оно было странным на вкус. — В наши дни — совершенно бесполезный навык, но мы все равно его храним.

— Нам пора идти, — позвал Форлынкин, и Майлз-сан отозвался: — Да, — бережно убирая голокуб в карман, как очень дорогую для него вещь. И они ушли через сад к большому гаражу.

Джин с Миной переглянулись.

— Ну… — протянула Мина наконец. — А про пони я была права. — Она быстро поморгала и потерла покрасневшие глаза.

Джин мрачно воззрился на свою маленькую стопку денег, которая только несколько минут назад казалась ему огромной кучей возможностей.

— Ну вот, ничего хорошего, — сказала Мина. — Нет и не было. Может, нам лучше просто вернуться к тете Лорне и дяде Хикару.

«И прекратить бороться?»

— Ты-то можешь вернуться, — горько посетовал Джин. — А я — нет. Эй, погоди, тебе тоже

нельзя — ты все разболтаешь!

Мина негодующе фыркнула, вскочила и пошла к дверям. На самом выходе из кухни она обернулась и припечатала:

— А у двух пони целых восемь ног, вот так!

С таким заявлением не поспоришь, подумал Джин.

Пока Джин теребил свою пачку денег, размышляя, можно ли ему самому взять что-нибудь поесть, в кухню зашел консульский клерк, чтобы налить себе чашку зеленого чая. Прислонившись к разделочному столу, он внимательно посмотрел на Джина, и тот поежился под его холодным взглядом.

— Вы ведь дети Лизы Сато? Активистки движения за криоправа?

— Э… да? — Джин не знал, насколько все нужно держать в тайне, но Мэтсон-сан и так уже был в курсе.

Мэтсон-сан отпил чая и нахмурился.

— Вообще-то никто мне никто ничего не говорил. Но, гм… хочешь, я вызову полицию для тебя и твоей сестры, пока барраярцы не вернулись? Я могу.

Джин взлетел на ноги, чуть не опрокинув стул, и в ужасе завопил: — Нет!!!

Мэтсон-сан дернулся, расплескал горячий чай, выругался, и, поставив чашку, потер ошпаренную руку о штанину.

— Это полиция *забрала* маму! — попытался объяснить Джин.

— Тогда, может, позвонить вашим родственникам?

— Нет! Это еще хуже.

— Э-э, — неуверенно протянул Мэтсон-сан. — Так значит, вас с сестрой не, гм… вас здесь не в плену держат?

— Конечно, нет! Майлз-сан нам помогает. — Джин вспомнил все, что случилось за последние дни, и поправился: — Пытается нам помочь. — Прозвучало совсем неубедительно и неблагодарно, тогда Джин добавил: — Больше нам помочь никто даже не пытался. — Теперь получилась чистая правда.

Мэтсон-сан почесал в затылке и скривился: — А-а. — Он снова взял свою чашку. — Что ж, если передумаешь, просто скажи мне, ладно? — Джин покосился на него сердито и перепугано, и Мэтсон-сан успокаивающе выставил ладонь: — Я тоже просто пытаюсь вам помочь.

Джину хотелось крикнуть «Не нужна мне такая помощь!», но с взрослыми так грубо разговари-

вать не принято, поэтому он решительно заявил:

— Ладно. Но я не передумаю.

Мэтсон-сан неловко пожал плечами и ушел обратно в свой кабинет. А Джин собрал свои деньги и сбежал прятаться наверх.

* * *

В криоцентре Сюзи находилось сейчас четыре человека, которых Майлз хотел расспросить, правда, трое из них были без сознания — спасибо Роику. Так что Майлзу пришлось начать с госпожи Сато.

Она сидела на узкой койке в изолированном боксе с прозрачными стенами и мягким светом, бледная и уставшая, но в целом — в весьма неплохой форме для человека, только что вернувшегося к жизни. Стройное тело поверх свежей больничной рубашки укутывал теплый стеганый халат, защищающий ее как от простуды, так и от любопытных глаз. Майлз подозревал, а скорее — знал по своему немалому больничному опыту, что для нормального душевного равновесия второе может быть даже важнее первого. Ако смыла с ее волос гель, и теперь они спадали с плеч шелковистой волной.

Майлз вошел в бокс. Интересно, как она его вос-

принимает: как угрозу или просто как странного человечка? По ее мрачному взгляду не скажешь. Он откашлялся и поправил маску.

— Добрый день, госпожа Сато. Меня зовут Майлз Форкосиган. — Он успокаивающе улыбнулся и тут же сообразил, что она не видит его губ. — Извините за маску. Но доктор Дюрона обещает, что скоро ваша иммунная система восстановится. Тогда в стерильной среде больше не будет необходимости, и вы сможете отсюда выйти.

— Вы врач? — Голос был хриплый, но отчетливый.

— Нет. Ваше оживление проводил доктор Ворон Дюрона, эскобарский специалист. Он работает на меня, — сообразил добавить Майлз. Объяснять ей детально, кто такой он сам, слишком долго и сложно.

— Я его уже видела. — Она сглотнула: отчасти от волнения, отчасти потому, что привыкала заново контролировать свое тело. — Где я? Мне сказали, что я в Норбридже. — Судя по голосу, она сомневается и не верит. Похоже, сейчас она вообще ничему не верит.

Майлз огляделся. Сквозь стеклянную стену бокса была видна только темная и пустая послеоперационная палата. Без окон, так что даже

стену соседнего здания отсюда не увидеть.

— Вы в Норбридже, все верно. Это здание старого списанного криоцентра в южной части города, а теперь его заняли некие сообразительные незаконные поселенцы.

— Кто-то говорил, что у вас мои дети… — Горло у нее перехватило так, что последние слова она произнесла почти беззвучно.

Майлз пожалел, что не привел детей с собою, хотя при одном воспоминании о случившейся ошибке его до сих пор бросало в дрожь.

— Да, Джин и Мина сейчас в безопасности в барраярском консульстве. — Похоже, она не знает, как ей это понимать: успокоиться или испугаться. Майлз прибавил: — Джин взял с собою всех своих животных, включая сокола Вихря и вашу старую кошку, так что он доволен. Мина держится вместе с братом. — Майлз надеялся, что упоминание о знакомом Лизе Сато передвижном зоопарке убедит ее, что он говорит правду.

— В барраярском консульстве! Но почему? — Она снова сглотнула. — Кто вы такой и что здесь делаете? — Она не спросила «что здесь делаю я?», хотя это явно подразумевалось.

— Что вы помните?

Она плотно сжала губы.

Майлз предпринял еще одну попытку.

— Последнее, что помнят Джин с Миной — как вас арестовала муниципальная полиция Норбриджа восемнадцать месяцев назад. Два дня назад я со своими людьми обнаружил переносную криокамеру с вашим замороженным телом в подвале дома доктора Сейширо Лейбера. Сейчас я пытаюсь заполнить это белое пятно длиною в полтора года. Полагаю, в наших общих интересах.

Его слова оказались для нее настоящим шоком: во взгляде, обращенном на Майлза, читались теперь не страх и гнев, который он вроде как не заслужил, но полнейшее смятение.

— Что?!

Майлз вздохнул и присел на табурет в ногах ее кровати. Аудитор нужен, чтобы слушать, а не рассказывать — одна из шуточек Грегора, да? — но эта женщина заслужила ясности. Кроме того, скорее всего Лиза Сато знает про Барраяр так мало, что даже не найдет его на карте П-В туннелей.

— Лучше я начну с самого начала. Я инопланетник. Моя официальная должность — Имперский Аудитор, что означает в Барраярской Империи государственного следователя высокого ранга. Несомненно, вы спрашиваете себя, что я делаю на Кибо-Дайни. — Вопрос, на который Майлз

порой сам не знал ответа. — Изначально меня отправили сюда проверить одну дурно пахнущую ситуацию с крупной франшизой, которую компания «Белая Хризантема» собирается открыть на Комарре — это вторая планета нашей империи. — Так коротко, как мог, он пояснил суть мошенничества с планетарными акциями, не забыв упомянуть и о том, что ему успешно вручили взятку.

В первый раз за весь разговор Лиза Сато самую малость повеселела.

— Да, нанести им удар в самое сердце — то есть в бумажник, — удовлетворенно пробормотала она. — Хотя «Белая Хризантема» — еще не худшая из корпораций.

— Запомните эту мысль, мы к ней еще вернемся. А теперь мне надо объяснить, как я познакомился с вашим сыном Джином и обнаружил это место…

Здесь Майлзу пришлось вернуться к рассказу о своем посещении криоконференции и нападении Н.О.Н.Н.

— Вот ведь кровожадные идиоты! — Что приятно, теперь презрение в голосе Лизы Сато предназначалось не Майлзу.

— В их защиту можно сказать, что на сей раз

у них обошлось без жертв. Хотя, надо признать, совсем не оттого, что плохо старались. И все же я им в некотором роде обязан: они придали моему расследованию направление, в котором я сам бы не двинулся. Хотя сама схема комаррского мошенничества в этом деле неизбежно всплыла бы. В любом случае, я от них сбежал и потерялся в Криокатакомбах…

Дальше она слушала как зачарованная. Майлз догадался поцветистее расписать ту часть истории, где появляется Джин, и госпожа Сато быстро втянулась в повествование. Схему действий Сюзи она поняла гораздо оперативнее, чем в свое время Майлз, когда столкнулся с ней в первый раз.

— Но как Джин попал сюда? — растерянно переспросила она. — Я оставила детей на мою сестру Лорну. Я предполагала, что ухожу на одну ночь, может, на день-другой, пока не свяжусь с адвокатом, но… восемнадцать месяцев?!

— Вы помните, как вас заморозили? Кто это сделал?

Она свела брови, силясь вспомнить.

— Я находилась в муниципальном полицейском участке, там было что-то вроде камеры предварительного заключения, скорее просто комната. Вошел мужчина. Я подумала, что он,

наверное, пришел от моего адвоката. У него был пневмошприц, и… — Она покачала головой, поморщилась. Головная боль после криооживления, конечно же. У самого Майлза голова тогда болела невыразимо.

Ввели ли ей оглушающий наркотик или гипнотик, разницы большой нет. Майлз подозревал, что даже по прошествии срока, за который окончательно проходит криоамнезия, — симптомы которой, кстати, у Лизы Сато почти не отмечались — дальнейшего она не вспомнит.

— После того, как вас незаконно — а вернее, суперзаконно — заморозили, ваши сестра и деверь, как и следовало ожидать, взяли на себя заботу о племянниках. Через некоторое время Джин от них убежал — подозреваю, когда начались конфликты из-за содержания его зверей в переполненном доме. Мина осталась. Она уже пошла во второй класс, когда из-за моих действий — все получилось непреднамеренно — Джина заставили вернуться к тете. Тогда они сбежали уже вместе. И пришли ко мне. — Она с удивлением посмотрела на Майлза, недоумевая, причем тут он, и ему пришлось добавить: — Когда вы увидитесь с Джином, он сам вам все подробно расскажет.

Майлз понадеялся, что отношение Джина к

барраярцам стало достаточно лояльно, чтобы мальчик заверил маму в добрых намерениях лорда Аудитора. Увы, насколько хороший из того актер, он пока не проверял.

— Но довольно про меня — «Поговорим про вас». Слава богу, все попытки Майлза познакомиться с женщинами в баре остались далеко в прошлом (хотя даже тогда это в основном случалось по долгу службы), но ощущение, как тебя отшивают, он помнил весьма отчетливо. Ему нужно убедить Лизу Сато доверять ему, причем быстро.

— Какие у вас отношения с Сейширо Лейбером? Как вы познакомились?

За время затянувшейся паузы он успел испугаться, что Лиза снова закроется и замолчит, но она одарила его очередным холодным взглядом и ответила:

— Сейширо пришел к нам — к нашему совету по политической деятельности — с тайной, которую обнаружил по роду своей работы.

— Сколько раз он бывал у вас?

— Два или три.

— Кому он еще об этом рассказал? Он встречался сразу со всем вашим советом?

— Сначала мы разговаривали с ним втроем: я,

Джордж и Эйко. Потом была еще одна встреча, на которой мы вместе планировали митинг: я, Джордж Суваби, Сейширо, Ли Кан, Руми Хосла и Эйко Теннoджи.

Все имена были хорошо знакомы Майлзу по его изысканиям.

— Позвольте мне угадать. Вы решили публично предать его тайну огласке на том самом митинге, с которым потом все так скверно обернулось.

Раньше она смотрела куда-то вниз, но тут подняла глаза на Майлза, сощурилась, окинула его острым, как нож, взглядом:

— Проблемы на митинге создали не наши люди! Громилы из Н.О.Н.Н. устроили рядом и в то же время собственное сборище. Тем вечером они должны были расположиться на другом краю парка. Мы не сумели нанять на вечер зал, и они тоже.

— Это действительно был Н.О.Н.Н. или, может, люди, которых специально наняли их изобразить?

— Действительно они. Я узнала пару человек из местных.

— М-м, но, возможно, их все же наняли. Чтобы натравить на вас.

Она склонила голову, обдумывая эту мысль и

отчасти соглашаясь.

— Драку прекратила полиция. Для такого небольшого инцидента там оказалось на удивление много полиции, и прибыли они очень быстро. Как будто их предупредили заранее. У кого-то была в кровь разбита голова, кто-то лежал на земле. — Казалось, воспоминания ее пугают; Майлз напомнил себе, что для нее все случилось только вчера — Это не наша форма протеста. По-моему, Н.О.Н.Н. и корпорации — две стороны одной монеты. В буквальном смысле. Одних волнуют только их деньги — других — только деньги, которых у них нет. И никому из них нет дела до человеческих жизней.

Мудрое суждение, подумал Майлз.

— Может, вернемся к доктору Лейберу? — «И его тайне». — Похоже, в этом деле он ключевая фигура, сразу в нескольких смыслах.

Она разглядывала его и, кажется, пришла к определенному решению.

— Что ж, если вы — такой чудной шпион криокорпорации, вы это и так знаете. И знаете, что я знаю. — «Так чего мне еще терять?» повисло в воздухе непроизнесенным.

— На всякий случай, я особо отметил, что доктор Лейбер вел исследования для «Нового Египта»

в области химии криорастворов.

Она осторожно кивнула.

— Сейширо обнаружил, что некий состав криораствора, который появился на рынке примерно поколение назад, через пару десятилетий разлагается на химические составляющие. И тысячи, миллионы людей, которые были им обработаны и положены в морозильники корпораций, сейчас на самом деле мертвы, и оживить их невозможно. Следовательно, их голоса недействительны, а их активы должны быть возвращены наследникам. На кону стоят, вероятно, миллиарды новойен, и это не считая огромных судебных издержек и стоимости дополнительных процедур, направленных на выяснение того, к какому периоду относится каждый из замороженных клиентов.

Майлз беззвучно присвистнул. Кусочки головоломки со скоростью света складывались в единое целое. *Перепродаваемые контракты, еще бы!* О, как ему нужен в СБшной команде с Эскобара не только бухгалтер, но еще эксперт-аналитик в области метаэкономики, причем прямо сейчас. И все оборудование по взлому банков данных, какое они смогут привезти с собою, уже настроенное на особенности местной информсети.

Он отдаст такой приказ, едва переступит порог

консульства. Но все равно ближайшие несколько дней ему придется обходиться старым добрым мозгом. Модель б/у, изрядно потрепанная в жизненных передрягах.

Вслух он лишь подвел итог:

— Несомненно, вот и причина всего.

Включая, возможно, и тот факт, что на место Сато Лейбер положил бедняжку Алису Чен. Чем она была, приманкой? Подсказкой? Или бомбой с часовым механизмом?

— Мы сочли, что именно эта тайна, а точнее — ее раскрытие, нанесет *по-настоящему* жестокий удар власти криокорпораций на Кибо, — пояснила Лиза Сато. — Даже уничтожит их господство. — Она оглядела комнатушку, посмотрела на свои руки, только недавно бывшие льдом. — И думаю, мы были правы. — Тут она нахмурилась. — Подождите… Вы хотите сказать, они умудрились все скрыть на целых полтора года? Это не тот секрет, который корпорации в состоянии хранить вечно: как только неудачных оживлений в этом поколении станет непропорционально много, люди обнаружат закономерность. Вот почему Джордж хотел, чтобы мы нанесли удар быстро, ради максимального общественного воздействия. Почему же не… ох. — Ее взгляд внезапно

помрачнел, и Майлз содрогнулся, предчувствуя, что ему предстоит дальше. — Нас было шестеро. Что стало с остальными? Почему никто из них не выступил после того, как меня забрали? Их тоже арестовали?

— Мне очень жаль приносить вам дурные вести, госпожа Сато, но все так, как вы догадываетесь. Кан, Хосла и вы в течение нескольких дней после митинга оказались заморожены на основании спорного медицинского диагноза. Джордж Суваби погиб предположительно в результате аварии флайера над озером. Госпожа Теннодзи выпала из окна своей квартиры, причем у нее в крови обнаружили большую дозу алкоголя. Не говоря уж о том, что мне очень любопытно поглядеть на того парня из вашего отдела по расследования убийств, который откроет эти два дела заново. Э-э… она сильно пила?

Госпожа Сато свела брови. Губы у нее были сейчас белее, чем тогда, когда она оттаивала от заморозки.

— В общем, да. У нее сильно болели суставы. Но о предметы она не спотыкалась. О, нет, бедный Джордж…

— И самая большая странность в этом деле — доктор Лейбер. Он как ни в чем не бывало вер-

нулся на свою работу, где и продолжал трудиться эти полтора года.

— Но это же абсолютно бессмысленно!

— Как раз об этом я и собираюсь его расспросить. Когда он очнется.

— Он тоже заморожен?

— О, нет. Сегодня утром ему досталась доза обычного снотворного, как мне доложил мой человек Роик. Ворон — доктор Дюрона — это подтверждает. Мы заперли его здесь у Сюзи, пока он не очнется. Когда Роик его спас, он собирался покинуть планету, а кто-то хотел ему в этом помешать. Пожалуй, допрос может оказаться весьма интересным.

Майлз помедлил. В конце концов, она — мать Мины и Джина. Именно от нее дети получили — унаследовали или научились — свою поразительную решимость и сообразительность. Нельзя требовать доверия, если не доверяешь сам.

— Хотите поприсутствовать?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Майлзу не терпелось приняться за Лейбера, но Роик уговорил его сначала взглянуть на остальных пленников. Благодаря снадобьям Ворона оба мирно спали на полу в пустом кабинете или, может, брошенной кладовке, выходящей в подземный гараж. Роик плодотворно провел время за изучением их бумажников, документов и фургона.

— На засекреченных агентов под прикрытием они не тянут, — констатировал он, выкладывая содержимое бумажников перед Майлзом. — Фургон зарегистрирован на «Новый Египет», надетые на них медицинские костюмы тоже выписаны со склада этой фирмы. У них с собой настоящие документы. Ханс Витта и Окия Сермак. Йоханнес пробил их по базе. Первый — старший офицер службы безопасности в криоцентре, второй служил простым охранником, пока восемнадцать месяцев назад не получил значительное повышение в деньгах и должности, став личным помощником своего шефа.

— Интересно, — пробормотал Майлз.

— Не то слово. Я бы сказал, что похищение доктора Лейбера устроено в спешке и потому при полном пренебрежении имеющимися ресурсами. Если бы его задержали на работе или где-нибудь на территории «Нового Египта», это не доставило бы им столько хлопот. И что нам с ними делать? Не могут же они дрыхнуть тут на полу бесконечно. Я хочу сказать, ребятам надо и отлить когда-нибудь. А их боссы наверняка уже поняли, что что-то пошло не так. Поймать и отпустить? Я думал оставить их прямо в этом фургоне неподалеку от гостиницы Лейбера и дать им самим проспаться.

— Хм. Вы с Йоханнесом позаботились, чтобы местоположение фургона нельзя было отследить?

— Разумеется, милорд, — сообщил Роик чопорным тоном, говорящим «Я знаю, как делать мою работу».

— Но они тебя видели.

— Боюсь, этого было не избежать. Но, скорей всего, Йоханнеса они не видели.

— Скажи, похищение похитителей — все равно похищение? — задумчиво уточнил Майлз.

— Да, — безапелляционно подтвердил Роик.

— Вряд ли «Новый Египет» выдвинет обвинение.

— Нет, они действуют по-другому.

— Спасибо что напомнил. Полагаю, можно договориться с Сюзи, чтобы их заморозили и положили здесь. Теоретически.

Роик смерил его Тем Самым Взглядом.

— Если придется совсем туго. Подобный метод решения проблем на Кибо-Дайни, кажется, имеет прецеденты.

Роик предусмотрительно промолчал.

— Что ж, — вздохнул Майлз. — Запри дверь, и пусть они себе спят. Давай дальше.

Предоставить госпоже Сато возможность присутствовать на допросе и в то же время не нарушить ее карантин оказалось вполне решаемой проблемой. Майлз устроил комнату для допроса в соседнем стеклянном боксе и временно отдал Лизе комм Ворона, чтобы она слышала, что там происходит. Допросная была ярко освещена, а в ее боксе свет выключили и закрыли большую часть стекла занавеской. Получилось что-то вроде эффекта стекла с односторонней прозрачностью, что хорошо ее скроет, если она будет сидеть тихо и не шевелиться.

Она поняла, хотя и не до конца одобрила, план Майлза разделить допрос на две части. Сперва Лейбер не будет знать о ее присутствии. «И по-

смотрим, насколько будет отличаться история, которую он расскажет, глядя ей в глаза». Правда, неясно, когда именно эффективнее всего будет напустить ее на Лейбера. Ничего, по ходу выяснится.

Когда Ворон с Роиком привели Лейбера в бокс, тот был все еще одурманен. Его усадили на стул. Роик устроился подпирать стену возле двери. Кровати в боксе не было, так что они смогли разместиться там вчетвером, но любой страдающий клаустрофобией в таком помещении почувствовал бы себя неуютно. На взгляд Майлза, в данной ситуации — скорее преимущество, чем недостаток.

— Снова вы! — воскликнул Лейбер, уставившись на Майлза.

Ворон с благодушным видом склонился к нему и прижал к его предплечью пневмошприц. Лейбер дернулся.

— Фаст-пента? — рявкнул он зло и беспомощно.

— Синергин, — успокоил его Роик. — Ваша головная боль мгновенно пройдет.

Лейбер с хмурым видом потер руку, потом недоверчиво прижал ладонь ко лбу, удивленно заморгал и, секунду спустя, поверил.

«Когда же ты успел познакомиться с фаст-пентой, раз можешь отличить?» Майлз добавил этот вопрос в свой длинный список. Он указал Ворону на стул у стены, а себе взял себе другой, поставив его не слишком вплотную к допрашиваемому, чтобы над ним не нависать. Хотя нависать в буквальном смысле он смог бы, разве что встав на сиденье, что, несомненно, смазало бы весь эффект. Такую задачу лучше передоверить Роику.

— Итак, доктор Лейбер. Мы могли сэкономить время, если бы наша беседа состоялась позавчера, но скорее всего ваша гостиная прослушивается так же, как и ваш комм-пульт. Так что, может, сейчас даже лучше. Здесь, смею вас заверить, нет никого, кроме нас. — Майлз оскалился в улыбке. «Имперский Аудитор: угроза или опасность? Решай сам».

Губы Лейбера сложились в беззвучном «Мой комм!»

— Черт, я думал, что обо всем позаботился. Вы по нему меня и выследили?

— Скорее всего, так вас выследили двое джентльменов, переодетые санитарами. А присутствующий здесь оруженосец Роик… — Майлз развел ладони, Роик дружелюбно кивнул, — … прошу прощения, что не успел вас должным

образом представить друг другу раньше; так вот, Роик выследил их. И вытащил вас из их лап. Кстати, вы их узнали?

— Ханса и Оки? Еще бы. Карманные громилы Большой Четверки.

— Ваши весьма высокооплачиваемые сослуживцы?

— О, да — Лейбер кисло улыбнулся. — С хорошими гарантиями, что эту работу они не потеряют.

— Такими же хорошими, как ваши собственные?

— Не точно такими же, насколько я знаю. В сравнении со мной им повезло. — Лейбер прищурился. — Но как вы меня у них забрали?

— С помощью парализатора, — ответил Роик.

— Это же незаконно!

— Вообще-то, законно. У меня есть местное разрешение на ношение парализатора. Я же телохранитель.

«Телохранитель правительственного чиновника высшего ранга». Примерно в такой формулировке Форлынкин описал должность оруженосца, подавая в префектуру заявку на лицензию, разрешающую носить оружие. Что ж, за время их с милордом прошлых путешествий Роика еще и не так называли.

— Да кто вы вообще, такие, черт возьми? — Лейбер негодующе выпрямился; Роик слегка напрягся. — Вы украли у меня Лизу?

— Ее криокамера в безопасности. — Чистая правда. Криокамеру пока спрятали в одну из комнат дальше по коридору.

— Ненадолго, если «Новый Египет» за мною охотится!

— Вы сейчас тоже в безопасности. Мы скрываемся на территории старого заброшенного криоцентра в южной части города, если вам интересно знать. С глаз долой — из сердца вон.

— Не обязательно, — пробормотал Лейбер, затихая.

— Как насчет такой схемы? — предложил Майлз. — Я рассказываю вам, что знаю, а вы добавляете то, что я пропустил.

— И почему я должен это делать?

— К этому вопросу мы еще вернемся. Для начала, я действительно барраярец и на самом деле приехал на криоконференцию.

— Вы не доктор. И не ученый, — нахмурился Лейбер. — Потенциальный клиент?

«Ни за что, насколько это от меня зависит».

— Нет. Я — Имперский Аудитор. Высокопоставленный следователь на службе у моего

правительства. Одна из поставленных передо мною задач — изучить социальные и юридические проблемы, к которым ведет повсеместное распространение крионики на Кибо-Дайни. Мне неизбежно придется консультировать тех, кто будет пересматривать архаичный барраярский свод законов, чтобы по возможности избежать ваших ошибок.

Допустим, конкретно так ему задачу никто не ставил, но рано или поздно Грегору придется об этом задуматься. Майлз вздрогнул при одной только мысли о паре-другой лет выкручивания рук в подкомитетах Совета Графов и министерств. Он лишь совсем недавно отмучился с таким же комитетом по вопросам галактических технологий репродукции и клонирования. Каждый вечер Майлз возвращался с работы домой — это плюс, зато домой вместе с собою приносил и работу — это минус…

— Вот уж действительно наказание за хорошо выполненное задание. Но мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что единственные проблемы, серьезно затронутые на этой конференции — чисто технические. — Ворон согласно кивнул. — Все остальное можно было отнести к попыткам криокорпораций всучить свой товар.

Тогда я начал самостоятельно поглядывать по сторонам.

— И искать проблемы? Что ж, вы нашли мои.

— О да, они весьма поучительны.

Лейбер с оскорбленным видом нахохлился.

— Вот что к настоящему моменту я обнаружил. Во-первых, принятый на Кибо обычай передавать голоса замороженных по доверенности, изначально построенный на том, что люди станут выходить из криостаза быстро и в большом количестве, обернулся демографической западней. Кстати, это тема для дальнейших размышлений. Во-вторых, некая марка криораствора полувековой давности не выдерживает более тридцати лет, и поэтому «Новый Египет» и, вероятно, остальные корпорации сидят на финансовой бомбе с часовым механизмом из трупов, непригодных к оживлению. Рано или поздно кому-то придется за это расплачиваться. Вот «Новый Египет» и старается изо всех сил подстраховаться, чтобы этим «кем-то» не стали они сами.

Лейбер оцепенел:

— Как?!..

Разумеется, вскоре Лейбер узнает, откуда у Майлза эта информация. Но торопить события не стоит.

— Я знаю, что именно вы это обнаружили, а потом обратились к политической группе Лизы Сато за помощью, и что затем на их митинге произошли беспорядки, и в результате троих из этой группы заморозили, а двоих — убили. Это вы заманили их в ловушку по распоряжению «Нового Египта»?

— Нет! — возмущенно выкрикнул Лейбер, но сразу сник и добавил: — Не намеренно.

— Предали их за деньги?

— Нет! Взятку мне всучили потом, просто затем, чтобы создать видимость.

Майлз еще и не начинал искать свидетельства какой-либо взятки. «Ага, ты отдаешь себя прямо мне в руки, доктор. Ты знаешь, чего хочешь».

— Тогда что же произошло? По вашей версии.

Лейбер стиснул руки и уставился на свои ботинки. Он не поднимал глаза так долго, что Майлз уже стал прикидывать, как допросить его под фаст-пентой, и неважно, согласен тот будет или нет, но наконец Лейбер заговорил.

— Все началось года два назад. Мне дали на анализ проблему необычного количества сбоев при оживлении, которые давали замороженные этого периода. Когда остался единственный верный ответ — распад криораствора, то я пошел к

своему шефу и доложил. Я предполагал, что они сразу же предпримут какие-то меры, но шла одна неделя за другой, а ничего не происходило.

— Кто ваш начальник? Кому именно вы доложили о проблеме с криораствором?

— Большой Четверке. Мой начальник — шеф департамента развития Роджер Напак. А еще туда входят глава операционного управления Ран Чои, финансовый директор Аниш Акабане, и президент «Нового Египта» Ширу Ким. Они тут же запретили все разговоры и положили информацию под сукно. Мне они пообещали, что вот-вот решат эту проблему. Я начал понимать, что под словом «проблема» мы с ними имели в виду разное, когда Акабане огласил свою идею о перепродаже контрактов. Дефект криоподготовки их не волновал, они заботились только о финансовых обязательствах компании! Я пожаловался Роджу, а он заявил мне, чтобы я держал язык за зубами или буду уволен. Я ответил, что если уж меня уволят, у меня не будет никаких причин молчать. Тогда он притих, а потом обещал мне что-нибудь сделать. Но к этому времени я уже не верил им ни на грош.

— За Лизой Сато я следил в новостях уже год или два. Мне она казалось одной из немногих

людей на Кибо, способных отстаивать не только денежную выгоду. Я имею в виду, есть ведь и вопросы морали, вы меня понимаете?

А вот очернители Лизы во главу всего ставили деньги, если судить по тем фрагментам, что видел Майлз. Корпорации утверждали, что ее истинная цель — учредить конкурирующую с ними государственную компанию для бедноты, за что придется платить всем остальным. Без какой-либо логики они заявляли, что такой план погубит их бизнес, но поскольку бедных клиентов они не принимали вообще, Майлз не видел, какая тут связь. Н.О.Н.Н. же просто хотел предать огню всех «граждан с альтернативным метаболизмом», богатых и бедных заодно. Однако они явно предпочитали начинать с богачей, что сыграло бы на руку в высвобождении их гипотетического наследства.

— Так что я сам явился к Лизе Сато, — продолжал Лейбер. — Даже не стал договариваться о встрече по комму, просто однажды вечером постучался к ней в дверь. И она действительно оправдала все мои надежды! Тогда я пришел к ней еще раз и принес копии всех моих данных. Я передал их ей и бедному Джорджу Суваби, и у них возникла идея обнародовать их в выступлении

на митинге. Одним решительным рывком, чтобы корпорации не смогли им помешать. Я думал, что все улажено. — Прошла пара дней, я пришел на работу, и тут Родж вызвал меня к себе в кабинет, и мне внезапно вкатили дозу фаст-пенты. Они вытянули из меня все. — Он помедлил. — Почти все. Про будущий митинг — все до последнего слова. И тогда они унеслись спешно что-то предпринимать. Наверное, тогда в деле впервые и появились Ханс с Оки: кто-то должен был взять на себя всю беготню, подстраивая беспорядки. По-моему, у Оки какой-то родственник в Н.О.Н.Н, так Большая Четверка на них и вышла.

— Кто присутствовал на допросе?

— Они все. Большая Четверка.

— Насколько это законно? Я имею в виду, применять фаст-пенту к сотрудникам.

— В некотором роде да. Кажется. То есть, ну, ее разрешено использовать, если служащего заподозрили в краже или каком-то преступлении на территории компании. Когда тебя принимают на работу, ты сразу должен подписать расписку.

— Понятно.

— Есть определенные правила, как проводить процедуру, чтобы потом показания принял суд. Но в моем случае их эти мелочи не волновали.

Потому что последнее, что им было нужно — доводить дело до суда. А меня после всего заперли в комнате предварительного задержания.

— Тоже вроде как законное действие?

— Им разрешено задерживать подозреваемых до прибытия полиции. Но, конечно, никакой полиции я не дождался. Меня выпустили через двое суток, когда для Лизы и ее людей все уже было кончено. — Он прикусил губу, стиснул руки. — Я был беспомощен. Правда, не настолько, как себе вообразила Большая Четверка, и только благодаря Лизе.

— То есть?

— Когда я принес ей с Джорджем свои данные, она посоветовала мне сделать копию и поместить в тайное место — к юристу, в банковский сейф, неважно куда — с условием, что если я умру, окажусь заморожен или пропаду без вести, то информация немедленно будет разослана сразу по нескольким адресам: в суд, во все Департаменты юстиции префектуры, в новостные агентства, в сеть. Я так и поступил.

— И это дало вам защиту от вашего начальства?

— Нет, местонахождение копии они вытрясли из меня мигом. Но Лиза и Джордж тоже припрята-

ли по копии с таким же условием относительно меня, а когда «Новый Египет» это выяснил, они оба уже оказались… Лиза — заморожена, а Джордж — мертв. Большая Четверка искала две эти копии, но так и не нашла.

— Почему вы так решили?

Лейбер мрачно улыбнулся:

— Я по-прежнему хожу на своих ногах и не превратился в ледышку.

— А-а. Резонный вывод. — Майлз потеребил губу. — Значит, Суваби и Теннoджи погибли не случайно, а были убиты? А убийцы — Ханс с Оки?

— Да, они. Но не думаю, что они получили приказ убивать. Скорее всего, это был несчастный случай при попытке похищения. Но до Кана, Хослы и Лизы они добрались. — Губы Лейбера дрогнули. — Вот вам к вопросу о гарантиях занятости для Ханса с Оки. После всего оба получили премии и повышение, несмотря на то, что здорово напортачили. Я, конечно, не посвящен в их закулисные соглашения. Но они не могли заложить своих боссов, не подставив под обвинение самих себя, и наоборот. И думаю, Четверке понравилась идея иметь свою собственную команду для грязных дел. На случай, если им снова понадобится

кто-то, чтобы иметь дело с людьми вроде меня.

— В общем, ситуация оказалась тупиковая, но она дала всем время остыть и подумать, даже мне. Я чувствовал себя ужасно. Особенно из-за Лизы. Получается, что в попытке помочь я разрушил дело всей ее жизни. Так что когда Большая Четверка предложила мне взятку, я ее принял. Хотя не верил им ни на йоту, но подумал, что теперь они успокоятся. — Он тяжко задумался. — Наверное, Роджа они подкупили намного раньше.

— И в какой форме выражалась эта взятка?

— Ничего, что бы мне пригодилось прямо сейчас, уж об этом они позаботились. Инвестированные биржевые опционы, растянутые на несколько лет. Я посчитал, что меня просто уволят незадолго до того, как придет время выплат, хотя… не знаю. Они позволили мне заниматься настоящим делом — и я разработал метод неинвазивного сканирования для случаев неудачной заморозки; в конце концов, никому другому они эту работу поручить не могли. Вскоре должен был поступить первый платежный опцион; на этом и основывался мой план.

— Какой план?

— Спасти Лизу. — Глаза Лейбера засияли, и он почти впервые осмелился встретиться с Майлзом

взглядом. — Именно он поддерживал меня все эти полтора года. — Он заговорил тише, голос сделался молящим. — Я должен был остаться на работе в «Новом Египте» ради доступа к ее криокамере, понимаете? Я сообразил это практически сразу. Изначально я рассчитывал накопить достаточно денег, чтобы спасти всех троих и тайно доставить на Эскобар три криокамеры, а там всех оживить. Но все оказалось много дороже, чем я предполагал. Время шло, я решил, что Четверка наконец-то перестала следить за мною так бдительно, поэтому я пересмотрел свой план и решил забрать только Лизу. Отвезти ее на Эскобар, где мы были бы в безопасности, и уже оттуда выдвинуть обвинения против «Нового Египта» и всей прогнившей системы.

— Вижу, вы много об этом думали, — нейтрально заметил Майлз и прикрыл рот ладонью, чтобы не вырвался какой-нибудь необдуманный комментарий.

Лицо Лейбера выражало сейчас почти экстаз.

— Это бы непременно сработало! Безопасность для нас обоих. Никакой необходимости возвращаться на Кибо, если мы сами того не захотим. С моими дипломами и сертификатами я нашел бы работу, и нам обоим бы хватило денег на жизнь.

Легкое, возмущенное шевеление занавески. Майлз заметил его уголком глаза и предусмотрительно не стал поворачивать голову в ту сторону.

Лейбер с любопытством смерил взглядом Ворона.

— А может, даже в Группе Дюрона или в похожем месте? — В его голосе прорезались настойчивые интонации: — Если вы все поможете мне, это еще может получиться…

Героические мечтания Лейбера оказались внезапно прерваны: госпожа Сато, отдернув занавеску, принялась колотить по стеклу и что-то кричать — увы, за двойным слоем стекла слов было не разобрать. Майлз демонстративно поднял руку с коммом и постучал по нему пальцем.

Лейбер чуть не рухнул со стула.

— Лиза?! — издал он вопль то ли ужаса, то ли радости.

Госпожа Сато явно не восприняла намека с коммом — стиснув кулаки, она стремительным движением проскочила в дверь своего бокса. Ворон вскочил, чтобы перехватить ее, но его движение лишь заставило ее торопливо нацепить маску-фильтр, прежде чем с шумом распахнуть дверь допросной. Роик предусмотрительно убрал-

ся с ее пути.

— Сейширо Лейбер, ты — кретин! — обрушилась на него госпожа Сато. Очевидно, именно это она кричала из своего бокса, догадался Майлз; догадался в первую очередь потому, что он зажимал себе рот, чтобы не произнести то же самое. — Ты что *вздумал*? Хотел *похитить* меня и увезти с планеты и *от моих детей*? Чтобы я сидела там, как в ловушке, без денег на билет до дома?

— Нет, нет! — вскричал Лейбер, торопливо вскакивая и разводя руки в мольбе. — Все не так! Так не должно было случиться!

Да, похоже, Лейбер именно так все себе и навоображал, догадался Майлз. Спасение принцессы с ним самим в роли героя, и дальнейшее «жили они долго и счастливо» если не планировалось им специально, то, по крайней мере, было желательным исходом. Разве у Белоснежки в хрустальном гробу есть право голоса? У нее и голоса-то нет.

— Лиза, я знаю, это я во всем виноват! Но я собирался все исправить, клянусь!

Наверное, под своей маской госпожа Сато просто сплюнула, не находя слов. И Майлз мог ее понять.

— Это называется исправить? — рявкнула она. — Испортить!

Ворон вмешался:

— Знаете, раздражение и стресс вредны для вашей иммунной системы. Да и для всего организма тоже.

Определенно, если ей и показаны упражнения, то более мягкие, чем ярость. Криооживленным со слабым здоровьем реально грозит опасность разрыва сосудов, смутно припомнил Майлз. Заинтересованный в том, чтобы выдавить из Лейбера побольше, он решил, что пора вмешаться.

— Что ж, с его планом покончено, — успокоил Майлз женщину. — Посмотрим, не в состоянии ли мы предложить план получше. — Он вскочил и придвинул ей стул Ворона. — Садитесь, госпожа Сато. Я был бы крайне рад вашему участию.

Запыхавшаяся госпожа Сато рухнула на стул, сердито сверкая карими глазами на Лейбера поверх края маски. Лейбер тоже осел на сиденье, словно у него ослабели колени.

Госпожа Сато потерла лоб — отчего Ворон как врач озабоченно нахмурился. Ее голос был сейчас таким же измученным, как и поза:

— Если корпорации настолько продажны и ставят себя над законом, что способны выйти сухими из воды не просто за воровство, а за *убийство*, на что нам остается надеяться на Кибо?

— На бегство? — предложил Лейбер.

Карие глаза над маской блеснули презрением.

— И бросить детей на поживу этой ненасытной утробе? — Она задохнулась. — Моих или чьих-то еще…

Майлз мягко поправил:

— Пока что даже убийство «Новый Египет» не спасло. Фактически, секретность как таковая означает, что с этой стороны они все так же уязвимы. Достаточно большая бомба-вонючка, правильно нацеленная, еще в состоянии накрыть мишень.

Госпожа Сато покачала головой. Было ли ее отчаяние следствием совершенно естественного посткриогенного утомления или более глубокого, чем у самого Майлза, знакомства с проблемами Кибо-Дайни? Пристальный взгляд, которым сверлил его Ворон, намекал скорее на первое.

— Роик, — кинул Майлз через плечо. — Я хочу, чтобы ты допросил с фаст-пентой двоих громил, что лежат у нас внизу. В первую очередь сосредоточься на убийствах, но выжми из них всю информацию, что сможешь, особенно про их боссов. Запись перешли в консульство по засекреченному комм-линку.

— А такого рода признания местные суды при-

нимают?

— Хм, надо подумать. Тот факт, что мы не имеем отношения к местным властям, может создать затруднения. Пусть Форлынкин уточнит у консульского юриста. — Интересно, как восприняла эта пока незнакомая ему адвокат недавнюю волну самых причудливых запросов от своего клиента? Что ж, пусть теперь отрабатывает свой предварительный гонорар. — Эти улики так или иначе мне пригодятся в моих собственных целях. Птица в руках и тому подобное.

— И вы все равно собираетесь их отпустить? Даже если они убийцы?

— Они похожи на жалких любителей, а не на наемных профессионалов. Причем на неумелых любителей. Хм. Все зависит от того, что мы узнаем в ходе допроса. Ворон тебе поможет, но сделай так, чтобы они его не видели. Нет резона давать им больше информации, чем у них уже есть.

— А если у одного из них или у обоих обнаружится аллергия?

Искусственная — и смертельная — аллергия на фаст-пенту достаточно часто встречалась у галактических оперативников, но вряд ли получила такое же распространение среди гражданских.

— Пусть Ворон их сначала проверит. Наклейки-

тесты лежат у меня в наборе вместе с фаст-пентой. Если обнаружится аллергия, позовите меня.

Роик кивнул. Уж в умении Роика допросить преступников Майлз не сомневался и эту задачу передоверял ему легко.

— Есть проблема гораздо обширнее… — протянул Майлз задумчиво. — И у меня пока нет к ней подхода. Человеческая натура плюс повсеместное распространение криогенной технологии, где бы оно ни происходило, со временем приводит в одну и ту же ловушку. В широком смысле слова, мы имеем дело с будущей проблемой Барраяра. — Прекрасно, вот и универсальное оправдание для всех его дорогостоящих докладов по нынешнему делу. А то чем дальше, тем больше Майлз об этом беспокоился.

Роик почесал в затылке:

— На этой планете всем уготован один и тот же конец. Если с попустительства властей система настолько прогнила, то как могут правительственные чиновники рассчитывать, что с их собственным оживлением все будет в порядке?

— Никогда не недооценивай человеческую способность принимать желаемое за действительное и не видеть того, чего не хочется, — заметил Майлз. «Например, целую планету людей, столь

озабоченных бегством от смерти, что они забыли, как жить»?

Роик побарабанил пальцами по шву брюк:

— Да, возможно.

Краем глаза Майлз уловил движение: распахнулась внешняя дверь послеоперационного блока. Пришел Форлынкин, за которым хвостиком тянулись встревоженные Джин и Мина.

— Госпожа Сато, — окликнул Майлз, — кажется, к вам посетители.

Лиза Сато обернулась, судорожно выдохнула в маску и распахнула глаза. Она резко вскочила со стула; Ворон настороженно приподнялся на тот случай, если от внезапного движения у нее закружится голова — но госпожа Сато уже спешила наружу.

— Джин! Мина!

— Мамочка!

Дети бросились вперед, не выпуская Форлынкина, который был вынужден сделать вслед за ними пару широких неустойчивых шагов и оказался лицом к лицу с госпожой Сато. Она упала на колени и изо всех сил прижала к себе детей — сперва по очереди, потом обоих вместе. Майлз подумал, что она, наверное, плачет. Он прислонился к косяку в дверях бокса и смотрел, как

даже Джин, в свои суровые почти двенадцать, не отказался от этих телячьих нежностей.

— Мина! — Госпожа Сато чуть отстранила дочку от себя и вглядывалась в нее. Ее голос дрожал. — Как ты выросла! Наверное, сейчас впервые она осознала потерянные полтора года и то, что у нее украли. Вот оно, зримое доказательство, а не одни только слова.

Подняв, наконец, голову, она смущенно посмотрела на Форлынкина.

— А это кто?

Мина радостно ответила:

— Это Форлынкин-сан, мамочка. Он заботился о нас в своем доме. У него большой сад! Там живут все животные Джина. — Совершенно бесцеремонно она схватила руку Форлынкина и повисла на нем.

Форлынкин улыбнулся и свободную руку предложил госпоже Сато, помогая ей встать; она уже пыталась подняться сама, но пошатнулась и поняла, что ей нужна помощь. Форлынкин оказался достаточно высок, чтобы ей приходилось задирать голову, глядя ему в лицо; вот с Лейбером они были одного роста.

— Я — Стефин Форлынкин, госпожа Сато. Барраярский консул на Кибо-Дайни. Очень рад

наконец-то познакомиться с вами.

Она потянулась, чтобы оттащить дочку и не дать ей раскачиваться на консуле, словно на качелях, но Мина уже выпустила его и в возбуждении забегала вокруг. Джин подпрыгивал на месте, увлеченный объяснениями, причем в основном его рассказ крутился вокруг состояния зверей и их здоровья; про Лаки он упомянул особо.

— Вы присматривали за моими детьми? — с сомнением уточнила Лиза Сато.

— Только последние пару дней, мэм. У вас двое по-настоящему прекрасных ребятишек. И очень умных.

Кажется, под маской она чуть улыбнулась. И определенно Майлз впервые видел, как ее глаза сверкают от удовольствия.

Тут вмешался Ворон и отвел свою новоиспеченную пациентку обратно в постель, однако великодушно разрешил родственникам не прекращать визита. Майлз смотрел через стекло, как дети машут руками, повествуя про свое житье за последние полтора года, а госпожа Сато растерянно пытается уследить за их рассказом.

Подошел Форлынкин, поглядел через его плечо.

— Так приятно видеть, что она пришла в себя и

полном сознании. Вот и решение моих юридических шарад. Теперь я действительно в состоянии защитить этих детей.

— Именно так. — Майлз улыбнулся.

Роик забрал Ворона и ушел выполнять порученное ему задание. Лейбер со смущенным видом поглядел на семейство Сато, без слов махнул рукой и спросил: — А мне что теперь делать?

Майлз повернулся к нему, привалился к стене и скрестил руки на груди.

— Что ж, вы ведь не арестованный. На этой планете я могу на законных основаниях арестовать только барраярцев.

— Э, а как насчет Ханса и Оки?

— Я их не арестовал, а похитил. Как говорит Роик. Надо будет как-нибудь объяснить вам разницу между прощением и разрешением.

— А в чем разница? — уточнил Форлынкин, поднимая бровь.

— Как правило, в успехе. В любом случае, доктор Лейбер, вы вольны уйти в любое время. Хотя я не рекомендую вам это делать, пока вы не придумали план спрятаться получше, чем в прошлый раз. Могу предположить, что в распоряжении ваших боссов есть не только Ханс с Оки.

— Нет, не только, — вздохнул Лейбер.

— Точно так же вы вольны остаться здесь. Лучше провести ночь здесь, чем где-нибудь в торговом центре, уверяю вас. Подозреваю, нам всем нужен небольшой перерыв, чтобы переварить новости. Насчет вашего намерения сесть на орбитальный челнок завтра днем предлагаю серьезно подумать. Вам определенно не удастся миновать космопорт.

— Нет, — с нечастным видом согласился Лейбер. — Теперь уже нет.

— Что же мы будем делать дальше, милорд Аудитор? — уточнил Форлынкин.

Майлз потер подбородок и задумчиво наморщил лоб. — То же, что делает любой командир, когда видит, что противник превосходит его численностью. Искать союзников.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Роик провел допрос их нечаянных пленников гладко, как Майлз от него и ожидал, хотя даже под счастливым дурманом фаст-пенты Ханс с Оки дергались и пытались как-то оправдаться. Как и предполагал Лейбер, обе смерти произошли скорее по их неаккуратности, чем в результате злого умысла. Однако рассказ о том, как пара громил гонялась по квартире за старой леди Теннoджи и настигла ее на балконе, прозвучал достаточно мерзко. Флайер Джорджа Суваби они сажали силой и достигли бы своей цели, упади он на землю, а не уйди глубоко под воду: тогда они могли бы вытащить свою жертву из спасательного кокона и быстро увезти в холодильник под предлогом, что спасают смертельно раненого. Однако тело пробыло в воде слишком долго даже для возможностей медицины Кибо-Дайни.

Не так важно точное юридическое определение их деяний: совершили они намеренное убийство или непредумышленное. Майлза сейчас волновало другое: куда девать этих непрошеных гостей. Вариант «просто отпустить» теперь исключался.

Их вместе с их признанием надо передать местным полицейским властям, но желательно не тем, которых могли подкупить боссы «Нового Египта». И тут все только начинается. Связанные общей виной Ханс и Оки станут козлами отпущения, а их боссы проложат себе дорогу к свободе, прикрывшись стеной дорогих адвокатов. А Майлз хотел разгромить весь «Новый Египет» целиком, конечно, если сможет.

Дотошный Роик по очереди сводил пленников в туалет и дал им напиться. Майлз приказал Ворону ввести их в легкую медикаментозную дрему, но это было лишь временной мерой. Заморозка казалась ему все более привлекательным решением. И уж точно он не собирался везти их с собой домой. «На Барраяре хватает собственных громил, причем знающих свое дело». С другой стороны, Большой Четверке уже пора здорово встревожиться исчезновением своих подручных вместе с Лейбером. Этим двоим полагалось отчитаться много часов назад. Да, пожалуй, пришло время подергать кое за какие ниточки.

Когда запись ушла в консульство, у Майлза наконец оказались развязаны руки, чтобы взяться за «Белую Хризантему», с которой все и началось (по его субъективному ощущению — целую веч-

ность назад). К счастью, ему не составило труда настоять на немедленной встрече с Роном Вингом. Всю дорогу до западного пригорода Майлз мысленно повторял свой текст, словно опасался выйти из роли, пока цель еще не достигнута.

В приемной Винга навстречу гостю, улыбаясь, поднялась секретарша. Одновременно с ней с мягкого и удобного кресла в углу поднялось еще одно изумительное, похожее на кошку создание, правда, оно не улыбнулось, а зевнуло. Оно было небольшим, с рыжевато-коричневым львиным туловищем, крыльями сокола и пугающе человеческим лицом. Головной платок в разноцветную полоску, в египетском стиле, завязывался под женским подбородком. Существо подбежало к потрясенно застывшему Роику, потерлось о его ноги, боднуло головой в колени — весу в нем было где-то килограмм десять — и открыло рот. Но оттуда донеслось не «Кто ходит утром на четырех ногах, днем — на двух и к ночи — на трех?», а простое мяуканье.

— Прекрати, Нефертити! — рассердилась секретарша и, подхватив существо на руки, отнесла на свой стол. Оно оскорбленно дернуло хвостом с кисточкой.

— Не волнуйтесь, она не кусается и не царапает-

ся, — продолжила секретарша, и Майлз протянул сфинксу руку обнюхать. — Хотя линяет. — Роик все еще стоял в шоке, поэтому она жизнерадостно ему объяснила: — Рекламный подарок в этом году от нашего соседа и соперника, «Нового Египта».

— На конференции я таких не видел, — удивился Майлз.

— О, они разошлись в первый же день. Бешеная популярность. Их голосовой аппарат адаптирован под десяток слов, и они очень подходят для детей. А также для охраны дома. — Последнее она произнесла не столь доверительным тоном.

— А где, гм, они сделаны? — поинтересовался Майлз.

— На Единении Джексона, какой-то биоинженерной компанией, как я поняла.

«Ну конечно же».

— Их доставили сюда замороженными, и «Новый Египет» сэкономил на том, что разморозил их в своих собственных лабораториях. Но оказалось, что их довольно хлопотно держать. Они очень привередливы в пище.

— Гены кошки… по большей части? — уточнил Майлз.

Секретарша с сомнением покосилась на минисфинкса, который в ответ не сводил с нее самого

настоящего сфинксового взора.

— Думаю, да. А вы? Я передам мистеру Вингу, что вы пришли, лорд Форкосиган.

* * *

Винг поторопился выйти поприветствовать своих незваных гостей. Майлз оставил Роика болтать с секретаршей в приемной и, возможно, обмениваться загадками со сфинксом, а сам позволил Вингу увлечь себя в святая святых — личный кабинет — и усадить в элегантное и удобное гостевое кресло с гелевой начинкой. Это была очаровательная угловая комната, из окон в обеих стенах открывался вид на панораму зданий и безмятежные сады, но Майлзу она почему-то напомнила логово Сюзи.

Винг уселся за огромный комм-пульт, сложил руки на черной стеклянной поверхности и взглянул на Майлза настороженно и вопросительно.

— Вы сказали, у вас жизненно важное и срочное дело, лорд Форкосиган?

Майлз стряхнул несколько сфинксовых шерстинок с рукава серого пиджака и постарался вспомнить, что же он тогда говорил.

— Нет, я сказал, что это дело жизненно важно для вас. — Он откинулся в кресле, с досадой отме-

тив, что не достает ногами до пола.

Винг смотрел внимательно, но не встревоженно.

— Как это?

— Несколько дней после конференции — и нашей с вами встречи — я потратил на то, чтобы кое-что разузнать в Норбридже. Выяснял, во что именно я ввязываюсь со своими новыми инвестициями. И обнаружилась одна загвоздка. Вы об этом знали? — Майлз смотрел уже не просто хмуро, а с подозрением, надеясь, что тем самым спровоцирует Винга на защиту.

— Хм? — только и переспросил тот.

«Значит так: сообщая дурные новости, держись в характере. Нужно выглядеть достаточно умным, чтобы тебе поверили, но не слишком умным, чтобы тебя не расценили как угрозу».

— Структура вознаграждения за мои услуги предполагает, что стоимость акций «Солстис — Белая Хризантема» будет расти, но никак не падать. В противном случае я останусь не просто без прибыли, но в долгах!

— Они не будут падать, — самоуверенно заявил Винг.

— Я бы поспорил. Поскольку ее родительская компания стоит на грани крупного финансового

потрясения.

Винг не бросился успокаивать Майлза, что все не так, а лишь коротко уточнил:

— Вы о чем?

— Вы в курсе про все те контракты, что вы перекупили у «Нового Египта»? Вам продали кучу никчемных мертвецов. Оказывается, некая марка криораствора, использовавшаяся лет тридцать-пятьдесят назад, распадается через пару десятилетий, и потом клиента оживить просто невозможно. Мозг превращается в кашу, как образно выразился мой технический консультант. Более того, любой замороженный тех лет, которого обрабатывали этим криораствором, скорее всего не поднимется. Вы задолжали родным ваших клиентов миллионы новойен и их голоса.

Губы Винга приоткрылись в неподдельном удивлении:

— Вы уверены?

— Убедитесь сами, как только сориентируете свои лаборатории в нужном направлении.

Винг обмяк в кресле.

— Да. Я непременно займусь этим.

— «Новый Египет» — вот кто главный виновник. Как я понял, махинации с перепродаваемыми контрактами изначально пошли именно

оттуда; эта схема — изобретение некоего Аниша Акабане, их финансового директора.

Винг медленно кивнул.

— Я знаю его. Вот умная сволочь! — В его голосе слышалось скорее восхищение, чем гнев.

— По-моему, у вас все основания подать в суд на «Новый Египет» — у вас и всех других криокорпораций Норбриджа, оказавшихся обманутыми. Можно даже объединить усилия в совместном иске.

Винг прищурился, быстро соображая:

— Только если удастся доказать тот факт, что они все знали.

— Есть возможность доказать, что они знали об этом как минимум полтора года назад. Вы однозначно выиграете у этих бандитов.

Винг поднял ладонь:

— Не торопитесь, лорд Форкосиган! Я разделяю ваш гнев, но не думаю, что курс, которым вы предлагаете следовать, защитит ваши инвестиции.

«Забудем об эфемерной природе этих инвестиций».

— Что вы имеете в виду?

— Мы ведь говорим конфиденциально, так? Вы никому больше об этом не рассказывали?

— Я начал с вас. А дальше планировал обойти

все корпорации Криополиса.

— Очень рад, что вы пришли ко мне первому. Вы поступили правильно.

— Надеюсь. Но что вы имеете в виду?

— Мы должны думать в первую очередь о защите активов «Белой Хризантемы» и интересов ее вкладчиков, вас в том числе. Первым делом — после того, как я все перепроверю, конечно — нам надо будет не упустить тот ограниченный период, в течение которого еще есть возможность избавиться от этого бремени. Не воспользоваться таким шансом — просто верх безответственности. Для «Белой Хризантемы» окажется гораздо лучше, если эта проблема проявится медленно и, конечно же, из других источников, нежели вывалится на публику в одночасье и тем самым спровоцирует кризис — а ведь его можно избежать.

— Не уверен, что улавливаю вашу мысль. — «Боюсь, как раз прекрасно понимаю. Черт. Этот пес в драку не полезет».

Винг покачал головой.

— Ответственное правление любой криокорпорации согласится со мною. Эту новость не следует открыто публиковать, иначе можно нанести огромный вред не только «Белой Хризантеме»,

но и всей индустрии криозаморозки и даже экономике в целом.

— Стало быть, вы говорите не о совместном иске, а о… о совместном укрывательстве?! — А вот брызгать слюной не стоит, напомнил себе Майлз.

— Укрывательство — слишком радикальный термин. — Винг вздохнул, точно сожалея об этом. — Хотя все бы предпочли именно такой исход. Но если проблема всплыла так близко к поверхности, что ее может обнаружить даже случайная проверка со стороны инопланетника, очевидно, возможность эффективно ее скрыть уже упущена. Информационные агентства вот-вот разразятся сенсацией.

Ну, допустим, проверка была совсем не случайная, но Майлз не собирался посвящать Винга в подробности.

Винг побарабанил пальцами по черному стеклу столешницы.

— Мы получим небольшое преимущество на старте. А затем — да! — полагаю, лучше я обращусь к нашим коллегам-конкурентам лично. Учитывая, фактор общей угрозы. Возможно, в ближайшие пару недель. И, да! Лорд Форкосиган, ваши инвестиции вместе с нами будут в полной

безопасности. Просто положитесь на меня! — Он откинулся в кресле, снова улыбаясь, хотя шестеренки у него в голове так и вращались.

— И вы не припрете к стене этих ублюдков из «Нового Египта»? — Майлз постарался задать вопрос жалобным, а не яростным тоном.

— Вы когда-нибудь слышали поговорку «Счастливая жизнь — лучшая месть»?

— Там, откуда родом я, лучшей местью обычно считается голова твоего врага в мешке.

— Ну, э-э… хм. Разные культурные особенности и так далее. Что ж. Вы принесли мне новое дело, и моему сегодняшнему расписанию придется потесниться. — Прозрачный намек на то, что Майлзу пора проваливать, а Вингу браться за работу и спасать положение.

Майлз видел себе как наяву: случится не стычка корпораций, но их сговор.

— Вы дали мне много пищи для размышлений, Винг-сан.

— Я уверен, что это обоюдно. Не желаете ли чаю, пока вы здесь? — Винг явно разрывался между светским этикетом и спешкой с новым кризисом.

— Хочу, конечно же! — жестоко ответил Майлз. Вот тебе «счастливая жизнь» и «месть» в одном

флаконе, правда, в микроскопических масштабах.

Когда они вышли в приемную, секретарша была всецело увлечена тем, что угощала Роика зеленым чаем с миндальным печеньем и бросала на него восхищенные и признательные взгляды. Сфинкс издавал жалобные звуки из-за прутьев большой… клетки-переноски.

— Я так рада, что вы ее забираете, — поделилась секретарша, кивая на клетку и одновременно наливая Майлзу и своему боссу чая из изысканного фарфорового чайничка. — Она очень милая и привязчивая, но совсем не подходит к нашему декору.

— А! — Винг просветлел. — Вы наконец нашли ей дом, Юко? Отличная работа. Я буду весьма рад убрать ее лоток из туалета для особо важных гостей.

Майлз укоризненно посмотрел на Роика.

— Мы взяли сфинкса? — «Почему? Или, точнее: 'Господи, почему я?'»

Роик выглядел смущенным.

— Просто я сказал, что знаю человека, который бы в нее влюбился.

— А-а.

Было бы хорошо, если в обмен за эту услугу

Роик получил что-нибудь ценное. «Информацию, я надеюсь». Сама секретарша для него старовата. Впрочем, неважно, какого рода интерес она испытывает к мужественному барраярцу — романтический или материнский — пока она дружелюбна. И общительна.

Майлз ограничил свою месть одной чашкой, после чего позволил себя вежливо выставить.

Двое подручных вывезли на тележке корм, миски, игрушки, сменные платки на голову и санитарные приспособления для сфинкса. Роик выволок переноску и наблюдал, как все это втискивают в заднее отделение консульского фургона. Когда они миновали декоративные красные ворота-тории, сфинкс ужасно, протестующе завопил: «Наруж-жу! Наруж-жу!»

— Куда теперь, милорд? Будут еще остановки?

— Нет… пока, я думаю. Мой блестящий план «заварить здесь кашу, а самим смыться домой» только что потерпел крах. Расскажу тебе все на обратном пути.

— Да, милорд.

*** Когда мама с Миной задремали, Джин тихонько вышел из изолированного бокса. Мина спала, свернувшись у мамы в ногах, как кошка. Мама выглядела изможденной и бледной, и это

было немножко страшно — но все-таки ничего похожего на ту женщину, которую Ворону-сенсею и Майлзу — сан тогда не удалось оживить. Когда Джин увидел, что мама жива, радость прокатилась по нему, точно приливная волна, но теперь первый наплыв облегчения схлынул, и все казалось странным и неустойчивым. За дело взялись взрослые и опять никакой определенности. Где им теперь жить? Что станет с его животными? А его самого снова отправят в школу? Скоро? Наверное, теперь ему придется учиться вместе с ребятами на год себя младше?

… И вдруг все это опять отберут? Ако сидела на дежурстве в кресле в послеоперационной палате, она дружески ему кивнула. В коридоре раздавались голоса. Джин пошел посмотреть.

Он как раз закрыл за собой дверь, когда увидел изумленного консула Форлынкина, напротив которого стояли Ворон-сенсей и еще двое. При виде них Джин тоже разинул рот.

Мужчина был почти копией Майлза-сан: тот же рост, те же черты лица, только вдвое толще и без седины в волосах. Он носил дорогой костюм: черное с черным на черном фоне — в котором его объемистая фигура умудрялась выглядеть подтянутой. Женщина была еще выше, чем мама

Джина: яркая блондинка с волосами, стянутыми на затылке в тугой узел, и глазами почти такими же синими, как у консула Форлынкина. На ней был свободный светло-серый костюм с шелковой белой накидкой, а на шее и в ушах сверкало золото. Наряд, почему-то напомнивший Джину рубашку Майлза-сан, просто, но… *шикарно*. Она улыбнулась, и Джин почувствовал тепло.

— Джин, — начал консул, — я как раз тебя искал. Мне надо ненадолго вернуться в консульство, но… — Он поглядел на этого нового не-Майлза.

— Мама с Миной уснули, — сообщил Джин.

— А, хорошо, — ответил Ворон-сенсей. — Пойду их проведаю, перекинусь парой слов с Ако и вернусь к вам. — Он проскользнул в палату.

Светловолосая леди посмотрела на Джина, и глаза ее ласково сверкнули, как летнее солнце на глади озера.

— А это кто, консул?

Форлынкин явно собрался с мыслями — хотя Джин не понимал, отчего появление двоих незнакомцев привело его в такое смятение. Ну да, коротышка удивительно выглядит, и что?

— Это — Джин Сато. Сын женщины, которую здесь только что оживили лорд Аудитор и доктор Дюрона. Лорд Форкосиган познакомился с ним

в… ну, полагаю, он вам сам расскажет, когда вернется. Джин, это лорд Марк Форкосиган и его партнер мисс Карин Куделка. С Барраяра.

Мисс Куделка протянула Джину узкую руку и пожала, как взрослому. Мужчина вслед за нею сделал то же самое. Интересно, «партнер» — это значит его девушка или коллега по работе? Судя по виду этой красивой женщины, она важный человек в корпорации, потому что дорогая сумка у нее на плече по размеру подходит скорее под деловые принадлежности, а не под косметику.

— А вы с Майлзом-сан братья? — спросил Джин. «Как Тетсу и Кен?» Роста он был такого, что, как и Майлзу-сан, Джин смотрел ему точно в глаза, но почему-то эта толщина заставляла лорда Марка казаться выше. А улыбался он одними губами, а не глазами, как Майлз-сан.

— Близнецы с разницей в шесть лет, — ответил мужчина скучающим голосом, явно повторяя объяснение не в первый раз. — Это долгая история. — И он явно не собирался рассказывать ее Джину.

— А вы не выглядите, ну… совсем похожими, — заметил Джин. К тому же лорд Марк ходил без трости, не как Майлз-сан, и двигался плавней. Наверное, из двоих он младший.

— Мне стоит некоторых усилий поддерживать нашу непохожесть, — сказал лорд Марк.

Вернулся Ворон-сенсей.

— Полагаю, первым делом вам стоит встретиться с госпожой Сузуки, лорд Марк.

— Мы заключаем сделку и с ней? Официально у этого места только один владелец, некий Тед Фува.

— Ему принадлежит только недвижимость. Для наших целей она… да, кое-что значит, но не незаменима. Именно обязательства перед клиентами — и связанные с ними возможности — то, с чем я предлагаю вам познакомиться поближе и ради чего вас сюда вызвал. А этим двором хаоса, безусловно, правит госпожа Сюзи.

Лорд Марк выслушал и коротко, не споря, кивнул.

— Ваш брат в курсе, что вы должны были приехать, лорд Марк? — уточнил у него Форлынкин. — Он меня не предупредил. И доктор Дюрона тоже. — Взгляд из-под ресниц, который консул кинул на Ворона-сенсея, нельзя было назвать слишком дружелюбным.

— Мы взяли билет на более ранний рейс, чем предполагали, — объяснила мисс Куделка.

— Поверьте, у меня нет ни малейшего желания

лезть в любое осиное гнездо, которое разворошит Майлз, — заверил лорд Марк. — Обычно мы никак не критикуем предприятия друг друга. Считайте, что мы с братом играем в разные игрушки.

Его леди-партнер плавно прибавила:

— Как я понимаю, одна из задач консульства — как раз помогать барраярским бизнесменам на Кибо?

Форлынкин осторожно кивнул.

— Хотя прямо сейчас приоритет у Аудиторского расследования, вы же понимаете. — И пробормотал под нос: — Какую бы чертовщину он ни вытворял…

— Разумеется. — Улыбка мисс Куделки засияла совсем ослепительно. Форлынкин заморгал. — Марк, Ворон, может, консул пойдет вместе с нами? Тогда нам не придется повторять свои объяснения несколько раз.

Форлынкин оказался в замешательстве. — Джин, ты не против?

— О, и Джин тоже, — легко согласился Ворон-сенсей. Он пояснил в сторону мисс Куделки: — Это наш местный гид и так далее.

Она кивком согласилась и подарила Джину еще один солнечный взгляд.

Ворон-сенсей повел всех к Сюзи-сан — вниз,

потом под землей и снова наверх; Джин тащился за ними в молчаливом удивлении. Лорд Марк с мисс Куделкой всю дорогу очень внимательно осматривали все вокруг, а светловолосая леди делала снимки на крошечную наручную камеру.

Дойдя до угловой комнаты, Ворон-сенсей коротко постучал. Дверь открыли непривычно быстро, но за нею оказалась не Сюзи-сан, а Тенбери-сан.

— А это что? — Он с подозрением всмотрелся в визитеров сквозь падающую на глаза челку. — Вы привели с собой еще новых людей, ни у кого не спросив?

— Как раз за тем, чтобы спросить, я и пришел, — ответил Ворон-сенсей. — Хорошо, что вы здесь. Мы можем войти и поговорить с госпожой Сюзи?

— Ну да. — Тенбери сощурился, глядя на лорда Марка. — Бог мой, еще один! Сколько еще у тебя инопланетных коротышек в рукаве, Ворон?

Брови лорда Марка дрогнули.

— Только двое, — успокоил Тенбери Ворон-сенсей, и тот их впустил.

Сидя у окна, Сюзи-сан играла в маджонг с медтехником Танакой и что-то пила — похоже, отнюдь не чай. Рядом стоял стул для третьего игрока — очевидно, с него только что поднялся

Тенбери. Обе женщины изумленно оглядели лорда Марка с компанией.

— Что на этот раз, Ворон? — спросила Сюзи-сан. — Мы, кажется, договорились на два оживления. Кстати, когда я их получу?

— Мы решили изменить условия сделки, — заявил Ворон. Сюзи-сан нахмурилась. — Как вам две тысячи вместо двоих?

На лице Сюзи сложилась странная гримаса: брови изумленно поползли наверх, а уголки губ так и остались сердито опущены. По взмаху ее морщинистой руки вся толпа гостей повалила в комнату, рассаживаясь вокруг. Первым делом Ворон наконец-то представил ей консула Форлынкина, который в последнее время появлялся здесь регулярно, и Сюзи об этом знала. «Он нормальный», попытался кивком подсказать Джин. Тенбери-сан присел боком на широкий подоконник, хмурясь и поглаживая бороду.

Ворон-сенсей повторил вводную часть:

— Госпожа Сузуки, позвольте вам представить моего нанимателя, лорда Марка Форкосигана — он же младший брат лорда Аудитора Майлза Форкосигана — и его партнера, мисс Карин Куделку. Лорд Марк — совладелец Группы Дюрона, моей клиники на Эскобаре.

— Совладелец? Вместе с кем? — переспросила Сюзи-сан, в упор глядя на лорда Марка.

Тот чуть поклонился и ответил.

— С доктором Лилией Дюрона. Она же — основатель и клон-прародитель изначальной Группы Дюрона на Единении Джексона. Я обзавелся своей долей десять лет назад, когда помог вывести группу из собственности барона Фелла и организовать их эмиграцию на Эскобар.

— А вы тоже доктор? Исследователь?

Марк покачал головой.

— Я предприниматель. Я интересуюсь Группой Дюрона в первую очередь в части поддержки исследований в области продления жизни, которые должны стать альтернативой пересадке мозга и навсегда вышибить ее с рынка.

— Пересадка мозга? Но это же незаконно! — возмутилась медтехник Танака.

— Не на Единении Джексона. К сожалению.

Джин потянул Форлынкина за рукав и прошептал:

— О чем они говорят?

Тот тихо разъяснил:

— Есть нехорошие богатые люди, которые хотят получить вторую молодость, пересаживая свой мозг в тело специально выращенного клона.

Очень опасная операция, при которой мозг клона всегда погибает.

— Фу-у!

— Согласен. — Он снова поглядел на лорда Марка и наморщил лоб, а потом махнул Джину рукой, призывая молча слушать, и сам первым подал пример.

Лорд Марк сложил ладони домиком и пошевелил широкими пальцами — точь-в-точь как его брат.

— Группа Дюрона решила расширить свою деятельность и оказывать услуги по криооживлению также и на Кибо-Дайни.

Сюзи-сан открыла рот.

— Ну, это пустая трата вре… Погодите. Вы сказали, криооживление? Не криохранение?

— Криохранение на Кибо и так является развитой индустрией, в которой нет места для новых игроков. Полагаю, наши возможности окажутся куда шире, если мы займемся областью, которой нынешние корпорации пренебрегают. Ворон рассказал мне, что здесь на подвальных уровнях хранится более двух тысяч нелицензированных, незаконных криоклиентов. Из-за обязательств по отношению к ним номинальный владелец этого места, некий Теодор Фува, не может его продать.

— О да: покупая место для нового строительства, этот идиот не знал, что здесь находимся мы. Один раз он уже пытался решить свои проблемы, устроив поджог, — добавила Сюзи-сан. — Как бы то ни было, их не две, а скорее три тысячи.

— Тем лучше.

— И как же вы намерены от них избавиться?

— Как? Оживим их и отпустим гулять на волю.

Сюзи-сан фыркнула:

— Разве что вы нашли лекарство от старости.

Странная улыбка, похожая на оскал, тронула губы лорда Марка.

— Вы угадали.

Медтехник Танака подняла голову. Медленно, изумленно она произнесла:

— Что же вы получили, ребята?

Лорд Марк кивнул ей.

— Увы, не источник вечной юности. Возможно, на источник зрелости оно потянет. Метод практически бесполезен для людей до шестидесяти, но в более старшем возрасте позволяет сбросить лет двадцать. Пока что. Сейчас это не одна волшебная таблетка, а скорее смесь препаратов. Однако наша исследовательская группа закончила все стадии компьютерного моделирования и опытов на животных, и мы практически готовы прово-

дить клинические испытания на людях.

— Значит, на людях оно пока не испытывалось? — уточнила Танака-сан.

— Только один раз, — вмешался Ворон-сенсей.

— Одна серия экспериментов?

— Один пациент. А именно, сама Лилия Дюрона, — ответил Ворон-сенсей. — Можете себе представить, с каким вниманием вся Группа ожидала результата.

— И вы можете гарантировать положительный результат?

— Разумеется, нет, — ответил лорд Марк. — Поэтому это и называется *испытаниями*. Но, отработав две-три тысячи тестовых случаев, мы устраним все недочеты.

— Вы никогда не получите разрешение, — возразила Сюзи-сан.

— Напротив. У Эскобара с Кибо-Дайни подписан договор об обоюдном лицензировании медицинских услуг. Любое предприятие, которое я приобрету на вашей планете, переместится в область действия лицензий Группы Дюрона с того момента, как соглашение будет зарегистрировано. И незачем баламутить воду, заново обращаясь за разрешениями на… гм, на все. — Лорд Марк потер свой двойной подбородок. — Если испы-

тания пройдут успешно, предприятие станет самоокупаемым за какие-то два года.

— А что станет с этими людьми через двадцать лет? — спросил Тенбери. — Они опять сюда придут?

Лорд Марк пожал плечами.

— Вот лет через двадцать меня и спросите.

— Проклятье, — выдохнула Сюзи-сан. — Это же самый настоящий станок для печати денег! Вы это понимаете, молодой человек?

Лорд Марк отмахнулся нетерпеливым жестом.

— С моей точки зрения — всего лишь побочное предприятие. Разумеется, такой метод безопаснее, чем пересадка мозга, но тех, кто в восемьдесят лет заказывает себе восемнадцатилетнее тело, вряд ли устроит возраст в шестьдесят лет. Нам необходимо как-то двигаться дальше. Это лишь очередной шажок в нужном направлении.

— Оно работает только на оживленных? На тех, кого раньше замораживали? — уточнил Тенбери.

— О, нет. Полагаю, оно гораздо лучше скажется на тех, кого никогда вообще не клали в заморозку.

Сморщенные губы Сюзи-сан раздвинулись в свирепой усмешке.

— Черт, разве это не лучше незаконной пересадки мозга? Или той же *заморозки*?

— Люди странные, — ответил лорд Марк. — Я не стану строить прогнозы.

— Но как насчет бедняков? — уточнила медтехник Танака.

Лорд Марк посмотрел на нее недоумевающе-вежливо:

— А при чем тут они?

Они уставились друг на друга с одинаковым непониманием. Пришлось вмешаться Карин.

— Могу я предложить свои услуги переводчицы, Марк? Я думаю, госпожа Сузуки и ее друзья чувствуют по отношению к беднякам Кибо-Дайни и их судьбе то же, что ты — по отношению к джексонианским клонам. Они создали свой криоцентр как протест против существующего положения дел и, кстати, намного раньше, чем ты наладил отношения с Группой Дюрона — Она обернулась к Сюзи-сан. — Теперь для вас. Марк, а заодно и доктор Дюрона, выросли на Единении Джексона. Там человеку приходится постоянно бороться за выживание, а альтруизм редко приносит прибыль. Потихоньку они оба это изживают. Я предлагаю всем не спеша обдумать каждый аспект нашего предложения, пока мы

тут осматриваемся. Мы с Марком надеемся, что успеем провести инспекцию этого места до первой встречи с мистером Фувой.

Сюзи-сан села в кресле прямо, вид у нее был чужой и суровый.

— А если нет?..

Лорд Марк пожал плечами.

— Тогда нам придется провести встречу с ним без вашего участия.

Сюзи-сан прищурилась.

— Что, думаешь, у тебя на руках все карты?

— У нас не игра с нулевой суммой. Здесь не обязательно должны быть победители и проигравшие, — заметила мисс Куделка. — Совместное предприятие может обеспечить выгодой всех, каждого по его потребностям.

— Да, — медленно согласилась Сюзи-сан. — Мне надо подумать. — Она потянулась и дрожащей рукой загнала пробку в горлышко своей квадратной бутылки. — Тенбери, проведи их везде и покажи, что они захотят посмотреть.

Тенбери кивнул и отлепился от стены.

— Что ж, тогда давайте за мной…

В комнате остались только Сюзи-сан и старая медичка, которые склонили головы пошептаться, не успела еще закрыться дверь.

Уже в коридоре Джин подобрался поближе к консулу Форлынкину и шепнул:

— О чем это они? Я ничего не понял. Почему Сюзи-сан разозлилась?

Они шли последними, но не настолько далеко, чтобы их совсем не было слышно. Форлынкин потер губу костяшкой согнутого пальца, посмотрел на Джина и понизил голос:

— Если у лорда Марка достаточно денег — а я полагаю, что он человек состоятельный — то он способен купить этот криоцентр напрямую, и тогда госпожа Сузуки ничего не сможет поделать. Он будет вправе сделать… ну, не все что угодно, поскольку на него ляжет юридическая ответственность за криотрупы в здешних подвалах, но теоретически он может выгнать на улицу всех здесь живущих как незаконно проникших на его территорию.

— Но это же нечестно! — возмутился Джин.

Мисс Куделка оглянулась на него через плечо и странно улыбнулась. Джин густо покраснел.

— Не уверен, что именно он имел в виду, — произнес Форлынкин тихо, — но, полагаю, поживем — увидим.

Джин наморщил лоб, пытаясь разобраться.

— А почему Майлз-сан — лорд Форкосиган, а

его брат — просто лорд Марк? У них ведь одна и та же фамилия.

— Они оба сыновья графа Эйрела Форкосигана. Твой, гм, приятель Майлз-сан — отцовский наследник и лорд Форкосиган. А его младший брат лорд Марк носит почетный титул, не подразумевающий прямых политических обязанностей.

— А-а.

У консула был ужасно задумчивый вид, когда он пошел за Тенбери и этими новыми барраярцами. Или джексонианцами. Или откуда они там. Если лорд Форкосиган и лорд Марк — братья, как получилось, что они выросли на разных планетах? А та жуткая история с клонами какое к ним имеет отношение? Интересно, а пятилетний мальчик, в имени которого путается его собственный папа, тоже какой-нибудь лорд?

Ах да. Майлз-сан рассказывал, что ему разрешали сидеть на папиных совещаниях при условии, что он будет вести себя тихо и помогать. Поэтому Джин заткнулся и поспешил догнать остальных.

* * *

Два часа спустя Джин уже зевал. Интересно, Майлз-сан тоже засыпал на папиных совещаниях? Наверное, у его папы, чем бы тот ни

занимался, бизнес был интереснее. Тенбери-сан водил их по всему зданию, вверх и вниз, даже туда, где сам Джин никогда не бывал. А разговоры они вели сплошь скучные и взрослые: про финансы, расходы и правила. Никто не рассказывал больше всяких странных вещей про клонирование или врачей-убийц. Тенбери показал им все свое хозяйство до последнего винтика. Лорд Марк смотрел на все совершенно бесстрастно, а мисс Куделка задавала уйму вопросов, раскручивая смотрителя на дальнейшие скучные рассказы. Джин подумал, не бросить ли их и не вернуться ли в палату узнать, как там мама и Мина. К тому же он проголодался.

Они шли через подземный гараж в здании бывшего приемного отделения, когда из-за двери с надписью «Вход воспрещен» донесся стук и приглушенные вопли. Все повернули головы.

— Там кто-то стучится. Может, его надо впустить? Или выпустить? — поинтересовалась мисс Куделка.

— Во-первых, выпустить, а во-вторых, не надо, — ответил Ворон-сенсей. — Там сидят пленники лорда Форкосигана. Должно быть, они очнулись. Я не хотел им давать им слишком большую дозу снотворного в нагрузку к постэффекту

от фаст-пенты и парализатора.

Лорд Марк развел руками.

— Что ж, это не мое дело. — Он совсем не удивился тому, что его брат накачивает людей наркотиками и запирает. Только спросил: — Когда он намерен их отсюда убрать? Моя сделка, как я полагаю, продвигается довольно быстро.

— Не знаю. — Ворон-сенсей пожал плечами. — Они — элементы в его головоломке. — И добавил, поскольку стук не прекращался: — Я лучше подожду, пока не явится Роик и не утихомирит их. Мерзкая парочка.

Джин склонил голову, прислушиваясь, и пошел к двери.

— Эй! Это голос старика Йани!

— Кого? — удивился Ворон, и одновременно с ним Тенбери спросил: — Ты уверен?

— Эй, Йани! Это ты там?

Стук смолк. Дрожащий голос прокричал:

— Джин? Это ты? Отопри дверь и выпусти меня!

— А где те два человека? — крикнул Джин в ответ.

— Я услышал, как кто-то стучит и ругается, и пошел взглянуть, — приглушенно отозвался Йани из-за двери. — С чего тут у нас стали запирать

людей?

Ворон-сенсей воздел руки и сквозь зубы процедил:

— О, милорду Аудитору это очень не понравится. — Он наклонился к замку.

Лорд Марк отступил на шаг и деловито вытащил парализатор из внутреннего кармана своего черного пиджака. Мисс Куделка не стала прятаться ему за спину, а, наоборот, обошла его кругом и встала по другую сторону от двери. Она напрягла плечи, согнула руки, и внезапно стала выглядеть очень спортивно.

После напряженной паузы дверь открылась.

Йани, ругаясь, выбрался наружу. Вид у него был дикий и помятый, на лбу большой кровоподтек, под носом засохла кровь.

Ворон-сенсей сунул голову в дверь.

— Вот дерьмо. Сбежали!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Едва Роик завел машину в подземный гараж, Майлз увидел, что дверь в кладовку, где были заперты пленники, открыта, и возле нее толпится народ, и поморщился. Он, прищурясь, сразу отметил пустой квадрат бетона там, где стоял захваченный ими фургон «Нового Египта»… а потом изумленно распахнул глаза, когда заметил светловолосую головку, возвышающуюся над несколькими темными. Не требовалось переводить взгляд ниже, чтобы догадаться, кто там торчит на уровне плеча.

— Какого черта? — удивился Роик, останавливая машину. — Что здесь делает мисс Карин?

— Приехала вместе с моим братом, конечно же. Вопрос в том, какого черта здесь делает *Марк*?

Они вылезли из машины, и Майлз вклинился в толпу, таращившуюся на пустую комнатку. Увы, даже его самый грозный Аудиторский взгляд не мог заставить Ханса и Оки волшебным образом появиться там по его желанию. Не то чтобы он недостаточно сильно того желал…

Он повернулся. Так, вот все: Тенбери и Ворон,

Марк с Карин, консул Форлынкин, Джин, приплясывающий возле них и взахлеб излагающий всю историю, и потрепанный старый Йани, то ли рассерженный, то ли виноватый. Ничего особо серьезного с ним не стряслось, хотя, если судить по его жалобам, он близко познакомился с наихудшей разновидностью кибо-дайнийских ангелов смерти.

— Как давно все случилось? — Майлз попытался выяснить главное.

— Вскоре после того, как вы уехали, — сокрушенно признался Ворон. — Боюсь, я поосторожничал с дозой. Извини…

Майлз отмахнулся, понимая, если не прощая.

— Значит, они уехали как минимум два, а то и три часа назад. Полно времени, чтобы добраться до дому. Или куда угодно еще.

Майлз быстрыми штрихами набросал в уме дерево тактических решений. Если эта парочка умотала, спасая свою шкуру, они могут быть где угодно, но вряд ли вернутся, а если да — то уж точно не с подкреплением: полиция и их собственное начальство для них сейчас представляют равную угрозу. Если же они послушно вернулись в «Новый Египет»… тогда вариантов еще больше. «Уж не встретили ли мы их по дороге? Поздно спо-

хватились...» Оба бандита прекрасно разглядели Роика, могли мельком заметить Ворона, и хотя Майлза с его запоминающейся внешностью они не видели, но Роик здесь и сам по себе фигура слишком приметная. А как только опознают его, след быстро приведет к Майлзу, хотя такой результат точно озадачит «Новый Египет».

Кроме того, теперь в «Новом Египте» знают, где находится криоцентр Сюзи, и они почти наверняка уверены, что Лейбер, их изначальная цель, оказался здесь — хотя у них не было никакой возможности убедиться, что он здесь так и остался. Успела ли корпорация выяснить, что ее служащий — теперь уже наверняка бывший служащий — сбежал с криотрупом Сато? А если да, догадаются ли они, что ее оживили, или считают, что Лейбер возит ее в криокамере с собою как некий громоздкий сувенир на память? Можно ли обнаружить на записях с каких-нибудь камер в криохранилище, как Майлз и его ударный отряд вызволяют бедную Алису Чен? И что они сделают с этой информацией, если ее получат? И...

— Черт, — пробормотал Майлз. — Мне нужно еще раз поговорить с этим идиотом Лейбером. — Если он хочет понять, как они мыслят, ему нужно больше информации о руководителях «Нового

Египта».

Он тяжко вздохнул и произнес в полный голос:

— Привет, Марк. Зачем ты сюда приехал? Да еще так неожиданно.

Марк склонил голову без каких-либо извинений и чуть ухмыльнулся.

Майлз перевел взгляд на Ворона:

— Я полагал, что мы друг друга поняли насчет подобного рода сюрпризов?

Ворон с виноватым видом пожал плечами и пробормотал:

— Слишком ранний рейс…

Майлз решил оставить явно бесплодную тему.

— Привет, Карин.

Она кинула на него быстрый взгляд, точно успокаивая:

— Привет, Майлз. Как дела?

— Очевидно, не так здорово, как я думал. — Он в последний раз заглянул через проем в мрачную тесную комнатку — по-прежнему пустую — и отвернулся. Тенбери, слава богу, успокоил Йани и повел его с визитом к медтехнику Танаке.

Вдруг из кузова консульского фургона донесся пронзительный вой: «Наруж-ж-жу! Наруж-ж-жу!»

Брови Форлынкина поползли на лоб.

— Вы еще кого-то похитили?

В его голосе звучала скорее покорность судьбе, чем осуждение. Капля точит камень, подумал Майлз; очевидно, острые грани консульского характера понемногу сглаживались.

— На сей раз — нет. Джин, у оруженосца Роика есть для тебя подарок. Живой груз.

— Правда?! — Внимание Джина моментально переключилось; Майлз мотнул головой, и Роик повел мальчика подальше, вне пределов слышимости и на встречу с его новым питомцем. Секретарша Винга обещала, что они подходят для детей.

«И ты им веришь?» Карин с любопытством последовала за Роиком.

Понизив голос, Майлз обратился к Форлынкину и Ворону:

— Ворон, как скоро можно переводить госпожу Сато из изолятора?

— В консульство? — уточнил Форлынкин.

Майлз кивнул:

— Если с секретностью, которая была нашей главной защитой, покончено, консульство будет лучшим местом для отражения атак законников. Согласен, против физического нападения оно не слишком хорошо защищено. Я вызвал помощь,

она уже в пути, но потребуется время.

Ворон поджал губы — его как врача эта перспектива не радовала.

— Завтра? Впрочем, ее биологическая изоляция и так нарушена, поскольку дети бегают туда-сюда. Они — настоящая ходячая зараза.

— Что ж, тогда накачайте ее всеми иммуномодуляторами, какие у вас имеются…

— Уже сделано.

Майлз одобрительно поднял большой палец.

— Тогда мы планируем сняться отсюда завтра, с самого раннего утра. На самом деле, Форлынкин, если вы останетесь здесь на ночь, чтобы в любой момент вывезти ее и детей, это будет, гм, разумно. — Он неохотно добавил. — И Лейбера вместе с ними.

— Думаете, «Новый Египет» среагирует так быстро? — спросил Форлынкин.

— Если честно, не знаю. Пока главы криокорпораций кажутся мне такими людьми, которые предпочитают прятаться за стеной адвокатов, а не за строем наемников. Однако эта парочка доказала, что при необходимости кое-кто может действовать очень шустро. И, если не брать в расчет непреднамеренную гибель преследуемых, полтора года назад они справились со своей зада-

чей вполне успешно. В любом случае, я им желаю хорошенько промучиться бессонницей всю ночь, пока они будут разбираться в происходящем.

Майлз повернулся к клон-брату:

— Ну а ты?

— Мы с Карин прилетели с Эскобара ради изучения сделки по недвижимости, которую нашел для нас Ворон, — объяснил Марк, которого происходящее оставило совершенно невозмутимым. — Говоря вкратце, центр госпожи Сюзи может стать превосходной площадкой для широкомасштабных клинических испытаний методики по продлению жизни, недавнего изобретения Группы Дюрона. Если это так, я намерен перекупить его у нынешнего злосчастного владельца, некоего Фувы, со всеми потрохами, включая персональные обязательства. — Марк ткнул пальцем вниз, туда, где в подвалах громоздились штабеля погруженных в криосон. — И в качестве личного одолжения, милорд Аудитор, я прошу Вас не вмешиваться в мою Сделку.

Майлз усмехнулся:

— К счастью, форские воззрения на протекционизм остаются весьма снисходительными даже, как говаривал наш покойный дед, в это прогнившее время. Только не вмешивайся в мое

расследование.

— Твое расследование меня совершенно не интересует, избави боже. А что ты расследуешь, кстати?

— Ворон тебя не проинформировал?

— Нет, он добродетельно держал рот на замке.

«Что ж, никто не скажет, что Дюрона не заслуживают своей платы».

— Все началось с попытки одной из здешних криокомпаний под названием «Белая Хризантема» развернуть свою деятельность на Комарре.

— Скверно попахивает.

— Что, ты уже об этом слышал?

— Только сейчас и от тебя. Но даже на беглый взгляд между планетами лежит огромное физическое расстояние, существует задержка финансовых потоков и присутствует культурный барьер. Следовательно, подобное решение малообъяснимо. — Марк едва заметно улыбнулся. — Да еще тут ты, в самом центре заварушки. Намек предельно ясен.

Майлз хмыкнул:

— Что ж, поезд «Белой Хризантемы» покинул станцию и катится по рельсам к уготованному им концу. Пока что. А вот «Новый Египет» — боковая ветка расследования, и она делается

все запутаннее. — Он стиснул зубы. — Я стараюсь компенсировать ущерб одному здешнему мальчику: он помог мне и в ходе этого сам пострадал. Благие намерения, Марк. Мой путь ими вымощен.

— Рад, что у меня не бывает таковых. — Взгляд Марка стал неуютно проницательным. — Это ведь не твоя планета, ты сам знаешь. Ты не можешь навести здесь порядок.

— Да, но… да. Но все же.

— Что ж, постарайся не оставить за собой еще больших разрушений. Это место мне потом пригодится.

— Да, ты уже говорил. — Майлз помедлил. — Продление жизни, вот как? Более удачный вариант, чем две последние разработки Дюрон, насчет которых ты так беспокоился? Те самые, что, выражаясь фигурально, скончались еще на лабораторном столе.

— Возможно. Результаты единственного испытания на человеке пока выглядят обнадеживающе. Этим человеком была сама Лилия Дюрона, если тебе интересно.

Настал через Майлза удивленно поднимать брови.

— Что ж, я по-настоящему впечатлен, раз Лилия

захотела опробовать это на себе.

Улыбка Марка чуть увяла.

— Лилия, — заметил он, — не могла больше ждать.

Майлз побарабанил пальцами по шву брюк.

— А на стареющих мужчинах его уже пробовали? К слову о том, кто может и не может ждать.

Майлз с клон-братом обменялись совершенно одинаковыми взглядами.

— Думаешь, удастся его уговорить на попытку? — спросил Марк.

— М-м, может, и да, но точно не мне. Возможно, наша мать справится. Ты же знаешь, что значит для бетанцев наука.

— Вот еще одна причина, по которой я мечтаю поскорее начать серию испытаний на людях.

— Ты скорее убедишь его, если заявишь, что эта штука непроверенная и рискованная. Надавить на его старые рефлексы «фор служит Империи», и дело в шляпе.

— Странно как-то.

Майлз пожал плечами:

— Уж таков он есть, граф-наш-отец. Так если ваша сделка состоится, вы с Карин собираетесь задержаться на Кибо?

Марк покачал головой.

— Как только все устроится и завертится, я собираюсь передать вопросы развития Ворону. Он уже и так застрял с повышением. Пока мы не в состоянии вытеснить с рынка бизнес по пересадке мозга, на что я надеялся, но это только начало. — Марк медленно улыбнулся. — С другой стороны, если этот проект принесет приличную прибыль, может, я найму свой собственный флот, чтобы джексонианских дельцов от клонирования разгромить в буквальном смысле слова.

Майлз поморщился:

— Ты помнишь, как у тебя все получилось в прошлый раз?

— Очень живо. А ты нет?

— А я — фрагментами, — сухо заметил Майлз.

Марк передернулся.

— На всякий случай учти: хоть я и не сомневаюсь, что адмирал Куинн способна выполнить подобное задание, но все же очень тебя прошу нанять какой-нибудь другой флот. — Если, паче чаяния, Марк не шутит. С ним в таких вопросах никогда не скажешь точно. — Что вы собираетесь делать дальше? Вы остановились в отеле?

— Нет, поехали сюда прямо из космопорта. Позже у нас здесь назначена встреча с Фувой.

— Разве по местному времени рабочий день

не окончен?

Марк пожал плечами:

— Я-то живу по системному времени корабля.

— А можно мне будет присутствовать?

— Присутствовать — да. А вмешиваться — нет.

— М-м, — начал было Майлз, но не успел он выразить свой протест, как подошли обратно Джин, Роик и Карин. Джин прыгал от восторга и тем не менее с обычным изумлением замер при виде зрелища Майлза и его клон-брата, стоящих лицом к лицу. Майлзу по-прежнему не нравилось, что Марк выбрал именно лишний вес, дабы отличаться от него, но Марк с таким мрачным весельем взирал на его недовольство, что, наверное, считал возможность подразнить брата лишь дополнительным бонусом. Сложный он человек, Марк.

— Я хочу показать своего сфинкса маме с Миной! — потребовал Джин.

— Ты не можешь взять ее в изолятор, — насторожился Ворон.

— Я знаю, — согласился Джин, — Но я могу поднести ее к стеклу. Роик-сан не поможет мне все отнести?

Роик, вернувшийся обратно к роли телохранителя, покосился на пустую комнату и чуть качнул

головой, глядя на Майлза. Форлынкин уловил пантомиму и тут же предложил:

— Я тебе помогу, Джин.

Ворон добавил благоразумно: — Я пойду с вами.

— Действительно, — добавил Майлз, — Лейбер же еще там, наверху? Так что мы оба тоже пойдем.

В эту минуту вернулся Тенбери, чтобы продолжить прерванную экскурсию; Марк на прощание дернул бровью, а Карин улыбнулась, и все трое удалились. Первым шел Джин, за ним переноску со сфинксом тащил Форлынкин, потом следовал Майлз. Жалобные вопли «Наруж-жу! Домм!» разносились по всему темному, затхлому подземному гаражу.

«Наружу и домой. Да, сфинкс, здесь наши с тобой желания полностью совпадают».

* * *

Мама сфинкса не одобрила, но Джин ничуть не удивился. Такая реакция была обычной и даже как-то успокаивала.

— Джин, нет! — воскликнула она, прижав пальцы к губам. — Где ты собираешься его держать?

Джин поднял сфинкса, прижав к бедру, чтобы

показать маме из-за стекла. Нефертити досадливо извернулась под его рукой и попыталась захлопать крыльями, но Джин умел обращаться даже со свирепым Вихрем, и это его не смутило.

— Я буду хорошо за ней ухаживать! Я ведь со всеми зверями так, правда? А с ней пришел файл с инструкциями, поэтому я все сделаю правильно.

Мама, лежащая в кровати, потерла лоб.

— Джин, милый, сейчас не совсем подходящее время.

Мина, которая весь день проспала под одеялом в ногах кровати, с любопытством села.

— Какая она большая! Больше чем Вихрь и Лаки вместе. Слушай, она точно похожа на Вихря и Лаки сразу. Ой, ну скажи «да», мама! — Она спрыгнула с кровати и вылетела за дверь; избыточное давление в боксе сделало короткое «пфф!».

— А что, Тенбери починил интерком? — спросил Джин, запоздало сообразив, что в палате кое-что изменилось. — Когда он заходил?

— Нет, это консул Форлынкин, — похвасталась Мина, наклоняясь, чтобы поглядеть в медленно моргающие глаза сфинкса. — Какое у нее лицо забавное…

— А как?

— Я нашел выключатель, — сообщил Форлын-

кин, который, привалившись к стеклянной стене бокса, с некоторой оторопью наблюдал за происходящим.

Ворон-сенсей наклонился к Мине, чтобы забрать ее маску и пропустить через стерилизатор для повторного использования. Нефертити выпустила когти и зарычала. Тогда Джин поставил ее на все четыре лапы. Она стояла, хлопая крыльями; знакомый звук — его куры делали точно так же.

— Она летает? — полюбопытствовала Мина, протягивая сфинксу руку, чтобы тот ее обнюхал.

— Вряд ли, — ответил Джин. — У нее крылья не больше, чем у Вихря, а она намного тяжелей его!

— Генетические конструкты на заказ обычно делают декоративными, а не функциональными, — подсказал Ворон-сенсей. — Ну, тут, конечно, зависит от пожеланий заказчика.

Мина нахмурилась:

— Какая жадность — дать ей крылья, на которых она не может летать!

Джин сел на корточки и почесал Нефертити между крыльями, там, где лопатки, и крылья послушно свернулись, как только она выгнула спину под лаской. Сфинкс не может вылизывать свою шерсть, как кошка, и не может чистить

перья клювом, как птица, значит, ему придется много и интересно за ней ухаживать, точно, как написано в инструкции.

— Интересно, они откладывают яйца или рожают живых деток? Одного за раз или много, как кошки? А может, там еще самцы в запасе есть? — И если он добудет одного такого, то…

— Самцов сфинксов могли не создавать вообще, — задумчиво сообщил Ворон-сенсей. — По-моему, традиционно эти создания женского пола. Но обычно в патентованные конструкты и не вкладывают способности к размножению. Вероятно, тебе придется ее клонировать, чтобы вырастить малышей с нуля.

Воображение у Джина разыгралось. Домашнее клонирование мелких животных не такое сложное, если есть нужное оборудование, а его можно купить в ветеринарном магазине или с рук — люди ведь бросают свое хобби или, наоборот, покупают себе новую технику. На свалке в переулке такое оборудование, конечно, не найдешь, но если поискать где-нибудь в магазинах подержанных дешевых товаров…

— Домм! — заявил сфинкс.

— Она говорит! — завопила Мина, расплываясь в улыбке.

— В файле сказано, что у них есть активный словарь в двадцать слов, — объяснил Джин. — Не знаю, можно ли научить ее новым словам, как попугая?

— Надо попробовать…

Мама за стеклом только безнадежно, протестующе вздохнула. Что ж, обычно после такого можно торговаться дальше. Джин приободрился. Но на этот раз мама возразила:

— Джин, у нас сейчас нет даже дома, нам некуда ее взять. О, нет, я только теперь сообразила! Что стало с нашей квартирой, со всеми моими вещами? Полтора года там никто не жил и не взносил за нее квартплату. Боже, мой банковский счет — что случилось с моими деньгами, когда меня заморозили? Если у меня нет работы, нет денег и нам негде жить…

— Твои платья тетя Лорна убрала в коробку на чердак, я знаю, — сообщила Мина. — И еще она забрала вещи, мои и Джина. А большой диван, кухонный стол и еще что-то большое ей пришлось продать, потому что в доме не хватало места.

Консул Форлынкин обернулся и настоятельно добавил для мамы по ту сторону стекла:

— Все эти проблемы решаемые, госпожа Сато, но ни одна из них не требует решения прямо

сегодня. Вы включены в расследование милорда Аудитора — в каком-то смысле вы являетесь свидетелями, подлежащими защите — поэтому ваши непосредственные нужды удовлетворит консульство.

— А мой комитет, мои друзья — что стало с ними? Кроме тех, кого устранил или убил «Новый Египет». Что, если они… — ее голос затих.

— Ваша первоочередная задача — вернуть себе физическое здоровье, — вмешался Ворон-сенсей, обеспокоенный ее внезапными терзаниями. — Нормальную психологическую выносливость вы восстановите чуть позже. На это потребуется две или четыре недели, но никак не пара дней. Дайте себе время.

— Время — мне всегда его не хватало. — Она стиснула руками виски. — И еще это жуткое существо!

Форлынкин откашлялся.

— Я не уверен, что лорд Аудитор подумал об этом, когда принимал животное в подарок. Как бы то ни было, пока его можно держать на заднем дворе консульства вместе с прочими питомцами Джина. Они никому там не мешают, даже придают нашему двору живой вид. Он все равно пустует.

Мама скрестила руки на груди, вздохнула и усмехнулась. Тревога Джина улеглась.

— Похоже, такой здоровенной она просто кажется, когда смотришь вблизи. — Однако взгляд у нее при этих словах остановился не на сфинксе, а на ее подросших детях.

Раз ночью в консульство никто возвращаться не собирался, Форлынкин дал Джину поговорить по своему комму с лейтенантом Йоханнесом и объяснить тому, как позаботиться о животных до завтра, пока не приедет Джин. Новую работу по дому лейтенант воспринял без капли сарказма в голосе, так что пока все шло нормально.

Майлз-сан и Роик, едва пришли, повели Лейбера-сенсея в другое место поговорить. Когда через какое-то время они вернулись, то тащили в руках стопку коробок с едой из кафе Аяко. Майлз-сан пояснил, что эта роскошь досталась им благодаря любезности мисс Карин, которая разузнала, где взять еду, как ее сюда доставить, и заплатила за нее.

В конце концов, они устроили в послеоперационном отделении нечто вроде пикника. Ворон-сенсей даже отнес одну коробку маме Джина и после медицинского осмотра отдернул занавески в ее боксе, так что получилось, словно

они ужинали все вместе. Когда мама поела, она стала выглядеть лучше: и спину держала не так устало, и на лице у нее появился румянец. Впрочем, рис карри Аяко удавался всегда.

Было забавно смотреть, как здоровенный Роик сидит на полу, скрестив ноги, а Мина учит его есть палочками. Майлз-сан с палочками управлялся неплохо для инопланетника; он заявил, что практиковался на корабле, пока летел сюда, и еще несколько раз в прошлом. Когда выяснилось, что он бывал на самой Старой Земле, целых два раза, Мина вытянула из него целый рассказ. Правда, он в основном рассказывал про вторую поездку, про свою жену и сады, множество всяких разных садов. А про свое первое путешествие на Землю сказал только, что был там по делам и все время провел в одном городе. И еще обмолвился, что именно там в первый раз встретился со своим братом. Последнее показалось Джину ужасно странным, а консул Форлынкин при упоминании об этом задумчиво прикусил губу, но наводящих вопросов задавать не стал, а сам Майлз-сан в подробности не вдавался. За ужином Джин подкармливал Нефертити по кусочку: пришлось все время залезать в файл с инструкциями, потому что одну человеческую пищу она есть могла, а

другую — нет, по крайней мере, без печальных последствий для желудка. К несчастью, Ако пришла как раз в тот самый момент, когда сфинкс устроил в темном уголке большую неприятность. Ну, тут Джин сам был виноват, раз не обратил внимание, как она тихонько бормотала «Ка-а! Пи-и!», неутомимо кружа по комнате. Ако очень рассердилась и заставила Джина все убрать и вымыть, в принципе — вполне справедливо, но еще она сказала, что животному не разрешено оставаться здесь на ночь. Ворон-сенсей посмотрел на биологические отходы равнодушно, но в спор вступать не стал. Наконец, Джин пообещал ей, что Нефертити проведет ночь в его старом убежище на крыше. Мина тут же захотела пойти с ним и посмотреть.

Майлз-сан с Роиком уже ушли на встречу с лордом Марком и Сюзи-сан, поэтому консул Форлынкин, покосившись через стекло на обеспокоенную маму Джина, вызвался проводить детей наверх, донести переноску, и убедиться, что все хорошо. Мама благодарно ему улыбнулась, и Джин решил, что теперь все будет в порядке.

Спускаясь по лестнице, они встретили Бхавию, одну из подруг Ако. Та, запыхавшись, бежала им навстречу.

— Джин! Ако не видел? Танаке-сан она нужна на втором этаже… срочная криоподготовка. Одна бедная старушка свалилась прямо у нас в кафе. Говорят, просто упала, и все.

— Она наверху в послеоперационном отделении с моей мамой, — сообщил Джин, показывая пальцем. — И Ворон-сенсей тоже там.

Бхавия кивнула и убежала, махнув рукой на прощание.

Форлынкин развернулся, глядя ей вслед.

— Мы не должны чем-нибудь помочь?

Джин покачал головой.

— Не-а, такое постоянно случается. Ну, каждую неделю или типа того. Танака-сан знает, что делать.

Испытывая определенные сомнения, Форлынкин все же пошел по туннелям вслед за Джином.

— Здесь внизу у вас планировка очень запутанная, — заметил он.

— Ага. Туннели отходят от зданий в разные стороны и проходят под улицами. Одни спускаются вниз на четыре уровня, а другие — на пять-шесть. Приходится вроде как наизусть заучивать.

Джину не составило труда пройти привычным маршрутом, даже когда они вышли из освещенной зоны, и Форлынкин, чтобы освещать путь,

достал из кармана куртки маленький фонарик. Мина, которая до этого места шла самостоятельно, в темноте предусмотрительно уцепилась за рукав его широкой накидки. Они поднялись на пять пролетов и вышли из башни теплообменника на крышу Джина. Для взрослого Форлынкин не слишком запыхался, хоть и тащил переноску.

В послеоперационной палате без окон Джин как-то потерял счет времени, но, похоже, сейчас был поздний вечер. В холодном влажном воздухе расплывался свет уличных фонарей, от которых все делалось забавного рыжего цвета. Городские шумы стихли, как обычно бывало только после полуночи. Обойдя башню, Джин обнаружил, что его брезентовый тент на месте, не провис, и его не сдернул ветер. Под навесом печально валялись остатки брошенных при переезде вещей: либо слишком ветхих, либо не нужных для животных, либо чересчур больших и неуклюжих, чтобы втиснуть их в фургон. Джин тогда снял с проволоки и упаковал свой фонарик, так что теперь тот бесполезно валялся в консульстве, но Форлынкин любезно подсветил ему своим, пока он показывал Мине, как тут жил, а Мина восхищалась и завидовала.

Когда они выпустили Нефертити из переноски,

та не сразу привыкла к новому окружению. Она настороженно огляделась вокруг, полуприсев, и лишь потом на напружиненных лапах пошла осматриваться. Джин двинулся за нею, на ходу объясняя Форлынкину про печальную судьбу цыплят, еще не умеющих летать.

— Не знаю, что будет, если она переберется через бортик: то ли свалится, то ли спланирует вниз, как взрослые куры, то ли просто улетит прочь. — Плотные мускулы, которые Джин нащупал под золотистой шерстью, определить точный вариант развития событий не позволяли. — Может лучше привязать ее за лапу веревкой, как Майлза-сан?

— Хм? — непонимающе переспросил Форлынкин, и Джин рассказал ему, как обеспечивал Майлзу-сан безопасность на первую ночь. Тот хмыкнул снова, прикусил губу и сощурился. Но было не похоже, чтобы рассказ его рассердил.

Старый матрас Джина, набитый нарезанным пластиком, по-прежнему валялся у стены. Он может поспать здесь и присмотреть за своим новым питомцем. Не станет ли мама без него скучать? Но с ней же будет Мина… или Мина захочет остаться здесь с ним?

Когда Нефертити вытянулась во весь рост и по-

ставила передние лапы на парапет, выглядывая из-за него, Джин поднялся на цыпочки, готовясь сразу ее схватить. Но сфинкс попятилась назад, не сделав самоубийственной попытки броситься за край. Потом она сходила в туалетный уголок Джина (Джин объяснил Форлынкину, что там надо смывать из ведерка) и использовала его по назначению. Джин не забыл сказать, какая она хорошая девочка, похвалив после того конфуза в уголке палаты. Сфинкс посмотрела на него, кажется, несколько недоверчиво. Она потянулась, похлопала крыльями, снова их сложила и пошла поглядеть с другой стороны крыши туда, где за старым зданием лежала узкая парковка.

Вдруг она напряглась и зарычала, уставившись вниз тем неподвижным взглядом хищника, каким Лаки смотрела на крыс, когда была молодой. Шерсть у нее на спине вздыбилась, крылья распростерлись и затрепетали со зловещим шелестящим звуком, кисточка на хвосте подергивалась.

— Опасность! — взвыла она. — Опасность!

— Что? — изумленно переспросил Форлынкин. Он подошел к сфинксу, вглядываясь в ту же сторону, Джин последовал за ним.

Мине не хватало роста, чтобы увидеть из-за

парапета, что творится внизу. Девочка отступила на несколько шагов и спросила:

— Что она там увидела?

Джин не был уверен, есть ли у сфинкса ночное зрение. Он сам разглядел внизу фургон, припаркованный в самой темной части стоянки, и поблизости от него несколько фигур в черном. Один человек размахнулся чем-то вроде длинного молотка или биты, послышалось три-четыре глухих удара и приглушенный дребезг: стекло первого этажа разбилось и выпало из рамы внутрь, наверное, на ковер.

— Кто-то вломился в дом, — обернувшись, прошептал он Мине, которая преодолела робость и подошла посмотреть.

— Может, грабители? — шепнула она в ответ.

— А что им *здесь* красть? — Всю пригодную мебель и оборудование в этом здании давным-давно подчистили, и внутри остались либо абсолютно бесполезные вещи, либо то, что невозможно вытащить.

Двое подтащили из фургона большую штуку, похожую на бочонок, что-то с ней сделали и закинули в окно. Джин услышал, как она покатилась по полу. Странный едкий запах разлился в ночном тумане; Форлынкин отпрянул от края

и выругался.

— Это не грабители, — процедил он сквозь зубы, — а поджигатели! — Он схватил Мину за руку и принялся отчаянно оглядываться вокруг.

Один из людей в черном кинул что-то в окно, и все они бросились к машине. Наверное, водитель ждал их за рулем, потому что машина сорвалась с места, брызнув гравием из-под днища, и пронеслась в распахнутые, затянутые железной сеткой ворота, когда задние двери еще не успели до конца закрыться.

Полыхнул оранжевый свет. Крыша под ногами Джина затряслась, когда по зданию ударила взрывная волна, громовым раскатом пронесшаяся вдоль улицы. Жирный пузырь пламени вырвался из окна, и языки огня взвились метра на два.

— Огонь! — вопила Нефертити. Вся ее шерсть стояла дыбом, а глаза были размером с чайные блюдца. — Огонь! Опасность! Огонь!

— Нам нужно немедленно отсюда выбираться! — крикнул Форлынкин. Мина пискнула, когда он стиснул ей руку. Он бросился к башням. — Какая лестница дальше от огня?

— Не сюда! — закричал Джин. — Лестница на стене здания, она ведет в переулок с другой

стороны.

Форлынкин кивнул и побежал к парапету, волоча Мину за собой. Джин подхватил Нефертити и бросился за ним. Сфинкс у него в руках вырывался и шипел. «Может, мы успеем засунуть ее в переноску? Нет, наверное». Форлынкин добежал до противоположного края крыши и отыскал стальные скобы.

— Я должен лезть первым, опустить низ лестницы! — прокричал ему Джин.

— А потом Мина, — согласился Форлынкин.

— Я так далеко не дотянусь! — Было похоже, что Мина сейчас разревется.

— Я тебя опущу вниз и буду держать, пока ты не достанешь до ступеньки ногами, — пообещал Форлынкин. — Давай, Джин!

— А кто понесет Нефертити?

Форлынкин выдохнул нечто нечленораздельно короткое и добавил:

— Я понесу.

Джин выпустил Нефертити, надеясь, что та не метнется прочь, перепрыгнул через парапет и полез по скобам так быстро, как никогда в жизни не лазил. Он дернул защелку и стукнул по лестнице, молясь, чтобы она не застряла. Лестница загремела и с лязгом развернулась на полную длину.

— Нормально! — крикнул Джин наверх.

Над его головой показались брыкающиеся ноги Мины, потом она нащупала скобу и полезла вниз, всего раз перепуганно пискнув. Действительно, расстояние между скобами было для нее слишком велико. Джин услышал сверху ругань Форлынкина, скрип его шагов по крыше и вопли сфинкса.

— Огонь! Опасность! Огонь! — кричала Нефертити и, явно перепутав от волнения слова из своего небогатого словаря, добавила: — Отдай!

Где-то вдалеке Форлынкин взвыл от боли и снова выругался. Джин спрыгнул на землю и протянул руки, чтобы схватить Мину, чьи кроссовки болтались в воздухе — ступеньки кончились слишком высоко для нее:

— Все хорошо! Прыгай!

Она упала на Джина, и оба покатились по земле, но тут же вскочили на ноги, глядя наверх.

В этот миг Джин узнал, как сфинксы умеют летать. Нефертити перевалилась через парапет, отчаянно хлопая крыльями, и слетела вниз. Она не упала камнем и не спланировала, а приземлилась на все четыре лапы, как кошка, достаточно тяжело, чтобы ухнуть, ударившись пузом о землю, но не так, чтобы что-нибудь себе сломать.

Темный силуэт Форлынкина наконец-то мельк-

нул над парапетом; с последних двух метров лестницы консул спрыгнул, согнув колени, как сфинкс лапы, и пошатнулся, но устоял. По его лицу бежала кровь из глубокой тройной царапины под левым глазом.

— Джин! — голос консула прозвучал резко и твердо, с таким не поспоришь. — Бери Мину и бегите к маме, а там слушайтесь доктора Дюрона. Если огонь распространится, возможно, придется эвакуировать всех людей из этих зданий. — Он поднес к губам наручный комм и принялся быстро проговаривать код связи.

Джин бросился к Нефертити, но та с криком порхнула в сторону.

— Брось эту чертову зверюгу! — рявкнул Форлынкин через плечо, вглядываясь куда-то вглубь переулка. — Бегите, вы, оба!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Тед Фува, предполагаемый владелец старого криоцентра, выглядел примерно так, как Майлз и ожидал: высокий, издерганный тип под пятьдесят, который уместнее смотрелся бы на строительной площадке, чем на совещании, пусть даже в таком странном месте, как апартаменты госпожи Сюзи в полночь.

Чего Майлз не ждал, так это появления консульского адвоката — внимательной, собранной, стройной женщины с седеющими кудрями, ростом чуть выше самого Майлза. Он не удивился, когда узнал, что ее уговорила приехать сюда в нерабочее время Карин. Госпожа Ксиа разглядывала Майлза с не меньшим, хотя и вежливо скрываемым, интересом, подозревая в нем источник потока тех все более и более странных юридических запросов, что поступали всю последнюю неделю от ее прежде вполне ординарного и скучного клиента. Майлз полагал, что сегодня ночью ей удастся удовлетворить все свое накопленное любопытство.

Майлзу не хватало Форлынкина, которому

он приказал оставаться с Сато и детьми, а Сюзи не нравилось, что Танаке пришлось уйти из-за срочного медицинского кризиса. Так что, как ни считай, силы сторон получились примерно равными: Сюзи и Тенбери против Марка с Карин; Майлз в качестве независимого свидетеля и при нем безмолвный Роик; адвокат, время от времени подкидывающая комментарии и вопросы, которые давали сторонам хоть небольшую паузу; и Фува против всех. Хотя последний сочувствия у Майлза совсем не вызывал.

Мадам Сюзи скрестила руки на груди и пристально уставилась на Марка.

— Вы так и не дали мне гарантий будущего обеспечения для бедняков.

— Я не занимаюсь благотворительностью, знаете ли, — раздраженно ответил Марк.

— А я — занимаюсь, — отрезала Сюзи.

— Да, но как долго вы еще собираетесь это делать? — спросил Марк. — Рано или поздно, причем скорее рано, наступит ваш черед отправляться в подвал. И больше вы не сможете ничего здесь контролировать. Какое-то время Тенбери и Танака еще удержат ваш криоцентр от развала, но потом… что?

— То, чего я жду, — мрачно вставил Фува. Сюзи

смерила его презрительным взглядом и выпрямилась в своем большом кресле, словно намекая, что ему придется подождать еще. Майлз бы не смотрел на вещи так оптимистично. Кожа у Сюзи была дряблой и мертвенно-бледной — явный предвестник угасания. Даже сейчас, раскрасневшись от гнева, она не выглядела пышущей здоровьем.

— Если здесь не обоснуется Группа Дюрона, — заметил Марк, — неизбежным финалом игры станет передача криоцентра или городу, или префектуре, или господину Фуве. В любом случае, поступление новых клиентов прекратится. Жизнь одного человека слишком *коротка*, чтобы довести ваше рискованное начинание до конца.

— Хотя в будущем все может измениться, — прибавила Карин.

— Или криозаморозка может стать устаревшей технологией, и вся эта демографическая путаница, создавшаяся на Кибо, рассосется сама собой, — подхватил Марк.

— Я не был бы так уверен, — заметил Майлз задумчиво. — Если люди станут ложиться в заморозку в восемьсот, а не в восемьдесят лет, игра продолжится, просто установится новое равновесие. Хотя мне сложно вообразить, как будет

мыслить восемьсотлетний человек. В двадцать я не мог представить себя сорокалетним, так же, как сейчас — восьмидесятилетним.

Сюзи фыркнула.

Марк пожал плечами:

— Это им самим решать, через сколько-то там десятилетий или столетий. Полагаю, смерть всегда останется дешевой и общедоступной, несмотря на любые высокие технологии.

— На первоначальном этапе, — сообщила Карин, переходя от умозрительных спекуляций к практическим реалиям, — лечение будет бесплатным, если пациент пожелает подписаться на проведение эксперимента и законно откажется от претензий. Это может сделать любой вновь прибывший. — Из чего следовало, что им не потребуется сотрудничество с Сюзи и ее людьми. — Я полагаю, сначала Группа Дюрона будет работать с живыми и более здоровыми испытуемыми, и лишь потом займется более сложными случаями с осложнениями от травмы или криооживления. Хотя такие данные им тоже понадобятся.

Сюзи заворчала. Тенбери почесал бороду.

Карин посмотрела на свои ногти, подняла взгляд, улыбнулась. Майлз подумал, что вряд

ли кто-то, кроме него, уловил крошечный жест Марка: держа руку на животе, он выпрямил два пальца и снова подогнул. Майлз с восхищением оценил, как эта парочка довела игру в хорошего и плохого полицейского до настоящего искусства. Причем лишь наивный наблюдатель решит, что все идеи «плохого» исходят от Марка, а «хорошего» — от Карин.

Она продолжила безмятежно:

— Если Группа Дюрона обоснуется здесь, она станет нанимать местных работников в большом количестве. Например, если вы, госпожа Сузуки, готовы поставить свою подпись в первом раунде протоколов, и все сработает так, как мы надеемся, то для вас может быть открыт пост директора по связям с общественностью. Что позволит вам заниматься теми же проблемами на постоянной основе, прямо отсюда. Конечно, вопрос слишком сложен, чтобы решить его за одну ночь, но решение само по себе совершенно не сложно.

— Хотите меня подкупить пустышкой, громкой должностью? Можно подумать, я раньше не видела, как это бывает!

— Что у вас выйдет, зависит по большей части от вас самой, — ответил Марк так, словно ему это было безразлично. — Но через три года, когда

все помещения внизу опустеют, здесь может сложиться совершенно иная ситуация. А должность позволит вам остаться в центре происходящего и получать реальную информацию.

Совсем не такое будущее Сюзи себе представляла прежде; Майлз почти слышал, как ее воображение поскрипывает от напряжения, словно открываются почти насмерть заржавевшие ворота. Почти. Она жалобно переспросила:

— Но что же будет с остальными нашими?

— Тенбери я готов нанять хоть сегодня, — уверенно ответил Марк. — Мы хотим его видеть в первую очередь главным инженером — этот центр определенно требует значительного усовершенствования и ремонта, начиная с лабораторного ядра и заканчивая внешним видом. Также, скорее всего, нам понадобится местный подрядчик, — он посмотрел на Фуву. — А за медтехника Танаку поручился Ворон. Прочие случаи мы будем рассматривать в индивидуальном порядке. Мне нужны компетентные люди. А о сертификатах мы позаботимся.

Сюзи смотрела с непреходящим подозрением. Тенбери поднял лохматые брови.

Юрист, госпожа Ксиа, ловко вмешалась:

— Исходя из неписанной сути условия кон-

трактов, госпожа Сузуки является по умолчанию держателем доверенностей всех, кто здесь заморожен, и может выдать общее протокольное разрешение на всех находящихся на ее попечении. Я уверена, что этот аргумент подействует на городского судью, поскольку Норбриджу не нужна ответственность за несколько тысяч бесхозных криотрупов.

— Даже если город сможет использовать их голоса? — усомнился Майлз. — Мне кажется, их достаточно, чтобы оказать влияние на исход местных выборов, если не выборов на уровне префектуры или всей планеты.

— Могу гарантировать — или, по крайней мере, предполагать с высокой долей вероятности — что в этом случае возникнут дорогостоящие юридические проблемы, которые окажутся судье не по вкусу. — Юрист слегка улыбнулась. — Если только разногласия между истцами не заставят довести дело до суда. В этом случае я не смогу гарантировать его исход, потому что вопрос станет общественным и политическим. Большую часть моего времени я трачу как раз на то, чтобы удержать моих клиентов от судебного разбирательства.

— Общественные и политические вопросы

— задача для группы госпожи Сато или кого-то вроде них, — заметил Майлз. — Жаль, что мы не прихватили двух других членов ее комитета, когда наведывались в «Новый Египет». Теперь у нас было бы кому ими заниматься. — Хотя попытка вынести сразу три тела из хранилища потребовала бы больше времени и могла закончиться совсем не так удачно.

— Соблюдение тайны клиента имеет определенные пределы, — предупредила его госпожа Ксиа. Любезно предупредила.

— А как насчет дипломатического иммунитета?

— Сработает для вас. Но не для меня. Но в данном случае, когда «Новому Египту» неизбежно будут предъявлены уголовные обвинения, нам доступен законный способ вытащить мистера Кана и мисс Хотлу от их похитителей. Для начала, вызвать их обоих повесткой в суд в качестве свидетелей.

Майлз высоко оценил эту идею.

— Только если позаботиться, чтобы «Новый Египет» не уничтожил их по дороге.

— Согласна, немаловажное соображение. Мы обязательно его учтем при разработке плана по вашему делу.

— Карин, мы должны ее нанять на постоянной основе, — заметил Марк.

Ксиа осторожно улыбнулась:

— Мое расписание и так практически заполнено. Я смогла прийти сюда лишь потому, что рабочий день уже закончен.

— Вы совладелец-партнер или наемный служащий?

— Я? В нашей фирме я одна из трех компаньонов в департаменте галактического коммерческого права. Мы собираемся заключить партнерство.

— Группе Дюрона непременно понадобится местный юрисконсульт на полный рабочий день, — пробормотала Карин. — Возможно, мы еще вернемся к вопросу об оплате… позже.

Ксиа отмахнулась, временно откладывая вопрос в сторону.

— В любом случае, госпожа Сузуки, я предлагаю вам обдумать, какой результат будет для ваших клиентов наилучшим в долговременном плане. Сейчас вы служите одному сообществу; но эта технология в потенциале послужит целой планете. Если…

Снаружи эхом раскатился грохот, и задрожали стекла. Роик вскочил на ноги и уставился в ночную темноту:

— Что за черт?!..

— Прозвучало где-то очень близко, — беспокойно заметила Ксиа.

— Это у нас? — забеспокоилась госпожа Сюзи. — Тенбери…

— Может, фабрика полимеров, она как раз в соседнем здании? — предположил Фува, подходя к Роику. — Хотя не думаю, что они работают так поздно. Или это что-то на улице… авария?

Однако транспорт на Кибо находится под контролем муниципальной диспетчерской сети, и поэтому аварии случались крайне редко. Это Майлз уже успел отметить ранее.

— Точное направление понять трудно, — добавил Тенбери, тоже вытягивая шею.

— Поднимись на крышу и посмотри, — распорядилась госпожа Сюзи.

Тенбери шагнул к двери, когда звякнул наручный комм Майлза — аварийный зашифрованный канал. Форлынкин. Скверно. Майлз обнаружил, что уже на ногах, хотя не помнил, как вставал.

— Форкосиган слушает.

«Лорд Аудитор». — Форлынкин тяжело дышал. — «Команда поджигателей — я насчитал четверых — только что бросила зажигательную бомбу в окно первого этажа здания теплообмен-

ника. Астеризин, я полагаю… а если даже нет, там точно какой-то двухкомпонентный жидкий состав».

— Вызовите местных пожарных!

«Уже сделано, сэр». — Майлз заметил, что интонации Форлынкина обрели давнюю армейскую четкость. — «И полицию тоже. Они должны прибыть с минуты на минуту».

— Молодец.

«Я огляжу окрестности: не случилось ли незаконного проникновения где-то еще. Пока я ничего подобного не наблюдаю. Я точно уверен, что никого из нападавших в здании теплообменника не осталось, но ничего не могу сказать про туннели под зданием».

— Держите канал открытым.

«Так точно, сэр».

Развернувшись, Майлз увидел, что все в упор смотрят на Фуву, на лице которого застыл ужас.

— Это не я! — чуть ли не взвыл подрядчик. — На этот раз — не я! Ну зачем это мне *теперь*? Когда я почти сбыл его с рук!

— Мои теплообменники! — крикнул Тенбери, снова метнувшись к двери. — Если они отключатся, все начнет таять! — Сюзи перехватила его за рукав.

— Мои теплообменники! — взвыл Фува в унисон с ним. — Мой криоцентр!

— Тенбери. — Сюзи встряхнула его за плечо, привлекая внимание. — Скажи всем, кого увидишь, чтобы выходили из зданий и собирались на площадке перед приемным отделением. Я разбужу и предупрежу всех на этом этаже.

В мозгу Майлза вспыхнула схема. Комплекс криоцентра состоял из четырех зданий, и фасад приемного отделения выходил на сторону, противоположную от места возникновения пожара. Выходит, пожар произошел дальше всего от него и его обитателей. Попахивает диверсией.

— Нам не нужно бежать к Форлынкину? — спросил Роик, подрагивая, точно лошадь на старте.

— Нет. К Лейберу! Все интересное случится у него.

Глаза Роика расширились, когда он проделал ту же цепочку умозаключений, что и Майлз, так что ему не пришлось ничего подробно объяснять.

— А-а.

— Сюзи. Мы идем туда и предупредим всех в здании приемного отделения, — добавил Майлз.

Госпожа Сюзи, которая уже задыхалась и прижимала руку к сердцу, кивнула.

— Врисги Танака точно на втором этаже. По-

моему, она начала криоподготовку.

— Мы сообщим все и ей, и нашим людям.

Она благодарно махнула рукой и поковыляла к двери. Ксиа шла рядом, поддерживая ее и рядом умелых вопросов выясняя, где в этот час можно отыскать спящих обитателей здания. Тенбери убежал первым. Он свернул к лестницам в одну сторону, Майлз с Роиком — в другую.

Сквозь распахнутые двери кабинета Майлз успел заметить, как Марк и Карин подхватили Фуву под локти с обеих сторон. Их согласованные физические действия настолько впечатлили этого здоровяка, что он отшатнулся и едва не упал.

— Фува-сан, — начал Марк своим самым вежливым тоном, — нам с вами стоит поговорить о снижении цены…

* * *

Последний пролет лестницы Джин тащил Нефертити на руках, пыхтя и задыхаясь. Как только Форлынкин завернул за угол здания, сфинкс почему-то шарахнулась и метнулась мимо Джина в переулок за теплообменником, но ему, к счастью, удалось ее схватить. Правда, это он тогда думал — «к счастью». Сейчас ему казалось, что она потяжелела раза в два. Нефертити непрерывно

завывала, и вся рубашка Джина была в перьях и шерсти. Но она хотя бы не царапалась.

— Открывай, — пропыхтел Джин, и Мина, кивнув, распахнула дверь пошире. С внутренней стороны висела табличка «Пожарная дверь. Не загромождать». Почему пожарная — она что, должна остановить пожар? Не хотелось бы проверять это на деле.

Нефертити извернулась и выскользнула из вспотевших рук Джина как раз в тот момент, когда они дошли по коридору до послеоперационной палаты. Что ж, здесь, в закрытом помещении, она хотя бы никуда не убежит.

Лейбер-сенсей сидел, сгорбившись, на потрепанном складном стуле и беспокойно смотрел куда-то вдаль. Когда они вошли, он вздрогнул.

— А я думал, ты пошел избавиться от этой штуки! — он недовольно покосился на сфинкса.

Мама села в кровати:

— Джин? Мина? Что происходит?

— Это ниндзя, мам! — выдохнула запыхавшаяся Мина. — Мы их видели! Они подожгли убежище Джина!

— Что?!

— Никакие это не ниндзя, — нетерпеливо вставил Джин. — Просто какие-то дураки в черных

костюмах.

— Это они устроили тот странный грохот, что мы услышали даже сквозь стены несколько минут назад? — уточнила мама.

Джин кивнул:

— Вблизи получилось еще громче. Консул Форлынкин сказал, там жидкий детонатор.

Мама задохнулась.

— И … как близко вы стояли?

— Мы были на крыше, и смотрели на них прямо сверху! — заявила Мина. — Огонь был весь такой оранжевый и черный!

Обеспокоенный Лейбер-сенсей поднялся, схватившись за спинку стула.

— А где Ворон-сенсей? — поинтересовался Джин. — Форлынкин сказал, что мы должны рассказать ему про пожар, а потом слушаться его.

— Он пошел на второй этаж помочь медтехнику Танаке с криоподготовкой, — ответил Лейбер-сенсей.

Мама вылезла из кровати, подошла к стене бокса и уперлась в нее ладонями.

— Джин, наверное, тебе лучше сбегать вниз и рассказать всем, что происходит. Огонь распространяется быстро?

— Мы пока не знаем.

— А, может, мне лучше найти комнату с окном и поглядеть оттуда? — предложил Лейбер-сенсей.

— Куда же ушел Стефин? — забеспокоилась мама. — Он должен был приглядеть за вами обоими.

— Может, пошел искать ниндзя? — предположила Мина.

Мама прижала руку к губам:

— Разве этим не должен заниматься тот человек, оруженосец Роик?

— А он, наверное, вместе с Майлзом-сан, — пояснил Джин через плечо, направляясь к двери. — Эй, Мина, Нефертити отсюда не выпускай!

Лейбер-сенсей направился вслед за Джином, но оба отпрянули, когда из коридора дверь распахнули пинком. Мина вскрикнула. Нефертити — тоже. «Опасность, опасность!» — заорала она, хлопая крыльями и взлетая на стол.

«Ох, Нефертити, как ты права», — подумал Джин, пятясь от шефа охраны Ханса и сержанта Оки, вломившихся в послеоперационную палату.

Они оба тяжело дышали, выглядели очень злыми, и казались такими здоровенными, особенно по сравнению с тем, когда спали на полу в той кладовке в гараже. Из мятых медицинских ко-

стюмов они переоделись во что-то вроде формы: серые брюки и плотные куртки, кобура, ремни, тяжелые грохочущие ботинки — только никаких нашивок с именами и знаков различия на этой форме не было.

— Вот ты где, тупой козел! Наконец-то! — прорычал Ханс побледневшему Лейберу-сенсею, который, попятившись, прижался к столу.

— Какого черта? — изумился широкоплечий Оки, оглядывая комнату. — Что здесь делают дети? Этот придурок Акабане ничего не говорил про детей.

— Неважно, просто хватай его.

Оки послушно шагнул вперед, резко дернул Лейбера-сенсея и, сделав что-то своей полицейской дубинкой, завернул ученому руку за спину. Лейбер-сенсей завопил.

— Отпусти его! — закричала мама через стекло.

Ханс обернулся и сощурился.

— *Ни хрена себе!* Тут же эта сучка Сато! Наверное, они ее оживили. Ну, нам и повезло! Хватай ее тоже, Оки!

— Сам хватай. У меня руки заняты, — огрызнулся его напарник. Лейбер-сенсей пытался сопротивляться, обвисая у него в руках, и чуть

было не освободился из рук захватчика, но Оки снова вздернул его на ноги, высвободил руку с дубинкой и с громким электрическим треском ткнул ее Лейберу-сенсею в бедро. Вот тут ученый завопил по-настоящему громко. Электрический разряд, пройдя через тело жертвы, укусил в руку и Оки — тот с изумленным выдохом отшатнулся и чуть было не разжал пальцы. Но успел перехватить дрожащего ученого сильней, прежде чем тот сумел освободиться.

Ханс подошел к боксу и нажал кнопки на двери; с шипением выходящего воздуха дверь отъехала в сторону.

— Нет! — заорал Джин, перепугавшись так, что у него все перед глазами помутилось. — Ей еще нельзя выходить! Она заболеет!

— Когда Акабане с ней закончит, здоровой она точно не будет, — огрызнулся Ханс. Он бросился к маме, но та быстро перелезла через кровать и обежала ее. Мама была уже у самой двери, когда Ханс прыгнул к ней, схватил за руку и с отвратительным звуком впечатал всем телом в стеклянную стену, а потом бесцеремонно выволок из бокса, спотыкающуюся и растрепанную.

— Нет, не трогай маму! — завопила Мина. — Она только-только к нам вернулась!

Мина схватила складной стул, захлопнула и размахнулась изо всех сил. Наверное, она хотела попасть шефу охраны в живот, но Мина была очень мелкая и почти не видела, куда бьет. Поэтому сложенные ножки стула угодили ему точно в пах… увы, недостаточно крепко.

Ханс сложился пополам, произнес много очень нехороших слов, но маминой руки не выпустил. Кулаком он отшвырнул Мину, которая с плачем упала на попу. Мама попыталась лягнуть его — и целилась точнее, чем Мина — но она была босиком и страшно тяжело дышала.

— Как ты… посмел… тронуть… моих детей… мерзкий убийца!

Вспомнив, как по лицу Форлынкина текла кровь, Джин нырнул за стол, где на напружиненных лапах замерла Нефертити, бессвязно вскрикивая: шерсть у нее на хребте стояла дыбом, хвост торчал свечкой. Он схватил ее и швырнул в того, кто оказался ближе — в Оки. Широкоплечий охранник взвыл, отмахиваясь своей трещащей дубинкой, но подпалил сфинксу лишь перья, от которых по комнате расплылась тошнотворная вонь. Нефертити прыгнула на него и подрала в клочья куртку, однако ей удалось оставить лишь одну глубокую кровоточащую царапину

на толстой шее. Впрочем, Лейбер-сенсей успел вырваться. Шатаясь и хромая, ученый увернулся из-под машущей дубинки.

— Ох, бога ради! — раздраженно выпалил Ханс. — Акабане не сказал, что нам придется хватать целый *табор*!

Джин бросился с нему, сложившись пополам, с безумной мыслью ударить его головой в живот. Ханс с силой отшвырнул маму, которая прокатилась по полу и упала рядом с Миной — та тут же попыталась в нее вцепиться. Вместо нее высокий Ханс схватил Джина, и резко дернул за волосы, разворачивая на месте. Джин взвыл, из глаз покатились слезы боли. Он услышал странный щелчок возле уха и, скосив глаза, увидел стальной нож длиной сантиметров пятнадцать, который мелькнул перед его лицом и уперся под подбородок.

— Никому не шевелиться! — проревел шеф Ханс.

Все замерли. Ханс нетерпеливо добавил:

— Да я же не тебе, Оки!

— Ханс, нет! Это просто ребенок.

— У нас сегодня был скверный день, так что лучше *не дави на меня*.

Откровенный ужас на лице Оки как ничто

другое убедил остальных, что Ханс не блефует, подумал Джин. Он чувствовал, как плотно лезвие прижимается к коже и с какой силой тянут его за волосы.

— Хорошо, — одобрил Ханс. Притиснутый к нему Джин ощутил, как тот глубоко вдохнул — то ли запыхавшись, то ли решаясь на что-то. Вдруг этот большой человек на самом деле тоже напуган? Мысль была странная и совсем не успокаивала. — Ведите себя хорошо, вы все, или я, черт возьми, перережу мальчишке горло. Ясно вам? Ты, хватит дергаться! — Он потряс Джина за волосы.

Мама Джина, сидевшая на полу, посмотрела на него снизу вверх холодно и яростно и произнесла громким от страха голосом:

— Джин, не двигайся!

Лейбер-сенсей сглотнул. Хромающая Нефертити спряталась в тени под столом и, сжавшись в комок, жалобно бормотала: «Опасность, опасность, больно, наружжу, домм, больно!» Только ее причитания и тяжелое дыхание людей нарушали полную тишину в комнате без окон.

Ханс выпрямился.

— Вот так-то лучше. Теперь ты, парень, засунь руки в карманы. — Джин, покосившись на маму,

послушался. — Ты, Сато, встань. Ты тоже, доктор, и заложи руки за голову. Сато, возьми эту маленькую стерву за руку. А теперь вы все выходите наружу один за другим, а Оки с дубинкой присмотрит, чтобы вы шли ровно. Поставь ее на *максимум*, Оки!

Широкоплечий сглотнул, кивнул и нажал кнопку в основании рукоятки.

— Теперь вы все выходите за Оки через дверь и поворачиваете направо. Сато, потом Лейбер, потом я.

Мама, со страшно напряженным и неподвижным лицом, стиснула ладошку Мины, и обе поднялись. Босые мамины ноги ступали по полу бесшумно, только стеганый больничный халат чуть слышно хлопал ее по щиколоткам. Мина, хлюпающая носом и перепуганная, семенила рядом. Лейбер-сенсей с руками за головой смотрелся глупо, словно играл в детскую игру-считалочку — «потрогай себя за нос, за уши и за голову» — вот только он был очень серьезен, бледен и весь дрожал. Джин понадеялся, что теперь его не станут так сильно тянуть за волосы и отодвинут нож — тогда он сможет вывернуться и сбежать, — но здоровенные кулаки своей хватки не ослабили.

Они гуськом вышли в коридор, Джина вздер-

нули и развернули направо; он едва касался ногами пола. Так они успели пройти шага три до лестницы.

И тут прямо за их спинами звучный голос оруженосца Роика рявкнул: — Стоять!

Шеф Ханс развернулся на месте, держа Джина перед собою. Со стороны дальней лестницы по коридору широкими шагами приближался Роик-сан, Майлз-сан шел рядом с ним, а за ними спешил Ворон-сенсей. Роик поднял правую руку, но что он в ней держал, Джин не мог разглядеть из-за слез на глазах. Выражение лица у Роика было очень странным, холодным и отстраненным, почти ничего не выражающим. Джин почувствовал, как вздрогнул его пленитель. Нож прижался к горлу чуть сильней.

Ханс взвыл: — Снова ты! Брось этот чертов пара…

Белая вспышка вылетела из руки Роика-сан, и раздался странный жужжащий звук. Весь мир, а может, только голова Джина, словно взорвался облаком разноцветных конфетти, потом почернел, и эта темнота накрыла его с головой.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

К удивлению Роика, оставшегося охранника из «Нового Египта» ему помог обезвредить доктор Лейбер. Когда Роик крикнул, Оки схватил ученого, вероятно, чтобы не дать тому сбежать, но через минуту обнаружил, что избавиться от своей жертвы ему еще сложней: Лейбер повис на его толстенной левой руке, уворачиваясь от мощной шоковой дубинки. За те секунды, пока Оки пытался его стряхнуть, Роик оказался вплотную и прицелился ему в упор прямо между глаз.

— Сдавайся, Оки, — любезно посоветовал Роик. — Все было кончено еще тогда, когда я отправил ваше признание куда надо. Я думал, вы, ребята, это сразу поняли.

Оки, пригвожденный к месту как нацеленным в голову оружием, так и непреклонным взглядом Роика, неохотно разжал пальцы и со стуком уронил шоковую дубинку на пол. Он опустил плечи и ссутулился, и Лейбер отступил в сторону, дрожа, но теперь держа спину гордо выпрямленной. Без всякого приказа Оки сам заложил руки за голову и так и стоял с совершенно несчастным видом.

Госпожа Сато, обезумевшая от испуга, упала на колени рядом с обмякшим телом сына. Мальчик был без сознания и бледен, но Роик с удовлетворением отметил, что порез у него на шее неглубок и едва кровоточит.

— Простите, что Джин попал в ореол луча моего парализатора, мэм, — сказал ей Роик. — Но, насколько я знаю, обычно ситуацию с заложниками необходимо решать как можно быстрей. Нельзя позволять им тянуть время.

— Кошмар какой-то! — простонала она.

Роик кивнул, соглашаясь, но добавил:

— А пока хватит разговоров, мэм. Ворон *сейчас* даст Джину синергин, — он повелительно повел глазами в сторону Ворона, — и тогда мальчик очнется даже без головной боли.

Ворон уловил намек и бросился в послеоперационный блок за нужными медикаментами.

Подошел м'лорд, подобрал шоковую дубинку и принялся с любопытством разглядывать пленников задумчивым взглядом биолога, который готовится препарировать многообещающий новый экземпляр.

Оки смерил его недоумевающим взглядом:

— Да кто вы такие, черт возьми?

— С твоей точки зрения, — пояснил м'лорд, —

мы — служба доставки кармы. Почему, черт побери, ты и твой дружок Ханс не удрали сегодня как можно дальше? У вас же был шанс. То есть уже вчера, не сегодня. Чего ради вы вернулись к своим боссам?

— У нас *семьи*.

М'лорд поднял брови. Интересно, он что, впервые об этом задумался?

— Если вы боялись их опозорить, то опоздали года на полтора.

Оки заметно стало не по себе.

— Ну, еще и деньги тоже. — М'лорд поднял брови еще выше, и Оки добавил, защищаясь: — Мне в первый раз в жизни хватило денег. Мы купили дом.

Оки явно не привык жить на широкую ногу, как подозревал Роик. Если «Новый Египет» набирал свою охрану обычным путем, он, скорее всего, был честным человеком до того, как начальство втянуло его в это болото. Роик покосился на м'лорда, готовый и подсказать, и подтолкнуть локтем, если потребуется, но тот уже и сам сообразил.

— Даже сейчас еще не поздно тебе помочь. Каков местный эквивалент статуса Имперского свидетеля, кто-нибудь знает? У них должно быть что-то в этом роде.

— По-моему, свидетель префектуры, м'лорд, — подсказал Роик.

— Так совпало, что сейчас у меня на жаловании хороший юрист, который сможет тебе помочь, если ты станешь нормально сотрудничать со мной, — сообщил м'лорд пленнику. — Нормально означает: немедленно и сразу.

Роик подхватил намек и крепче сжал парализатор, глядя Оки в глаза поверх ствола, для усиления давления.

— Куда вы сейчас вели Лейбера и Сато? — спросил м'лорд. — Явно ведь не просто прогуляться.

— Акабане ждет нас на улице с фургоном, — пробормотал Оки.

— Финансовый директор «Нового Египта»? Сам?

Оки облизал губы:

— Понимаете, мы думали, что тут будет только Лейбер…

Глаза м'лорда загорелись.

— Вот и наш шанс, Роик! Застать его на месте преступления и задержать на принадлежащей нам территории, если получится. Промах врага — тактический подарок, которому нельзя дать пропасть впустую.

Тут Оки прорвало, хоть его никто не спраши-

вал:

— Они прикроются целой толпою адвокатов. Они — это президент Ким, операционный директор Чои, и глава департамента исследований Напак. Акабане перехватил нас после общего совещания. Когда стало ясно, что нас с ним собираются сделать козлами отпущения, и утром та тройка сдаст нас, не моргнув глазом, если мы что-нибудь не предпримем. А еще Акабане с того раза знал, что у меня зять в Наследниках-Освободителях, и…

— Разброд, шатание и паника, ага, — с удовольствием констатировал м'лорд. — Это многое объясняет. Поторопись, Роик. Акабане смоется отсюда на полной скорости, едва полиция объявится во всей красе.

Вернулся Ворон с аптечкой. Роик ненадолго передал парализатор м'лорду, обошел Оки со спины и сковал ему руки за спиной его же собственными наручниками, потом невозмутимо забрал свое оружие обратно, сцапал Лейбера за руку и потащил к лестнице.

— Что вам от меня нужно? — встревожился Лейбер, быстро сбегая вслед за ним по ступеням.

— Вы должны опознать для меня Акабане. В конце концов, я совсем не хочу парализовать не

того человека.

— Вы весьма вольно пользуетесь этой штукой.

— Все нормально. У меня лицензия на парализатор.

— А я думал, лицензия на убийство.

Роик поморщился.

— Это тоже есть. Но вы *представит*ь себе не можете, сколько бюрократических форм мне потом пришлось бы заполнять.

Похоже, Лейбер не понял, шутка ли это. Ничего удивительного — Роик и сам точно не знал. В следственных процедурах нет ничего забавного: ни сразу, ни задним числом.

Они вышли через тяжелую металлическую дверь с дальней стороны здания, повернули за угол налево и вышли к длинному фасаду. Короткий подъездной путь в форме подковы подходил к крытой стоянке у входа, где когда-то высаживались пациенты и посетители. В дорожной петле, судя по всему, когда-то была разбита аккуратная лужайка, сейчас прискорбно заросшая сорняками. Разметочная подсветка не работала, но света от мерцающих ручных фонарей хватало, чтобы рассмотреть толпу пожилых людей. Часть из них успела одеться, а часть выскочила полуодетыми, и теперь все они растерянно топтались на дороге

и бывшей лужайке. К облегчению Роика, ночной туман с другой стороны комплекса не подсвечивали отсветы оранжевого пламени: только блики разноцветных мигалок, словно светомузыка. Два ряда парковочных мест тянулись вдоль фасада криоцентра: сперва шло здание приемного отделения, за ним — административный корпус (Роик мысленно отметил расположение апартаментов госпожи Сюзи на его верхнем этаже). В конце парковки комплекс огораживала обветшалая железная сетка.

Дальше на улице за воротами виднелись только несколько темных силуэтов стоящих машин, но прямо у ворот возле полуразрушенной будки охраны в тени припарковался знакомый фургон. Ворота, что любопытно, были взломаны и распахнуты настежь.

— Отлично, — сказал Роик. — Подождите, пока я не займу позицию за будкой, тогда выходите к лужайке и присоединяйтесь к остальной толпе. Убедитесь, что вас видно с улицы, но держитесь от дорожки на расстоянии вытянутой руки.

— Погодите, что, вы хотите сделать из меня приманку? — возмутился Лейбер. — Я думал, что нужен вам для опознания!

— Так и есть, — логично подтвердил Роик. —

Тот, кто попытается вас схватить, и есть Акабане. Плюс к тому мы выманим его из машины на территорию комплекса.

— А зачем?

— Во-первых, не могу же я парализовать его через стенку фургона, и во-вторых, тогда лорд Марк обвинит Акабане в нарушении границ его частной территории. Так мы сможем задержать его на всю ночь, а утром будет уже слишком поздно.

— Но я думал, это место принадлежит тому человеку, Фуве.

— Лорд Марк уже заполучил его, или я его совсем не знаю. — «А кто знает? Даже м'лорд, и тот вряд ли. Разве что мисс Карин». — Идите. — Роик дружески подтолкнул Лейбера в спину и двинулся к воротам, скрытно пробираясь от одного пятна тени к другому. Он занял позицию между караульной будкой и зданием, так, чтобы его не было видно с улицы.

Лейбер весьма убедительно топтался по сорнякам, хотя и несколько дальше, чем предпочел бы Роик. Он оглядывался по сторонам, точно в замешательстве, и прекрасно демонстрировал себя в фас и профиль. Какое-то время Роик еще сомневался, клюнет Акабане на приманку или им придется придумывать новый ход, но тут

фургон проехал мимо будки. Роик пригнулся в тени. На одно мгновение он ужаснулся, что неверно оценил ситуацию: вдруг Акабане просто поднимет машину на пару метров и обрушится на свою жертву сверху? Размазанный по земле Лейбер больше не опасен как свидетель. М'лорд рассказывал Роику, как однажды нечто подобное пытались проделать с ним: все равно что гигантский ботинок хочет расплющить тебя по мостовой и промахивается буквально на каких-то пару сантиметров. Роик напрягся, как бегун на старте, готовый броситься на спасение своей приманки.

Но то ли в местные машины встраивали датчик безопасности, который предотвращал несчастные случаи такого рода, то ли Акабане помешало присутствие доброй сотни свидетелей. Фургон просто опустился на лужайку, скрыв Лейбера от стариков, которые и так пялились в другую сторону, туда, где вспыхивали мигалки. Боковая дверь отъехала в сторону.

Темная фигура выпрыгнула из фургона, Лейбер отпрянул. Роик выстрелил с колена и подсек нападавшего, упавшего с приглушенным воплем изумления и ярости. Теперь Роику хватило нескольких шагов, чтобы выйти на позицию для

своего любимого выстрела: с близкого расстояния и на малой мощности в основание шеи.

— Быстро помогите мне затащить его в фургон, — скомандовал он тяжело дышащему Лейберу; тот кивнул и повиновался.

Финансовый директор Акабане выглядел как типичный местный житель; он мог бы сойти за злобного дядюшку Ворона, если бы у клонов-Дюрон вообще были какие-нибудь дяди. Хотя сейчас Акабане выглядел не особо злобным, а лишь бледным и обмякшим. И, как надеялся Роик, сломленным.

Уже не первый день м'лорд вел свою игру против верхушки «Нового Египта», но лишь теперь Роик увидел своего врага в лицо (несколько снимков с камер не в счет). До сих пор все военные действия у них шли на расстоянии, точно в космическом сражении. Или, может, в некоей мутировавшей версии шахмат, где правила меняются каждые два хода. Прославленный отец м'лорда, отставной адмирал космофлота, в подобной ситуации чувствовал бы себя как дома, да и м'лорд не терялся, но для Роика все происходящее казалось странным, бескровным и отстраненным — хотя за «бескровное» он был откровенно благодарен.

Интересно было бы посмотреть, как эти шишки из криокорпораций, полагавшие, что у них уже все схвачено, растерялись, когда м'лорд непонятно откуда ворвался в их дела, точно сеющая за собой хаос комета? Воображаемая картина заставила его улыбнуться, правда, от этой улыбки Лейбер неуверенно попятился.

Уголком глаза Роик заметил мигалки машин спасательных служб, сворачивающих на улицу; через несколько секунд они въедут в ворота.

— Смешаемся с толпой. Встречаемся снова у задней двери, — проинструктировал он Лейбера и быстро последовал своему же совету. Для Роика представляло собой изрядную проблему затеряться в этой толпе, будучи на голову выше всех и лет на сто моложе прочих. Но вокруг творилось черт знает что, и никто даже не посмотрел в его сторону.

Лейбер подошел почти сразу.

— Это все? — поинтересовался он.

Роик кивнул.

— Остальное — задача м'лорда. Парализатор свое дело сделал. — Какую-то секунду Роик скромно наслаждался прекрасно выполненной работой. — Дальше в игру вступают слова. А это уже не моя область. — Он сделал задумчивую

паузу и подытожил: — И слава богу.

*** Джин, моргая, открыл глаза, и обнаружил, что смотрит в потолок — потолок послеоперационной палаты, сообразил он, повернув голову. Он потрогал свое лицо — кожу покалывало — и несколько раз подряд крепко зажмурился. Не тошнит и голова не кружится. Впрочем, нельзя сказать, чтобы он чувствовал себя совсем уж хорошо. Глупость какая-то. Он лежал на одном из высоких и узких смотровых столов, не накрытом даже простыней, и потрескавшийся старый пластик неприятно царапал кожу.

— Джин, ты в порядке?

Он повернулся, опираясь на локоть, и увидел, что над ним склонилась мама. На ней снова была фильтрующая маска и плотно запахнутый халат, и смотрела она с беспокойством.

— Наверное. — Он снова потер лицо, осторожно почесал макушку, где до сих болело, оттого что Ханс тащил его за волосы.

Мина подлезла под руку к маме и с любопытством разглядывала его.

— Тебя застрелил оруженосец Роик. Я никогда не видела, как в человека по-настоящему стреляют.

Джин тоже ни разу не видел. Очень странно

— когда в тебя стреляют. Он впервые задумался, как себя чувствовал Майлз-сан, когда в него выстрелили иглогранатой. Конечно, быть просто парализованным — не так страшно, но все же было это жуткое мгновение, когда он увидел непреклонное лицо оруженосца Роика и понял, что не может ничего сделать, слишком поздно, у него отнимают весь мир, а он абсолютно беспомощен… Джин нахмурился: ощущение было таким неприятным!

— … Не сломано, — раздался голос Ворона-сенсея, и ему ответил голос Форлынкина — Неужели вы не поверили мне на слово?

Джин повернулся, и увидел, что эти двое заняли соседний смотровой стол. Форлынкин сидел на краю, свесив ноги. Свой плащ с широкими рукавами он снял и отложил в сторону вместе с накидкой, а рукава рубашки были закатаны. Ворон-сенсей стоял перед ним и возился с его левой рукой, которую Форлынкин, точно защищаясь, прижимал к себе.

Форлынкин отмыл лицо, и отметины от когтей Нефертити превратились в три тонких красных черточки под блестящим слоем прозрачной пластповязки. Но воротник рубашки весь пропитался засохшей кровью, брызги были и на

одежде, и Джин поежился от вины за своего нового питомца.

— Синяки у вас будут внушительные, — продолжал Ворон-сенсей.

— От лома? Неудивительно. Повезло, что он лицо не зацепил. — Форлынкин-сан нашел еще ниндзя! — объяснила Мина Джину. — Они дрались и Форлынкин-сан победил.

Форлынкин покосился на нее и улыбнулся с каким-то сожалением.

— К счастью для меня, это были не ниндзя. Просто пара наемных громил из местного отделения Н.О.Н.Н., которые попытались наконец-то воплотить в жизнь свой девиз.

— Я думал, их всех арестовали после нападения на участников конференции, — удивился Ворон-сенсей.

— Это типы из ранее отколовшейся от них группы крайне радикального толка. Насколько я в курсе, Н.О.Н.Н. не славилась единством и в лучшие времена. — Форлынкин повернулся к Джину: — Я встретил эту парочку за дальним углом следующего здания. Они пытались выломать дверь и пробраться в туннели с зажигательной смесью. Если бы им это удалось, тут случились бы большие неприятности.

Ворон-сенсей поднял брови:

— Что, поджигатели надеялись выбраться оттуда живыми?

— Трудно сказать. Похоже, здесь внизу заблудиться ничего не стоит. Но пожарный департамент сумел быстро локализовать возгорание в здании теплообменника, едва я сообщил им, что тут использовали астеризин. Очень мерзкая штука — астеризин. Начнешь заливать его водой, случится неприятный сюрприз. Можете поверить, пожарные устроят Н.О.Н.Н. веселое утро.

Джин наморщил лоб:

— А лом-то зачем? Дверь с другой стороны всегда оставляли незапертой.

Форлынкин поморгал, рассмеялся и тут же поморщился, потрогав свою исцарапанную физиономию.

— Просто потому, что никто из нас об этом не знал. После того, как я отобрал у них лом, я смог задержать их до прихода полиции. И кое-кто из пожарных тоже был не против мне помочь. Эти двое показали, что их наняли охранники из «Нового Египта», явно только для того, чтобы, прикрываясь диверсией, похитить доктора Лейбера. Правда, по-моему, кое-кто из Освободителей переусердствовал с исполнением инструкций.

Но вся цепочка приводит точно к топ-менеджеру «Нового Египта», на которого нацелился лорд Аудитор Форкосиган.

Мама потерла лоб. Вокруг глаз у нее пролегли глубокие морщины.

— Только если им не удастся снова спустить все на тормозах.

— Думаю, на сей раз — нет, — возразил Форлынкин, ободряюще ей улыбаясь.

— А где Нефертити? — внезапно встревожился Джин.

Мина показала на полки у дальней стены. Из темноты под ними слышалось бормотание и рычание.

— Она прячется. Может, ты уговоришь ее выйти, когда она успокоится. Я попыталась выманить ее на еду, но, наверно, она сейчас не такая голодная.

Ворон-сенсей обошел вокруг смотрового стола, улыбнулся Джину, посмотрел ему в глаза, оттянул веки, проверил пульс.

— Голова болит? Тошнит?

— Нет, совсем ничего. — Джин ощупал онемевшую физиономию и наткнулся пальцами на полоску пластыря на шее.

— Там просто царапина, — заверил его Ворон-

сенсей.

— У меня лицо онемело.

— Это нормально и через час пройдет. Если не пройдет, скажи мне. — Ворон-сенсей помолчал и откашлялся. — Лорд Форкосиган просил передать тебе, когда ты очнешься. Те несколько минут, на которые вы с Миной задержали бандитов из «Нового Египта», оказались решающими, чтобы успела подойти спасательная партия.

— Ого! — восхитилась довольная Мина.

Ворон-сенсей кивнул.

— Он сказал, что если бы вас вытащили из здания до того, как мы подоспели, «ситуация потребовала бы долгого упорного преследования» — знаешь, он так он выражается по-военному. А значит, нам пришлось бы черт знает сколько времени за вами гоняться. Хотя, наверное, он бы и тут справился. Он, э-э… такой, настойчивый.

Джин сел полностью, в первый раз с тех пор, как очнулся. Он увидел, что в стеклянном боксе рядом с маминым заперты двое здоровенных дядек из «Нового Египта». Джин вздрогнул от страха, но тут понял, что Ханс неподвижно лежит на полу, а Оки сидит, сгорбившись, с руками, связанными за спиной, и ничего не замечает.

Джин представил, как их всех увезли бы в глу-

хом фургоне непонятно куда и снова *забрали маму*… Он сглотнул — на шее натянулся пластырь. Тогда его отчаянная борьба с высокими, большими мужчинами казалась ему бесполезной, тщетной, но, может быть…

В эту минуту в комнату своим быстрым шагом вошел Майлз-сан, а за ним — оруженосец Роик. Оки даже и не поднял головы, и Джин вспомнил, что боксы изолированы и изнутри ничего не слышно.

— А, — Роик улыбнулся и дружески помахал Джину, — ты уже пришел в себя. Хорошо.

Джин насупился, не в силах прогнать совсем недавнее воспоминание: Роик глядит сквозь него, словно Джина просто нет, и целится из парализатора. Физиономия Роика чуть погрустнела, хотя он тут же попытался улыбнуться Мине — и она ему ответила. Получается, его улыбка — просто притворство? Какой Роик настоящий: большой улыбающийся человек или тот — холодный, напряженный, страшный?

— Замечательно, все здесь, — оповестил собравшихся Майлз-сан. Он забрался на стул, точно учитель на кафедру для чтения лекции, и макушка у него оказалась почти вровень с головой Роика. Все повернулись к нему. Это должно было

смотреться довольно глупо, но почему-то так не получилось, хотя Джин и не понимал, отчего.

— Полиция Норбриджа будет здесь через несколько минут. Они заберут наших гостей из «Нового Египта», — Майлз показал на бокс-камеру, — и начнут снимать со всех показания. Вот-вот к нам присоединится пара сонных адвокатов; госпожа Ксиа категорически настаивает, что у нее нет необходимого опыта в уголовном праве, зато мы подняли на ноги двоих ее сослуживцев из соответствующего отдела. Да, глава ее фирмы тоже подъедет сегодня, но попозже, когда мы вернемся в консульство и немного отдохнем.

Мама застыла:

— С юристами нам раньше никогда не везло.

— На сей раз они будут на вашей стороне, — пообещал Майлз-сан. — А у нас — Ворон, доктор Лейбер, консул Форлынкин — пока как раз есть время согласовать наши рассказы.

Ворон-сенсей выглядел заинтересованным, Лейбер-сенсей встревоженным, а консул Форлынкин — смирившимся.

Майлз-сан продолжал:

— Цепь событий слишком сложна и взаимосвязана, чтобы можно было подправить много, но в целом я предпочел бы, чтобы мое имя всплывало

там как можно меньше — по причинам, относящимся ко второй части моего расследования на Кибо. Не беспокойтесь, госпожа Сато, оно никак не пересекается и не конфликтует с вашим делом. К счастью, на роли местных героев вполне подойдут Ворон и доктор Лейбер.

Брови Ворона-сенсея поползли вверх. Лейбер уставился на Майлза-сан с мрачным подозрением.

— Вкратце все выглядит так. В первый день, доктор Лейбер, мы Вороном приехали к вам потому, что группа Дюрона собиралась развернуть свою деятельность в Норбридже, и он хотел переманить к себе на работу ведущего химика в области криорастворов. Кстати, именно этот пост они вам и предложат, если только мы сумеем избежать вашего ареста.

— О! — Лейбер-сенсей так и сел, на лице у него расплылась удивленная, но благодарная улыбка.

— Тогда же доктор Лейбер рассказал нам о своем плане положить конец «Новому Египту» за историю с некачественным криораствором и перепродаваемыми контрактами и сообщил, что он изъял криотруп госпожи Сато, обеспечивая ее безопасность как будущего свидетеля. Пользуясь возможностью, он нанял доктора Дюрона для ее

оживления, поставив это как одно из условий своего найма, и доктор Дюрона так стремился заполучить ценного сотрудника, что согласился.

— И я привез эту украденную криокамеру сюда, в мою секретную лабораторию? — сухо уточнил Ворон-сенсей.

— Именно так. — Майлз-сан жизнерадостно ему улыбнулся. — Хотя давайте не использовать в ваших показаниях термин «украденная», если вопрос все же всплывет. Вполне подойдет «спасенная» или «помещенная в безопасное место».

Ворон-сенсей махнул рукой, соглашаясь.

— А дальше что?

— Попытка доктора Лейбера покинуть Кибо была отвлекающим маневром, призванным отвлечь «Новый Египет», пока проходит оживление госпожи Сато, чтобы она смогла свидетельствовать против них. К несчастью, попытка получилась слишком убедительной. Однако его спас Роик — по просьбе Ворона; я разрешил ему вмешаться в это дело, оказывая любезность компании, которая принадлежит моему брату. Сегодня вечером я приехал сюда лишь затем, чтобы приглядеть за Марком, чьи перемещения представляют неизменный интерес для Барраярской Имперской СБ по чисто барраярским политическим причинам.

Что, кстати, тоже правда. Убедившись, что новое предприятие Марка интересам Империи не угрожает, я собираюсь вскоре покинуть Кибо-Дайни, как только завершу здесь свои дела.

Джин заморгал, услышав новость. Ну да… конечно, так и должно было случиться. Люди всегда уходят. Ничего не остается ни неизменным, ни безопасным. Он прикусил губу.

— Я полагаю, сегодня вечером о покойной Алисе Чен мы умолчим, и, скорее всего, ее имя вообще не всплывет, но на случай, если это всё же произойдет… Ворон изъял ее из хранилища также по требованию доктора Лейбера, как вещественное доказательство эффектов некачественного криораствора. Ворон в равной степени ученый и бизнесмен, чтобы не подвергать свою компанию риску на основании одних только слухов.

Ворон склонил голову и усмехнулся.

— Для меня — подходит.

Майлз-сан повел плечами и потянулся. Лицо у него приобрело бледный, несколько сероватый оттенок — ничего удивительного для четырех часов утра — но тут все устали не меньше. Зато его глаза сияли. Он повернулся к маме Джина:

— Ко мне с барраярского посольства на Эскобаре уже летит опытный эксперт экономического

отдела. Так получилось, что вся необходимость в нем уже по большей части отпала из-за событий вчерашнего дня, однако, чтобы оправдать стоимость его перелета, я решил одолжить его вам на пару дней. Я думаю, он сможет оказать значительную помощь в стратегическом планировании ваших дальнейших шагов, решите ли вы возобновить деятельность вашего политического комитета или нет.

Мама потерла лоб и хрипло произнесла:

— Но что если полиция решит забрать Джина и Мину?

Эту ужасную мысль Джин тоже гнал от себя прочь с той самой минуты, как Майлз-сан объявил о скором прибытии полицейских.

— Полагаю, вряд ли они станут допрашивать малолетних, когда под рукой так много взрослых очевидцев. Вы — их ближайший родственник; им придется запросить ваше разрешение на допрос детей, и я полагаю, что вы им в таком разрешении откажете на основании того, что дети и так слишком травмированы недавней попыткой похищения.

Мина издала короткий возмущенный возглас. Джин не был так уверен.

— Адвокат вас поддержит, — продолжал Май-

лз-сан. — Если полиция станет спорить — в чем я сильно сомневаюсь, поскольку все события завершились буквально только что — отвечайте, что они могут навестить вас с детьми в консульстве позже, если понадобится. Маловероятно, что они придут, но даже если так, там мы будем уже на своей территории.

Форлынкин успокаивающе кивнул, а мама с сомнением покачала головой, но Джин увидел, как морщинки вокруг ее глаз немного разгладились.

Джин поднял взгляд и увидел, что оруженосец Роик смотрит на него в упор. Он неуютно поежился и отвернулся.

— Госпожа Сато, — произнес Роик своим звучным, глубоким голосом, — вы позволите Джину с Миной на минуту выйти со мною в коридор? Я хочу им кое-что показать.

Джин повернулся, уже готовый отказаться, но тут Мина запрыгала — «да, да!» — не давая ни слова вставить маме, которая все равно хотела сейчас что-то обсудить с консулом, так что Джина в конце концов выдворили в коридор вместе с сестрой. Роик плотно прикрыл за ними дверь.

Затем, к удивлению Джина, Роик опустился перед ним на колено, оказавшись почти одного с ним роста — хотя все равно оставался выше

Мины.

— Я подумал, — пояснил Роик, — что вам захочется пострелять из моего парализатора. — Из кобуры под курткой Роик вытащил то самое оружие, которое сделало Джину так плохо, и мальчик вздрогнул.

— Ух ты! — завопила Мина. — Вау, а можно мне?

Теперь Джин даже не мог отказаться. Он осторожно кивнул.

— Никогда не направляй оружие на человека, если только не собираешься в него стрелять, — начал короткую лекцию Роик. — И тут не важно, думаешь ли ты, что оно не заряжено, или стоит на предохранителе, или еще что-нибудь. Пусть это станет для тебя непререкаемой привычкой, в которой ты никогда не будешь сомневаться. — Он показал Джину, как устроен парализатор, назвал все детали, в том числе датчик на рукоятке, настроенный на его собственную руку — и специально отключил его, набрав код. Лишь тогда Роик позволил ему взять оружие, удостоверившись, что дуло направлено в пустой коридор.

Рукоятка еще хранила тепло от ладони Роика — так бывает, когда сядешь на стул, с которого кто-то только что встал. Парализатор оказался не

таким тяжелым, как думал Джин, но все-таки был довольно увесистым, в основном из-за батареи в рукоятке. Он совсем не выглядел игрушечным.

Джин всмотрелся вдоль линии прицела, как его научил Роик, и нажал курок. Внезапное жужжание в руке испугало его, но отдачи не было, так что Джин ухитрился не выронить оружие.

Ободренный, Джин дал Роику показать, как работает автоматический лазерный прицел, и выстрелил снова. На этот раз он уже не вздрогнул. А потом он стрелял и стрелял. Теперь заряды попадали в стену почти там, куда он целился. Джин старался держаться серьезно, но чувствовал, что все равно расплывается в улыбке.

К этому моменту Мина так хотела тоже попробовать, что просто вопила: «Дай мне! Дай!» — и Джин неохотно уступил парализатор ей. Роик еще раз повторил свою инструкцию, осторожно опустился на колени позади Мины и поддержал рукой ее ладошки — ей пришлось ухватиться за рукоятку двумя руками сразу — и урок повторился.

Затем Роик поднялся, взял парализатор, сбросил код отмены и убрал оружие в кобуру.

— Лучше? — спросил он у Джина.

— Ага, — с удивлением ответил Джин. — Это

такой инструмент. Просто инструмент.

— Верно.

На этот раз Джин ответил улыбкой на улыбку Роика. И они все втроем вернулись в палату.

* * *

Майлз подался вперед, к кодированному устройству записи, и самым оживленным тоном произнес.

«На всякий случай, Грегор, я хочу, чтобы ты знал: если после всего эта планета погорит, моей вины тут нет. Растяжка от мины была натянута задолго до того, как я об нее споткнулся».

Он с минуту подумал, пойдет ли это в качестве первого предложения его Аудиторского доклада, потом протянул руку и стер. Единственная хорошая вещь в задержке галактической связи, проистекающей из того, что информация путешествует со скоростью света между П-В туннелями и на кораблях — через эти туннели: если ты не подумал перед тем, как сказать, ты можешь еще подумать перед тем, как *отправить*. Хотя лучшие свои идеи Майлз выдавал как раз тогда, когда его мозг не поспевал за болтливым языком. «Правда, и худшие — тоже». Интересно, к какому виду относится последний случай?

Он оглядел консульский узел связи, который получил в свое полное распоряжение для секретной и личной записи, выставив отсюда вымотанного Йоханнеса. Поскольку отдаленное консульство в качестве аналитика СБ располагало только лейтенантом Йоханнесом, большую часть времени из двух последних дней Майлз провел, натаскивая беднягу на работу с данными: учил, какую именно информацию тот должен отсеивать из шумихи местных планетарных СМИ, сортировать и пересылать в Департамент по делам Галактики на Комарру.

Хорошая штука — многозадачность. Йоханнес показал себя достаточно прилежным учеником. Да, будь атташе одной из восходящих молодых звезд Имперской Службы, он бы получил пост не здесь, а в более горячей точке. Но будь он менее ответственным, его бы не послали сюда в автономное плавание.

Майлз отметил в примечании добросовестность лейтенанта и заодно вспомнил про свои прежние подозрения в адрес клерка, Юичи Мэтсона. Позавчера, когда пресса только начала осаждать консульство, он случайно подслушал хвост короткого разговора на кухне между Мэтсоном и его начальником Форлынкиным.

— Мне говорят, что на этой работе я бы мог набить карманы взятками, — жаловался клерк, — вот только за все пять лет мне никто ничего не предлагал. А когда теперь наконец начали, то лишь потому, что их интересуют сплетни о Сато-сан. Сато-сан! Как будто я стану это делать! Пфф!

Голубые глаза Форлынкина сощурились:

— Вы все не так делали, Юичи. Вам нужно было не ждать предложений, а просить самому. Или как минимум намекать. Спросите милорда Аудитора, пусть вас научит.

Мэтсон только покачал головой и вышел, лелея в руках чашку с зеленым чаем, а в душе — обиду.

Майлз усмехнулся и добавил в отчет еще одно доброе слово про перегруженного работой консульского клерка.

Чтобы снова собраться с мыслями, Майлз просмотрел длинный список приложений — и сырых данных, и его выводов — которые он подготовил для Штаб-квартиры СБ; рутина скучная, но необходимая. Вполне хватит порадовать работой какую-нибудь несчастную команду аналитиков Департамента по делам галактики на срок от одной до трех недель, пока Майлз до них лично не доберется. Загрузить уж точно, во всяком случае. В круг доверенных лиц будет включен и Импер-

ский Советник (как именовался барраярский вице-король Комарры), едва сообщение дойдет туда по сжатому лучу. А полный анализ этой аферы с планетарными акциями и план подходящих контрмер вполне подождут, до тех пор, пока лорд Аудитор не окажется на орбите Комарры.

Майлз немного поразвлекался, представляя себе, как Рон Винг и его приятели выходят из криостаза в надежде, что заполучили целую планету, а оказываются такими же нищими и неприкаянными, как старый Йани. Увы, но их махинацию пресекут на гораздо более ранней стадии. Мировая справедливость — весьма привлекательная штука, но и обычное правосудие тоже сработает.

Полезно, что, составляя Аудиторский доклад, Майлз сидел внизу и не попадался на глаза посетителям консульства, пока последствия ночного совещания у госпожи Сюзи разворачивались во всей красе. Руководство «Нового Египта» арестовали по обвинению в тайном сговоре и, возможно, убийстве. А когда скандал с испорченным криораствором и продажей контрактов подхватили новостные агентства, стало похоже, что к обвинениям прибавятся другие, и «Новый Египет» уже не сможет отвертеться. Попытка

похищения, да еще детей, оказалась для них особенно губительна и принесла еще одно очко в этой игре Джину с Миной — кстати, надо не забыть сказать им. Юристы уже готовили иск от имени госпожи Сато и ее группы, а она сама дала первое интервью под бдительным присмотром Форлынкина. Новый адвокат снабжал ее мудрыми советами и с энтузиазмом воспринял этот непредвиденный поворот событий.

«Белая Хризантема» и множество других криокорпораций, которых разразившиеся события преждевременно призвали к ответу, наконец-то завопили, как и полагается обманутым жертвам, и Майлз, ухмыльнувшись, пожелал Рону Вингу всей удачи в попытке спасти положение, какую тот заслужил. Астеризин хорош, чтобы поджечь здание, но если ты хочешь поджечь целый мир… что ж.

Майлз в энный раз себе напомнил, что ему не стоит дальше вмешиваться в это дело с высоты своего положения. Консул Форлынкин присматривает за интересами и Барраяра, и семейства Сато, а Марк возглавляет дела с того конца, который имеет касательство к клинике Дюрона. Майлз и так оказался опасно близок к тому, чтобы поставить под удар изначальное задание с

«Белой Хризантемой», расследуя интереснейшую побочную ветвь с «Новым Египтом». Впрочем, учитывая новое предприятие Марка, в конце концов, и это послужит на пользу Барраяра. Майлз должен был отдать должное случаю и интуиции — действительно, не сунь он нос дальше, чем вроде бы требовалось, то ничего в этом направлении не узнал бы. Вот на что надо обязательно указать Грегору.

Ах да, Грегор. Сопроводительное послание предназначалось только для императорских глаз и ушей. Чтобы набраться вдохновения, Майлз вызвал на комм неподвижное изображение Грегора: в полном мундире, с суровым взглядом и в той официальной позе, что сам Грегор называл «будто кол проглотил». Увы, оно вдохновляло Майлза лишь на то, чтобы по-клоунски дурачиться, пока это мрачное лицо не расплывется в улыбке. А клоунов в жизни Грегора и так хватало, начиная с половины Совета Графов, хотя те редко вызывали у него улыбку.

Майлз снова включил запись, и начал излагать, эффективно и четко.

«Добрый день, Грегор. Как и говорилось в моей поправке к тревожному сообщению Форлынкина, мы вполне справедливо заподозрили „Белую

Хризантему“ в мошенничестве на Комарре. Первичные данные и мои выводы по ним — в основной части доклада. Я не уверен, как мне поступить со взяткой. Возвращать я ее не собираюсь, но и обещанного Вингом она не стоит, так что ей один путь — в Имперский госпиталь для ветеранов в качестве сомнительного пожертвования. Однако это мы можем решить и потом. По пути домой я остановлюсь в Солстисе, на случай, если у комаррского СБ и у Имперского советника еще будут ко мне вопросы, хотя, по правде говоря, им уже есть с чего начинать.»

«Кстати, о Форлынкине. В его личное досье в Департаменте иностранных дел следует записать мою Аудиторскую благодарность за образцовую помощь во время моего визита и, гм, инспекции. А также после него, поскольку я завтра улетаю и всю подчистку результатов сваливаю на бедного малого».

«Лучше он, чем я».

«Тем временем я лучше дам тебе краткую сводку по скандалу с „Новым Египтом“, который пересекается с моим расследованием. Все началось с того, что кучка местных идиотов вломилась на криоконференцию с намерением взять меня в плен, и хотя в этом они не преуспели

— что я кратко описал в предыдущем докладе — однако после…»

По возможности лаконично Майлз подытожил события последних дней, от повторного появления Джина у задних дверей консульства до успешного ареста руководства «Нового Египта». Закончив рассказывать, он даже несколько запыхался. Майлз постарался не кривиться, представив, с каким выражением на лице Грегор все это выслушает. Озадаченно? Страдальчески морщась? Бесстрастно? В бесстрастности Грегор мог дать Пиму сто очков вперед.

«Пока никакие уголовные обвинения мне не грозят, и я надеюсь оказаться далеко от Кибо-Дайни прежде, чем кто-нибудь здесь вообще об этом задумается», — радостно заверил он.

Как бы теперь оптимистично все закончить?

«Только на Кибо можно вызывать мертвых, чтобы те свидетельствовали против преступников — реальное воплощение мировой справедливости, если таковая вообще существует».

Припоминается какая-то архаичная цитата, жуткая, аж мороз по коже… Из чего-то, читанного им еще в годы учебы в Академии, точнее, в увольнительных между учебой. Древнее предание со Старой Земли, еще с тех времен, когда крионику

не только не изобрели, но даже представить себе не могли. Слова звучали странно пророчески, клеймом горели у него в мозгу, хотя сам литературный источник был давно забыт, похоронен под хаосом прошедших десятилетий и, возможно, затронут криоамнезией. «Проложу я путь в глубину преисподней, подниму я мертвых, чтоб живых пожирали — станет меньше тогда живых, чем мертвых!..»

Пожалуй, не стоит делиться с Грегором такими вещами. У Грегора, и Майлз это доподлинно знал, и так хватает собственных кошмаров в его императорской голове, так что порой только изумляешься, как она у него до сих пор не разлетелась на кусочки. Наконец-то Майлз придумал финал.

«Хотелось бы знать, не окажутся ли исследования Марка в области омоложения, которые он здесь планирует провести, в долговременной перспективе важней, чем моя нынешняя работа? Пока слишком рано судить, но на Группу Дюрона посмотреть стоит, и не только серебряными шпионскими Глазами Гора. Пусть Лаиса приватно намекнет об этом своей тете, если та ищет лучшее вложение денег, нежели „Солстис — Белая Хризантема“. Может, это станет подходящей

наградой за то, что она первой обратила наше внимание на это дело».

«На сегодняшний коммерческий рейс до Эскобара я не успеваю, но уже заказал каюту на завтра. Я жду не дождусь, когда же окажусь дома».

«Да, и передай Лаисе от меня: знатный улов!»

Майлз закрыл запись, запечатал доступ, приложил ее к своему закодированному рапорту и отправил.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Дневное солнце припекало, и сад позади консульства перекликался на разные голоса. На своей жердочке с ворчанием чистил перья Вихрь. Куры рылись в траве или дремали в своих ящиках. Сфинкс с бормотанием обнюхивал цветочные клумбы, то и дело чихая — совсем как мама сейчас. Черепаха, украшавшая садовый столик, неторопливо хрустела кусочком латука, пожертвованным Миной из своего салата. Лаки сидела на маминых коленях и мурлыкала, выпуская когти, едва ласкающая рука останавливалась, словно требуя, чтобы ее загладили до лысой шкурки. Только крысы, которых выпустили побегать чуть раньше и потом накормили специальным лакомством, тихо спали, свернувшись в своих клетках, но от них никогда не было много шума. Каким *живым* стало это место, с удовлетворением подумал Джин.

Стол специально вынесли на улицу, чтобы поесть под деревом. За обеденным столом сидели мама, Джин, Мина, консул Форлынкин и тетя Лорна, впервые пришедшая навестить свою

ожившую сестру. Джин пришел в ужас, когда узнал, что она придет. Но поскольку взять Джина жить к себе она хотела не больше, чем сам Джин мечтал вернуться к ней, они довольно странным образом оказались союзниками. И все же она не упустила возможность отругать его за побег из дома. За оба побега.

— Она права, Джин, — поддержала ее мама. — Они с дядей очень сердились и беспокоились, так как что не знали, что с тобою случилось. У них были все основания опасаться, что тебя могут убить.

— Но если бы я не убежал, — возразил Джин, — то никогда не встретил Майлза-сан. И мама до сих пор лежала бы замороженная.

Увидев ошарашенное лицо тети Лорны, Форлынкин-сан улыбнулся:

— Боюсь, против логики не поспоришь.

Было тепло, и Форлынкин снял свое деловое пальто, оставшись в одной рубашке с широкими рукавами. Он сидел в кресле с абсолютно расслабленным видом, таким Джин его раньше вообще не видел. Впрочем, большую часть времени консул следовал за Майлзом-сан, а при нем точно не расслабишься.

Майлз-сан с оруженосцем Роиком улетели вче-

ра: сперва на катере на орбиту, потом скачковым кораблем до Эскобара, а там — консул Форлынкин показал Джину и Мине на карте П-В туннелей — лорд Аудитор пересядет на корабль, летящий мимо планет Сергияра и Комарры до Барраяра, его родины. Того самого Барраяра, где есть дети и пони. Несмотря на бесконечную вереницу юристов, полицейских и журналистов, которые то приходили, то уходили, и на живущее здесь теперь семейство Сато, в консульстве все равно стало тише и спокойнее с тех пор, как маленький человечек уехал. Та чехарда событий была ужасно захватывающей, но Джин не жалел, что она закончилась. В любом случае, за всеми приходившими строго надзирал консул; высоченный барраярец выглядел так официально и грозно, что никто больше не пытался забрать маму.

Мина пошла в дом пописать, но вдруг вихрем вылетела в сад, громко хлопнув дверью. В руках у нее была знакомая коробочка. За Миной с опаской шел лейтенант Йоханнес.

— Уверен, в естественной среде ей будет лучше… — уговаривал он.

— Джин! Мама! Смотрите! У леди Мурасаки вылупились детки!

— Как прекрасно, милая, — храбро ответила

мама. Тетя Лорна вздрогнула. Мама поглядела сквозь прозрачную крышку и слабым голосом добавила: — Бог мой, как много у нее детей. Может, им пора перебраться в дом побольше?

«Как нам?» — подумал Джин. — «Пусть у нас тоже так будет». Он с новым интересом поглядел на консула Форлынкина.

— Лейтенант Йоханнес сказал, что мне надо выпустить их в сад. — Мина наморщила лоб, явно решая, насколько это хорошая идея. За ее спиной Йоханнес разводил руками, очевидно намекая, что не желает делить консульство с сотней живых проворных паучков. Похоже, в чем-то Йоханнес слишком ограничен, подумал Джин.

— Отличное замечание, — тактично одобрил Форлынкин. — Полагаю, их паутина будет очень красиво смотреться на рассвете, вся в утренней росе.

Джину пришлось спешно читать лекцию о том, какие пауки плетут паутину, а какие — нет, и как зависит рисунок паутины от того, на какую жертву она рассчитана. Тем временем Мина отошла в сторонку, выбрала самые красивые цветы и выпустила на них все паучье семейство.

Йоханнес тихо пожаловался Форлынкину:

— Когда она сунула эту коробку мне под нос,

меня чуть не стошнило.

Форлынкин весело прищурился:

— Вот уж не знал, что ты страдаешь арахнофобией, Трев.

— Хочешь сказать, наш сад теперь *наводнят* гигантские пауки?

— На самом деле, — вмешался Джин, — большую часть склюют куры. — Йоханнес впервые покосился на птиц с живым интересом. — Только Мине не говорите.

— И не подумаю! — согласился Йоханнес и, вежливо кивнув маме и тете Джина, ушел в дом.

Не прошло и пяти минут, как задняя дверь снова хлопнула, правда, гораздо тише, и в сад вышел Ворон-сенсей. Джин никогда не был так рад новому лицу — взрослые как раз затеяли разговор про занятия в школе, которые он пропустил, и решали, что и когда с этим делать. Ворон-сенсей махнул всем рукой — Мина энергично замахала в ответ — и остановился у стола, вопросительно глядя на тетю Лорну.

— А-а. Сестра-сан?

Джин не думал, что в тете Лорне можно легко узнать старшую мамину сестру — она была ниже, полнее, с кудрявыми волосами и раздражительная. Хотя вся ее раздражительность куда-то

делась, когда она широко открытыми глазами уставилась на эскобарского хирурга. Форлынкин поспешил их друг другу представить, и тетя Лорна по-настоящему улыбнулась и пожала ему руку, а когда Ворон-сенсей повернулся поздороваться с Миной, шепнула маме:

— Ты не говорила, что твой доктор так выглядит…

— Привлекателен и функционален, — заметила мама. — Мне сказали, у его клиники серьезная репутация на Эскобаре.

На минуту консул Форлынкин наморщил лоб, словно решая, как лучше выглядеть — привлекательно или функционально, но остановился на варианте «дипломатично», который ему подходил больше всего.

Ворон-сенсей, вернулся к столу, полюбовавшись паучьим семейством, и по маминому кивку Джин уступил новому гостю свой стул. Он ничего не прогадал: теперь он стал у маминого плеча и прижался к ней, а она обняла его за талию. Лаки, поворчав, когда ее перестали гладить, спрыгнула с колен.

— Я решил, вы будете рады узнать, госпожа Сато, — начал Ворон-сенсей. — Прошлым вечером нам удалось вернуть мистера Кана и миссис

Хослу, и сегодня утром я провел оживление их обоих. Рад сообщить, осложнений никаких. Оба быстро заговорили, связно и вразумительно, а потом уснули. Как только у вас пройдет насморк, вы сможете поехать в криоцентр и увидеться с ними.

Джин почувствовал, как мама вздрогнула; она благодарно прикрыла глаза:

— Спасибо за прекрасную работу, доктор.

— В самом деле, — подтвердил консул Форлынкин. Он склонил голову, с беспокойством поглядывая на маму, и лишь когда она открыла глаза и расслабилась, откинулся на спинку стула. — А как скоро они смогут побеседовать с адвокатами и полицейскими следователями?

— Разумеется, несколько дней им придется провести в биологической изоляции, но я полагаю, что оправятся они почти так же быстро, как госпожа Сато. Уже завтра вечером они будут в состоянии вполне связно дать показания через интерком бокса-изолятора, однако для уверенности я назвал полиции в качестве срока послезавтрашнее утро.

— А что по поводу их физической безопасности?

— Об этом позаботилась мисс Куделка в рамках

системы безопасности новой клиники в целом. Она, оказывается, специалист по таким вещам. Вы знаете, что ее мать служила телохранительницей барраярского императора, когда тот был ребенком? Знания, которые ей дала Служба безопасности, она передала своей семье.

— Да, кажется, лорд Форкосиган рассказывал что-то такое перед своим отъездом. Похоже, он знаком с самыми разными людьми. Вполне можно ожидать, учитывая его происхождение.

— А что это за лорд как-бишь-его там? — не поняла тетя Лорна.

— Что или кто? — уточнил Ворон-сенсей. — Хотя, как я понял, для него две эти вещи неотделимы друг от друга.

— И то, и другое.

— Он расследует какое-то страховое мошенничество, — подсказал Джин. — Его босса зовут Грегор. Он часто про него говорил.

Форлынкин заморгал, Ворон-сенсей рассмеялся, а Джин смущенно переступил с ноги на ногу.

— А что не так? — спросил он.

— Ну… да, — Форлынкин снова улыбнулся. — Это император Грегор Форбарра. Лорд Аудитор по личному приказу императора расследует всякого рода мошенничества и, гм, прочие сложные

ситуации, которые могут нанести вред Империи. Он занимается этим на самом высоком уровне и практически бесконтрольно.

— Он как-то сказал про себя, «мое место — у стремени императора», — поделился Воронсенсей. — Я, правда, не совсем понял, что это означает: то ли стража, который скачет на лошади бок о бок со своим командиром, то ли человека, который придерживает ему стремя, когда тот садится в седло. В любом случае, на мой взгляд — очень барраярское выражение.

— Скорее первое, — прокомментировал Форлынкин. — Хотя и второе тоже не лишено смысла.

Мама с интересом склонила голову. Тетя Лорна вытаращила глаза.

— Я не знал, что он такой важный человек, — признался Джин, вспоминая, как впервые встретил оборванного, заблудившегося нарика. И как странно тот себя вел потом и болтал без умолку. Майлз-сан никогда не задирал нос и не важничал. С другой стороны, он всегда вел себя так, будто правила написаны не для него.

— Его отец, граф Эйрел Форкосиган — вице-король Сергияра, — объяснил Форлынкин заинтересовавшимся родственницам Джина, — а

его мать, знаменитая графиня Форкосиган — вице-королева; это ее собственный титул, а не в качестве супруги, они с мужем соправители. Вице-королевство стало венцом долгой карьеры графа Форкосигана на службе Империи.

— Майлзу трудно угнаться за таким образцом, — вставил Ворон.

Джин подумал про своего папу. Смерть навсегда заморозила его во времени, как не сможет никакая криозаморозка. В этих постепенно тускнеющих воспоминаниях Джину всегда будет семь лет. Не семнадцать, не двадцать семь и даже не какие-то непонятные тридцать восемь. На что это похоже, когда вы с папой оба взрослые? Странная, неуютная и привлекательная мысль.

— Королевство? — расслышала последнюю фразу Мина, которая подошла и прижалась к маме с другого боку. — Значит, папа Майлза-сан — принц?

— Вице-король — это… хм. — Форлынкин помолчал, подбирая слова специально для девочки. — Император Грегор не может находиться на трех планетах сразу. Поэтому он сам почти всегда живет на Барраяре, а на две остальные планеты посылает других людей, чтобы те представляли его власть. На Комарре это Имперский

Советник, а на Сергияре — вице-король вместе с вице-королевой. Это одна и та же должность, только называется она по-разному, потому что планеты сильно отличаются. — Он покосился на маму Джина, проверяя, нравится ли ей описание его родины.

— Значит, они вроде… императорских заместителей? — уточнил Джин.

Форлынкин одобрительно поднял брови.

— На самом деле, да. Только их назначают, и когда они отслужат свой срок, то уходят. А императорский титул — это своего рода пожизненный приговор. — Сухая усмешка скользнула по его губам.

— Получается, у Майлза-сан важная работа и важная семья, — решила проверить свои догадки Мина. Интересно, она сейчас снова думает про пони?

Тетя Лорна поморщилась:

— Наверняка важную работу ему и устроили эти самые важные родственники.

— Нет, — задумчиво опроверг ее предположение Ворон-сенсей. — Я считаю, что Майлз получил свою работу потому, что он — пронырливый хорек. Он вечно все вынюхивает, разыскивает… Чертов гиперактивный маньяк — вы, наверное,

и сами это заметили. — И откровенно добавил: — К счастью для меня и всего моего семейства.

— Ну-у… — неопределенно протянул Форлынкин. Очень дипломатично, отметил Джин.

Джин завистливо вздохнул:

— А я бы хотел хорька!

Мама чуть не подавилась. Форлынкин покосился на нее, на Нефертити, засунувшую нос в клумбу с фиалками, и возразил:

— Ты только что получил льва… почти льва. Может, пока хватит мечтать о пополнении своего зверинца?

Мина обвила маму обеими руками и положила голову ей на плечо. Мама крепко обняла ее в ответ. Вот самое настоящее желание, подумал Джин и оно исполнилось. Лучше, чем хорек. И даже лучше, чем лев.

Хотя… Джин представил себе хорька. Хорьки такие милые. А взрослых почему-то всегда легче уломать на милых и пушистых, чем на кого-нибудь с крыльями и множеством ног. Они такие нелогичные…

Взрослые заговорили про адвокатов, иски и злобных директоров «Нового Египта», которых всех арестовали, про мамин старый политический комитет и что с ним будет дальше… Они

могли говорить об этом *целыми днями*, что вообще-то и делали всю неделю с тех пор, как центр Сюзи-сан чуть было не сгорел. Джин отошел в сторону посмотреть на Нефертити. Мина, тоже заскучав, подошла к нему.

Сфинкс навис над клумбой белых и лиловых фиалок.

— Ой, нет! — закричала Мина. — Она их ест!

Джин, перепугавшись, как бы консул не рассердился за свои любимые фиалки — от которых, по правде говоря, остались только длинные стебельки — схватил сфинкса и, ругаясь, оттащил прочь.

— Еда-а, — пробормотала Нефертити сквозь кашу лавандовых лепестков во рту.

— Форлынкин-сан! — окликнула его встревоженная Мина. — А Нефертити не заболеет оттого, что наелась фиалок?

Мама испуганно сглотнула, одновременно смеясь. Форлынкин, кажется, был поставлен в тупик.

— Э… не думаю. Съедобные цветы иногда кладут в салат, и, по-моему, фиалки тоже. А еще их подают к столу засахаренными. Хотя, несомненно, надо быть осторожным, чтобы она не съела слишком много за один присест.

Джин и Мина облегченно расслабились — каждый по своей причине. Форлынкин-сан знал *много* всяких модных штучек. И он улыбался маме. А она улыбалась ему в ответ, что вообще-то в последнее время случалось не часто. Со всех сторон хороший человек, хоть ему и надо подучиться зоологии, если он… собирается с ними остаться.

Так что все здорово, решил Джин.

* * *

Майлз выбрал столик с краю балкона, выходящего на главную торговую галерею эскобарской пересадочной станции. Отсюда открывался головокружительный вид одновременно на толпу гуляющих двумя этажами ниже и — сквозь прозрачную стену наверху — на добрую часть усеянного звездами космоса и край самой планеты, переливающийся разным цветом и сверкающий огнями. Он сгрузил на стол три колбы с кофе, занял один стул и махнул Роику садиться на другой.

Оруженосец кофе взял, но сесть отказался, предпочитая стоять, прислонившись к балконным перилам, и наблюдать за всем, что творится вокруг. Увы, смотрелся он как раз телохрани-

телем, который прикидывается туристом. Роик недолюбливал такие открытые, хорошо простреливаемые места. А Майлзу же всегда нравилось сидеть в этом кафе, когда он бывал здесь проездом… эту часть пристроили к станции лет десять назад, вспомнил он.

Показался Марк, высмотрел его — точнее, Роика — в толпе, махнул рукой и подошел. Коммерческий рейс Майлза отбывал только через несколько часов, так что Марк не стал торопиться на свой посадочный катер, а задержался на станции, чтобы еще немного побыть с братом. С Кибо-Дайни они летели на одном корабле, и так долго им не приходилось бывать под одной крышей уже давно, хотя большую часть времени они провели порознь по своим каютам, составляя детальные указания для отправки коллегам, каждый своим. Что ж, увязнуть по уши в делах в своем роде неплохо. Куда лучше, чем, скажем, сойти с ума или умереть.

Марк присел, взял последнюю колбу, большим пальцем отщелкнул крышечку, сделал глоток и поморщился. Когда ему позволяло время, он делался гурманом, весьма разборчивым в еде и питье. Майлз подумал, что вкус не так уж и плох для станционного кофе. Из практических

соображений всегда стоит помнить, что есть ароматизаторы.

— Извини, что опоздал, — объяснил Марк. — В последний момент перед высадкой я получил сообщение от Карин и хотел прослушать его немедленно.

И к тому же в уединении своей каюты. Майлз понимающе кивнул. Марк оставил Карин и Ворона приглядывать за основанием новой клиники Дюрон, а заодно за тем, как пойдут дела у Джина. Марк же отправился на Эскобар прорабатывать детали с другого конца. Пусть временная, но разлука с партнером делала Марка раздражительным. Майлз подумал про Катерину и вздохнул.

— Хорошие новости или плохие? — поинтересовался он. Хотя случись что-нибудь по-настоящему скверное, ему бы пришло сообщение по сжатому лучу от Форлынкина.

— Неплохие. Карин сообщает, что Ворон успешно оживил двух пропавших друзей госпожи Сато, и они дали властям важные свидетельские показания. Судебный процесс против «Нового Египта» движется довольно быстро — по юридическим стандартам (по человеческим меркам это значит «со скоростью ползущего ледника»), но, по край-

ней мере, они явно стронулись с мертвой точки. Поскольку одним из пунктов обвинения является убийство, руководители «Нового Египта» остаются под арестом. Местные власти заключили с твоим приятелем Оки «сделку о признании вины» — или как это называется, когда сдают своих товарищей в обмен на самый легкий приговор? — В голосе Марка не прозвучало особенного неодобрения.

Слышавший все это Роик отсалютовал своей колбой с кофе и выпил. Оки был не самым плохим парнем в этой банде, как он убедился.

— Я надеюсь, мое имя в процессе не всплыло? — уточнил Майлз.

— Для них ты никто и звать тебя никак, — сообщил Марк и, увидев, как Майлз болезненно скривился, улыбнулся, точно жирная акула. — А Карин правда пришлось сесть на тебя верхом, только чтобы не допустить тебя до репортеров?

— Это была шутка, и она это знала, — сурово заверил его Майлз.

— Ну да, конечно.

— И что ты собираешься делать дальше?

— Я вывалю на Группу Дюрона длиннющий список работ, о которых они сейчас и понятия не имеют. И так же, несомненно, сделаешь ты

со своими подчиненными, когда доберешься до дома. Надеюсь, что уже через неделю группа поддержки для нашей первой дочерней клиники вне Эскобара соберется и тронется в путь. Что меня несколько утешает: Фува уже начал ремонтные работы. По моему опыту большинство подрядчиков столь же неторопливы, как и юристы. Карин сказала, что пока его работа выглядит неплохо, так что мы можем предоставить его компании новые заказы. Это самое меньшее, что я могу для него сделать.

— Насколько низко ты сбил его цену той ночью?

Марк самодовольно выпятил подбородок:

— Конфиденциальная информация. Как продавец он, конечно, разочарован, зато в компенсацию я собираюсь предоставить ему много подрядов на строительные работы.

— Держу пари, он попытается раздуть свои сметы.

— О, еще бы. — Марк отмахнулся, мол, само собой разумеется.

Интересно, отправить Марка выкачивать все соки из Кибо-Дайни — это адекватная месть за заговор «Белой Хризантемы» на Комарре? В целом, скорее да.

— А ты? — поинтересовался Марк. — Ты собираешься прямиком на Барраяр или остановишься на Сергияре повидать наших родителей?

Майлз потер костяшками пальцев губу и нахмурился.

— По дороге сюда спуститься на планету я категорически не успевал. Хотя и урвал минут двадцать, чтобы поговорить с матерью по прямой связи, с орбитальной пересадочной станции.

— И как она?

— Волнуется не больше обычного. Я обещал заехать к ним на обратном пути, но мое расследование затянулось на пару недель дольше планируемого срока — да, конечно, сам виноват. К тому же мне может понадобиться провести несколько дней на Комарре, чтобы помочь устроить ловушку для «Белой Хризантемы», а этого я тоже не планировал. Наверное, мне придется подождать, пока они сами не приедут домой на Зимнепраздник, если захотят в этом году. А вы с Карин там будете?

— Еще не уверен.

— Я думал, тогда ты бы мог самолично расхвалить свою новую процедуру нашему отцу-графу.

— Посмотрим, как она себя зарекомендует. К тому времени у нас уже должны будут про-

явиться предварительные результаты. Может, и отрицательные.

Немногие случайные прохожие оборачивались, глядя, как два почти одинаковых близнеца на мгновение очень похоже ссутулились на креслах друг напротив друга. Майлз и сам всегда глядел на своего клона с долей изумления.

— Ты чего? — переспросил Марк, приглашая брата-прародителя развлечь его разговором.

— Да вот… Подумал про дядю, которого мы никогда не знали. Старший брат нашего отца, погибший в той же резне, что унесла нашу барраярскую бабушку и стала первым днем войны Юрия Безумного. Кажется, ему было лет шестнадцать. Я просто подумал: как странно, у меня был брат, о котором я узнал, лишь когда вырос, а у отца — брат, которого все успели забыть к тому времени, когда вырос он. Тебе что-нибудь про него вообще рассказывали, когда натаскивали на знание Барраяра?

Марок пожал плечами:

— Имя, и только. А так на него времени не тратили. И без него слишком много всего нужно было выучить.

— Это почти все, что я вытянул из папы. Полагаю, это довольно тяжелый период в его жизни.

Может, если вы с Карин приедете на Зимнепраздник, мы объединенными усилиями зажмем его в угол и уломаем поделиться чем-то еще. Просто, похоже… никого, из тех кто знал этого человека, в живых больше не осталось.

Марк кивнул. — Договорились. Если мы приедем. Может оказаться интересно. Или страшно так, что волосы дыбом встанут.

— Или и то, и другое сразу. Я порой спрашиваю себя, как бы все могло сложиться по-иному, если бы он остался жив. Например, наш отец никогда не стал бы графом. Может, даже лордом Форкосиганом не был бы, если бы у его брата родился наследник прежде, чем умер дед. Он бы всю свою жизнь оставался лордом Эйрелом.

— Держу пари, он бы все равно сделал военную карьеру, — подумав, прибавил Марк.

— Возможно. А возможно, если бы ответственность за Дом легла на кого-нибудь другого, он бы чувствовал себя достаточно свободным и мог взбунтоваться. Выбрать что-то другое, стать кем-то другим.

— Ха, — только и ответил Марк.

Майлз выудил из кармана голокуб. К сожалению, не было повода снова его включить и показать Марку. Он и так это делал уже дважды.

— Вы с Карин пока не собираетесь заводить детей? Или заключать брак, — подумав, добавил Майлз.

Неформальное партнерство этой парочки, совершенно обыденное для Колонии Бета, оказалось сложно проглотить про-барраярским родителям Карин, но по прошествии нескольких лет Куделки-старшие, похоже, смирились. Три старшие сестры Карин были замужем, у каждой минимум по одному ребенку, поэтому о семейном давлении на нее речи не шло, в отличие, скажем, от того же Майлза.

— Дети меня пугают, — признался Марк. — У тебя в качестве ролевой модели был наш папа, а меня растил психованный комаррский террорист, который все время натаскивал меня быть тобою.

— Папа тоже изрядное время натаскивал меня быть мною, — ответил Майлз. — правда, здесь совсем другое дело.

Марк фыркнул:

— Еще бы.

«Сейчас мы можем на эту тему шутить», подумал Майлз, обрадованный и смущенный. «Долгий же мы прошли путь».

— У твоих детей будет двое родителей — не

забывай про Карин. А она одна из самых здравомыслящих людей, каких я знаю.

— Это точно, — признал Марк. — А чего ты больше всего боишься теперь, когда сам стал отцом?

— Что если… — Майлз оттянул прядку волос и скосил глаза, словно пытаясь разглядеть в ней седину, но стрижка у него все равно была слишком короткая. — Что если мои дети обнаружат, что никакой я не взрослый? Они будут страшно разочарованы?

Тут Марк не выдержал и расхохотался в полный голос. Прекрасный звук, подумал Майлз, и сочувственно усмехнулся.

— Думаю, твоя жена это уже выяснила.

— Боюсь, что так. — Майлз потеребил губу. — Хе. Как думаешь, Форлынкин и госпожа Сато — хорошая пара?

— Боже правый, мне-то откуда знать?

— Ну, он так на нее глядел… Вот насчет нее я не уверен. — Оттого Майлз испытывал сейчас к Форлынкину товарищеское сочувствие. И мысленно пожелал ему удачи

Роик замер, вглядываясь в галерею под ними.

— Что там такое? — спросил Майлз.

— Полковник Форвента. Интересно, что ему нужно.

Майлз перегнулся через перила и вытянул шею. Этот офицер, среди прочих своих обязанностей, отвечал на Эскобаре за передачу данных между барраярским посольством и основной пересадочной станцией. Майлз уже имел с ним дело, чаще, чем с его предшественниками. Полковник посмотрел наверх, увидел Роика, потом Майлза, махнул им рукой, точно прося подождать на месте, и двинулся к лифтам в конце галереи.

— Нас, держу пари. Или меня. — Разумеется, СБ уже знала, что их корабль прибыл.

— Тебя, я надеюсь, — заметил Марк. — Я с ним пару раз беседовал. По-моему, он мне не доверяет.

— Для барраярца он настоящий космополит, — сказал Майлз. — Один из папиных Новых Людей. Черт, надеюсь, он не притащил мне новую работу.

Хоть мысль и нежеланная, но от нее так просто не отделаешься. Если где-нибудь на другом краю обитаемой галактики разгорелся очередной лесной пожар, затрагивающий барраярские интересы, так вот он, самый известный пожарный Грегора, уже на полпути туда. Губы Майлза дрогнули. «Ну, уж нет, я только-только возвращаюсь. Я домой хочу!»

— Забавно, — заметил Роик по здравому размышлению. — Кажется, я никогда прежде не видел его в парадной форме.

Майлз тоже.

— Верно. Он всегда носит местную гражданскую одежду и старается не выделяться среди окружающих.

Но не сегодня. На Форвенте был темно-зеленый военный китель с высоким воротом и всеми наградами и знаками различия и зеленые брюки с красными лампасами, заправленные в начищенные до блеска высокие сапоги. Более неподходящий для космической станции наряд и вообразить сложно.

— Черт, какой у него щегольской вид. Интересно, в чем дело?

— Через минуту выясним. — Марк развернулся на стуле, глядя, как офицер пробирается к ним между столиками.

Чем ближе подходил Форвента, тем медленнее становился его шаг; он нацелился взглядом на свою предполагаемую жертву, хотя лицо его оставалось совершенно бесстрастным. Полковник остановился возле столика, серьезно кивнул Марку и Роику, вытянулся по стойке смирно и откозырял Майлзу самым официальным образом,

хотя тот был не в мундире, а в своих обычных серых брюках и пиджаке.

Посланник облизнул губы и обратился к нему:

— Граф Форкосиган, сэр?

ИТОГИ
Авторское послесловие
(Пять людей и пять драбблов — зарисовок по сто слов каждая)

1. Марк

Однажды Марк застрелил человека из нейробластера; он уже видел, как изумление в глазах сменяется пустотой, когда разряд выжигает мозг. Но почему же в памяти всплыло именно это черное воспоминание, когда он смотрел на Майлза, узнавшего о смерти их отца? Не прозвучало ни жужжания, ни треска выстрела; всего лишь три тихих слова.

Прошло какое-то время, пока Марк менял билеты, и внезапно он понял, что в ту секунду действительно видел смерть. Как будто лорд-наследник и граф, его отец, были единым тандемом, и теперь лорд Форкосиган умер. Его прежняя жизнь безвозвратно утекла прочь в ту долю секунды, когда кровь отхлынула с лица Майлза.

2. Майлз

Граф Форкосиган уставился на свое отражение в зеркале. — Черт.

«Черт. Черт. Черт…»

— Вы в порядке, м'лорд? — встревоженно окликнул его Роик из каюты корабля-курьера.

— Разумеется, я не в порядке, идиот! — рявкнул Майлз и добавил уже тише: — Извини. Извини. Я себя чувствую так, словно у меня вытащили мозг, и в черепной коробке не осталось ничего, кроме уходящих в позвоночник оборванных нитей. Боже мой. *Теперь-то* нам зачем спешить? Мы что, можем куда-то опоздать?

— Графиня… э, вдовствующая гра… ваша мать ждет вас на Сергияре.

— А, — пробормотал граф. — А-а. Извини.

— Мы справимся с этим, м'лорд.

3. Корделия

Не Корделия обнаружила его, но именно ей пришлось принимать решение. Аневризма мозгового сосуда, теплый день, прошло целых два часа — слуги были уверены, что седовласый мужчина просто заснул в кресле, как это часто

бывало после обеда.

Голос Майлза звучал резко и измученно. — Неужели ты не могла все равно провести криоподготовку? Технологии развиваются, и…

— Очнуться без разума и памяти, с разорванной в клочья душой? Он как-то сказал мне: ни один человек не захотел бы влачить такую жизнь.

Хотя, возможно, проснуться с бременем неповрежденных воспоминаний было бы для него не менее ужасно. Сможет ли Майлз когда-нибудь это понять?

«Мичман Дюбауэр. Прости».

4. Айвен

Государственные похороны длились целую тяжкую, изнурительную неделю. Айвен смотрел, как Майлз поднимается на трибуну, чтобы произнести речь. Грегор предоставил ему лучших спичрайтеров; Майлз перечеркал все ими написанное. И все же у Айвена перехватило дыхание, когда Майлз стиснул бумаги в дрожащем кулаке и едва не отшвырнул их прочь, чтобы выплеснуть свои выстраданные слова экспромтом, без подготовки.

Тут взгляд Майлза остановился на его детях, растерянных и неуверенных, стоящих в первом

ряду вместе с матерью и бабушкой. Он помедлил, разгладил бумаги и начал читать. Речь нового графа была именно такой, как нужно; многие плакали.

«Но что бы произнес тот, прежний Майлз?» задумался Айвен.

5. Грегор

На скромное погребение в Форкосиган-Сюрло собралось около сотни человек. Могила была двойной, но разверстая яма зияла лишь с одной стороны; земля ждала, словно супружеское ложе. Гроб несли шестеро: конечно, Айвен, Иллиан и Куделка; от Комарры — Дув Галени, от Сергияра — адмирал Джоул. И еще один человек.

Леди Элис, которой здравым рассудком были обязаны все присутствующие, заметила, что место Грегора — вместе со скорбящими близкими.

— Этот человек был мне опорой с тех пор, как мне исполнилось пять, — ответил ей император Барраяра. — Теперь моя очередь.

Она уступила дорогу Грегору, и тот шагнул вперед, чтобы подставить плечо под гроб.